ВІЦЕБСКІЯ СТАРАЖЫТНАСЦІ

УПРАЎЛЕННЕ КУЛЬТУРЫ ВІЦЕБСКАГА АБЛВЫКАНКАМА
УСТАНОВА КУЛЬТУРЫ
«ВІЦЕБСКІ АБЛАСНЫ КРАЯЗНАЎЧЫ МУЗЕЙ»

ВІЦЕБСКІЯ СТАРАЖЫТНАСЦІ

Матэрыялы навуковай канферэнцыі,
прысвечанай 50-годдзю
знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску
і
150-годдзю
з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага

Віцебск, 22 — 23 кастрычніка 2009 г.

Мінск
«Медысонт»
2010

УДК 94(476)(082)
ББК 63.3(4Беи)я43
В54

Друкуецца па рашэнню Навукова-метадычнага савета ВАКМ

В54 **Віцебскія старажытнасці** : матэрыялы навук. канф., прысвеч. 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, 22 — 23 кастр. 2009 г. , Віцебск / рэдкал. Г. У. Савіцкі [і інш.]. — Мінск : Медысонт, 2010. — 320 с.

ISBN 978-985-6887-90-4

У зборнік уключаны даклады і паведамленні навуковай канферэнцыі, прысвечанай 50-годдзю знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага, якая адбылася 22 — 23 кастрычніка 2009 г. у Віцебскім абласным краязнаўчым музеі.

Выданне прызначана гісторыкам, музейным работнікам, мастацтвазнаўцам, краязнаўцам, студэнтам.

УДК 94(476)(082)
ББК 63.3(4Беи)я43

ISBN 978-985-6887-90-4

У жніўні 1959 года трыццацігадовы экскаватаршчык Яўген Фралоў удзельнічаў у працах па расчыстцы пляца Свабоды ў Віцебску ад рэшткаў разбуранага Мікалаеўскага кафедральнага сабора. Яго ўвагу прыцягнуў маленькі, згорнуты ў трубачку кавалак бяросты, які ён перадаў у краязнаўчы музей.

Гэтая выпадковая знаходка стала сенсацыяй — першай берасцяной граматай, выяўленай на тэрыторыі Беларусі.

Культура Беларусі набыла выбітны помнік дзякуючы чалавеку, па роду сваіх заняткаў далёкаму ад навукі, але неабыякаваму да мінулага. Гэтая рыса радніць яго з выдатным калекцыянерам, першым дырэктарам Віцебскага губернскага музея Антонам Брадоўскім. Апантаны збіральнік старажытнасцяў даў пачатак першаму дзяржаўнаму музею ў Віцебску, яго разнастайныя калекцыі і зараз складаюць каштоўную частку збору музея.

У рамках святкавання 50-годдзя знаходкі берасцяной граматы і 150-годдзя з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага 22 — 23 кастрычніка 2009 года ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі адбылася навуковая канферэнцыя, у якой прынялі ўдзел гісторыкі, археолагі, краязнаўцы, архівісты, супрацоўнікі музеяў, студэнты і аспіранты, якія прадстаўлялі навуковыя і музейныя ўстановы Беларусі і Латвіі.

Даклады, якія прагучалі на канферэнцыі, былі прысвечаны апошнім вынікам археалагічных даследаванняў на Віцебшчыне, важным пытанням вывучэння гістарычнай спадчыны, сацыяльна-палітычнага, эканамічнага і культурнага развіцця рэгіёну, гісторыі развіцця музейнай справы і краязнаўства.

О. Н. Левко (Минск)

ДРУЦКИЕ КУРГАННЫЕ МОГИЛЬНИКИ. ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Курганные могильники являются неотъемлемой составляющей историко-культурного комплекса древнего Друцка. Они отражают духовную культуру и верования того населения, которому принадлежали на протяжении IX – XII вв. Кроме того, вещевой материал, полученный при раскопках могильников, позволяет судить о социальном положении погребенных, а погребальный обряд — об их этнической принадлежности. На этнос населения указывают и погребальные урны в ранних захоронениях.

Исследования летописного Друцка начаты со второй половины XX в. Л. В. Алексеевым, осуществлялись им в 1956 – 1962, 1965 и 1967 гг. После перерыва более чем в 30 лет раскопки на территории древнего города продолжены автором данного доклада. В 1999 – 2000 гг. были впервые проведены исследования на территории посада и окольного города, заложен новый раскоп на городище, сделана прорезка между валами городища и окольного города [7, с. 87 – 113]. Полученные материалы легли в основу экспозиции создававшегося к 1000-летию Друцка Толочинского историко-краеведческого музея. В 2006 г. Толочинский районный отдел культуры обратился в Институт истории НАН Беларуси с просьбой о разработке охранной зоны культурного слоя в целях подготовки историко-культурных объектов Друцкого комплекса к музеефикации под открытым небом. Такая идея основывалась на том, что Друцк — один из немногих древнейших городов Беларуси, хорошо сохранивших первоначальные оборонительные валы и рвы детинца и окольного города, значительную территорию неукрепленного посада, свободную от застройки. В целях выявления новых объектов исследования с 2007 г. автором доклада возобновлены разведочные работы в окрестностях Друцка, продолжено изучение территории посада. В данных исследованиях участвуют сотрудники Института истории А. В. Войтехович, П. М. Кенько, студенты Витебского государственного университета, проходящие археологическую практику. Систематизация вновь полученных материалов вместе с известными по литературе данными позволила прийти к выводу о наличии в окрестностях основных укрепленных поселений древнего Друцка нескольких групп погребальных памятников, тесно связанных с разными этапами жизни на данном поселении.

Могильник 1. По данным 1873 г., на левом берегу р. Друть, напротив городища, которое занимает северную окраину современного агрогородка Друцк, насчитывалось 48 курганных насыпей [8, с. 45]. В 1930-х гг. их уже было 11 [5, с. 190], а к 1960-м гг. оставалось 8 курганов [1, с. 29]. Л. В. Алексеев дает их привязку «в 500 м к востоку от детинца на той стороне реки» и называет ближайшим к ним населенным пунктом д. Синчуки. Плана размещения курганной группы нет, однако местные жители показывают существующую на противоположном от городища берегу Друти высотку, где были распаханы курганы. Судя по сохранившимся фотографиям местности в альбоме (приложение к отчету Л. В. Алексеева), именно здесь проводились раскопки данного могильника [3, с. 51 – 52]. Как видно из публикации, исследованы три кургана, из которых один был пустым, а в двух других выявлены погребения по обряду кремации в горшках, поставленных на подсыпке в деревянном срубе (фото 1). Исходя из обряда погребения и формы погребальных урн, данные курганы возможно датировать IX – X вв. и соотнести их с догородским периодом существования Друцка как племенного центра [6, с. 8].

Могильник 2. В 2007 г. автором данного доклада на северо-западной окраине д. Синчуки Толочинского района, которая входит в состав сельскохозяйственного производственного кооператива «Друцк-АГРО», были выявлены два полусферических кургана. Курган № 1 высотой 2 м и диаметром 7 – 8 м расположен в огороде гражданки Шеленковой Софьи Андреевны (дом № 15). Он имеет хорошую сохранность, не поврежден. Курган № 2 высотой 2 м и диаметром 6 м находится на улице между домами № 13 (нежилой) и № 15 (рядом со старым колодцем). Насыпь испорчена со стороны дома № 15 ямой возле подошвы кургана. Со слов С. А. Шеленковой, в яме были найдены человеческие кости. С северо-западной стороны на кургане растет береза (фото 2). Раскопки курганов не производились. Судя по предварительным данным, эти курганы можно датировать XI – XII вв.

Могильник 3 расположен на правом берегу Друти в направлении д. Дубовое (на северо-запад от городища). В 1930-е гг. насчитывалось 20 насыпей. По данным, которые привел Г. В. Штыхов [9, с. 81], курганы были распаханы в те же 1930-е годы. По сведениям Л. В. Алексеева, три из них были повреждены колодцами, но еще существовали в 1950 – 1960-е годы. Как установлено в 2009 г. О. Н. Левко и П. М. Кень-

ко, два кургана находятся на поле и один в лесу. Их высота более 2 м при диаметре около 12 – 14 м. Сохранность удовлетворительная.

Могильник 4 выявлен О. Н. Левко и П. М. Кенько в 2008 г. на север от укреплений городища и окольного города Друцка. Один курган наполовину снесен карьером. Его высота около 0,7 м, диаметр приблизительно 3 м. В карьере найдены железный нож, фрагменты костей. В срезе кургана видна прослойка пепла. Еще один курган тех же размеров находится на краю возвышенности возле карьера (фото 3). Третий курган размерами 20 х 11 м при высоте около 2 м был раскопан экспедицией Института истории НАН Беларуси в 2008 – 2009 гг. (исследовали его О. Н. Левко, А. В. Войтехович, П. М. Кенько). В насыпи кургана найдены 38 погребений, ориентированных головой на запад. Хорошую сохранность имели 8 погребений, остальные сохранились фрагментарно. Некоторые костяки достигали значительной длины (около 2 м). При расчистке двух костяков найдены шиловидные наконечники стрел, что свидетельствует о насильственной смерти. Двое умерших находились под надгробьями из плит, положенных на боковые опоры и выполненных из песчаника. Одна плита хорошо обработана (имела закругленные концы, а посредине продольный выступ) и напоминает своей формой щит (фото 4). Толщина плит достигает 11 см. Следов гробов, за исключением погребения на глубине примерно 0,5 м под обработанной плитой, не выявлено. Погребения из кургана 1 принадлежат к разным социальным слоям. Так, еще один погребенный находился, возможно, в деревянном гробу на каменных подставках и над некоторыми из погребенных зафиксирована вымостка из небольших камней. У ряда погребенных никаких следов гробов или иных признаков способа обозначения захоронения не найдено. На нескольких костяках найдены фрагменты воротников и тканей с золотым шитьем византийского образца, а также грушевидные пуговицы с позолотой, одна из них серебряная. Рядом с некоторыми погребенными выявлены фрагменты горшков. Весь наличный материал предварительно можно отнести к XII – началу XIII вв. Все погребения единовременны и представляют собой коллективную могилу, хотя и различаются способом захоронения.

Неизвестно, с какими из существующих могильников нужно соотносить упомянутые в работах Л. В. Алексеева «достаточно высокие насыпи» возле Старого и Нового Друцка, т. к. сейчас на месте этих деревень находится агрогородок. Интерес представляет информация Л. В. Алексеева о погребальных памятниках на территории д. Друцка и ее окрестностей, которые связаны с городским и замковым периодами (XI – XVI вв.). Л. В. Алексеев ссылается на исследования А. Д. Ковалени в 1930-е гг. «обреза» кургана, расположенного вблизи городища на территории усадьбы Кваченко, где были выявлены кости с прослойкой пепла под ними. Л. В. Алексеев также произвел исследование «за рвом, неподалеку от выезда из острога», где в 1956 г. в строительной траншее были найдены многочисленные кости, а «местный житель А. Кухлевский, копая тогда же погреб, обнаружил захоронения людей и несколько стеклянных бусин». Л. В. Алексеевым в шурфе 5 х 5 м рядом с усадьбой А. Кухлевского были найдены погребения с могильными ямами, которые не доходили до материка и не имели вещевого материала [2, с. 157]. Очевидно, речь идет о грунтовом могильнике, датируемом не ранее XII – XIII вв.

Систематизировав сведения о погребальных памятниках на территории древнего Друцка и его ближайших окрестностей и проанализировав имеющуюся информацию о характере захоронений в них, можно сделать следующие выводы.

Безусловно, самым ранним среди друцких могильников является тот, в котором произведены захоронения по обряду кремации. На территории Толочинского района курганы с трупосожжениями раскапывались неоднократно. Выявленный в них вещевой материал свидетельствует о неоднородности населения данного региона в IX – XI вв. Начало формирования Друцкой волости связано с племенной эпохой, когда обозначилось ее ядро. Какое же население преобладало в это время на данной территории? Раскопки укрепленных поселений на друцких волоках, как и курганных могильников, показали, что для IX – X вв. характерны округлобокие сосуды, подправленные или выполненные на гончарном круге. Одни из них имеют высокое прямое горло (Киселли, Дроздово), другие заканчиваются карнизиком, или «манжетообразным» венчиком, встречаемым в нижнем слое Друцка и в Дроздовском могильнике. Такие же сосуды выявлены и в друцких курганах с трупосожжениями, которые раскапывал Л. В. Алексеев и привязал их к д. Синчуки (могильник 1). Элементы погребальных сооружений, выявленных в насыпи этих курганов (деревянные срубы или ящики высотой в один венец, внутри которых находились урны с костями) встречаются у носителей культуры типа Лука-Райковецкая, распространенной по правобережью Днепра. Керамические формы этой культуры эволюционируют от пражско-корчакских древностей, а некоторая округлобокость форм привнесена влиянием пеньковской культуры. На наиболее

поздних лука-райковецких памятниках зафиксирована круговая посуда с «манжетообразным» венчиком [4, с. 181, 183, 186]. Вероятно, что поселения на друцких волоках последней четверти 1 тысячелетия н. э. принадлежали населению, распространившемуся здесь из более южных регионов и составившему основу Друцкой волости. Как показывают материалы не только друцкого могильника, но и самого близкого к нему могильника с трупосожжениями у д. Арава Круглянского района, это население было достаточно однородным в IX – X вв. Ситуация меняется с конца X в., когда в могильниках с трупосожжениями (Дроздовский могильник) на друцком волоке появляются кривичские височные кольца с завязанными концами и другие характерные для кривичей вещи и украшения. В то же время курганные насыпи в данном регионе называют «копцами», а не «волотовками», как у полоцких кривичей. Вторым любопытным штрихом является наличие топонимов «межа», «межеево», «смоляне», «смолянцы» на водоразделе Днепра и Западной Двины в современных Лепельском, Чашникском, Сенненском, Оршанском районах. Эти топонимы могут свидетельствовать о пограничье между полоцкими кривичами и смоленскими, занявшими территорию Оршанского и в т. ч. Друцкого Поднепровья в конце X в. Следовательно, Друцкая волость с центром в Друцке формируется на основе южнорусского населения культуры лука-райковецкой IX – X вв. и смоленских кривичей, появившихся здесь в конце X в. Логичным выглядит и последующее окняжение данной территории киевским князем Владимиром Святославичем, чьи знаки выявлены на днищах горшков на территории Друцкого посада в 2008 и 2009 гг. (фото 5). Из вкладной записи Друцкого евангелия XIV в. известно, что в 1001 г. в «граде» Друцке построен храм св. Богородицы, т. е. на территории Друцкой волости начинает распространяться христианство. И действительно, с начала XI в. в курганных могильниках на территории Толочинского района уже преобладают погребения по обряду ингумации. Кремация встречается крайне редко. Наверное, могильники, обнаруженные нами на территории д. Синчуки, в одном из которых хозяйка дома № 15 подрыла погребение, относятся уже к этому периоду.

Летописи не оставляют сомнений в том, что в XI – XII вв. Друцк входил в состав Полоцкой земли. Сначала он был под рукой минского князя Глеба, на которого неоднократно ходили войною южнорусские князья. Затем, с 30-х гг. XII в., становится центром самостоятельного удела, основанного Борисом Всеславичем и принадлежащего его потомкам. Нижний слой на территории окольного города, в котором выявлены материалы, соответствующие племенному периоду существования Друцка, содержит следы пожара. Следы пожара этого времени выявлены и на городище Лукомля, куда полоцкие кривичи пришли в конце X в. Передел племенных территорий, ставших волостями в составе государственных образований, устанавливавших между собой границы, неизбежно приводил к вооруженным столкновениям. События времени перехода от племенного к раннегосударственному этапу существования поселений в белорусском Верхнем Поднепровье и периода становления раннесредневековых уделов лежат в основе ряда военно-политических конфликтов, которые проявились в Восточной Европе в конце XI – XII вв. Из летописей мы узнаем лишь об отдельных походах князей, несших опустошение городам, кровавые расправы с населением. Трудно пока сказать, с какой трагедией в жизни Друцка связано коллективное погребение в кургане, исследованном в 2008 – 2009 гг. Ясно лишь то, что эти люди, кем бы они ни были (местными жителями, или завоевателями), погибли в результате военного столкновения.

Малочисленные находки вещевого материала все же указывают на то, что социальный статус похороненных людей был не одинаков. Видимо, рядом со знатью похоронены дружинники и представители обслуги. Можно предположить, что некоторые из похороненных — дети. Для более определенных выводов о времени произошедшего события нужны дополнительные исследования предметов, обнаруженных в насыпи, перекрывающей погребальный костер, тканей, выявленных у погребенных. Наконец, требуется тщательное изучение костных останков. Конечно, некоторые предположения можно сделать уже сейчас. Если погребения относятся к XII в., чему не противоречат находки керамического материала рядом с погребенными и в насыпи кургана, то это результат походов 1116, 1127, 1158 или 1180 гг. на Друцк как южнорусских войск, так и отрядов полоцких князей. Если же насыпь содержит погребения XIII в., то они могут относиться к периоду подчинения данной территории литовским князьям.

Литература и источники

1. Алексеев, Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины (Материалы к археологической карте Витебской области БССР) / Л. В. Алексеев // Труды Прибалтийской Объединенной комплексной экспедиции. — Москва : Изд-во АН СССР, 1959. — Т. 1. — С. 273 – 315.

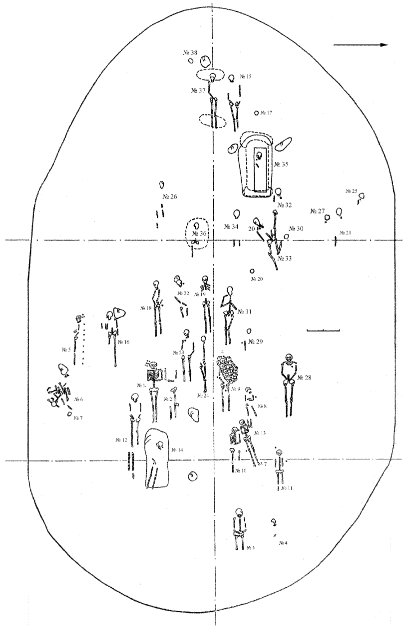
2. Алексеев, Л. В. Полоцкая земля (очерки истории северной Белоруссии). — Москва : Наука, 1966.
3. Алексеев, Л. В. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии / Л. В. Алексеев, З. М. Сергеева // Краткие сообщения Института археологии. — Москва, 1973. — Вып. 135.
4. Археология Украинской ССР : в 3 т. — Киев, 1986. — Т. 3.
5. Каваленя, А. З. Археалёгічныя росшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяж-Бук і Лукамкі / А. З. Каваленя // Працы Сэкцыі археолегіі інстытуту гісторыі Беларускай Акадэміі навук. — Мінск, 1932. — Т. 3.
6. Левко, О. Н. Друцк и Друцкая волость / О. Н. Левко // Древнему Друцку 1000 лет : материалы научн. -практ. конф. — Витебск, 2001.
7. Ляўко В. М. Новыя археалагічныя даследаванні Друцка і яго акругі // Друцк старажытны. — Мінск, 2000.
8. Спицын, А. А. Сведения 1873 года о городищах и курганах / А. А. Спицын // Известия Археологической комиссии. — 1903. — Вып. 5.
9. Штыхов, Г. В. Археологическая карта Белоруссии. — Минск, 1971. — Вып. 2.

А. В. Войтехович (Минск)

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД КУРГАНА С МАССОВЫМ ЗАХОРОНЕНИЕМ У АГР. ДРУЦК (ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ)

Курган находится за 0,5 км на северо-запад от Друцкого замка. Он расположен на крутом возвышении, большая часть которого уничтожена карьером, по словам местных жителей, во время разработки карьера встречались многочисленные человеческие кости. Возможно, этот одиночный курган является остатком некрополя г. Друцка.

Насыпь имеет форму овала со следующими пропорциями: длина по линии запад — восток — 18,5 м, ширина по линии север — юг — 11,5 м. Высота 2 м.



В результате изучения выяснилось, что насыпь кургана имеет следующую структуру. Под дерновым слоем прослеживается темно-серая прослойка толщиной 0,2 — 0,4 м. Она переходит в слой светло-серого цвета, насыщенный археологическим материалом (фрагменты керамической посуды, изделия из железа, цветного металла, стекла). Мощность этого слоя колеблется от 0,2 до 0,5 м. В центральной части кургана эти прослойки не имеют четко выраженной структуры, а перемешаны между собой, тут встречается как мусор XX в. (обрывки полиэтиленовой пленки, куски бетона, осколки бутылок, дверца от почтового ящика), так и фрагменты посуды XIX в., монета XVII в. Видимо, в эту часть кургана закапывали мусор, в результате чего некоторые вещи с поверхности кургана могли попасть в саму насыпь.

На глубине 0,7 — 0,8 м от поверхности кургана прослеживается мощная пепельно-угольная прослойка толщиной 0,1 — 0,3 м, местами до 0,4 м. Размер прослойки по линии запад — восток — 15,6 м, по линии север — юг — 4,8 — 6,5 м.

Остальная часть насыпи состоит из плотного светлого суглинка, в котором встречаются угольные вкрапления. В этом слое были обнаружены многочисленные погребения, совершенные способом ингумации. Всего выявлены погребения 38 человек.

В результате изучения расположения скелетов в насыпи можно выделить несколько уровней и групп погребений.

Первый погребальный уровень расположен ниже дневной поверхности того времени. Погребение № 35 было совершено в могильной яме, которая размещалась в северо-западном секторе кургана. Размеры ямы составляют 1,8 м по линии запад — восток и 1,2 м по линии север — юг, глубина 0,5 м. На дне прослеживались контуры истлевшего гроба прямоугольной формы, размером 1,3 х 0,4 м. В пределах этих контуров обнаружен детский череп и фрагмент кости руки. Возле челюсти найдена шаровидная полая позолоченная пуговица. После засыпания ямы над могилой была положена каменная плита, установленная на двух основаниях, которые в свою очередь поставлены на фундамент из камней. Размеры оснований 86 х 52 х 20 см и 98 х 48 х 20 см. С внешней стороны оснований выбиты пазы глубиной 5 см. В пазы была вложена плита, размеры которой составляли по линии запад — восток 1,55 м, север — юг — 0,66 м, толщина 12 см. Внешняя сторона плиты была тщательно обработана. Вдоль оси плиты имелся выступ шириной 8 см, высотой 4 см. Плита и основания были изготовлены из песчаника. Таким образом, внешняя сторона плиты оказалась на уровне 0,4 м над дневной поверхностью.

Второй погребальный уровень, I группа (глубина 2 — 1,6 м), включает в себя двенадцать погребений (№№ 15, 17, 27, 28, 30—34, 36, 37, 38), которые непосредственно связаны с погребением № 35 в могильной яме. Погребения №№ 15, 17, 37, 38 размещались с юго-западной стороны плиты, №№ 30, 32, 33, 34 — с восточной, № 36 — с юго-восточной, № 27 — с северо-восточной. Погребения №№ 28 и 31 находились достаточно далеко от восточного основания плиты (4,8 и 2,5 м).

Все скелеты лежали на спине головой на запад, кроме погребения № 33, которое было ориентировано головой на юго-запад (азимут 240°), тело было согнуто в пояснице. Правая берцовая кость скелета сломана, голень левой ноги неестественно вывернута в направлении северо-запада. В области шеи найдены фрагменты ткани и пуговица. Руки у умерших, судя по сохранившимся останкам, были сложены на животе или груди.

У погребений №№ 27, 28 найдены фрагменты ткани, а в области груди погребения № 32 находился железный наконечник стрелы.

Таким образом, погребения первого уровня и I группы второго уровня размещались полосой, вытянутой вдоль западно-восточной оси будущего кургана, преимущественно в западной его части. После того как тела были засыпаны, образовалась насыпь размером приблизительно 10 х 5 м и высотой 0,4 м. Затем поверхность этой насыпи и площадь основания будущего кургана были выжжены. Следы этого выжигания фиксируются в виде прерывистой зольной прослойки, толщина которой достигала 10 см. На ней начинали проводить захоронения второй группы.

Второй погребальный уровень, II группа (глубина 1,8 — 1,6 м), включает в себя тринадцать погребений (№№ 3 — 7, 12, 13, 14, 16, 18, 21, 25, 29).

Эти захоронения в основном концентрируются в восточной части погребальной площадки. Погребенные лежат на спине головой на запад, руки перекрещены, как и в первой группе. Только погребение № 13 имело отклонение на юг (азимут 240°), кисть правой руки находилась на груди, а левой — на правом плече. Из II группы выделяется погребение № 14, перекрытое на более высоком уровне каменной плитой. Оно расположено в юго-восточном секторе кургана на глубине 1,8 м. Скелет практически не сохранился. Однако можно судить о том, что покойник был положен на спину головой на запад, как практически все погребения этой группы. Между нижней челюстью и затылком найден фрагмент узорчатой ткани, расшитый золотыми нитями, в области груди — наконечник стрелы, и также три бронзовые пуговицы с позолотой. У южного края кургана найдено скопление костей человека без какого-либо анатомического порядка (погребение № 6). Кости были разбросаны на площади 0,6 х 0,6 м. Около этого погребения с восточной стороны находился череп ребенка диаметром около 15 см (погребение № 7). А с западной стороны был найден валун 0,2 х 0,3 м, возле которого, со стороны погребения № 6, были положены фрагменты гончарного горшка, фрагмент этого же горшка был найден среди костей погребения № 6.

Недалеко от этих останков выявлено погребение № 16, на левом плече которого лежал камень размером 35 х 0,35 м. Этот камень являлся частью каменного основания с пазом, подобного на основание, поддерживающее плиту над погребением № 35.

В конце этого этапа восточная часть насыпи была доведена до уровня 0,4 м, а затем погребальная площадка была выровнена до высоты 0,5 м, видимо, по всей площади будущего кургана. Именно с этой отметки начинают проводить захоронения третьего уровня.

Третий погребальный уровень (глубина 1,5 — 1,4 м.). На этом уровне насчитывается восемь погребений (№№ 2, 10, 19, 20, 22—24, 26).

Погребения этого уровня в основном совершены в центральной части кургана.

Большая часть скелетов лежит на спине головой на запад, положение рук четко не прослеживается, только у погребения № 10 кисть левой руки находилась на животе, правой — у подбородка. Череп погребения № 22 лежал на камне. Необычную позу имело погребение № 24. Скелет размещался на правом боку головой на запад, лицом на юг. Руки и ноги вытянуты. У погребения № 2 отсутствовала голова.

Также у западного края погребальной площадки, практически в центре, на глубине 1,56 м был установлен валун 0,3 х 0,4 м. В результате засыпания погребений третьего уровня высота насыпи была доведена до высоты 0,7 м. На этой поверхности были проведены захоронения остальных покойников.

Четвертый погребальный уровень (глубина 1,3 — 1,2 м). На этом уровне выделяются четыре погребения (№№ 1, 8, 9, 11). Они были положены ближе к восточному краю погребальной площадки.

Скелеты лежат головой на запад на спине, положение рук прослеживается только у погребения № 1 — сложены на груди.

На этом уровне над некоторыми погребенными были размещены каменные элементы. Непосредственный контакт с камнями имело только погребение № 9. Верхняя часть скелета, от черепа до начала тазовых костей, была завалена камнями, свободной оставалась только правая рука и правая сторона живота.

Над погребением № 37 были установлены два каменных основания, аналогичные основаниям под плитой над погребением № 35. Их размер 78 х 30 х 20 см. и 78 х 32 х 20 см. Западное основание находилось как раз над головой погребенного. Пространство между основаниями заполнено следами древесного тлена, верхняя часть которого перемешана с угольками. Скорее всего, на эти основания была положена деревянная плита.

Над погребением № 14 была положена каменная прямоугольная плита, ориентированная по линии запад — восток. Ее размеры: длина 1,82 м, ширина 0,62 м, толщина 0,1 см. На внешней стороне плиты имелись следы обработки. Притом если само погребение имело отклонение на север, то плита была ориентирована довольно строго.

Над погребением № 36 обнаружена каменная вымостка, сложенная из камней размером от 20 см до 5 см. Ее размеры по линии запад — восток — 0,9 м, север — юг — 0,8 м.

Также в восточной части насыпи были положены несколько валунов, но прямой связи с погребениями они не имеют.

Таким образом, получился курган высотой около 1 м, на поверхности которого выступали каменная и деревянная плиты, каменная вымостка, куча камней и отдельные камни.

Однако со временем возникла необходимость досыпать этот курган. Из-за чего это потребовалось, сказать тяжело, в связи с оползанием насыпи и воздействием атмосферных явлений могли обнажиться верхние захоронения, либо досыпание преследовало какие-то ритуальные цели — неизвестно. Срок же между этими этапами насыпания кургана, на наш взгляд, не превышает 100 лет.

Первоначально поверхность кургана была выжжена. Следы костра перекрывают все выступающие каменные конструкции, судя по наличию углей в верхней части древесного тлена над погребением № 37, верхняя часть деревянной плиты также горела. На расстоянии 0,4 м на юг от плиты над погребением № 14 выявлены две обугленные плашки лежащие параллельно друг другу по линии запад — восток. Затем произошло досыпание кургана суглинком, который отличается от суглинка погребальной насыпи отсутствием угольков, культурным слоем и землей.

Безусловно, описанный курган является местом массового захоронения, причем все погребения одновременны, о чем свидетельствует в первую очередь размещение каменных элементов значительно выше самих погребений. Наличие людей, убитых стрелами, может свидетельствовать о том, что погребенные в этом кургане являются жертвами военного конфликта.

Необычным также является наличие каменной плиты над погребением № 35 и то, что в отличие от других каменных элементов она была спрятана внутри насыпи. Видимо, ребенок, погребенный под ней, являлся представителем знатного рода. А люди, похороненные вместе с ребенком (второй уровень, I группа), принадлежат к его окружению. Примечательно, что и рост некоторых погребенных этой группы выделяется на фоне остальных (1,75 — 1,93 м). У трех умерших этой группы были тканные золотыми или серебряными нитями повязки или воротники, а из числа остальных погребенных подобная деталь была найдена только у одного (погребение № 14). Все это указывает на элитарность первой группы захороненных по отношению к остальным.

Найденный курган, безусловно, является христианским погребальным памятником, предварительная дата возведения которого может быть ограничена XII в.

П. М. Кенько (Минск)

ВЕЩЕВОЙ КОМПЛЕКС КУРГАНА С МАССОВЫМИ ЗАХОРОНЕНИЯМИ ЖИТЕЛЕЙ ДРУЦКА

Вещевой комплекс из кургана № 1 можно разделить на находки, найденные сразу под дерном, находки, найденные в насыпи и находки из погребений.

Среди находок, обнаруженных сразу под дерном, преобладали вещи XIX – XX вв., части обуви, детали одежды, почтовый ящик, мелкие фрагменты керамики XIX в. и т. д. Встречались также и предметы XVII в., билоновый солид Сигизмунда III Вазы 1597 г., мелкие фрагменты поливной керамики.

Наибольшее количество находок происходит из насыпи. По-видимому, землю для насыпания кургана брали из близрасположенного посада Друцка, этим и объясняется обилие керамики, гвоздей и других хозяйственно-бытовых предметов.

Пломба свинцовая. Покрыта патиной белого цвета. На аверсе в центре круглой рамки изображение святого, который в левой руке держит книгу с изображением креста, а правой рукой перекрещивается. С обоих боков нимба просматриваются буквы, но из-за патины их невозможно различить. На реверсе также в центре круглой рамки изображение святой. Правая рука держит крест, левая не видна из-за вмятины от лопаты. Также возле нимба слабо просматриваются буквы.

Две бронзовых книжных застежки (рис. 1: 1). С круглой рамкой со сквозным каплевидным выступом и фигурным приемником. Датируются XIII в. [5, с. 117, рис. 57: 14].

Восемь фрагментов стеклянных браслетов. 1 фр. витого фиолетового цвета с жёлтой полоской (рис. 1: 2), ложновитого оливкового цвета с красной полоской (рис. 1: 3), 4 фр. витых черного цвета (рис. 1: 4 – 8), 1 фр. витой голубого цвета (рис. 1: 9) и 1 гладкий оливкового цета (рис. 1: 10). Датируются XII – XIII вв.

Бусинка стеклянная синего цвета (рис. 1: 11).

Медная привеска-амулет в виде ключика (рисунок 1: 12). Стержень ложновитой. В бородке имеются 3 сквозных отверстия и 2 выступающих зубчика. Аналогичные амулеты были найдены на городище Гольшаны. Датируется XI – XII вв. [2, с. 14, рис. 10: 10].

Фрагмент пластинчатого перстня (рис. 1: 13). Орнаментирован точками и зубчатым штампом. Датируется XI – XII вв. [5, с. 130].

Три медных пуговицы (рис. 1: 14 – 15,17). Шарообразные. Изготовлены из двух тисненых половинок с проволочным ушком. Датируются XI – XV вв. [5, с. 155, рис. 61: 3 – 7].

Одна бронзовая пуговица (рис. 1: 16). Цельнолитая. Датировка XI – XV вв. [5, с. 155, рис. 61: 3 – 7].

Стержни-зубья от многозубой составной остроги? Железные. 9 шт.

Фрагмент железного ключа. Сохранился только стержень.

Железный ключ от навесного замка типа Б по новгородской классификации. Датируется XII – XIII вв. [3, с. 80 – 82, рис. 67: 1].

Железная пластина круглой формы со сквозным отверстием в виде креста. Возможно, фрагмент ключа.

Фрагмент железного арбалетного наконечника. Пирамидальный квадратного сечения с треугольной гранью (тип 10, по классификации А. Ф. Медведева). Датируется XII – XV вв. [4, с. 95, табл. 31: 24].

Лезвие складного двулезвийного ножа (рис. 1: 18). Представляет собой удлиненный клинок с отверстием в середине. У одной половинки прямая спинка с двумя выступами и плавно загнутое лезвие, а у другой – прямое лезвие с закругленной спинкой. Подобные ножи были найдены в Новгороде в слоях конца XI – начала XIII вв. [3, с. 56, рис. 44: 1 – 3].

Замок цилиндрический (рис. 1: 19). Типа В по новгородской классификации. Датируется серединой XII – концом XVI вв. [3, с. 82].

Два фрагмента железного черенкового ножа с широким и тонким клинком.

Фрагмент механизма от замка.

Фрагмент медной цепочки с железной петлей.

Удила.

Фрагменты железных черенковых ножей. 4 шт.

Язычок от фибулы. Железный.

Пряжка железная, кольцевая, круглая в сечении.

Пряжка железная, полуовальная.

Фрагмент железной дужки от ведра. Квадратного сечения.

Четыре железных дверных пробоя.

Фрагмент железной дверной петли.

Накладка железная, дверная. В форме вытянутого прямоугольника со штифтом для крепления к дереву.

Два железных разомкнутых кольца. Круглого сечения.

Фрагмент сплющенного железного цилиндра.

Фрагмент железного скобяного изделия.

Фрагмент железного зуба составной остроги.

17 железных костылей.

Семь фрагментов железных стержней квадратного сечения.

230 железных гвоздей квадратного сечения.

495 фрагментов керамики XI — первой половины XIII вв.

15 фрагментов печной обмазки.

Четыре оплавившихся в огне бронзовых слитка.

Вещи из погребений.

Погребение № 1. Предмет железный трапециевидной формы (рис. 2: 1). С петелькой на одном конце и сквозным отверстием на другой.

Погребение № 2.

Пуговица медная позолоченная (рис. 2: 2). Шарообразная. Изготовлена из двух тиснёных половинок с проволочным ушком. Датируются XI—XV вв.

Фрагменты сильно коррозированного железного изделия (рис. 2: 3).

Фрагмент воротника, вышитого золотыми нитками.

Погребение № 6.

Фрагменты керамики XI—XII вв.

Погребение № 9.

Фрагменты железных изделий (рис. 2: 4,5).

Фрагменты керамики XI—XII вв.

Погребение № 10.

Две пуговицы медные позолоченные (рис. 2: 6, 7). Шарообразные. Изготовлены из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Погребение № 13.

Петелька медная. S-видной формы (рис. 2: 8).

Гвоздь железный (рис. 2: 9).

Погребение № 14.

Наконечник железный (рис. 2: 10). Без упора, ромбического сечения. (тип 90, по классификации А. Ф. Медведева). Датируется XI—XV вв. [4, с. 82].

Три пуговицы (рис. 2: 11—13). Шарообразные. Изготовлены из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Фрагмент ткани вышит золотыми нитками.

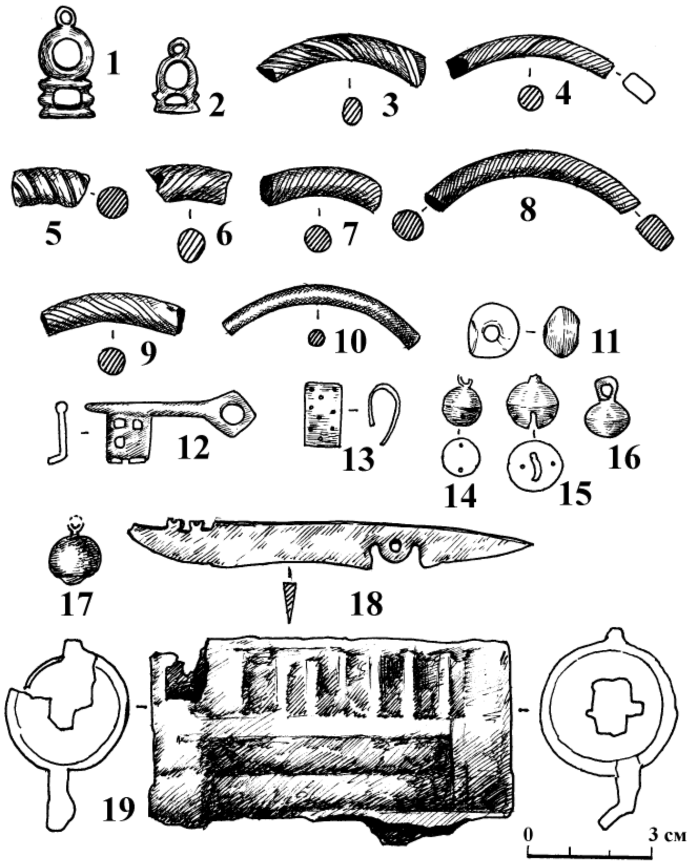


Рис. 1. Друцк. Курган № 1. Находки из насыпи.
1, 2, 12–17 и изделия из цветного металла;
3–10 – изделия из стекла;
18, 19 – изделия из железа.

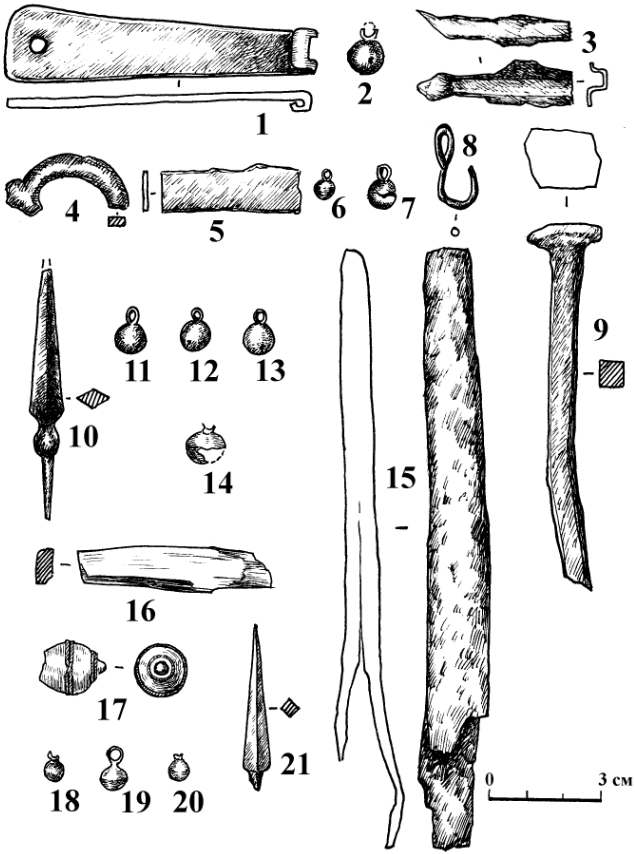


Рис. 2. Друцк. Курган № 1. 1 – погр. № 1; 2,3 – погр. № 2; 4, 5 – погр. № 9; 6, 7 – погр. № 10; 8, 9 – погр. № 13; 10–13 – погр. № 14; 14 – погр. № 15; 15 – погр. № 16; 16 – погр. № 19; 17 – погр. № 23; 18 – погр. № 31; 19 – погр. № 35; 20 – погр. № 33; 21 – погр. № 32. 1–3, 5, 9, 10, 16, 21 – железо; 4, 6–8, 11–14, 17–20 – изделия из цветного металла; 16 – изделие из камня.

Погребение № 15.

Пуговица (рис. 2: 14). Шарообразная. Изготовлена из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Погребение № 16.

Железный светец (рис. 2: 15).

Погребение № 19.

Точильный камень (рис. 2: 16).

Погребение № 21.

Пуговица. Шарообразная. Изготовлена из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Погребение № 23.

Серебряная овальная бусина-подвеска, украшенная 2-мя рядами жгутиков (рис. 2: 17). Подобные изделия были найдены в Рязани и Гнёздово. Датируется XII – XIII вв. [1, с. 111].

Погребение № 27.

Фрагмент ткани, вышитой золотыми нитками.

Погребение № 28.

Фрагменты воротника, вышитого золотыми нитками.

Погребение № 31.

Пуговица (рис. 2: 18). Шарообразная. Изготовлена из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Погребение № 32.

Фрагмент железного наконечника стрелы (рис. 2: 21). Квадратного сечения. (тип 90, по классификации А. Ф. Медведева). Датируется XI – XV вв. [4, с. 82].

Погребение № 33.

Пуговица (рис. 2: 20). Шарообразная. Изготовлена из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Фрагмент ткани вышитой золотыми нитками.

Погребение № 35.

Пуговица (рис. 2: 19). Шарообразная. Изготовлена из двух тисненых половинок с проволочным ушком.

Исходя из представленных находок и их датировок можно предположить, что погребения следует датировать XII в., а возведение насыпи кургана по-видимому можно датировать XIII вв. Небольшое количество находок XVII – XX вв. попало в насыпь кургана в ходе позднейшей деятельности человека на данной территории.

Литература и источники

1. Жилина, Н. В. Об эволюции металлических бус славянских типов / Н. В. Жилина // Историческая археология традиции и перспективы / отв. ред. В. Л. Янин. — Москва, 1998. — С. 106—113.
2. Кенько, П. М. Отчет о раскопках городища в д. Гольшаны Ошмянского района Гродненской области в 2007 г. / П. М. Кенько // Архив Института истории НАН Беларуси. Дело № 2498.
3. Колчин, Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (продукция, технология) / Б. А. Колчин // Труды Новгородской археологической экспедиции, том II / под ред. В. В. Седова. — Москва, 1959. / Материалы и исследования по археологии СССР № 65. — С. 7—120.
4. Медведев, А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII — XIV вв. / А. Ф. Медведев. — Археология СССР. Свод археологических источников / под общ. ред. Б. А. Рыбакова. — Москва, 1966. — С. 180.
5. Седова, М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.) / М. В. Седова. — Москва : Наука, 1981. — 198 с.

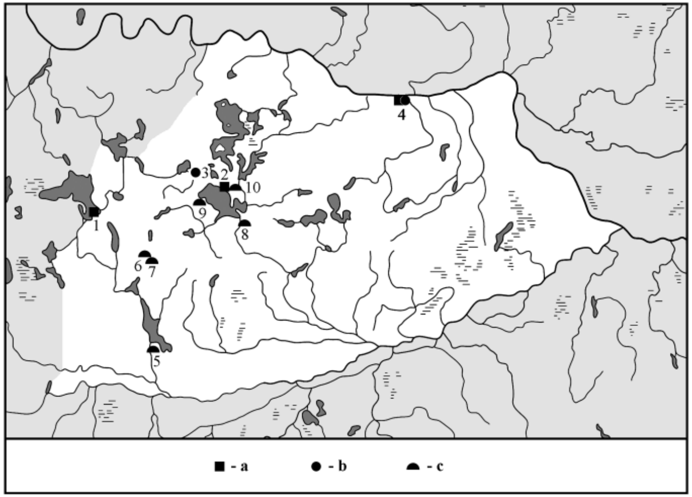
М. А. Плавінскі (Мінск)

ДА РЭКАНСТРУКЦЫІ СІСТЭМЫ РАССЯЛЕННЯ СТАРАЖЫТНАРУСКАГА ЧАСУ Ў БРАСЛАЎСКІМ ПААЗЕР'І

Браслаўскае Паазер'е можна назваць дастаткова добра археалагічна вывучаным рэгіёнам сярэднявечнай Беларусі. Першыя раскопкі курганных могільнікаў пачаліся тут у другой палове XIX ст., а гарадзішчаў — у сярэдзіне XX ст. Шэраг археалагічных помнікаў Браслаўшчыны разглядаецца ў беларускай археалагічнай навуцы як эталонныя (да іх ліку могуць быць аднесены гарадзішчы «Замкавая Гара» ў Браславе, «Замак» у Друсвятах, Маскавічы, Рацюнкі, Пруднікі). Разам з тым шмат якія пытанні сярэднявечнай археалогіі

рэгіёна застаюцца яшчэ слаба асветленымі. Адным з іх з'яўляецца пытанне аб рэканструкцыі сістэмы рассялення старажытнарускага часу ў рэгіёне і фактарах, якія ўплывалі на яе кшталтаванне. Зварот да яго вырашэння можа быць ажыццёўлены на падставе аналізу матэрыялаў ранейшых даследаванняў і вынікаў найноўшых разведак і раскопак.

Галоўнай праблемай, што паўстае пры вырашэнні азначанага пытання, гэтаксама, як і іншых пытанняў археалогіі рэгіёна, з'яўляецца слабая апублікаванасць матэрыялаў раскопак пасяленчых помнікаў, якія праводзіліся ў другой палове XX ст. Гэта у першую чаргу датычыцца шматслойных гарадзішчаў рэгіёна, якія ўтрымліваюць культурныя адклады ад жалезнага веку да старажытнарускага часу (Браслаў, Друсвяты, Маскавічы, Рацюнкі, Пруднікі). Нягледзячы на шматгадовыя раскопкі гэтых помнікаў, калекцыі з іх (асабліва



Мал. 1. Археалагічныя помнікі Браслаўскага Паазер'я канца I тыс. н. э.:
1 – Друсвяты, 2 – Браслаў, 3 – Зазоны, 4 – Пруднікі, 5 – Вусце (Богіна), 6 – Даўбор, 7 – Опса, 8 – Бяльмонты, 9 – Рацкі Бор, 10 – Заборныя Гумны (a – гарадзішча з матэрыяламі КСПДК, b – селішча з матэрыяламі КСПДК, c – курганны могільнік КСПДК).

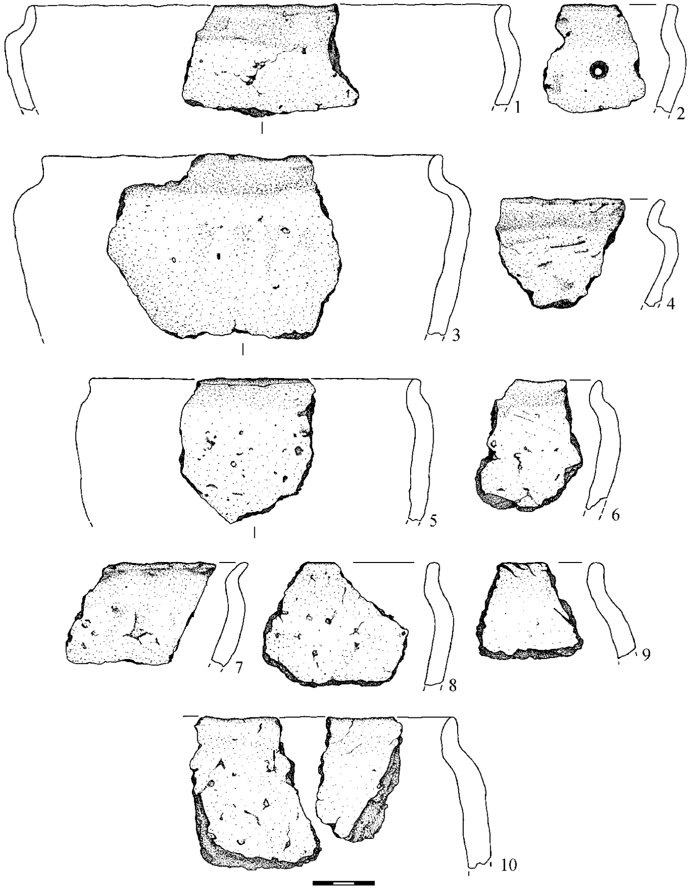
масавыя матэрыялы) застаюцца практычна не апрацаванымі і не ўведзенымі ў навуковы зварот.

Аналіз матэрыялаў раскопак археалагічных помнікаў (пераважна пахавальных) Браслаўскага Паазер'я канца I — пачатку II тыс. н. э., праведзены аўтарам на працягу апошніх гадоў, дазволіў прыйсці да шэрагу высноў, якія датычацца рэканструкцыі сістэмы рассялення ў рэгіёне. Так, у канцы I тыс. н. э., дакладней, прыблізна ў межах IX ст., бліжэй да яго канца, у Браслаўскім Паазер'і (мал. 1) распаўсюджваюцца помнікі культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў (далей КСПДК). Курганныя могільнікі КСПДК канцэнтруюцца на захадзе Браслаўскага Паазер'я ў ваколіцах азёр Богінскага і Дрывяты (Бяльмонты, Вусце (Богіна), Опса, Даўбор, Заборныя Гумны, Рацкі Бор). Усе адносна вузка датаваныя комплексы КСПДК належаць да X ст. ці X — пачатку XI ст. [7, с. 243].

Тыповая для КСПДК ляпная кераміка «з плечукамі» і рэчавы матэрыял выяўлены ў культурных слаях гарадзішча «Замак» на возеры Дрысвяты, гарадзішча «Замкавая Гара» ў Браславе (мал. 2), селішча Зазоны, гарадзішча і селішча Пруднікі.

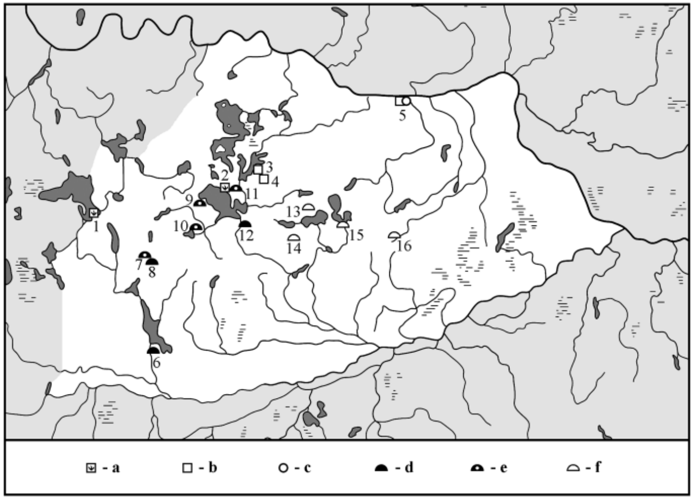
Пералічаныя гарадзішчы, селішчы і курганныя могільнікі могуць быць аб'яднаныя ў асобную богінска-дрывяцкую групу помнікаў, якую пакінула самая крайняя паўночна-заходняя група носьбітаў традыцый культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў, што непасрэдна межавала з усходнелітоўскімі плямёнамі на захадзе [10] і латгаламі на паўночным захадзе [11, att. 99].

У другой палове X ст. на ўсходзе Браслаўскага Паазер'я ў ваколіцах азёр Укля — Абстэрна — Важа з'яўляюцца курганныя могільнікі, у якіх цалкам пераважаюць пахаванні па абрадзе інгумацыі, а крэмацыі сустракаюцца вельмі рэдка (могільнікі Лясная, Кублішчына, Укля, Кузьмаўшчына (мал. 3)). Пры пахаваннях пераважае кругавая кераміка і набор ювелірных упрыгажэнняў, тыповы для крывіцкіх курганоў Беларускага Падзвіння старажытнарускага часу. З'яўленне падобных могільнікаў варта атаясамліваць з прытокам новага насельніцтва з усходу, якое, верагодна, было звязана сваім паходжаннем з фармаваннем раннедзяржаўнага ўтварэння ў Сярэднім Падзвінні з цэнтрам у Полацку [7, с. 243]. Іншымі словамі, дадзеныя некропалі з'яўляюцца сведчаннем сельскай каланізацыі часоў Рагвалода і больш позняй эпохі, бо функцыянаванне курганных могільнікаў з трупапакладаннямі на ўсходзе Браслаўскага Паазер'я працягвалася і ў далейшым — і ў XI, і ў XII ст.

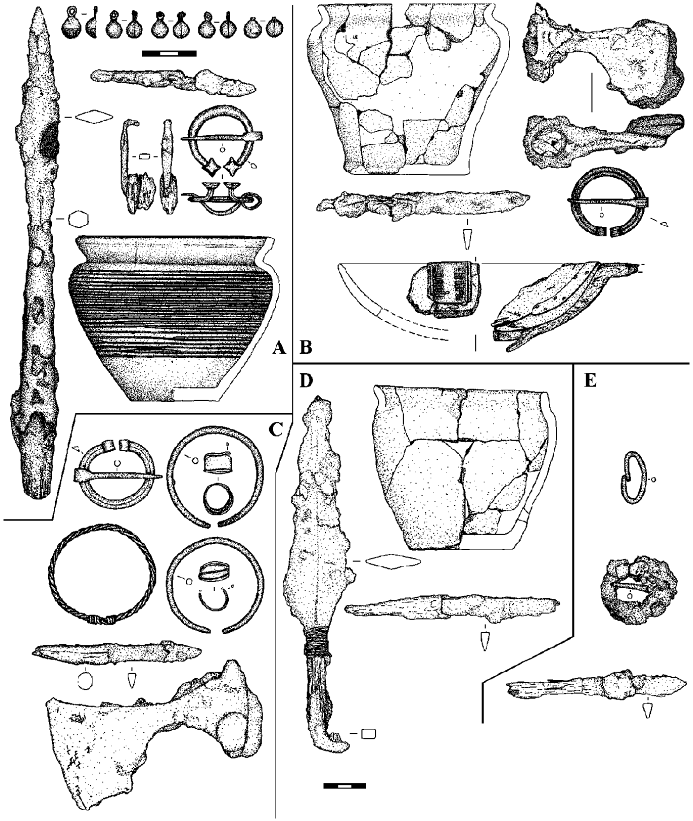


Мал. 2. Ляпная кераміка з гарадзішча «Замкавая Гара» ў Браславе.

У канцы X — пачатку XI ст. у могільніках богінска-дрывяцкага мікрарэгіёна КСПДК з'яўляецца шэраг пахаванняў па абрадзе інгумацыі. У большасці з іх знойдзены прадметы ўзбраення старажытнарускіх і паўночнаеўрапейскіх форм. Відавочна, што гэтыя пахаванні былі пакінутыя прышэльцамі, не звязанымі з пахавальнымі традыцыямі КСПДК. Можна меркаваць, што з'яўленне інгумацый са зброяй адлюстроўвае пачатак зацвярджэння цікавасцяў Полацкага княства ў рэгіёне, а самі гэтыя пахаванні належаць прадстаўнікам полацкай княжацкай адміністрацыі [7, с. 243].

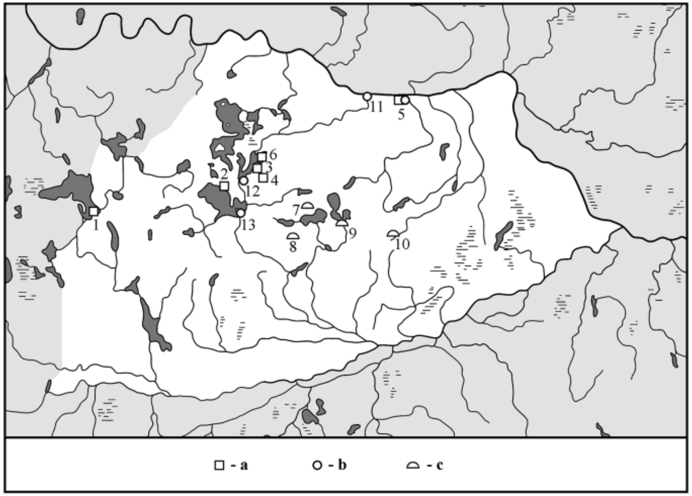


Мал. 3. Археалагічныя помнікі Браслаўскага Паазер'я мяжы X–XI стст. :
1 – Друсвяты, 2 – Браслаў, 3 – Маскавічы, 4 – Рацюнкі, 5 – Прыднікі,
6 – Вусце (Богіна), 7 – Опса, 8 – Даўбор, 9 – Рацкі Бор, 10 – Пагошча,
11 – Заборныя Гумны, 12 – Бяльмонты, 13 – Укля, 14 – Кузьмаўшчына,
15 – Лясная, 16 – Кублішчына
(a – гарадзішча з матэрыяламі КСПДК, на месцы якога ўзнікла старажытнаруская крэпасць, b – старажытнаруская крэпасць,
c – селішча са старажытнарускімі матэрыяламі, d – курганны могільнік КСПДК,
e – курганны могільнік КСПДК з дружыннымі пахаваннямі,
f – старажытнарускі курганны могільнік).



Мал. 4. Курганны могільнік Пагошча.
Інвентар мужчынскіх пахаванняў са зброяй:
A – курган 1, B – курган 10, C – курган 14, D – курган 6, E – курган 15.

Яшчэ адным сведчаннем зацвярджэння полацкай улады ў рэгіёне з'яўляецца курганны могільнік Пагошча, які на працягу 2005 — 2009 гг. быў цалкам даследаваны экспедыцыяй Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі пад кіраўніцтвам аўтара. У выніку раскопак суцэльнай плошчай на могільніку было даследавана 1600 м. кв. і раскапана 15 курганаў. У функцыянаванні некропаля вылучаюцца два культурна-храналагічныя гарызонты. Першы з іх прадстаўлены курганам 9, які належыць да культуры пскоўскіх доўгіх курганоў і, верагодна, датуецца VII ст. Датаванне другога культурна-храналагічнага гарызонту могільніка Пагошча ўкладаецца ў межы другой паловы X — першай паловы XI ст., а найбольш верагодным падаецца яго функцыянаванне ў апошніх дзесяцігоддзях X — пачатку XI ст. [7, с. 238; 8, с. 68]. Размешчаны ў цэнтры богінска-дрывяцкай групы помнікаў



Мал. 5. Археалагічныя помнікі Браслаўскага Паазер'я другой паловы XI ст. : 1 – Дрысвяты, 2 – Браслаў, 3 – Маскавічы, 4 – Рацюнкі, 5 – Пруднікі, 6 – Слабодка, 7 – Укля, 8 – Кузьмаўшчына, 9 – Лясная, 10 – Кублішчына, 11 – Друя, 12 – Манастыр, 13 – Ушына (a – старажытнаруская крэпасць, b – старажытнарускае селішча, c – старажытнарускі курганны могільнік).

КСПДК курганны могільнік Пагошча не звязаны з пахавальнымі традыцыямі гэтай культуры. Ён належаў калектыву, які ўключаў розных па этнакультурнай прыналежнасці членаў. Даследаваныя ў Пагошчы мужчынскія інгумацыі са зброяй (мал. 4) могуць быць інтэрпрэтаваныя як пахаванні прадстаўнікоў полацкай княжацкай адміністрацыі, якія мелі пэўнае калектыўнае ўяўленне аб пахавальным рытуале, адпаведным іх групавому і сацыяльнаму статусу. Адпаведна, фармаванне другога культурна-храналагічнага гарызонту курганнага могільніка Пагошча можа быць суаднесена з уваходжаннем богінска-дрывяцкай групы помнікаў КСПДК у сферу ўплыву Полацкага княства (мал. 3) і ўсталяваннем тут пагоста, які стаў адным з цэнтраў новай адміністрацыі. Узнік гэты пагост у другой палове X ст., найбольш верагодна, у яго апошнія дзесяцігоддзі. У пачатку ці ў першай палове XI ст. функцыянаванне курганнага могільніка Пагошча спыняецца.

Адначасова са з'яўленнем у некропалях КСПДК пахаванняў па абрадзе трупапакладання са зброяй і ўзнікненнем дружыннага некропаля ў Пагошчы, у канцы X — пачатку XI ст. адбываюцца пажары на гарадзішчы «Замак» на возеры Дрысвяты і на гарадзішчы «Замкавая Гара» ў Браславе, а на іх месцы ўзнікаюць гарадскія цэнтры з тыповай старажытнарускай матэрыяльнай культурай. Жыццё на селішчы ў Зазонах спыняецца, а на гарадзішча і селішча Пруднікі пранікаюць традыцыі старажытнарускай матэрыяльнай культуры. На ўсход ад Браслава ўзнікаюць старажытнарускія крэпасці Маскавічы і Рацюнкі (мал. 3) [7, с. 243].

У хуткім часе, не пазней за сярэдзіну XI ст., курганныя могільнікі богінска-дрывяцкага мікрарэгіёна перастаюць функцыянаваць. Знішчэнне гарадзішчаў мясцовага насельніцтва, стварэнне магутнай сістэмы ўмацаванняў, распаўсюджанне адміністрацыі адбыліся на працягу адносна кароткага часу, што сведчыць аб спланаванай і мэтанакіраванай дзейнасці прышэльцаў. Можна ўпэўнена звязваць гэтыя падзеі з працэсам пашырэння межаў Полацкага княства. Археалагічныя помнікі другой паловы XI — XIII стст. на захад ад Браслава (за выключэннем наваколля Дрысвят (мал. 5)) пакуль не выяўлены, што можа сведчыць аб адсутнасці стабільнага засялення рэгіёна альбо аб яго слабай населенасці, прычыны якой пакуль застаюцца нявысветленымі.

Значную цікавасць прадстаўляе рэканструкцыя сістэмы рассялення старажытнарускага часу і вызначэнне фактараў яе фармавання. На сённяшні дзень старажытнарускія слаі выяўлены на 6 гарадзішчах

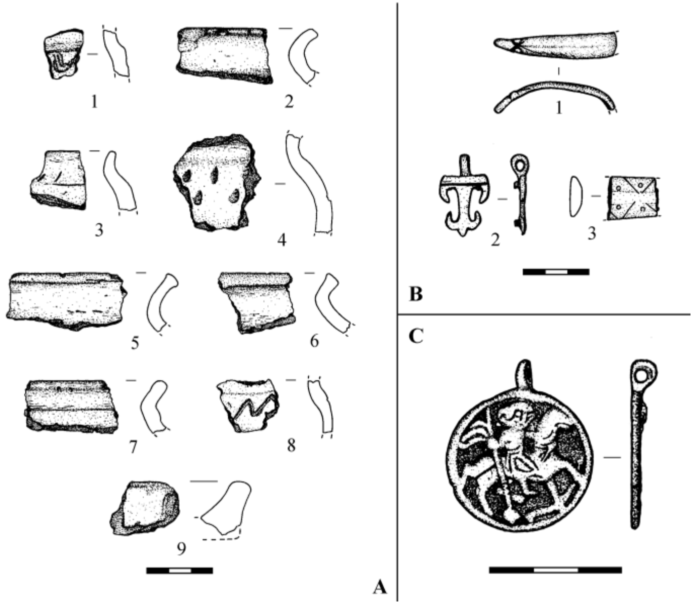
рэгіёна — у Браславе, Дрысвятах, Прудніках, Маскавічах, Рацюнках, Слабодцы. З пералічаных помнікаў Дрысвяцкі археалагічны комплекс (гарадзішча, прылеглае да яго селішча, і грунтовы могільнік Пашавічы [9]) з'яўляецца самым заходнім. Калі прыняць пад увагу адзначанаю адсутнасць стабільнай сістэмы засялення старажытнарускага часу паміж азёрамі Дрысвяты і Дрывяты, атрымліваецца, што гарадзішча Дрысвяты было адарваным ад асноўнага масіву старажытнарускіх паселішчаў, вынесеным прыкладна на 20 км на захад фарпостам.

Астатнія гарадзішчы — Браслаў, Маскавічы, Рацюнкі, Слабодка, Пруднікі — размешчаны ўздоўж Друйкі ці ў непасрэднай блізкасці ад яе (Пруднікі могуць быць залічаны да гэтай групы помнікаў толькі з пэўнымі агаворкамі, яны знаходзяцца на левым беразе Дзвіны).

Да ліку помнікаў, непасрэдна звязаных з мяркуемым шляхам па Друйцы, варта таксама аднесці паселішча старажытнарускага часу ў Друі, селішча Ушына і, верагодна, селішча (?) Манастыр (мал. 5). Матэрыялы раскопак у Друі застаюцца практычна неапублікаванымі, аднак наяўнасць тут культурных адкладаў старажытнарускага часу сумненняў не выклікае [4, с. 236].

Селішча Ушына было выяўлена аўтарам падчас разведак 2004 г. Яно размешчана за 600 м на паўночны захад ад вёскі Ахрэмаўцы за лесам Бяльмонт перад перашыйкам, які вядзе на паўвыспу Ушына. Культурны слой прасочваецца на плошчы прыкладна 60 х 60. У выніку збораў пад'ёмнага матэрыялу і шурфоўкі (4 м кв.) была сабрана невялікая калекцыя фрагментаў кругавога посуду XI — XIII стст., у тым ліку некалькі венцаў і фрагмент ляпной патэльні (мал. 6:А) [5, с. 247].

Селішча Манастыр выяўлена аўтарам у 2005 г. Яно размешчана злева ад шашы Браслаў — Друя на паўвыспе паўднёвага берага возера Неспіш. Культурны слой займае ўсю плошчу паўвыспы. На селішчы сабраны шматлікі пад'ёмны матэрыял позняга сярэднявечча і новага часу [6, с. 219]. Разам з тым у Браслаўскім раённым аб'яднанні музеяў захоўваецца калекцыя металічных вырабаў, сабраных на тэрыторыі помніка. Сярод іх вылучаюцца два фрагменты зааморфных бранзалетаў са звужанымі канцамі, якія могуць быць аднесены да старажытнарускага часу. Вядома, што на поўнач ад паўвыспы, дзе выяўлена селішча, знаходзіцца востраў Манастыр, дзе з XV ст. існаваў Прачысценскі праваслаўны манастыр [2, с. 14]. Т. А. Джаксан выказала меркаванне аб яшчэ большай старажытнасці манастыра. Даследчыца звязала яго са згаданым у «Пасме аб Тор-



Мал. 6. Матэрыялы разведак 2004–2005 гг. і выпадковыя знаходкі з Браслаўскага Паазер'я: А – селішча Ушына, В – селішча Манастыр, С – Шавуры.

вальдзе Вандроўніку» манастыром пры царкве Іаана Хрысціцеля, які быў заснаваны Торвальдам [3, с. 138 — 140][a]. Аднак гэтая гіпотэза патрабуе, на мой погляд, дадатковай аргументацыі.

Важнае значэнне Друйкі як рэгіянальнай артэрыі пацвярджае і наступнае, хаця і ўскоснае, меркаванне. Друйка з'яўляецца

[a] *Дарэчы, усяго за 1000—1200 м ад селішча Манастыр на сцежцы, якая вядзе да могілак вёскі Шавуры, быў выпадкова знойдзены бронзавы абразок (мал. 6:С) з выявай святога Георгія-змеяборцы (захоўваецца ў Браслаўскім раённым аб'яднанні музеяў). Абразок быў знойдзены ў падсыпцы з прывазнога пяску. Высветліць у Браслаўскім ДРБУ, з якога кар'ера быў прывезены гэты пясок, не атрымалася. Аднак цяжка меркаваць, што ён паходзіць з іншай часткі раёна.*

адзінай ракой у міжрэччы Дзвіны і Дзісны, якую добра ведалі ўсе складальнікі мапаў XVI — XVII стст. [1, с. 98 — 100]. Таму можна меркаваць, што і ў гэты час яна ўяўлялася як важная рэгіянальная гандлёвая артэрыя.

Такім чынам, нягледзячы на даволі абмежаваныя наяўныя крыніцы, мы можам наступным чынам рэканструяваць сістэму рассялення старажытнарускага часу ў Браслаўскім Паазер'і. Яна фармуецца ў канцы X — першай палове XI ст. Калі ў X ст. насельніцтва культуры смаленска-полацкіх доўгіх курганоў канцэнтравалася на захадзе рэгіёна — паміж азёрамі Богінскім і Дрывяты, дык з канца X ст. Полацк стварае магутную сістэму ўмацаванняў уздоўж Друйкі. Можна меркаваць, што Друйка ў старажытнарускі час была асноўнай рэгіянальнай артэрыяй камунікацый, па якой пралягаў шлях ад Дзвіны да Браслава. Вакол гэтай артэрыі канцэнтравалася насельніцтва, якое пражывала на гарадзішчах і селішчах, размешчаных уздоўж Друйкі і па берагах азёр Неспіш і Дрывяты. На ўсход ад гэтай групы помнікаў існаванне старажытнарускага насельніцтва фіксуецца па наяўнасці курганных могільнікаў у ваколіцах азёр Укля — Абстэрна — Важа. Тэрыторыя на захад ад Браслава, паміж азёрамі Дрывяты і Дрысвяты, у старажытнарускі час не была заселена стабільна, а Дрысвяцкі археалагічны комплекс маркіруе полацкі фарпост XI — XIII стст., вынесены на захад ад асноўнай зоны, заселенай старажытнарускім насельніцтвам.

Напрыканцы варта адзначыць, што да часу правядзення суцэльнага археалагічнага абследавання Браслаўскага Паазер'я прапанаваная рэканструкцыя сістэмы рассялення ў рэгіёне можа насіць толькі папярэдні характар. Таму зробленыя высновы не прэтэндуюць на вычарпальнасць, а распрацаваная рэканструкцыя сістэмы рассялення носіць папярэдні характар і мусіць разглядацца хутчэй як падаснова для далейшых даследаванняў.

Літаратура і крыніцы

1. Александровіч, С. Браслаўшчына на старажытных картах і планах / С. Александровіч // Памяць : Гісторыка-дакументальная хроніка Браслаўскага раёна. — Мінск, 1998. — С. 97 — 102.
2. Варонін, В. В. Браслаўскі Прачысценскі манастыр на Востраве паводле прывілея Жыгімонта I 1540 года / В. В. Варонін// Браслаўскія чытанні 2003. Матэрыялы VI навукова-краязнаўчай канферэнцыі, прысвечанай 150-й гадавіне з дня нараджэння браслаўскага лекара, грамадскага дзеяча Станіслава Нарбута (1853—1926). — Браслаў, 2003. — С. 13 — 15.
3. Джаксон, Т. А. AUSTR I GÖRÐRUM: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. А. Джаксон. — Москва, 2001. — 208 с., рис., табл.
4. Зайцава, В. Я. Друя / В. Я. Зайцава // Археалогія і нумізматыка Беларусі : Энцыклапедыя. — Мінск, 1993. — С. 235 — 236.
5. Плавінскі, М. Разведкі ў Браслаўскім і Міёрскім раёнах / М. А. Плавінскі // Гістарычна-археалагічны зборнік. — № 20. — 2005. — С. 247—248.
6. Плавінскі, М. Даследаванні ў Браслаўскім раёне / М. А. Плавінскі // Гістарычна-археалагічны зборнік. — № 21. — 2006. — С. 217—219.
7. Плавинский, Н. Курганный могильник Погоща : результаты раскопок 2005—2006 годов / М. А. Плавинский // Lietuvos Archeologija. — T. 34. — Vilnius, 2008. — S. 211—252.
8. Плавінскі, М. А. Курганны могільнік Пагошча : асноўныя вынікі раскопак 2005—2008 гадоў / М. А. Плавінскі // Беларускае Падзвінне : вопыт, методыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку). — Наваполацк, 2009. — С. 55 — 70.
9. Семенчук, Г. А. Раннесредневековый археологический комплекс Дрисвяты / Г. А. Семенчук // Lietuvos Archeologija. — T. 21. — Vilnius, 2001. — S. 299 — 310.
10. Kurila, L. Lietuvių etninė riba rytuose IX—XII a. (1. Archeologijus duomenys) // Lietuvos Archeologija. — T. 27. — Vilnius, 2005. — S. 59 — 84.
11. Radiņš, A. 10. — 13. gadsimta senkapi latgaļu apdzīvotajā teritorijā un Austrumlatvijas etniskās un politiskās vēsures jautājumi / Latvijas vēstures muzeja raksti. — Nr. 5. — Rīga, 1999. — 200 lpp. : il.

Д. У. Дук (Полацк)

КРЫЎЦОЎ ПАСАД У САЦЫЯТАПАГРАФІЧНАЙ СТРУКТУРЫ ПОЛАЦКА XI – XVIII стст.

Размяшчэнне і гісторыя пасялення.

Паводле полацкай рэвізіі 1552 г. буйнейшымі тэрытарыяльнымі адзінкамі на левабярэжжы р. Дзвіны з'яўляліся пасады Вострaўскі, Слабадскі і Крыўцоў. Сумарная колькасць двароў трох левабярэжных пасадаў складала 284 (103 двара размяшчалася на Слабадскім пасадзе, 30 – на Крыўцовым, 151 – на Востраўскім). Слабая заселенасць Крыўцовага пасада ў сярэдзіне XVI ст. сведчыць пра адсутнасць на ім разгалінаванай інфраструктуры, людзі сяліліся на беразе Дзвіны, на ўзвышшы надпоймавай тэрасы, паводле запісаў у актавых кнігах XVII ст. «на вянцу Дзвіны». Крыўцоў пасад у XVI ст. быў размешчаны паміж Востраўскім і Слабадскім пасадамі.

Пасля 1579 г. у пісьмовых крыніцах на левабярэжнай частцы Полацка згадваюцца толькі два пасады: Крыўцоў і Экіманскі. Слабада і Востраў у XVII – XVIII стст. з'яўляліся часткамі Крыўцовага пасада. На Востраве ў 1582 г. па-ранейшаму размяшчаўся манастыр Св. Іаана Прадцечы, які паступова занепадае [1, с. 73].

У XVII ст. на Крыўцовым пасадзе размяшчаліся мясцовасці Востраў, Кабак, Старая і Новая Слабоды. З адміністрацыйна-прававога пункту гледжання яны з'яўляліся тэрытарыяльнымі адзінкамі ў складзе Крыўцовага пасада і ў 1622 – 1623 гадах былі перададзены пад юрысдыкцыю полацкага магістрата [2].

Найбольш інфарматыўнай у рэканструкцыі асаблівасцяў гарадской тапаграфіі Крыўцовага пасада Полацка з'яўляецца актавая кніга 1656 – 1657 гг. [3]. Прааналізаваны змест актавых кніг за 1704 г. [4], 1721 г. [5], 1779 г. [6], 1781 г. [7], 1782 г. [8]. Гэтыя кнігі не фіксуюць зздзелак аб куплі-продажу дамоў ці агародаў на левабярэжным Крыўцовым пасадзе, а таксама не прадстаўляюць іншых звестак пра тутэйшую нерухомасць. Магчыма, гэта з'яўляецца прамым сведчаннем маргіналізацыі дадзеных частак Полацка, паколькі ў актавых кнігах змяшчаюцца маёмасныя справы пераважна заможнай часткі мяшчанства, уладальнікаў нерухомасці.

Так, паводле кніг за 1650, 1656 – 1657 гг., Востраў меў вул. Праезжую, тут жа быў размешчаны перавоз ад р. Дзвіны. На мясцовасці Кабак

размяшчалася вул. Прабойная (па накірунку ад царквы Барыса і Глеба да перавозу ад р. Дзвіны). Адпаведна, мясцовасць Кабак размяшчалася на левым беразе р. Бяльчанкі ад царквы Барыса і Глеба да перавозу з боку р. Дзвіны. За гэтай часткай у другой палове XVII ст. замацавалася назва «Новая Слабада», размешчаная «за *ракой Бельчанкай* на беразе *ракі Дзвіны і* далей уздоўж *вуліцы* на поўдзень *угару да царквы Барыса і Глеба*». Прамое атаясамленне гэтых назваў – Кабак / Новая Слабада – пазначана ў полацкім вопісе 1774 г. [11, с. 179]. Новая Слабада (Кабак) лакалізавана пры вусці левага берага р. Бяльчанкі, на «вянцу». Старая Слабада (Бельчыцкая) размешчана па вул. Вялікай, якая вядзе ад Кабака да царквы Барыса і Глеба. Такім чынам, Старая Слабада – гэта мясцовасць, якая размешчана на правым беразе р. Бельчыцы.

Вельмі важным для разумення развіцця Барысаглебскага манастыра ў 1660-я гг. падаецца той факт, што ў пісьмовых крыніцах нідзе не фігуруюць назвы манастырскіх цэркваў, акрамя царквы Барыса і Глеба. Магчыма, пад гэтым найменнем разумеўся ўвесь манастыр, паколькі як варыянт назвы ў актавай кнізе зафіксаваны тэрмін «*Барысаглеб*». Аднак у грамаце ад 25 чэрвеня 1511 г. Бельчыцкі манастыр двойчы называўся адначасова Багародзіцкім і Барысаглебскім: «записал тую землю со всим к манастыру на Бельчицы *Пречистое Богоматеры* и святым мучеником Борысу и Глебу» [1, с. 77]. Верагодна, у дадзеным запісу, як і ў некаторых аналагічных пісьмовых крыніцах XIX ст., гаворка ідзе пра т. зв. Вялікі (безымянны) сабор XII ст. пад назвай Прачыстай Багамацеры. Гэты сабор размяшчаўся на тэрыторыі манастыра і быў выяўлены і часткова археалагічна даследаваны ў XIX – XX стст. [10, с. 34].

На астатняй, асноўнай частцы Крыўцовага пасада, «над ручаём», на захад ад Слабод да Вострава, размяшчаліся Чортаў завулак «на гары», каля яго пралягала вул. Чортавая, апошняя – насупраць царквы Святога Міколы (упершыню згадана пад 1552 г. у «месте» [9, с. 9, 22, 25]). Гэтая царква Святога Міколы была размешчана на гары (надпоймавая тэраса), праз рад забудовы ад р. Дзвіны.

Размяшчэнне царквы св. Міколы каля вул. Чартовай выглядае далёка не выпадковым, калі ўлічыць факт суаднясення культа Св. Міколы і Вялеса, які ў народных уяўленнях мае розныя іпастасі, у т. л. «нячыстага», «чорта» [12, с. 87].

Гісторыя археалагічнага вывучэння.

На тэрыторыі Крыўцовага пасада раскопкі не праводзіліся, за выключэннем Вострава і Бельчыцкага Барысаглебскага манастыра.

На Востраве (левы бераг Дзвіны насупраць Верхняга замка) Л. Д. Пабалем было закладзена 5 шурфоў з мэтай даследавання рэштак манастыра Іаана Прадцечы, які згадваецца ў пісьмовых крыніцах XV–XVI стст. Шурфы былі размешчаны ва ўсходняй частцы Вострава, якая не затапляецца падчас вясенавых паводкаў. Зафіксавана магутнасць культурнага пласта 1,5 м. У ніжняй перадмацерыковай частцы размешчаны пахаванні, якія былі арыентаваны галавой на захад.

На ўсходняй частцы Вострава на беразе Дзвіны Г. В. Штыхавым у 1963 г. быў закладзены шурф. Магутнасць культурнага пласта («шэрай зямлі») складала 1,4 м. У пласце знойдзена кераміка XIV–XV стст.

У выніку шурфоўкі С. В. Тарасава ва ўсходняй частцы Вострава ў 1987 г. была знойдзена кераміка XI ст., якая дазваляе меркаваць пра час засялення гэтай левабярэжнай тэрыторыі Полацка.

У 1996 г. М. В. Клімаў правёў археалагічныя раскопкі ва ўсходняй частцы Вострава на мяркуемым месцы размяшчэння манастыра Іаана Прадцечы. Плошча раскопа 24 кв. м. Глыбіня культурнага пласта склала каля 1 м. З найбольш ранніх матэрыялаў знойдзена 2 шыферных праселка, кераміка XI–XII стст.

У розных частках Вострава былі зроблены 4 шурфы. У паўднёвай частцы Вострава культурны пласт адсутнічаў (знішчаны падчас будаўніцтва зоны адпачынку ў 1960-я гг.). Толькі ў заходняй частцы Вострава былі зафіксаваны рэшткі пласта магутнасцю 0,25 м.

Такім чынам, Востраў з'яўляўся найбольш даследаванай левабярэжнай часткай Полацка, за выключэннем Экімані. Звестак пра культурныя напластаванні Крыўцовага пасада і Слабады адсутнічалі, раскопкі тут не праводзіліся.

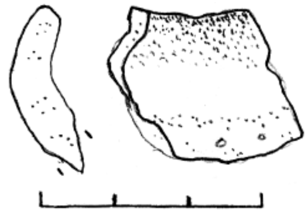
У 2009 г. сумарная плошча раскопак на тэрыторыі Слабады і Крыўцовага пасада склала 24 кв. м (раскоп 1 і 4 шурфы, з іх 2 — ў былой Слабадзе, 2 — на тэрыторыі Крыўцовага пасада).

Найбольш ранняя па храналогіі група керамікі выяўлена падчас раскопак у Слабадзе. Так, у раскопе 1 знойдзена венца ляпнога, загладжанага на ганчарным крузе гаршка, якое датуецца X — пачаткам XI стст. (мал. 1). Аналагічная кераміка добра вядома ў Полацку, яна знойдзена на полацкім гарадзішчы і вакольным горадзе.

У тым жа раскопе знойдзена чорная шкляная пацерка з чатырнаццаціграннымі зрэзанымі вугламі (мал. 2), якая паводле курганных пахаванняў датуецца X–XI стст. [13, с. 168, мал. 5: 15]. Падобныя пацеркі былі характэрны ў асноўным для сельскага насельніцтва Старажытнай Русі. Разам з гэтай знаходкай у адной

храналагічнай групе магчыма разглядаць венца ляпнога, загладжанага на ганчарным крузе гаршка. Гэтыя два артэфакта сведчаць пра магчымы час засялення Старой Слабады ў X ст.

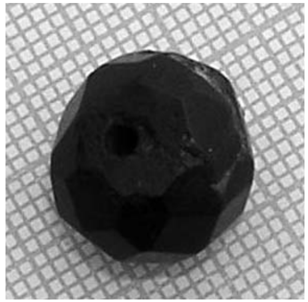
Астатняя кераміка — ганчарная, прадстаўлена посудам XI–XIII стст. і XIV–XVIII стст. Ранняя храналагічная група керамікі знойдзена толькі ў шурфах на тэрыторыі былой Слабады.



Мал. 1. Ляпная кераміка X – пачатку XI стагоддзяў.

Кераміка XI–XIII стст. прадстаўлена пераважна выразнымі S-падобнымі па профілю венцамі, шырока вядомымі ў Полацку ў гэты час. Кераміка XIV–XV стст. — гэта адзінкавыя кавалкі венцаў. Кераміка XVI–XVIII стст. прадстаўлена міскамі, венцамі гаршкоў.

На тэрыторыі Крыўцовага пасада па-за межамі Слабады знойдзена кераміка, тыповая для XVI — XVIII стст., у т. л. донца керамічнага падсвечніка XVIII ст., карнізная кафля. У шурфе 4 знойдзены металічныя рэчы: завеса ад аканіцы і выраб невядомага прызначэння. У шурфе 5 знойдзены кавалкі кафлі, тыповыя для XVIII ст.



Мал. 2. Шкляная пацерка X – XI стагоддзяў.

Такім чынам, найбольш раннія храналагічныя групы знаходак XI — XIV стст. былі выяўлены на тэрыторыі Старой Слабады. На Крыўцовым пасадзе (на захад ад вусця Бельчыцы да Вострава) знаходкі прадстаўлены керамікай і рэчамі XV — XVIII стст.

Высновы.

Найбольш старажытныя матэрыялы на тэрыторыі Крыўцовага пасада датуюцца X — XIII стст. У мястэчку Старая Слабада былі знойдзены два артэфакта (венца ляпнога гаршка і шкляная пацерка), якія сведчаць пра магчымасць засялення тэрыторыі пры вусці р. Бельчыца ў X — першай палове XI стст. Такім чынам магчыма вызначыць паходжанне тапоніма «Слабада» ад тэрміну «слабодка» —

сельскагаспадарчае прадмесце каля Полацка. Старая Слабада размешчана ў зручным месцы пры ўпадзенні р. Бельчыца ў Дзвіну, праз яе праходзіў шлях на Менск і Кіеў. Каля гэтай слабодкі ў XII ст. быў заснаваны Бельчыцкі Барысаглебскі манастыр. Пэўная аўтаномія дадзенай тэрыторыі засведчана ў рэвізіі 1552 г., якая вызначае гэтае пасяленне ўжо як полацкі пасад.

У XVII — XVIII стст. тапонімы Старая і Новая Слабоды вызначаюць ужо толькі тэрытарыяльныя часткі Крыўцовага пасада.

На астатняй тэрыторыі Крыўцовага пасада на захад ад вусця р. Бельчыца артэфактаў, ранейшых за XV ст., у культурным пласце зафіксавана не было. Гэта сведчыць пра сінхроннасць засялення тэрыторыі Крыўцовага пасада і Экімані і аднолькавыя прычыны, якія прывялі да такой маштабнай з'явы.

Сярод гэтых прычын назавём дзве асноўныя: скарачэнне і заняпад асноўнай пасадскай тэрыторыі на правым беразе Полацка ў выніку частых ваенных дзеянняў першай паловы XVI ст. і змена юрыдычнага статуса пасадскага насельнітва ў сувязі з распаўсюджаннем магдэбургскага права (пасля 1498 г.). У выніку частка насельніцтва, якое сялілася на землях баяр і духавенства, была вымушана перасяліцца на левы бераг ракі Дзвіны. Гэты тэзіс добра ілюструе полацкая рэвізія 1552 г., паводле якой на Крыўцовым пасадзе было размешчана 30 двароў, якія належылі Васілею Карценю, якія «з местом тягнуть, а ему позма з них две копе и сорок осмъ гршей прыходить» [9, с. 148].

Насельніцтва Слабадского пасада паводле «Рэвізіі 1552 г.» складае 103 мешчаніна. З іх 51 мешчанін пражываў на землях манастыра Барыса і Глеба, на землях княгіні Ілліной Астроўскай — 30, на землях полацкага земяніна Сямёна Ульскага — 22 [9, с. 27].

Культурны пласт на тэрыторыі Крыўцовага пасада размешчаны ўздоўж р. Дзвіны паласой, шырынёй каля 150 м. Плошча Крыўцовага пасада разам са Слабадой складае 22 га. Гэта добра карэлюецца з данымі пісьмовых крыніц, якія вызначаюць размяшчэнне сядзіб палачан XVII ст. «на вянцу ракі Дзвіны».

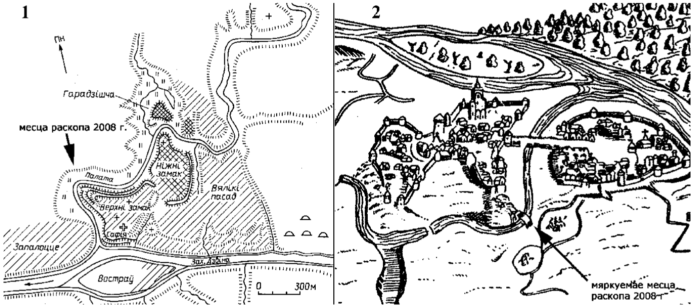
Літаратура і крыніцы

1. Витебская старина / сост. А. Сапунов. — Витебск, 1888. — Т. V. — 670 с. + 40 л. ил.
2. Дук, Д. У. Полацк XVI—XVIII стагоддзяў : нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д. У. Дук. — Наваполацк: ПДУ, 2007. — 268 с. : іл.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Ф. 1823. — Воп. 1. — Спр. 1.
4. НГАБ. — Ф. 1823. — Воп. 1. — Спр. 2.
5. НГАБ. — Ф. 1823. — Воп. 1. — Спр. 10.
6. НГАБ. — Ф. 2424. — Воп. 1. — Спр. 1.
7. НГАБ. — Ф. 2424. — Воп. 1. — Спр. 2.
8. НГАБ. — Ф. 2424. — Воп. 1. — Спр. 3.
9. Полоцкая ревизия 1552 г. К изданию подготовил И. И. Лаппо. — Москва : Университетская типография, 1905. — 237 с.
10. Селицкий, А. А. Живопись Полоцкой земли XI—XII вв. / А. А. Селицкий — Мінск : Навука і тэхніка, 1992. — 173 с. : ил.
11. Тарасаў, С. В. Полацк IX—XVII стст. : Гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. — Мн. : Беларуская навука, 1998. — 183 с. : іл.
12. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского) / Б. А. Успенский. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1982. — 248 с.
13. Фехнер, М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни / М. В. Фехнер // Труды Государственного исторического музея. Вып. 33 : Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. — Москва : «Советская Россия», 1959. — С. 149 — 224.

М. В. Клімаў (Мінск)

НОВЫЯ ЗВЕСТКІ АБ ГІСТОРЫІ ЗАПАЛОЦКАГА ПАСАДА г. ПОЛАЦКА (ПА ВЫНІКАХ РАСКОПАК 2008 г.)

У 2008 г. аўтарам прадстаўленага паведамлення былі праведзены археалагічныя раскопкі ў Полацку, на тэрыторыі Запалоцкага пасада. Праца археалагічнай экспедыцыі Інстытута гісторыі НАН Беларусі праводзілася згодна з планам выканання Дзяржаўнай праграмы



Мал. 1. Планы г. Полацка. 1 – план Полацка IX–XIII ст. (па Г. В. Штыхаву, з пазначэннем месца раскопак 2008 г. аўтарам артыкула); 2 – план Полацка 2-й паловы XVI ст. (па С. Пахалавіцкаму, з пазначэннем мяркуемага месца раскопак 2008 г.)

археалагічнага даследавання Полацка на 2008 — 2012 гг. У 2008 г. археалагічныя раскопкі былі праведзены за вуліцай Ф. Міронавай, побач з правым берагам р. Палаты, насупраць стрэлкі (машны) Верхняга замка (мал. 1:1). Да 2008 г. на вызначаным для раскопак участку не было археалагічнага вывучэння і на плане гістарычнага развіцця горада на перыяд IX — XIII стст. на даным месцы наяўнасць культурнага пласта не пазначалася [10, с. 172, мал. 32]. У 2003 годзе Д. У. Дукам за 120 м ад будучага раскопа 2008 г. быў зроблены шурф, які дазволіў выявіць керамічны посуд XI стагоддзя і больш пазнейшага перыяду, а таксама ніжнюю частку кафлянай печы пачатку XVI ст. [3, с. 104-113]. Таму паўстала неабходнасць удакладніць звесткі аб данай частцы пасада. Быў даследаваны раскоп плошчай 72 кв. м пры дапамозе выкладчыкаў і студэнтаў-гісторыкаў гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава[a] [6, с. 3]

Звернемся да якаснай характарыстыкі раскопа. Стратыграфія раскопа вызначалася наяўнасцю двух стратыграфічных пластоў, якія мелі сукупную магутнасць у межах 1~1,4 м. Першы пласт магутнасцю 0,3 м не меў аднароднага характару. У верхняй частцы раскопа пласт шэрага колеру, утрымліваліся розначасовыя матэрыялы. Так, фраг-

[a] *Прыносім удзячнасць Д. Каваленку, А. Дулаву і А. Субоціну за дапамогу ў падрыхтоўцы і правядзенні раскопак.*

менты керамічнага посуду вызначаліся ў храналагічным дыяпазоне ад XI да XIX ст. Асноўны змест матэрыялаў з пласта № 1 суадносіцца з перыядам не сталага пражывання на данай частцы Запалоцкага пасада ў перыяд XVI — XIX стст. Храналагічнымі маркерамі XVII стст. акрамя керамічнага посуду выступалі солід-барацінчык і крыжык-цельнік. У выніку гаспадарчай дзейнасці ў межах вызначанага перыяду ў гэты пласт і патрапілі больш ранейшыя па часе матэрыялы (XI — XV стст.), а таксама мікраліты і крамянёвыя адшчэпы, бразготка X — XII стст.

Магутнасць пласта № 2 складала 0,8 — 1,2 м. Шэры пласт меў праслойкі цёмна-шэрага і чорнага (вугольнага) слоя, якія магчыма было звязваць з пажарам на месцы помніка. Увесь склад пласта вызначаўся наяўнасцю асобных мелкіх вугolляў і фрагментаў глінянай абмазкі (абпаленнай гліны). У пласце не захаваліся драўляныя канструкцыі. Па сукупнасці матэрыялаў, за выключэннем перакопаў, пласт № 2 суадносіўся з жыццядзейнасцю на помніку ў перыяд XI — XIII стст. Гэты пласт вызначаўся багаццем археалагічнага матэрыяла вышэй адзначанай эпохі, прадстаўленай керамічным посудам, шыфернымі прасліцамі, фрагментамі шкляных бранзалетаў, культавай пластыкай, ключамі і наканечнікамі стрэл, упрыгожаннямі (мал. 3). І ў пласце № 2 фіксаваліся артэфакты, якія адносіліся да перыяду XV — XVII стст., сярод якіх вызначальнымі з'яўляліся фрагменты керамічнага посуду, паўпенязь ВКЛ 1410 — 1425 гг.[b], фрагменты ключоў і замкоў. У другім пласце сярод масавых матэрыялаў значная колькасць належыла да металічных шлакаў.

Даследаванне мацерыковых ямаў дазволіла казаць аб тым, што ў межы раскопа ўвайшла адна з частак пабудовы, заглыбленай у мацярык. Звернем увагу на матэрыялы, якія сведчылі аб высокім сацыяльным узроўні тых, хто пражываў на данай тэрыторыі. Сярод падобных сведчанняў, перш за ўсё, важным з'яўляецца колькасць мелкай культавай пластыкі, прадстаўленай іконкай-прывескай, крыжыкамі-цельнікамі і крыжамі-энкалпіёнамі ў межах плошчы раскопа (мал. 3 :1 — 6). Другім важкім сведчаннем выступае шэраг артэфактаў, якія ўказваюць на прэстыжны характар матэрыяльнай культуры. З гэтага ліку артэфактаў магчыма назваць такія рэчы, як: пярсцёнак з выявай праквітнеўшага крыжа (мал. 3:7), фрагмент рэдкага экзэмпляра фібулы «з савінай галавой» (мал. 3:9), частку пасавай гарнітуры кола скандынаўскіх старажытнасцяў (мал. 3:8), гірку-разнавагу (мал. 3:11).

[b] *Вызначэнне зроблена Ш. І. Бекцінеевым, за што прыносім яму ўдзячнасць.*

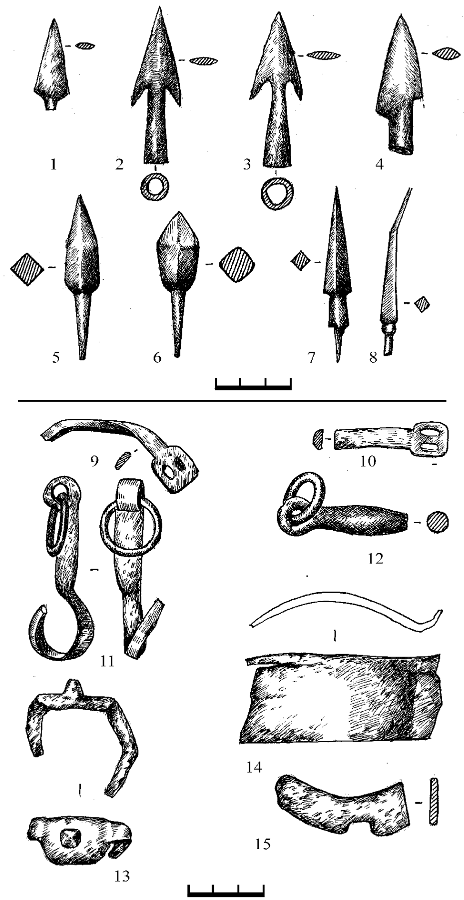
Трэцім важкім матэрыяльным сведчаннем выступаюць элементы рыштунку вершніка і каня, з ліку якіх магчыма назваць фрагменты дуг шпор (мал. 2:9 – 10), цуглі (мал. 2:11 – 12), падножку да стрэмяні (мал. 2:14), фрагмент падковы (мал. 2:15), ледаходныя шыпы (мал. 2:13).

Зробім гістарычныя высновы, якія вынікаюць з аналіза археалагічных матэрыялаў.

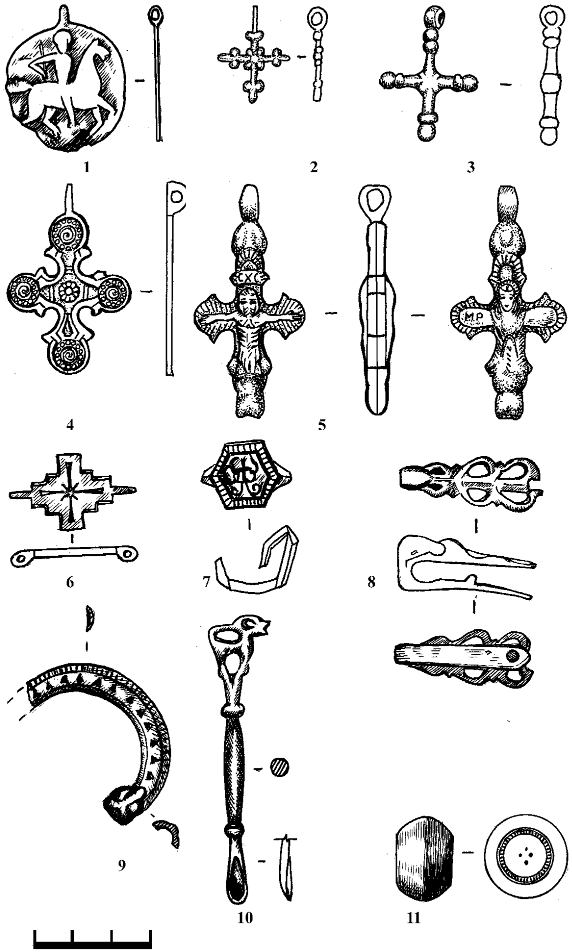
Па-першае, неабходна весці гаворку аб тым, што тэрыторыя Запалоцкага пасада ў паўночна-ўсходнім накірунку была істотна большай, чым лічылася раней. Гэта пацвярджаюць як археалагічныя раскопкі 2008 г., так і археалагічныя назіранні 2004 – 2006 гг. па вуліцы Ф. Міронавай, праведзеныя А. Салаўёвым. У выніку быў засведчаны культурны пласт каля 1 м і фіксаваўся керамічны посуд з венчыкамі, звернутымі ўнутр (к. XI – XIII стст.). Гэта дазволіла разам з аналізам прац Д. Дука і раскопа 2008 г. казаць аб тым, што па папярэдніх даных плошча паўночна-ўсходняй часткі Запалоцкага пасада ў перыяд XI – 1-й паловы XIII стст. набліжалася да 12 га. Удакладненне агульнай плошчы Запалоцкага пасада патрабуе новых археалагічных прац.

Па-другое, у перыядызацыі жыццядзейнасці на даследаваным участку пасада прасочвалася некалькі этапаў. У межах першага этапа жыццядзейнасць была звязана з апрацоўкай чорнага метала, аб гэтым сведчыць наяўнасць вялікай колькасці металічных шлакаў і зубіла. Сам характар прадстаўленай дзейнасці пакідае пэўныя сумненні, бо акрамя шлакаў адсутнічаюць соплы і рэшткі домніц, металічная акаліна. Без сумнення, што месца варкі жалеза не патрапіла ў межы раскопа. Не выключана, што месца, дзе ажыццяўляўся сам тэхналагічны працэс, знаходзілася бліжэй да поплава р. Палаты, больш прымальнага з пункту гледжання пажарнай бяспекі.

Наступны этап жыццядзейнасці на даследаваным участку быў звязаны з пражываннем на даным месцы прадстаўніка феадальнага саслоўя і яго сям'і (наяўнасць шпор, капавушак, пярсцёнка з праквітнеўшым крыжом, крыжыкаў-энкалпіёнаў і інш.). Перапыненне жыццядзейнасці на першым этапе звязана з пажарам. На другім этапе жыццядзейнасць была спынена ў выніку ваеннага ўварвання, на што ўказвае шэраг наканечнікаў стрэл у слоі пажарышча, сярод якіх фіксуецца і арбалетны наканечнік стралы. Асабліва вялікая колькасць стрэл фіксуецца бліжэй да перадмацерыковай паверхні (мал. 8:1-3, 7). Асноўная колькасць матэрыялаў указвае на час перапынення жыццядзейнасці на другім этапе на мяжы канца XII – 1-й паловы XIII ст. Храналогія перапынення жыццядзейнасці на даследава-



Мал. 2. Наканечнікі стрэл (1–6).
Рыштунак вершніка і каня (9–15) з раскопак 2008 г.



Мал. 3. Прадметы “прэстыжнага” характару з раскопак 2008 г.

ным участку была ўсталявана на аснове адносных храналагічных маркераў, сярод якіх вылучаліся шыферныя прасліцы, фрагменты амфар і шкляныя бранзалеты, колькасць якіх у раскопе сведчыла аб неаснОўным часе іх бытавання. Частка рэчаў, якая мела шырокія межы бытавання (XII—XIII стст.), мела сляды ўздзеяння пажару, сярод іх: ключ, крыж-энкалпіён, фрагменты керамічнага посуду з венчыкамі, звернутымі ўнутр.

Сам ваенны катаклізм, які мог адбыцца на мяжы XII — 1-й паловы XIII стст., выклікае шмат пытанняў. Чаму і хто мог жорст знішчыць даследаваную частку пасаду. Калі звярнуцца да аналізу гравюры XVI ст. С. Пахалавіцкага, то трэба звярнуць увагу, што на выгіне р. Палаты, побач з якім і быў даследаваны раскоп № 1 у 2008 г., фіксуецца мост праз р. Палату. Не выключана, што падобны мост мог існаваць і ў больш ранейшы час, а значыць, захоп маста праз Палату адчыняў магчымасці для захопу Верхняга замка з паўночна-ўсходняга боку. Таму падобнае ваеннае ўварванне са знішчэннем часткі пасада і насіла даволі жорсткі характар. Калі разгледзець ваенныя канфлікты Полацка ў канцы XII — 1-й палове XIII стст., то можна назваць шэраг ворагаў, якія ў той ці іншы момант імкнуліся ім авалодаць.

Версія 1. Наўгародцы і пскавічы. Напрыканцы XII ст. фіксуецца некалькі паходаў да Полацка. У 1186 г. (1187 г.) адбыўся паход князя Давыда з наўгародцамі і смалянамі да межаў Полацкага княства [7, с. 38]. У 1199 г. (1200 г.) наўгародскі князь Яраслаў хадзіў з наўгародцамі, пскавічамі, наваторжцамі і ладажанамі к Полацкай зямлі. Але гэтыя паходы скончваліся каля межаў Полацкага княства мірам, бо як адзначаў летапісец, «... бог бо не вда [дал — *аўт.*] крови пролиться крестьянам межи собою...» [7, с. 44]. Безумоўна, што падобныя мірныя пагадненні дасягаліся пры дапамозе выкупа, але яны не прыводзілі да спусташэння самога Полацка.

Версія 2. Крыжакі. Паход крыжакоў павінна было стымуляваць жаданне падпарадкаваць Падзвінне, таму яны мелі жаданне захапіць Полацк. Вядома, што актыўнае ваеннае супрацьстаянне паміж Полацкам і Рыгай адбывалася ў перыяд з 1203 па 1210 год, калі была заключана першая мірная дамова з крыжакамі. У «Хроніцы Лівоніі» Генрыха Латвійскага з 1209 па 1226 г. не значыцца прамых паходаў на Полацк [1, с. 73, 90, 103, 156]. Калі б падобныя паходы былі, то гэта падзея абавязкова знайшла б адлюстраванне. Тым больш, што археалагічныя раскопкі 2008 г. паказалі знішчэнне часткі Запалоцкага пасада, а храніст Генрых ніколі не «апускаў» падрабязнасці па-

дзей, дзе крыжакамі былі пакараны не каталікі. Пасля 1226 г. (сканчэнне «Хронікі Лівоніі») да 1238 г. дакладных звестак аб актыўнасці крыжакоў супраць Полацка не значыцца. Знакаміты гандлёвы дагавор Віцебска з Рыгай (1229 г.) з удзелам Полацка дазваляе зрабіць заключэнне аб тым, што ў гэты перыяд адносіны Полацка з Рыгай, гарантам якіх выступіў Смаленск, насілі стабільны гандлёвы характар. У 1238 г. па летапісных звестках наўгародскі князь Яраславіч ажаніўся на дачцы полацкага князя Брачыслава [7, с. 77]. Гэта падзея фактычна абазначала саюз Полацка з Ноўгарадам супраць крыжакоў, а значыць, паходы крыжакоў супраць Полацка пасля 1238 г. былі б адлюстраваны ў наўгародскім летапісе, што характэрна для згадкі пра ўдзел Якава Палачаніна ў Неўскай бітве 1240 г., але гэтага мы не маем. Таму казаць аб актыўнасці крыжакоў супраць Полацка ў перыяд з 1210 па 50-я гг. XIII ст. не прыходзіцца.

Версія 3. «Летапісная Літва». Адзін з першых паходаў «летапіснай Літвы» ў межы Полацкага княства адносіцца, на думку некаторых даследчыкаў, да 1065 г., што было аспрэчана аўтарам артыкула ў адной з ранейшых публікацый [5, с. 158]. Як сведчаць летапісныя крыніцы, актыўнасць «летапіснай Літвы» адносна Полацка павялічваецца ў 1-й палове XIII ст. Асабліва гэта датычыцца дзейнасці Таўцівіла, які згадваецца як полацкі князь. Верагоднасць таго, што пляменнік Міндоўга мог зрабіцца полацкім князем у 1253 ці 1254 г., дапускаецца з боку некаторых літоўскіх даследчыкаў [2, с. 57]. Ці захапіў Таўцівіл полацкі сталец, застаецца невядомым.

Версія 4. Смаленскія князі. Смаляне імкнуліся падпарадкаваць Полацк сваёй уладзе. Гэта жаданне найбольш пачало праяўляцца з канца XII ст. У гэты перыяд адносіны паміж Полацкам і Смаленскам увесь час змяняюцца. Так, у 1178 годзе смаленскі князь дапамагае палачанам супраць наўгародскага князя, а ў 1195 г. палачане разам з Ольгавічамі выступілі супраць смаленскага князя [8, с. 607, 692]. Пад 1222 г. пазначаецца паход смаленскага князя на Полацк, у выніку чаго горад быў захоплены. Аналізуючы гэтыя падзеі М. Ермаловіч выказаў сумненне наконт правамернасці сцвярджэння «Наўгародскага летапісу» аб захопе самога горада [4, с. 293]. Але ў гістарыяграфіі больш замацавалася думка аб захопе горада ў 1222 г. [9, с. 183]. Не выключана, што менавіта гэта падзея і адлюстравалася ў археалагічным матэрыяле, які засведчыў пажар у выніку ваеннага ўварвання. Заўважым, што сярод наканечнікаў стрэл адзін з арбалетных балтоў меў сляды акаліны. Выкарыстанне арбалетаў у 20-я гг. XIII ст. відаць набывала пашырэнне і ў вайсковых адзінках Усходняй Еўропы. Калі б арбалетны болт належыў крыжакам, то падобных балтоў было б значна больш, але ў выпадку з матэрыяламі 2008 г. заўважаецца тое, што пры наяўнасці арбалетнага балта ў слоі пажара пераважаючую колькасць складалі рознатыповыя наканечнікі стрэл, характэрныя больш для «кааліцыйнага войска» усходнеславянскіх князёў, якое складалася з дружын некалькіх княстваў, чым для рэгулярнага крыжацкага войска. Такім чынам, папярэдне магчыма выказаць версію аб адпаведнасці ваеннага ўварвання падзеям 1220 г. (1222 г.).

Пасля вышэй разгледжаных падзей пэўны час на месцы, даследаваным археалагічнымі раскопкамі, жыццядзейнасць не ўзнаўлялася. На трэцім этапе існавання паўночна-ўсходняй часткі Запалоцкага пасада нязначныя сляды жыццядзейнасці фіксуюцца ў межах XV – XVII стст. Амаль адсутнічае сярод матэрыялаў керамічны посуд XIV – XV стст. Для перыяду XVI – XVII стст. адносяцца некалькі фрагментаў керамікі і перакопы больш ранняга культурнага пласта. Магчыма, што войны XVI – XVII стст. не садзейнічалі развіццю данай часткі пасада.

Такім чынам, праведзенае летам 2008 г. даследаванне на тэрыторыі Запалоцкага пасада дазволіла казаць аб значным развіцці данага пасада ў паўночна-ўсходнім накірунку ў перыяд XI – 1-й паловы XIII стст. У выніку раскопак было зафіксавана пажарышча, якое магчыма суаднесіць з падзеямі 1220 (1222 г.).

Літаратура і крыніцы

1. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии. – Москва – Ленинград : АН СССР, 1938.
2. Гудавичюс, Э. История Литвы: С древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс. – Москва, 2005. – Т. 1. – 679 с.
3. Дук, Д. У. Археалагічная разведка на Запалоцкім пасадзе Полацка ў 2003г. / Д. У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мінск, 2006. – Вып. 11. – С. 104 – 113.
4. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь : Полацкі і Новагародскі перыяды / М. І. Ермаловіч. – Мінск : Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с. : іл.
5. Клімаў, М. В. Полацкае княства ў IX-XI стст. / М. В. Клімаў // Гісторыя Беларусі: У 6 т. – Мінск : «Экаперспектыва», 2000. – Т. 1. – С. 148 – 166.

6. Клімаў, М. В. Справаздача пра археалагічныя даследаванні ў г. Полацку ў 2008 г. / М. В. Клімаў // Архіў ІГ НАН Беларусі. — Спр. №2596. — 131 с., іл.
7. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Академия наук СССР, Институт истории; [под редакцией и с предисловием А. Н. Насонова]. — Москва. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1950. — 640, [1] с., [5] л. факсим.
8. Полное собрание русских летописей : Ипатьевская летопись / Акад. наук СССР. Ин-т истории; под ред. акад. Е. Ф. Карского. — Москва : Изд. вост. лит. — Т. 2 : Ипатьевская летопись. — 1962. — 938 с.
9. Штыхаў, Г. В. Палітычная гісторыя Полацкай зямлі / Г. В. Штыхаў, В. М. Ляўко // Гісторыя Беларусі : У 6 т. — Мінск : «Экаперспектыва», 2000. — Т. 1. — С. 175—183.
10. Штыхаў, Г. В. Гарады Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / Г. В. Штыхаў // Археалогія Беларусі : У 4-х тамах. — Мінск : Беларуская навука. — Т. 3. — С. 171 — 228.

А. Л. Коц (Полацк)

ГАРАДЗІШЧЫ МІЖРЭЧЧА ДЗІСНЫ І УШАЧЫ: ГІСТАРЫЧНА-ПАРАЎНАЎЧЫ АНАЛІЗ

На тэрыторыі міжрэчча Дзісны і Ушачы за перыяд з канца XIX ст. да пачатку XXI ст. выяўлена каля 50 гарадзішчаў. Большая частка іх не датавана. Шмат з іх на сённяшні дзень не лакалізавана па прычыне адміністрацыйных змен назваў у XX ст. З даследаваных абсалютна большая колькасць адносіцца да жалезнага веку. Гарадзішчы Свіла І і Мнюта датуюцца Сярэднявеччам. Мізэрная колькасць адносна агульнай лічбы, на якіх праводзіліся раскопкі. Шырокамаштабныя раскопкі (з ускрыццём вялікай плошчы паселішча) праводзіліся на гарадзішчах Замошша (Полацкі раён), Кублічы (Ушацкі раён), Паддубнікі і Язна (Мёрскі раён).

Комплексна дадзены рэгіён ніколі не вывучаўся. Асобныя даследчыкі вывучалі пэўныя часткі гэтай тэрыторыі.

Першым даследчыкам гарадзішчаў міжрэчча Дзісны і Ушачы можна назваць К. А. Гаворскага. У сяр. XIX ст. ён даследаваў Полаччыну. Ім былі выяўлены курганы. Падчас вывучэння старажытнай дарогі — Альгердавага шляху — ім былі выяўлены некалькі гарадзішчаў, якія на сённяшні дзень можна акрэсліць тэрыторыяй Полацкага раёна [9, с. 147]. Сярод адкрытых ім гарадзішчаў можна назваць «Глінскі замак» каля г. п. Верына, «Земляное гарадзішча» ў вусці Ушачы і інш. [1, с. 297]. Але на сённяшні дзень дадзеныя гарадзішчы не лакалізаваны і не даследаваны. Аб стане захаванасці і гэтых помнікаў звестак няма.

У XIX ст. даследуемая тэрыторыя ўваходзіла ў склад дзвюх губерняў: Віцебскай і Віленскай. Пэўным чынам згодна адміністрацыйнаму дзяленню адбывалася размежаванне тэрыторыі даследаванняў. Так, у Віцебскай губерні даследаваннямі помнікаў «даўніны», у тым ліку і археалагічных, займаўся А. М. Семянтоўскі. Напрыклад, ім было зафіксавана гарадзішча каля сяла Воронеч (цяпер вёска Воронічы Полацкага раёна) [15, 29]. У XX ст. гарадзішча было даследавана Л. В. Аляксеевым і А. Р. Мітрафанавым [1, с. 296].

У канцы XIX ст. басейн Дзісны даследаваў Ф. В. Пакроўскі. Таксама Дзісненскі павет Віленскай губерні быў даследаваны А. П. Сапуновым. На тэрыторыі правабярэжнай Дзісны (ў межах губерні) імі былі выяўлены некалькі гарадзішчаў і курганныя групы, зафіксаваны этнаграфічны матэрыял аб гэтых помніках. На тэрыторыі міжрэчча Дзісны і Ушачы ён выявіў гарадзішчы каля в. Зарубіна (толькі прывязаўшы яго да в. Шарабаі), Зубкі (прывязаўшы яго да в. Залессе), Шыпы (прывязаўшы яго да в. Ясевічы) ў Глыбоцкім раёне, а таксама ўсеагульнавядомыя гарадзішчы Паддубнікі і Язна ў Мёрскім раёне. Таксама даследчык пазначае характар захавання абарончых умацаванняў на прыведзеных гарадзішчах [12, с. 9 — 10]. Тыя самыя звесткі пра гарадзішчы пазначае А. П. Сапуноў, хутчэй за ўсё грунтуючыся на звестках Ф. В. Пакроўскага [14, с. 125 — 166].

Сярод даследчыкаў Заходняй Беларусі ў 1930-я гг. можна назваць А. Цэгак-Галубовіч і У. Галубовіча. Вучоныя Віленскага універсітэта займаліся вывучэннем помнікаў археалогіі і на тэрыторыі Дзісненскага павета, але больш дакладна тэрыторыю іх даследавання можна акрэсліць межамі Глыбоцкага раёна. Дзякуючы іх працы былі адкрыты новыя гарадзішчы і курганныя могільнікі. На складзенай імі карце пазначаны гарадзішчы і курганныя могільнікі, якія яны даследавалі, але гарадзішчы не маюць подпісаў (не лакалізаваны адносна населе-

ных пунктаў) [2, с. 127]. Л. У. Дучыц лічыць, што Галубовічамі было адкрыта на тэрыторыі Глыбоцкага раёна 4 гарадзішчы: Зарубіна, Галубічы, Латыгаль і Шыпы [4, с. 22]. Але пры супастаўленні складзенай Галубовічамі карты і карты сучаснай мясцовасці была высветлена значна большая колькасць умацаваных паселішчаў. Так, даследчыкі пазначаюць гарадзішча каля в. Вудзела (іншыя яго лакалізуюць каля в. Лозічы; на сённяшні дзень яно знішчана). Дакладна можна сказаць, што Галубовічы адкрылі гарадзішчы Запруддзе, Латыголь, Шыпы, Свіла I, Перавоз, а таксама абследавалі гарадзішча Зарубіна [2, с. 127]. Пра астатнія пазначаныя гарадзішчы сказаць дакладна нельга. Так, Галубовічы пазначаюць гарадзішча ў ваколіцах в. Гулідова, але хутчэй за ўсё гэта гарадзішча Асінгарадок у Пастаўскім раёне. Даследчыкі адзначаюць гарадзішча паўночней г. Глыбокае, на сённяшні дзень яно не выяўлена. Акрамя Свілы I і Перавоза ў ваколіцах воз. Пліса пазначаны яшчэ 2 гарадзішчы, верагодна, гэта Брыкіцi і Гарадзішча (Кішы). На карце пазначана нейкае гарадзішча паміж вёскамі Ломашы і Карасі, але дадзенае паселішча на сённяшні дзень не выяўлена, і больш пра яго звестак няма. Яшчэ адно гарадзішча пазначана на беразе р. Ауты. Відавочна, гэта гарадзішча Шчаўкуны, якое паўторна было адкрыта Я. Н. Драздовічам у 1938 г. і даследавана Л. У. Дучыц у 1981 г. Такім чынам, трэба засведчыць, што А. Цэгак-Галубовіч і У. Галубовіч адкрылі і даследавалі на тэрыторыі Глыбоцкага раёна не 4 гарадзішчы, а 8 ці нават больш [2, с. 127].

У 1920—30-ы гг. даследаваннямі Дзісненскага павета ў межах Заходняй Беларусі займаўся Я. Н. Драздовіч (сёння гэта ўвесь Глыбоцкі раён, а таксама часткова Шаркаўшчынскі і Мёрскі). Ён з'яўляецца адной з яскравейшых фігур сярод даследчыкаў Глыбоцкага раёна не толькі ў галіне археалогіі, але і як фалькларыст і этнограф. Ён маляваў дываны для сялян, рабіў замалёўкі краявідаў, збіраў фальклорны матэрыял і займаўся археалагічнымі разведкамі. Археалагічныя раскопкі даследчык на азначанай тэрыторыі не праводзіў, ён збіраў толькі пад'ёмны матэрыял, рабіў дакладныя апісанні помнікаў, а таксама іх замалёўкі. Яшчэ Я. Н. Драздовіч сабраў шмат каштоўнага этнаграфічнага і фальклорнага матэрыялу, які апісвае мінулае пэўнага помніка ці групы помнікаў, фіксаваў мясцовыя назвы гарадзішчаў.

Нельга не адзначыць, што Я. Н. Драздовіч рабіў досыць падрабязныя апісанні гарадзішчаў і прылягаючых тэрыторый. Гэта дапамагае ўстанавіць размяшчэнне гарадзішчаў і аднавіць яго знешні выгляд у 20—30-я гг. XX ст., але не ўсіх. Дзякуючы мастацкаму характару апісання гарадзішчаў можна добра ўявіць знешні выгляд паселішча, пэўныя прыродныя і штучныя аб'екты, якія знаходзіліся на гарадзішчы і да нашага часу не захаваліся. Гэта ў першую чаргу датычыцца абарончай сістэмы гарадзішчаў.

Падчас пошуку гарадзішчаў, апісаных Я. Драздовічам, паўстала праблема іх сучаснага месца размяшчэння. На працягу XX ст. адбыліся пэўныя змены ў планіроўцы населеных пунктаў, да якіх прывязаны помнікі, змены назваў геаграфічных аб'ектаў, змены водных сістэм (асушэнне балот) і інш. Па гэтай прычыне месцазнаходжанне шмат якіх гарадзішчаў не вызначана.

Язэп Драздовіч адкрыў і даследаваў гарадзішчы каля населеных пунктаў Падауты, Галубічы, Зубкі, Запруддзе, Шчаўкуны, Старыя Зябкі (Псуя). Усе гэтыя гарадзішчы былі даследаваны сучаснымі археолагамі, у прыватнасці Л. У. Дучыц [5; 8, с. 231—240; 6, с. 493]. Аб гарадзішчах каля вв. Брыкіцi, Багушэвічы, Крукоўшчына, Гарадзішча, Задвор'е, Ластавікі, Зароўе, Міцькі, Перавоз і Псуя (на беразе воз. Доўгае) і інш. Я. Драздовіч таксама падае пэўныя звесткі [7, с. 231].

Э. М. Зайкоўскі, даследуючы працы Я. Н. Драздовіча, вызначыў, што аўтар адкрыў гарадзішча каля в. Задвор'е (Зябкаўскі сельсавет) [7, с. 231]. Але акрамя сведчанняў Я. Драздовіча пра дадзенае гарадзішча больш нічога невядома. Знайсці яго таксама пакуль не атрымалася. Вёска Задвор'е з'яўляецца хутарной вёскай. У 1931 — 1933 гг. яна займала невялікую тэрыторыю і налічвала 25 хат [16]. Але ў 1930-я гг. падчас польскіх аграрных рэформ вёска стала хутарной, і таму ўзгаданае гарадзішча на вялікай тэрыторыі знайсці складана.

У 1938 г. Я. Н. Драздовіч зрабіў дакладнае апісанне гарадзішча каля колішняй вёскі Брыкіцi (Плiскі сельсавет) [3, с. 127]. Падчас разведак у 2009 г. гарадзішча было даследавана аўтарам. На сённяшні дзень апісанне Я. Н. Драздовіча цалкам супадае з сучасным станам гарадзішча. Аб дадзеным гарадзішчы падае звесткі Л. Д. Пабаль: яно было адкрыта ст. Ларэнцам (відавочна, мясцовы шляхціц) у 1934 г., — і падае прыблізна тое самае апісанне, што і Я. Н. Драздовіч [11, с. 88].

У «Дзённіку» Я. Н. Драздовіч, апісваючы групу помнікаў па берагах р. Ауты, узгадвае гарадзішча «на Зароўі» (Празароцкі сельсавет) [3, с. 127]. Больш даных па гэтым гарадзішчы няма. Падчас разведак у ваколіцах урочышча Зароўе (колішняя вёска Празароцкага сельса-

вета) па левым беразе р. Ауты гарадзішча не выяўлена. Стромкі бераг ракі моцна парэзаны глыбокімі ярамі (да 10—15 м глыбінёй). Такім чынам утвараюцца пляцоўкі, якія з трох бакоў абаронены схіламі, а чацвёрты бок выходзіць да поля. Ні на адной з гэтых пляцовак не знойдзены культурны слой. Магчыма, што Я. Драздовіч памылкова адзін з падобных аб'ектаў назваў гарадзішчам.

Аўтар «Дзённіка» падае звесткі аб 2-х гарадзішчах у ваколіцах Залесскай групы азёр (азёры Карпінскае, Беразоўскае, Белае, Мурамшчына і Сетаўскае). Гэта гарадзішча Зубкі (Залесскі сельсавет), якое ён называе «Гарадзея» або «Гараватка», а таксама Запруддзе (Залесскі сельсавет) — Гародня. Ён выказвае меркаванне аб іншых паселішчах у гэтым мікрарэгіёне.

Гарадзішча каля в. Зубкі даследавалася А. М. Мядзведзевым, Л. У. Дучыц. Даследаванні Я. Н. Драздовіча падцвярджаюцца матэрыяламі, сабранымі пазнейшымі даследчыкамі. Падобная сітуацыя назіраецца і з гарадзішчам каля в. Запруддзе.

Я. Н. Драздовіч адкрыў гарадзішча паміж вв. Гарадзішча і Кішы (Падсвільскі пасялковы сельсавет). Даследчык пазначае, што яно знаходзіцца сярод лугавой нізіны і мае чорны насычаны культурны слой. А таксама піша, што на гэтым узгорку людзі знаходзілі бронзавыя рэчы [3, с. 118]. Акрамя гэтых сведчанняў аб паселішчы больш нічога невядома.

Э. М. Загарульскі пазначае, што мастаком было адкрыта гарадзішча каля в. Ластаўкі [7, с. 231]. На сённяшні дзень гэтае гарадзішча не лакалізавана, але можна выказаць пэўныя меркаванні. Так, па «Слоўніку назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці» на тэрыторыі Глыбоччыны знаходзяцца 3 вёскі з коранем «ласт»: Ластаўкі, Ластавікі і Ластавічы. Вёска Ластаўкі знаходзіцца ў межах Зябкаўскага сельсавета, у колішнім калгасе «Авангард» [13, с. 224]. На сённяшні дзень дадзенай вёскі не існуе і месца яе размяшчэння невядома. Ластавічы знаходзяцца на тэрыторыі калгаса імя Кірава, у Абрубскім сельсавеце [13, с. 224]. На адлегласці 2,5 км ад гэтай вёскі выяўлена гарадзішча, якое Г. В. Штыхаў, М. А. Ткачоў і Л. У. Дучыц прывязваюць да бліжэйшага населенага пункта в. Падгаі [5, с. 10]. Болей умацаваных паселішчаў у ваколіцах дадзеных вёсак не выяўлена. Вёска Ластавікі існавала ў Празароцкім сельсавеце, у межах калгаса імя Чкалава. Я. Н. Драздовіч узгадвае: «а ў паўвярсты ад апошняга [гарадзішча Зароўе, пра якое ўжо ўзгадвалася — *А. К.*] — на табе — і чацвёртае» [3, с. 127]. Аўтарам гэтае гарадзішча дакладна не суадносіца з мясцовасцю, але па апісаннях яно знаходзіцца менавіта каля колішняй в. Ластавікі (цяпер урочышча). На сённяшні дзень падчас разведак дадзенае гарадзішча не знойдзена.

Я. Н. Драздовічам было адкрыта гарадзішча каля в. Міцькая [7, с. 231]. Але на сённяшні дзень месца размяшчэння гэтага гарадзішча невядома. Хутчэй за ўсё яно знаходзіцца каля колішняга хутара Міцькі (цяпер урочышча) (Празароцкі сельсавет) на беразе рэчкі Карманкі, якая выцякае з возера Гінькава.

Л. У. Дучыц лакалізуе гарадзішча каля в. Псуя (цэнтр сельсавета) [5, с. 10], але больш мэтазгодна лакалізаваць яго каля в. Зябкі Псуеўскага сельсавета (мясцовыя жыхары называюць вёску Старымі Зябкамі). Гэта гарадзішча было адкрыта Ф. В. Пакроўскім [12, с. 13]. І верагодна, што менавіта яго Э. М. Загарульскі пазначае, як даследаванае Я. Н. Драздовічам [7, с. 231]. Што датычыцца гарадзішча Псуя, то ў свой час яго адкрыў Я. Н. Драздовіч і лакалізаваў каля бліжэйшага хутара — Псуя [7, с. 231]: «Пры вытоках з возера Доўгае ў возера Шо знаходзіцца старадаўнейшае ўмацаванае людское селішча, на востраве, перакрытага насыпаным гарадзішчанскім валам гарадзішча Псуя, на якім у пазнейшыя часы звіла гняздо тут сялібішча апшарніцкага двору». [3, с. 126]. Дадзенае апісанне ніяк не супадае з гарадзішчам, якое Л. У. Дучыц прывязвае да в. Псуя.

Я. Драздовіч з'яўляецца найбольш актыўным і дзейсным даследчыкам міжрэчча Дзісны і Ушачы. Дзякуючы сваёй актыўнай краязнаўчай дзейнасці ім быў унесены найбольшы ўклад у развіццё археалагічнай навукі на тэрыторыі Глыбоцкага раёна, у першую чаргу адкрыццё і пошук новых помнікаў.

У пасляваенны час археалагічныя даследаванні набылі больш планамерны характар. Так, Глыбоцкі раён даследавалі Л. В. Аляксееў, М. А. Ткачоў, М. А. Мядзведзеў, Л. У. Дучыц і мясцовыя краязнаўцы.

Можна зазначыць, што археалагічныя даследаванні ў вывучэнні гарадзішчаў міжрэчча Дзісны і Ушачы даюць каштоўны матэрыял аб узаемадзеянні культуры штрыхаванай керамікі і днепра-дзвінскай. Але тым не менш колькасць даследаваных гарадзішчаў невялікая. На сённяшні дзень няма працы па гісторыі археалагічнага вывучэння акрэсленай тэрыторыі. Некалькі старонак прысвечана дадзенай тэме ў серыі кніг «Памяць». Астатнія даследаванні амаль ўсе выдаваліся ў кантэксце агульнага вывучэння. Таксама няма падрабязных даклад-

ных апісанняў помнікаў рэгіёна, у тым ліку гарадзішчаў. На сённяшні дзень актуальнай праблемай з'яўляецца пошук і фіксаванне дадзеных помнікаў, у першую чаргу гарадзішчаў, і непасрэдна прадстаўленне дадзеных матэрыялаў шырокаму колу грамадства.

Літаратура і крыніцы

1. Алексеев, Л. В. Археологические памятники эпохи железа в среднем течении Западной Двины / Л. В. Алексеев // Труды Прибалтийской Объединенной комплексной экспедиции. — Москва, 1959. — Т. 1. — С. 273—315.
2. Голубович, Е. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР / Е. Голубович, В. Голубович // Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. — Москва — Ленинград, 1945. — Т. 11. — С. 126—137.
3. Драздовіч, Я. Н. Дзённік. / Я. Н. Драздовіч // Маладосць. — 1992. — № 2. — С. 113—130.
4. Дучыц, Л. У. Зямля нашых продкаў / Л. У. Дучыц // Памяць : Гіст. -дакум. хроніка Глыбоцкага раёна / навук. рэд. Б. І. Сачанка (гал. рэд.) і інш. — Мінск : БелЭн, 1995. — С. 21—29.
5. Дучиц Л. У. Отчет о полевых исследованиях в 1981 г. // Архив отделов археологии Института истории Национальной Академии наук Беларуси. — 1981.
6. Дучыц Л. У. Перавоз / Л. У. Дучыц // Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыкл. / Бел. Энцыкл.; рэдкал. : В. В. Гетаў і інш. — Мінск : БелЭн, 1993. — С. 493.
7. Зайкоўскі, Э. М. Драздовіч / Э. М. Зайкоўскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Бел. Энцыкл.; рэдкал. : В. В. Гетаў і інш. — Мінск : БелЭн, 1993. — С. 231.
8. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / С. В. Марцэлеў, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал. : С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) і інш. — Мінск : Бел. Сав. Энцыкл., 1985. — 496 с.
9. Каханоўскі, Г. А. Гаворскі / Г. А. Каханоўскі // Археалогія і нумізматыка Беларусі : энцыкл. / Бел. Энцыкл.; рэдкал. : В. В. Гетаў і інш. — Мінск : БелЭн, 1993. — С. 147.
10. Поболь, Л. Д. Археологические памятники Белоруссии. Железный век / Л. Д. Поболь. — Минск : Наука и техника, 1983. — 456 с.

11. Поболь, Л. Д. Древности Белоруссии в музеях Польши / Л. Д. Поболь. — Минск : Наука и техника, 1979. — 208 с.
12. Покровский, Ф. В. Археологичесая карта Виленской губернии / Ф. В. Покровский. — Вильна : типография А. Г. Сыркина, 1893. — 164 с.
13. Рапановіч, Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я. Н. Рапановіч. — Мінск : Навука і тэхніка, 1977. — 504 с.
14. Материалы по истории и географии Дисненского и Вилейского уездов Виленской губернии / Изд. А. П. Сапунова, В. Друцкого-Любецкого. — Витебск : Губернская Типолитография, 1896. — 264 с. + 144 с. (прил.)
15. Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. — С-Петербург : Типо-литография Н. Стефанова, 1890. — 137 с.
16. Archiwum Map Wojskowego Instytutu Geograficznego 1919 — 1939 [Электронны рэсурс] Геаграфічны Інстытут Рэспублікі Польшча. — Электрон. дан. — Рэжым доступу: http://igrek. amzp. pl/mapindex. php?cat=WIG100, свабодны. — Загл. з экрана. — Мов. польская, англійская.

Д. А. Коваленко (Витебск)

БОЕВОЙ КИНЖАЛ ИЗ КОПЫСИ

Летом 2007 г. в поселке Копысь Оршанского района Витебской области строился мост через р. Днепр. Несколько домов, находившихся на левом берегу Днепра, пошли под снос. Для их жителей строились новые. Место было выбрано поселковым Советом по ул. Ленинской, в двухстах метрах на юго-запад от древнего замка (рис. 1). Под новые дома и хозяйственные постройки рабочие выкопали траншеи под ленточные фундаменты. В одной из траншей строителями был найден боевой кинжал, который они отдали автору. Поскольку между находкой кинжала и его передачей прошло несколько дней, строители не смогли точно вспомнить, на какой глубине он был найден. В результате возникают проблемы с дати-

ровкой, т. к. неизвестен стратиграфический слой, в котором была зафиксирована находка. Однако в результате первичного визуального осмотра кинжала, который был тщательно вычищен рабочими, в углублениях от коррозии сохранились рыжевато-серые песчинки, тождественные предматериковому слою траншеи, который можно датировать XV-XVI вв. Такую датировку можно подтвердить и косвенными фактами. Крупный исследователь восточнославянского вооружения А. Н. Кирпичников в своих работах, посвященных древнерусскому оружию, не упоминает о кинжалах подобного типа, которых в то время, вероятно, еще не существовало. В статье О. В. Двуреченского, посвященной вооружению войск Речи Посполитой периода интервенции в Московское государство (начало XVII в.), также ничего не говорится про подобное оружие. Следовательно, данный кинжал можно датировать временем позднее XIII и ранее XVII в., т. е. XV – XVI вв.

Перейдем к описанию находки (рис. 2). Кинжал сохранился в отличном состоянии, следы от коррозии не очень глубокие. Изготов-

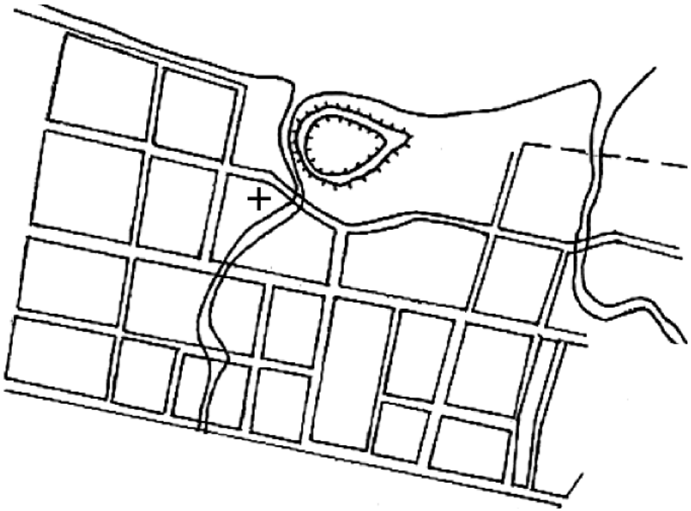


Рис. 1. Ситуационный план размещения траншеи.

лен он из цельного куска железа способом ковки. Общая сохранившаяся длина кинжала составляет 337 мм. Острие в результате коррозии не сохранилось, следовательно, к общей длине предмета можно добавить 4 – 5 мм. Сохранившаяся длина обоюдоострого клинка 226 мм. Он ромбообразный в сечении, ширина клинка возле перекрестья 39 мм, в середине 28 мм. Толщина клинка возле перекрестья 8 мм, постепенно сужающаяся к острию. Ширина прямоугольного в сечении черенка 24 мм, толщина – 7 мм. Навершие кинжала представлено расплющенным в полукруг черенком. С уверенностью можно утверждать, что между черенком и клинком находилось перекрестие, которое было утрачено. Об этом свидетельствуют следы коррозии на месте предположительного нахождения перекрестия, которые значительно менее выражены, чем на остальном кинжале.

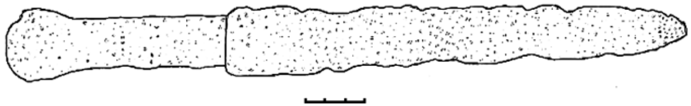


Рис. 2. Кинжал.

Данная находка, относящаяся к XV – XVI вв., открывает для исследователей новый тип наступательного вооружения и позволяет продолжить изучение позднесредневекового оружия.

Литература и источники

1. Двуреченский, О. В. Предметы вооружения и снаряжения всадника и верхового коня из сборов на территории Тушинского лагеря / О. В. Двуреченский // Военная археология : сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып. 1. — Москва : Квадрига, 2008. — С. 255 — 276.
2. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников. Вып. 1. Мечи и сабли IX – XIII вв. — Москва — Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. — 176 с.
3. Кирпичников, А. Н. Древнерусское оружие / А. Н. Кирпичников. Вып. 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. — Москва — Ленинград : Наука [Ленингр. отд-ние], 1966. — 147 с. с ил. и карт.; 34 л. ил.

Л. У. Калядзінскі (Мінск)

ІТАЛЬЯНСКАЯ МАЁЛІКА XVI ст. З РАСКОПАК ВЕРХНЯГА ЗАМКА ВІЦЕБСКА: НОВЫЯ ПАДЫХОДЫ Ў ВЫВУЧЭННІ АРТЭФАКТА

Віцебск. 1980 год. Віцебскі археалагічны атрад Інстытута гісторыі АН БССР (навуковы кіраўнік работ Л. У. Калядзінскі) працягвае даследаванні колішняга Верхняга замка ў скверы па вуліцы Пушкіна, на тэрыторыі, запланаванай пад археалагічны музей-запаведнік. Плошча раскопа 100 кв. м [10, с. 338 — 339]. На глыбіні 3,4 — 3,7 м ад узроўня ўмоўнага нуля ўскрыты рэшткі драўлянай канструкцыі памерамі 3х4,6 м, узведзенай з бярвення хвойнай пароды таўшчынёю 20 — 22 см. Унутры пабудовы прасочаны скапленні гліны, цэглы і каменю: верагодна, печышча. Гэта дало падставы аднесці выяўленую канструкцыю да рэшткаў жытла. У культурным пласце, якім была запоўнена пабудова, пры яго распрацоўцы сабраны фрагменты глінянага посуду, кафлі, часткі скуранога абутку, косткі жывёл. Стратыграфічна выяўленую пабудову можна аднесці да пачатку першых дзесяцігоддзяў XVII ст. Непадалёк ад пабудовы, у квадраце № 20, размешчаным у паўднёва-ўсходнім куце раскопа, быў выяўлены фрагмент размаляванага блюда (іл. 1), на якім красавалася адмыслова вымаляваная выява буйной рагатай жывёліны, мяркуючы па масіўнасці тулава, быка. Інфармацыя пра гэтую знаходку была змешчана ў навуковай справаздачы аб палявых даследаваннях пры апісанні рэчавага матэрыялу [7].

Праз пэўны час артэфакт стаў аб'ектам увагі навукоўца І. Ганецкай, якая вывучала маёліку з археалагічных выкапкаў у Беларусі. На яе думку гэта ўзор італьянскай маёлікі першай паловы XVI ст. [a] Затым з'явілася наша сумесная публікацыя, у якой мы прывялі падрабязнае апісанне знаходкі: блюда захавалася на 17 см у папярэчніку ад свайго першапачатковага дыяметра[b], асноўны аб'ём якога размяшчаўся на паддоне трапецыяпадобнай формы вышынёй 5 — 8 мм і дыяметрам 12 см. Чарапок блюда порысты, таўшчынёю да 6 см па перыметру фрагмента выраба. Некалькі сказаў было прысвечана і апісанню сюжэта, адзначана яго каларыстычная гама (сіні, рознай танальнасці, колер і ў невялікай колькасці жоўты), а таксама досыць рэалістычная манера выканання малюнка. Роспіс зроблены па двухколернаму фону: сіні тон па баках разрываецца ў цэнтры белым шлячком, што, нібы сноп святла, выхоплівае з цемры постаць жывёліны. Удалае спалучэнне сініх таноў рознай інтэнсіўнасці дае эфектны кантраст, падкрэслены белым фонам. Роспіс выкананы па сырой эмалі і пакрыты слоем празрыстай свінцовай палівы, што пасля канчатковага абпалу надавала фарбам святочны бляск. Постаць жывёліны размешчана не ў цэнтры люстэрка блюда, а вертыкальна, троху пададзенай уніз. Гэта абумоўлівалася тым, што падобны посуд звычайна ўпрыгожваў інтэр'еры багатых дамоў: бываў расстаўлены на паліцах буфетаў. Так лягчэй было ўспрымаць малюнак. Адваротны бок начыння пакрыты карычневай палівай па жоўтай. Ніякага кляйма або надпісу ці малюнку на адвароце блюда няма. Менавіта гэтая акалічнасць і ўскладняе вызначыць канкрэтнае месца вытворчасці посуду. Можна было толькі ўпэўнена сказаць, што аўтар гэтага твора знаходзіўся пад уплывам школы Фаэнцы[c], бо менавіта фаэнцскія маёлікі былі прызнаным узорам амаль для ўсіх італьянскіх майстроў. Гэта была першая і, як тады падавалася, вычарпальная публікацыя пра гэту знаходку [4, с. 72].

Але ўжо праз тры гады пасля гэтай публікацыі мой сааўтар І. Ганецкая у сваёй манаграфіі, прысвечанай маёліке на Беларусі, адносіць вытворчасць гэтага блюда да майстроў з Дэруты[d], паколькі менавіта там адваротны бок такога роду вырабаў пакрывалі паліваю карычневага колеру, як гэта і назіраецца ў нашай знаходкі [5, с. 29]. Не будзем аспрэчваць гэтую тэзу маёй калегі, бо, верагодна, што гэта так і ёсць.

Праз паўтара дзесятка гадоў мы зноў вярнуліся да гэтай знаходкі. Найперш мы звярнулі ўвагу на тры кропкавых следа, пакінутых на

[a] *Маёліка — ад італьянскага maiolika, від керамікі, выраб з каляровай абпаленай гліны з буйнапорыстым чарапком, пакрытым непразрыстай паліваю. У XVI ст. у Італіі быў распаўсюджаны фігурны жывапіс па маёліке. Узоры такой вытворчасці захоўваюцца ў Дзяржаўным Эрмітажы Санкт-Пецярбурга, у Нацыянальным музеі ў Варшаве, маюцца ў калекцыі Чартарыйскіх і вавельскіх зборах Кракава [11; 15; 17; 18].*

[b] *Першапачатковы дыяметр блюда мог быць з улікам борцікаў, у межах 32 — 33 см. Самі борцікі маглі быць запоўнены раслінным гратэскам ці лусковым арнаментам.*

[c] *Фаэнца — горад у паўночна-ўсходняй частцы Італіі, размешчаны паміж Балоньей і Рыміні, што на ўзбярэжжы Адрыятычнага мора. У XVI ст. у Фаэнцы выраблялася маёліка.*

[d] *Дэрута — горад у Італіі, дзе ў XVI ст. таксама выраблялі маёліку.*

паліве ліцавой паверхні блюда. Памеры гэтых слядоў ад 7 х 8 мм да 9 х 10 мм. Размешчаны яны на адлегласці 7 – 8 см адзін ад другога, утвараючы вяршыні трохкутніка. Гэта нішто іншае, як адбіткі ножак глінянай падстаўкі, на якую ярусамі змяшчалі вырабы ў печ для іх абпалу[e]. Падобныя прыстасаванні існавалі і ў рамеснікаў па вырабу размалляваных блюдаў у сярэднявечным Біляры – сталіцы Волжскай Булгарыі дамангольскага часу. Пад назваю «сепоя» яны вядомы ў традыцыйным ганчарным промысле цюркскіх народаў Татарстана і Сярэдняй Азіі [9, с. 67 – 68, рис. 3: 2, 10].

Іл. 1. Італьянская маёліка XVI ст., блюда з раскопак Л. Калядзінскага на Верхнім замку Віцебска ў 1980 г. Ліцавы бок выраба.

Далей мы мусілі звярнуцца за кансультацыяй да спецыялістаў сумежных навук. Заключэнні спецыялістаў істотна папоўнілі інфармацыю пра гэтую знаходку. Так, у выніку фізіка-хімічных даследаванняў было ўстаноўлена, што блюда было выраблена з керамічнай масы высокатэмпературнага абпалу (звыш 850 – 900° С), блізкага да фазы шклоўтварэння, што стварыла ілюзію фаянса. Для прыгатавання керамічнай масы былі выкарыстаны гліны светлага жоўта-ружовага колеру з дамешкам кварцавага пяску алеўрытавай (0,1 – 0,01 мм) і дробнаалеўрытавай (0,01 – 0,05 мм) памернасці. Наяўнасць у чарапку тонкага абломачнага матэрыялу (алеўрытавай памернасці і больш тонкай) сведчыць аб выкарыстанні сыравіны лёсавых парод, а раўнамернае размеркаванне яе ў масе – пра стараннае прыгатаванне зыходнай сыравіны (глiністага цеста) для вырабу. У складзе керамічнай масы таксама ўстаноўлены дамешак мінеральнага (карбонаштрымліваючага) рэчыва (крэйда, вапна, мармуравая мука)[f].

[e] *Выказваем падзяку Ю. В. Ковалю, старшаму навуковаму супрацоўніку Інстытута археалогіі Расійскай Акадэміі навук, які пракансультаваў нас у гэтым пытанні.*

[f] *Навуковае заключэнне хіміка Л. І. Усоскай, начальніка аддзела фізіка-хімічных метадаў даследавання ААТ «Праектрэстаўрацыя», г. Мінск, Рэспубліка Беларусь.*

Пасля прасушкі і папярэдняга абпалу вырабу на яго ліцавую паверхню нанеслі белы, цёплага адцення фон таўшчынёю ў 0,03 мм. Складаючыя белага фону наступныя: Si^{2+}, Pb^{2+}. Потым, пасля прасушкі фону, вопытнаю рукою майстра на прыдонную частку блюда была нанесена выява быка. Звод – роспіс цэнтральнай кампазіцыі – выкананы сінім кобальтам (CaO Al_2O_3). Для ўзмацнення ўспрыяцця сюжэта нанесены і светацені блакітнага і светла-блакітнага колеру. Роспіс, як паказаў пільны, уважлівы позірк праз мікраскоп, выкананы быў па двухколернаму фону: насычаны сіне-зялёны тон, накладзены паўзверх белага фону пучком поўсці або шчаціны (пігмент – Si^{2+}, Cu^{2+}, Al^{3+}, Pb^{2+}) па баках выявы, разрываецца па цэнтру белым промнем. Удалае злучэнне сініх таноў рознай інтэнсіўнасці дае эфектны кантраст, падкрэслены белым фонам. У невялікай колькасці ў мастацкім роспісу прысутнічае і жоўты колер, па танальнасці і насычанасці, гаворачы моваю мастакоў, неапалітанскі жоўты. Ім расфарбаваны рогі, грыва, вушы і хвост жывёлы.

Іл. 2. Адбітак пальца на блюдзе, які пакінуў вучань.

Даволі цікавай аказалася яшчэ адна дэталь. Уважліва прыглядзеўшыся да выявы жывёлы на блюдзе, можна ўбачыць побач з рагамі быка, афарбаванымі ў жоўты колер, уціснуты, аб'ёмны адбітак пальца, які быў запэцканы ў жоўтую фарбу (іл. 2). Адбіткі пальцаў на кераміцы – з'ява нярэдкая і пры навуковым падыходзе да гэтай катэгорыі сведчання прыносіць пэўны плён: можна вызначыць пол і нават прыкладны ўзрост індывідуума [16, s. 185 – 193]. Таму і мы мусілі звярнуцца да спецыялістаў па дактыласкапіі. Паводле іх заключэння гэта адбітак вялікага пальца правай рукі. А мяркуючы па адлегласці паміж папілярнымі лініямі, якая складала ад 0,3 да 0,8 мм, гэты адбітак мог належыць падлетку прыкладна 12 – 14 гадоў.[g]

[g] *Вызначэнне выканана ў лабараторыі судзебных балістычных і трасалагічных даследаванняў Дзяржаўнай установы «Цэнтр судзебных экспертыз і крыміналістыкі Міністэрства юстыцыі Рэспублікі Беларусь».*

Эпоха сярэдневяковага рамяства — гэта эпоха цэхавага рамяства, якое прадугледжвала інстытут майстроў, чаляднікаў і вучняў [13]. Калі зыходзіць з узроста чалавека, пакінуўшага адбітак пальца на блюдзе, дык ім мог быць хутчэй за ўсё вучань [2, с. 112], якому майстар, верагодна, даручыў размаляваць ці, дакладней будзе сказаць, расфарбаваць па контуру асобныя дэталі выявы. Нават на першы позірк можна выявіць нявопытную яшчэ руку, што выконвала гэтую работу, бо жоўтая фарба, якой рабілася запаўненне гэтых дэталяў, выходзіць за контуры малюнка, што ўскосна падцвярджае нашае меркаванне, што гэты след — след вучня, які пасля выканання ім задання па роспісу блюда складваў вырабы ў печ для наступнага абпалу і ў гэты момант пакінуў адбітак пальца, які і дайшоў да нас праз чатыры сотні гадоў.

І яшчэ адно маленькае адкрыццё. Выява жывёлы, у дадзеным выпадку быка на блюдзе, наўрад ці ёсць звычайнае адлюстраванне анімалістыкі, як лічыць мая калега І. Ганецкая [5, с. 29]. Чалавеку эпохі сярэднявечча адухатварэнне матэрыяльнага і матэрыялізацыя духоўнага ўяўлялі з сябе гармонію навакольнага яму света [1, с. 191]. У перыяд ранняга сярэднявечча выявы на прадметах птушак, рыб, жывёл увасаблялі кадзіроўку хрысціянскіх сімвалаў. Так, напрыклад, святы Лука маляваўся ў абліччы быка [8, с. 136], што ў нашай сітуацыі магло бы быць прымальным для расшыфроўкі сюжэта. Але заўважым, блюда XVI ст., перыяду Рэнесанса, калі назіраўся зварот да сюжэтаў антычнай міфалогіі. Звернем увагу: тулава быка белага колеру, рагі — жоўтага. У геральдыцы, як вядома, белы колер сімвалізуе срэбра, а жоўты — золата. Успомнім антычную міфалогію, калі юнай прыгажуне Еўропе з'явіўся ў абліччы срэбрашэрстнага з залатымі рагамі быка валадар Алімпа — Зеўс [12, с. 123 — 125]. У такім разе будзе выглядаць слушнай думка, што на блюдзе з нашых раскопак і ёсць выява Зеўса. Гэта думка будзе выглядаць яшчэ больш пераканаўчай, калі ўспомніць, што сюжэты з антычнай міфалогіі сустракаюцца і на іншых вырабах гэтага часу. Так, у раскопках, што праводзіліся на тэрыторыі Лідскага замка, выяўлены фрагмент маёлікавага блюда, дзе быў змешчаны сюжэт пра Лаокоона [3, с. 58 — 61].

Цалкам да месца тут і дапытлівасць, як жа трапіла гэтае блюда ў Віцебск? На пачатку XVII ст. у Віцебскім замку служылі ротмістрамі (капітанамі) чацвёра італьянцаў. Сярод іх Аброджэо Гваніні і Аляксандр Гваніні, бацька і сын. Апошні пакінуў успаміны пра сваю

службу ў Віцебску, дзе сярод іншага прывёў і апісанне ўмацаванняў Віцебскага замка [6, с. 420 — 421]. Стратыграфічна блюда таксама прыпадае на слой пачатку XVII ст., у якім яно і было выяўлена. Мы не сцвярджаем катэгарычна, што яно напрамую звязана з прабываннем італьянцаў у Віцебскім замке. Але і не заўважаць гэтага, як нам падаецца, таксама бязглузда. Хто ведае? У рэшце рэшт, як казаў акадэмік Б. А. Рыбакоў, мэтр айчыннай археалогіі, «<...> археолог всегда должен быть немного фантазером, криминалистом, потому что прошлое оставляет нам в большинстве случаев какие-то крохи» [14, с. 47].

Літаратура і крыніцы

1. Баландин, Р. К. Природа и цивилизация / Р. К. Баландин, Л. Г. Бондарев. — Москва, 1988.
2. Бахрушин, С. В. Ремесленные ученики в XVII в. / С. В. Бахрушин // Научные труды. — Москва, 1954. — Т. 2.
3. Ганецкая, І. Вытокі беларускага фаянсу / І. Ганецкая, Н. Здановіч, А. Трусаў // Мастацтва Беларусі. — 1988. — № 6. — С. 58 — 61.
4. Ганецкая, І. Маёліка Фаэнцы з берагоў Эрыдана / І. Ганецкая, Л. Калядзінскі // Мастацтва. — 1992. — № 7. — С. 72.
5. Ганецкая, І. У. Маёліка на Беларусі ў XI—XVIII стст. / І. У. Ганецкая. — Мінск : Навука і тэхніка, 1995. — 120 с. : іл.
6. Гваніні, Олександр. Хроніка Европейскоі Сарматіі. Упорядкування та переклад з польськоі о. Юрія Міціка / Олександр Гваніні. — Киів, 2007. — 1004 [2] с.
7. Калядзінскі, Л. У. Справаздача аб археалагічных раскопках у Віцебску ў 1980 г. / Л. У. Калядзінскі // АН БССР. Інстытут гісторыі. — Арх. № 719. — 26 с., [49] іл. + калекцыйны вопіс (19 с.).
8. Коваль, І. Церковна археологія / І. Коваль. — Івано-Франківськ : Нова Зоря, 1998. — 168 с.
9. Кокорина, Н. А. О технике Билярского гончарства / Н. А. Кокорина // Посуда Биляра. АН СССР. Казанский филиал. — Казань : ИЯЛИ, 1986. — 147 с. — С. 61—72.
10. Колединский, Л. В. Раскопки в Витебске / Л. В. Колединский // Археологические открытия 1980 года. — Москва, 1981.

11. Кубе, А. Н. Итальянская майолика XV—XVIII вв. : Альбом. Собрание Гос. Эрмитажа / А. Н. Кубе. — Москва : Искусство, 1976. — 82 с., 106 л., ил.
12. Кун, Н. А. Легенды и мифы Древней Греции / Н. А. Кун. — Минск : Народная асвета, 1989. — 462 с. : ил.
13. Полянский, Ф. Я. Очерки социально-экономической политики в городах Западной Европы XIII—XV вв. / Ф. Я. Полянский. — М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. — 275 с.
14. Рыбаков, Б. А. История и перестройка / Б. А. Рыбаков // Литературная запись Ю. Нечаева. — Москва : Книга (1989). — 77, (2)с.
15. Chojnacka, H. Majolika włoska XVI w. / H. Chojnacka // Muzeum Narodowe w Warszawe. Krajowa Agenja Wydawnicza [б. г.].
16. Lička, M. Určování pohlaví a věku na základě otisků papilárnich linií v archeologii a kriminalistice / M. Lička // Československá kriminalistika. — Ročnik VIII / 1975. — S. 185—193.
17. Piątkiewicz-Pereniowa, M. Majolika włoskie zbiorach wawelskich / M. Piątkiewicz-Pereniowa. — Kraków, 1975.
18. Zboińska-Daszyńska, B. Majoliki włoskie w zbiorach Czartoryskich w Krakowe / B. Zboińska-Daszyńska. — Kraków, 1952.

Л. В. Колединский (Минск), Т. С. Бубенько,
Л. В. Хмельницкая (Витебск)

ВИТЕБСК ВРЕМЕН ОГИНСКИХ (XVII в.)

Многие же будут первые последними, и последние первыми.
(От Марка 10; 31)

Человек, среда, общество. Кажется, эти слова сегодня звучат как аксиома. Многие из древних городов Беларуси в той или иной степени были связаны с представителями рода Огинских. Именно в них формировалась ментальность этих людей, давших и ярких политических деятелей и талантливых композиторов. Каково было это окружение, каково было общество, в конце концов, какова была

аура той эпохи, оказавшей воздействие на формирование их личностей — предмет нашего повествования.

К числу таких городов относится и Витебск — один из древнейших городов Восточной Европы, первые достоверные упоминания о котором относятся к 1021 г., а археологические данные позволяют относить его возникновение уже к IX—X вв.

Археологические раскопки и письменные источники позволяют в какой-то мере реконструировать картину Витебска периода Огинских[a].

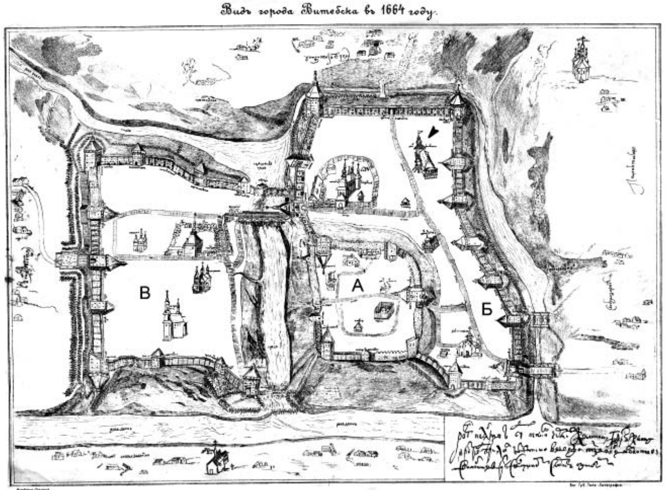
В Витебске представители рода Огинских появились уже в начале XVII в. Впервые усадьба и дом Огинских «в замке его королевской милости Витебском Нижнем» упоминаются в документах 1627 г. [8, с. 461]. В Инвентаре Витебска 1641 г. упоминаются пять домов с огородами «пана Самуила Огинского в Русском посаде» [16, с. 368].

Лев Самуил Огинский, тивун трокский, отец Ка́роля Сымона, как свидетельствуют актовые материалы 1645 г., владел в Витебске участком земли, который располагался неподалеку от площади, где «перед тым царква святой Пятницы стаяла» (позже на этой площади был возведен иезуитский коллегиум (современная площадь Свободы) [7, с. 95—97]. Именно на этом месте стоял так называемый дворец или дом Огинских — деревянное сооружение асимметрической композиции, известное нам по «Чертежу места Витебска 1664 года», составленному русским воеводой Яковом Волконским для царя Алексея Михайловича (ил. 1). Одна из башен Нижнего замка, расположенная напротив дома Огинских, называлась Княжеской, что уже само по себе является свидетельством долговременности существования княжеской резиденции на упомянутом выше месте.

Был ли род Огинских княжеским? А. Цехановецкий отмечает, что, безусловно, был. Но по законам Речи Посполитой, в состав которой в то время входил Витебск, они этим титулом не пользовались [20, с. 36].

Как выглядел Витебск во времена Огинских, то есть в XVII веке? В это время он располагался по обе стороны реки Двины, включая Верхний, Нижний и Узгорский замки, слободы Задунайскую и За-

[a] *Археологические раскопки в Витебске проводили в 60—90-е гг. XX в. Бубенько Т. С., Колединский Л. В., Левко О. Н., Тишкин И. А., Ткачев М. А., Штыхов Г. В. Изученная раскопками площадь составляет более 2 га. Материалы раскопок сосредоточены в основном в Витебском областном краеведческом музее, опубликованы в десятках статей и ряде монографий.*



«Чертеж места Витебска 1664 года». Под буквой А обозначена территория Верхнего замка, под буквой Б – территория Нижнего замка, под буквой В – Узгорского замка. Стрелкой указано месторасположение усадьбы Огинских.

ручайскую на правом берегу Двины, слободу Русь (Русский посад) на ее левобережье. Площадь Витебска на то время составляла более 40 га [11, с. 99 — 104; 21, с. 124, табл. 3]. В нем насчитывается 1000 домов и проживает около 10 тысяч жителей. С 1597 г. Витебск имел полное магдебургское право и как символ его ратушу, возведенную из дерева на фундаменте каменном. Герб Витебска — образ «Спаса збавителя в блакитном поле», а под ним меч кровавый. Витебск — центр воеводства. Последнее имело свою хоругвь: зеленое полотнище, где в белом поле помещалась «Погоня» красного цвета. В XVII в. в Витебске насчитывалось 17 цехов [10, с. 91 — 92]. Витебск имеет собственную военную систему. Она включала городское пешее ополчение, конное мещанство и гарнизон наемников.

Витебск XVII в. — это многоконфессиональный город. В нем сосуществуют несколько религиозных общин: православная, униатская, католическая, протестантская и иудейская. Их сосуществование не всегда было миролюбивым. Так, в 1623 г. произошло восстание православной части витеблян против униатского епископа Иосафата Кунцевича. Восстание было жестоко подавлено. А сам город на два десятилетия был лишен магдебургского права.

Археологический материал рисует нам картинку бытовой и хозяйственной жизни города XVII в. Широкие, 5 — 7 м, уличные мостовые, главная из которых имела название «Великая», определяли планировку и застройку города. К ним сбегались небольшие улочки шириной до 2 м. Одна из них носила название «Пробойная». Уличные мостовые настилались из досок, плах и бревен на лаги. Вокруг улиц располагались усадьбы горожан, размежеванные частоколом из тонких бревен. Усадьба включала 1 — 2 жилища и 2 — 4 хозяйственные постройки. Жилища — срубы, иногда на подклетах, площадью 30 — 42 кв. м. Полы в жилищах дощатые, крыши крылись тесом, иногда гонтом. Окна небольшие, стеклянные, вставленные в деревянные, реже в оловянные, переплеты. В интерьере жилища главное место отводилось печи. Последние облицовывались изразцами терракотовыми, муравлёными или полихромными, в зависимости от достатка хозяина дома.

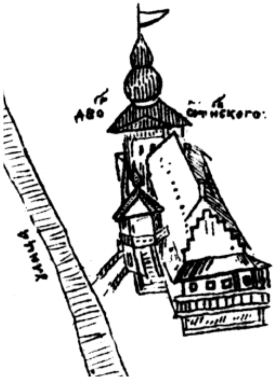
Ремесленный, промысловый и бытовой инвентарь XVII в. мало чем отличался по своему облику от древнерусского. Среди находок этого времени нередко встречаются и привозные: ножи с клеймами и накладными рукоятями, изготовленными из кости из Германии, глиняные сосуды из-под вина из немецких городов, курительные трубки из Голландии, стеклянная и майоликовая посуда из Италии [9, с. 25 — 44].

Раскопками 1989 г. вскрыта одна из усадеб этого времени, которая принадлежала роду Огинских. Она располагалась на территории бывшего Нижнего замка. Изображение ее есть на чертеже Витебска 1664 г. [b]

Это обширное строение, увенчанное многоярусной башней, которая завершалась шатром и сложным куполом со шпилем и флажком флюгера (ил. 2). Строение опоясывала ажурная галерея открытого типа. Фронтон здания сделан был в виде треугольного щита со ступенчатыми краями. Сбоку дома стояла граненая двухъярусная башня, к которой вела надворная лестница-марш. На протяжении XVII — XVIII вв. дворец Огинских являлся своеобразным архитектурным символом Витебска [5, с. 108; 15, с. 19; 22, с. 657].

---

[b] *На месте дворца Огинских в XIX в. располагалось училище иезуитов, затем, до 80-х годов XX в., — здание фармацевтического факультета Витебского медицинского института. Ныне — пустырь.*



Изображение усадьбы Огинских на чертеже Витебска 1664 года.

Археологические исследования приоткрыли занавес тайны этой усадьбы, спрятанной в недрах культурного слоя.

Так, во время этих раскопок был выявлен каменный фундамент, сложенный из валунов на известковом растворе. Фундамент был впущен в грунт на глубину около четырех метров и имел ширину 60—70 см. Во время его расчистки найдены золотая подвеска и небольшой кусочек золота в форме капли. Принадлежность этого фундамента к дворцу Огинских не должна вызывать сомнения, ибо тут было найдено много печных изразцов с монограммами рода Огинских. Но об этом ниже.

Этими же раскопками были вскрыты остатки двух деревянных домов, располагавшихся на территории усадьбы Огинских. Одна из них, постройка № 75, срублена из сосновых бревен толщиной 12—24 см «в чистый угол», сохранилась на высоту 4 — 6 венцов[c]. Другая, постройка № 81, расположенная восточнее, срублена из еловых бревен толщиной 12 — 17 см «в верхнее обло» с остатком 4 — 14 см, сохранилась на высоту до трех венцов. Обе постройки были впущены в грунт на глубину около метра и имели площадь, близкую к 25 кв. м. К первой из них было проложено водоотводное сооружение. Оно представляло собой желоб, выдолбленный из толстого бревна (размеры 40 х 42 см) и покрытый сверху доской толщиной 7 см. Один край этого желоба входил в постройку более чем на полметра, другой вел к краю площадки замка. В слое, заполняющем постройку, были найдены тигли и льячки для плавки и разлива по формам цветных металлов, кусочки шлаков, бронзовый пластинчатый браслет, глиняные грузила и глиняные шарики для игры в «мурмельшпиль». Однако самая неожиданная находка была обнаружена в углу сруба. Это обычная бочка, на дне которой лежало десять яблок (!). Находка необычная, даже для влажно-

c Нумерация построек — согласно полевой документации раскопок Нижнего замка Витебска.

го слоя, хорошо сохраняющего органику. Яблоки были величиной с 5-копеечную монету времени раскопок (80-е годы XX в.) — 25 мм в поперечнике, деформированы в объеме, но почти сохранившие свой первоначальный изжелта-коричневый цвет[d].

Во второй постройке найдены втульчатый наконечник стрелы, костяной наборный гребень, фрагмент курительной трубки, глиняная игрушка — свисток. Кроме того тут же встречены льячки, шлаки, кусочки оплавленного стекла и кусок металла белого цвета (вероятно, серебра), собрано много фрагментов изразцов с монограммами Огинских. Но самой замечательной находкой была стеклянная вставка в перстень с вогнутым изображением лика Огинского (гемма с барельефом Огинского).

Интерес представляет и находка каменного тесла эпохи неолита. Для периода позднего средневековья эта вещь не более чем оберег от пожара. Последнее вполне допустимо, если учесть род деятельности хозяина постройки — плавка и обработка цветных металлов. Но, по-видимому, «духи небесные» оказались неблагосклонными к этому сооружению, ибо постройка все же погибла в огне пожара.

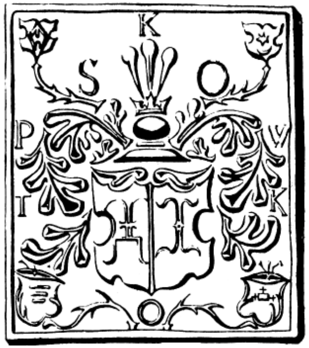
Обе постройки являлись подклетами жилых домов, принадлежавших мастеру-ювелиру, жившему на территории усадьбы Огинских.

Несомненный интерес представляют находки печных изразцов с монограммами Огинских, найденные в этих постройках (ил. 3). Два образца их удалось идентифицировать с именем владельца. По гербам и аббревиатуре, помещенным на лицевых пластинках изразцов, можно довольно уверенно отнести их к Ка́ралю Сымону Огинскому и Теодоре Корсаковне Огинской (Теодора из рода Корсаков была второй женой Сымона Огинского). Все изразцы, найденные на этой усадьбе, судя по технологии их изготовления, принадлежат руке местного мастера [2, с. 115 — 116].

1654 год. Именно в этом году Ка́роль Сымон Огинский, прапрадед Михала Клеафаса Огинского, становится подкоморием витебским [4, с. 13, 26]. Но именно на этот год приходится самая драматическая страница витебской истории. Как известно, в этом году началась война России и Речи Посполитой, унесшая почти треть населения Беларуси [14, с. 139 — 140].

d Обычно такой цвет яблоки имеют, если они моченые. По-видимому, в данном случае так оно и было. Про это свидетельствуют их деформированный объем, небольшие размеры и, естественно, хорошая сохранность.

1



2

Изразцы, найденные на Нижнем замке Витебска на месте расположения усадьбы Огинских в XVII веке. Оба изразца относятся к числу коробчатых изразцов, покрытых пластиной.

Один из них (ил. 3, рис. 2) имел размеры 23,5 х 27 см. Посередине лицевой пластины этого изразца помещен геральдический щит, разделенный вертикально на две части. В правой части щита (от щита-державльника) помещено изображение герба «Огинец» (или «Брама»), с левой – герба «Котвица» (или «Якорь»).

Геральдический щит обрамляют стилизованный венок из дубовых листьев и латинские буквы: S, O, P, W, T, K, O. В четырех углах пластины изразца в небольших геральдических щитах как специфические завершения веток дерева размещены еще четыре герба: Богория, Лелива, Корчак и Могила. Весь рисунок исполнен в технике невысокого рельефа и по периметру заключен в рамку шириной 5 мм.

Расшифровка аббревиатуры около центрального щита позволяет идентифицировать владельца этого изразца с фамилией Огинских. Это Ка́роль Сымон Огинский – подкоморий витебский и Теодора Корсаковна Огинская, которая происходила из рода Корсаков и являлась на то время второй женой Ка́роля Сымона. Герб «Огинец», как известно, родовой герб Огинских, герб «Котвица» – шляхетского рода Корсаков.

Остальные геральдические изображения входили в состав древнего рода Огинских. Известно, что герб «Багория» в дом Огинских принесла Анна из рода Валовичей, жена деда Ка́роля Сымона Огинского, герб «Могила» – Софья из рода Белевичей, мать Ка́роля Сымона Огинского. Происхождение гербов «Лелива» и «Корчак» в клейноте герба Огинских на этом изразце не совсем для нас понятно. Отметим, однако, что изображения «Леливы» и «Корчака» присутствуют в гербах Александра, хорунжия надворного литовского, и Яна, подкомо-

рия трокского, Огинских, родных братьев отца Ка́роля Сымона – Льва Самуила Огинского. Отметим также, что в Великом княжестве Литовском существовали свои правила составления герба. Так, в главной части щита (справа вверху) находился родовой герб владельца, под ним – герб деда, в левом верхнем углу – герб матери, а под ним – жены деда.

Согласно этим правилам, допустимо считать, что гербы «Лелива» и «Корчак» в клейноте родового герба Огинских принадлежат ко времени основоположника рода Матвея Огинского, про которого сохранилось очень мало сведений. Вероятно, что гербы «Лелива» и «Корчак» принадлежали очень знатным в роду предкам, и поэтому включались в состав нескольких поколений князей Огинских.

Второй изразец (ил. 3, рис. 1) имеет размеры пластины 22 х 25 см и выделяется более упрощенным художественным декором. В центре этой пластины помещен четырехчастный геральдический щит с изображениями гербов «Огинец», «Котвица», «Корчак», «Лелива», около которого располагались латинские буквы: S, K, Z, K, O, P, W, T, K, K, O, P, W. По периметру изображение обведено рамкой шириной 7 мм.

Аббревиатура геральдических изразцов этого типа позволяет отнести ее к тем же владельцам, что и вышеописанная, а следовательно: Сымон Ка́роль из Козельска Огинский, подкоморий витебский, и Теодора Корсаковна Карлова (жена Ка́роля Огинского) Огинская, подкоморка витебская. В верхней, наиболее важной части геральдического щита, помещены родовые гербы мужа и жены, в нижней – древние клейноты рода Огинских «Корчак» и «Лелива».

Накануне этой войны витебский магистрат принимает меры по обновлению городских укреплений. На Нижнем замке вместо 7 башен возвели 14. На территории Верхнего и Нижнего замков проживало 42 пушкаря. На случай осады в городе имелись достаточные запасы хлеба, ядер пороха, пуль, свинца для отливки пуль, формы для отливки ядер, обломки медных и бронзовых колоколов для отливки орудий, запасы кремня, фитиля и т. д. Что касается Узгорского замка, то, как доносили русские лазутчики, «<...> почат город делать земляной, да не доделан <...>».

Несмотря на то, что значительная часть витебских укреплений была из дерева, на город в Великом княжестве Литовском возлагались большие надежды. Ибо его укрепления закрывали прямой путь к Полоцку и далее к Риге, Вильно и Гродно. «Сила Речи Посполитой, — говорилось в «Конституции» 1654 г. сейма ВКЛ, — на замок Витебский опирается» [25, s. 242 — 243).

В середине августа 1654 г. войско Шереметьева прибыло к Витебску. Вскоре сюда явились и украинские казаки Золоторенко.

В Витебске готовились к войне. Поспешно разбирались дома и хозяйственные постройки. Предстоящая опасность объединила всех горожан — представителей различных конфессий. Были разобраны и использованы для городских укреплений постройки Кальвинского сбора, дом пастыря и училища кальвинистов. Еврейская община Витебска на свои средства построила 46 саженей острога, отремонтировала браму, сделала подземный ход к Двине, поставила на стенах замков несколько десятков котлов с водой для тушения пожара, содержала сотню драгунов.

Русско-украинскому войску в 20 тысяч противостояло чуть более 10 тыс. человек, из них 1 тыс. конной шляхты и 800 мещан.

27 августа Шереметьеву было приказано «под Витебском промышлять подкопом и зажогом». Но из-за непрерывных дождей (на что всегда была богата витебская осень) ничего из этого не вышло. По требованию воеводы к Витебску была прислана «великая пищаль верховая «Скворец» с 10 огненными, 10 нарядными и 16 гранатами» и стенобитная пушка. Однако и эта мера оказалась тщетной. И 24 октября царь в грамоте к Шереметьеву пишет: «<...> и будет в Витебске нам, великому государю, не добьют челом, а город не здадут, <...> Витепский уезд <...> весь выжеч без остатку» (!)

17 ноября московское войско после жесткого приступа (письменные источники отмечают, что московские стрельцы были пьяны и матерно бранились) ворвалось в город. Были взяты Узгорский и Нижний замок. Защитники отступили в Верхний замок. Но и его пришлось покинуть. Последним оплотом защитников стала Замковая гора, но и ее «от безмернова приступу здали». Произошло это 22 ноября 1654 года [12, с. 54].

Началась расправа над горожанами, в результате которой победители немало «шляхты, мещан, посполства, жолнеров, драгунов, жен и малых детей, стариков и старух, что были в богодельнях, без всякой пощады высекли и выбили» [18, с. 88—89]. Почти 95% дворов в Витебске было уничтожено [14, с. 139, табл. 2].

Ну а какова судьба в этих событиях Ка́роля Сымона Огинского? По сведениям «Польского биографического словаря», князь Ка́роль Сымон Огинский вместе со своим отцом, Львом Самуилом Огинским, прибыл в ноябре 1655 г. в Вильно, уже занятое русскими войсками. Он имел намерение принять русское подданство. И

в феврале 1656 г. Огинский с группой шляхты направился к царю [24, s. 638]. Однако в 1660 г. Ка́роль Сымон вступил в войско Великого княжества Литовского, в дивизию левого крыла польского гетмана Винцента Гасевского. В 1660 — 1663 гг. он был поручником панцырной харугвы Гасевского и неоднократно отличался в баталиях [23, s. 395]. После возвращения Витебска Речи Посполитой по Андрусовскому перемирию 1667 г. Ка́роль Сымон Огинский был назначен королем Яном Казимиром руководителем приема города от русских. Ему же позже было поручено и все его внутреннее правление [1, с. 44].

В 1679 г. Ка́роль Сымон Огинский стал мечником литовским [23, s. 395]. Умер он в 1694 г. и был похоронен в Вильно в костеле Св. Терезы при фундации им монастыря кармелитов босых [13, л. 6, об. 7]. Еще несколько поколений его потомков продолжало жить в Витебске в доме причудливой архитектуры, интерьер которого, как и ранее, украшали изразцовые печи с геральдическими отличиями славных предков известного рода.

Картина Рембранта «Польский всадник» (ок. 1655 г.) – вероятный прижизненный портрет Ка́роля Сымона Огинского.

Post Factum. Как выглядел Ка́роль Сымон Огинский? Ответить на этот, казалось бы, риторический вопрос помогает картина Рембранта Харменса ван Рейна «Солдат конницы Лисовского» (или «Польский всадник»), хранящаяся в собрании Фрик в Нью-Йорке [6, с. 155] (ил. 4). Картина была написана Рембрантом около 1655 г. Известно, что в молодости Ка́роль Сымон Огинский учился в Голландии, в университете Франекер. Там же в 1644 г. он и женился на дочери бургомистра П. Стаакманс [24, s. 638]. По мнению Т. Василевского, этот портрет и написан был голландским мастером с Ка́роля Сымона Огинского [24, s. 638].

Литература и источники

1. Без-Корнилович, М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений, к ней же относящихся / М. О. Без-Корнилович. — С. -Петербург, 1855.
2. Бубенька, Т. С. Кафля з гербамі Агінскіх з Віцебска / Т. С. Бубенька, Л. У. Хмяльніцкая // Гістарычна-археалагічны зборнік. — Мінск, 1994. — № 3. — С. 115 — 121.
3. Бубенько, Т. С. Отчет о полевых исследованиях на Нижнем замке г. Витебска в 1989 году / Т. С. Бубенько // Архив отделов археологии Института истории НАН Беларуси. — Минск, 1990. — Д. 1617.
4. Верамейчык, С. Міхал Клеафас Агінскі (1765 — 1833) / С. Верамейчык. — Мінск, 2003.
5. Гісторыя беларускага мастацтва : у 6 т. / рэд. кал. С. В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Навука і тэхніка, 1987 — Т. 2 : Другая палова XVI — канец XVIII стагоддзя. — 1988. — 384 с. : іл.
6. Егорова, К. С. Портрет в творчестве Рембрандта / К. С. Егорова. — М., 1975.
7. Историко-юридические материалы. — Витебск, 1883. — Вып. 28.
8. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Витебском центральном архиве. — Витебск, 1891. — Вып. 22.
9. Калядзінскі, Л. «Витбеск — три стены каменные» / Л. Калядзінскі // Беларускі гістарычны часопіс. — 1995. — № 2. — С. 25 — 44.
10. Левко, О. Н. Витебск XIV — XVIII вв. : (стратиграфия, хронология, социально-историческая топография и технология производств) / О. Н. Левко. — Минск, 1984.
11. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси : формирование и развитие / О. Н. Левко. — Минск, 2004.
12. Мальцев, А. Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века / А. Н. Мальцев. — М., 1974.
13. Национальный архив Республики Беларусь. — Ф. 694. — Оп. 1. — Д. 20.
14. Сагановіч, Г. Невядомая вайна : 1654 — 1667 / Г. Сагановіч. — Мінск, 1995.

15. Сапунов, А. П. «Чертеж» м. Витебска 1664 года / А. П. Сапунов // Труды Витебской ученой архивной комиссии. — Витебск, 1910. — Кн. 1.
16. Сапунов, А. П. Витебская старина / А. П. Сапунов. — Витебск, 1891. — Т. 1.
17. Ткачев, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачев. — Минск, 1987.
18. Ткачоў, М. Вайна Расіі з Рэччу Паспалітай 1654 — 1667 гг. / М. Ткачоў // Беларускі гістарычны часопіс. — 1993. — № 1. — С. 83 — 90.
19. Хмяльніцкая, Л. Культурна-мецэнатская дзейнасць князёў Агінскіх на Віцебшчыне / Л. Хмяльніцкая // Беларусіка — Albaputhenica 6. Беларусь паміж Усходам і Захадам: праблемы міжнацыянальнага, рэлігійнага і міжкультурнага ўзаемадзеяння, дыялогу і сінтэзу. — Мінск, 1997. — Ч. 2. — С. 34 — 44.
20. Цеханавецкі, А. Міхал Казімір Агінскі і яго «сядзіба музаў» у Слоніме / А. Цеханавецкі. — Мінск, 1993.
21. Штыхов, Г. В. Города Полоцкой земли (IX — XIII вв.) / Г. В. Штыхов. — Минск, 1978.
22. Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. — Мінск, 1984. — Т. 1.
23. Pamiętnik Jan Władyslaw Poczobut Odlanicki. Opracował A. Rachuba. — Warszawa, 1987.
24. Polski Słownik Biograficzny. — 1978. — T. XXIII/4.
25. Volumina legum. — Petersburg, 1860. — T. 2.

А. Р. Белоусов (Витебск)

ИЗМЕНЕНИЕ ДРЕВНЕГО РЕЛЬЕФА И ЗАСТРОЙКИ ТЕРРИТОРИИ ЗАМКОВОГО РУЧЬЯ И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ ТЕРРИТОРИИ

Участок, на котором производился вынос инженерных сетей из-под пятна объекта «Торгово-развлекательный комплекс с пивным

рестораном и многоуровневой стоянкой по ул. Ленина в г. Витебске» располагается в исторической части города, которая в эпоху средневековья называлась «Замковый ручей». Северный склон русла ручья ограничивал территорию Нижнего замка с южной стороны, а южный склон русла ручья — территорию слободы Заручайской с севера. Восточный склон русла ручья проходит вдоль слободы Задунавской, а на западе ручей впадал в р. Западную Двину. Таким образом, данный участок является водоразделом между Нижним замком и двумя средневековыми слободами. Нынешний рельеф участка топографически отражает примерное местонахождение бывшего Замкового ручья, хотя к настоящему времени он претерпел неоднократные нивелировки, подсыпки и подрезки. На склонах, а также в пределах самого русла размещаются жилые, культурно-административные и другие строения, а также многочисленные коммуникации. Русло древнего ручья с севера на юг пересекают современные ул. Ленина и ул. Калинина. Пятно строительства и выноса коммуникаций расположено между этими улицами в западине, маркирующей русло ручья (рис. 1). Вдоль северного склона русла в пределах названных улиц расположены гостиница «Витебск», универмаг, торговый комплекс с жилым кварталом.

Изображения оборонительных сооружений Нижнего замка, приведенные на «Чертеже г. Витебска 1664 г.», и соответствующие им описания «Сметных книг 1665 — 1666 гг.» указывают на деревянные конструкции, которые проходили по краю северного склона русла Замкового ручья в это время. Выявленные во время исследований М. А. Ткачева и Т. С. Бубенько остатки каменной «Нарожной» (Угловой) башни, названной по документам XIV в. «Кругликом», а также строительные материалы (большемерный кирпич и «монастырская» черепица) позволили предположить, что в XIV в. не только оборонительные сооружения Верхнего, но и Нижнего замков Витебска, были выполнены из камня. Большемерный кирпич имел размеры 32 — 30 x 17,5 — 15,5 x 8,8 — 5,5 см. Он использовался вместе с большими валунами на известковом растворе. Черепица, известная в литературе как «монастырская», имела полуциркульную форму. Ее длина достигала 43 — 55 см. Подобная черепица широко применялась в ВКЛ в XIV в. [1].

Как показали раскопки 1980-х годов, с внешней стороны каменные стены укреплялись дополнительными подсыпками глинистого вала (подсыпался в течение XIV — XV вв. не менее трех раз) [1, с. 224, рис. 46].

Территория Нижнего замка, на которой выявлены остатки оборонительной башни XIV в., расположена восточнее участка работ по выносу инженерных сетей из-под объекта строительства (за пределами ул. Ленина). Западнее этого участка (за ул. Калинина) проводились многолетние археологические исследования вблизи церкви Благовещения, датируемой 40-ми годами XII в. Здесь были выявлены и материалы, относящиеся к догородскому периоду: VI — IX вв. н. э. Следовательно, первые поселения вдоль северного склона русла Замкового ручья, впадающего в р. Западную Двину, относятся к племенной эпохе, предшествовавшей возникновению г. Витебска.

Мощность культурных отложений западной части территории Нижнего замка в целом достигала 2 — 4 — 6 м. На отрезке, где предположительно, располагалось русло ручья, слой был сильно испорчен поздними перекопами при возведении каменных зданий конца XVIII — XIX вв., имевших подвалы. Одно из таких зданий (предположительно, культовая постройка XIX в.) в настоящее время зафиксирована в траншее под теплотрассу южнее церкви Благовещения. Верхние напластования на глубину до 2 м также неоднократно перемешаны в связи с наличием густой сети инженерных коммуникаций.

Кроме того проводимые периодически в связи с перепланировкой, благоустройством территории и выравниванием склонов земляные работы также повлияли на характер отложений как в самой западине между ул. Ленина и ул. Калинина, так и на ее склонах (со стороны ул. Замковой и ул. Щербакова-Набережной). Подобные видоизменения культурных отложений затронули и территории прилегающих к склонам русла Замкового ручья участков бывших Нижнего замка и Заручайской слободы. Участок Заручайской слободы, ограничивающий русло Замкового ручья с юго-запада, известен по письменным источникам как заселенная с XIV в. территория (на горе, где расположены здания Витебского облисполкома, был построен каменный храм Святого Духа). Вдоль берега р. Западной Двины и современной ул. Калинина застройка слободы развивается уже с XII в. (установлено раскопками Левко О. Н. в 1980 г.). В конце XVII в. здесь уже функционирует ряд деревянных храмов, впоследствии сменившихся каменными (рис. 1). Такова в целом историческая ситуация, сложившаяся и отраженная в культурных напластованиях участков, прилегающих к зоне размещения объекта исследований.

Археологическим наблюдением 2007—2008 гг. были охвачены траншеи под инженерные коммуникации в зоне строительства:

траншея под электрокабель протяженностью 250 м при ширине 0,6 м и глубине до 1,4 м (рис. 6); траншея под «связь» с колодцами 1 — 9 протяженностью 347 м при ширине 1 м и глубине до 1,4 м; траншея под водопровод 80 м (до типографии) при ширине 1,5 м и глубине до 1,4 м и 4 траншеи под канализацию. Траншея К-1 имела протяженность 116 м при ширине 4 м и глубине до 5 м; траншея К-2 в длину составляла 187 м при ширине 5 м и глубине до 5 м; траншея К-3 была протяженностью 60 м при ширине 2 м и глубине до 1,4 м; траншея К-4 составляла в длину 49 м при ширине 5 м и глубине до 5 м.

Поскольку земляные работы производились техникой, то методика археологических исследований заключалась в тщательной фиксации культурного слоя в траншеях, обмерах остатков деревянных и каменных конструкций, а также их зарисовке и интерпретации. Выполнялись замеры кирпича в кладках. В тех случаях, когда информация об остатках архитектурных сооружений присутствовала в разных профилях траншеи, зарисовывались все профили. Если профили параллельно идущих и близко расположенных траншей содержали одну и ту же информацию, то зарисовывался профиль более глубокой и широкой траншеи (например, траншею «газ» только фотографировали, а траншею К-2 фотографировали и рисовали). Траншеи связи и электрокабеля подвергались лишь фотофиксации, т. к. глубина и ширина их не превышали 1 м.

Производился сбор материала как со слоя, выброшенного из траншеи на поверхность, так и внутри самих траншей. Зафиксирован характер отложений в геологических скважинах для ориентировки и сравнения со слоем из траншей. По общему содержанию скважин можно было составить представление о мощности и характере культурных напластований на участке выноса инженерных сетей.

Трудность зарисовки профилей состояла в том, что работы велись в любую погоду, главным образом, зимой и ранней весной. Грунт либо промерзал и не поддавался зачистке, либо был покрыт снегом. Зачистить его не представлялось возможным и по причине большой глубины ряда траншей (от 5 м и более), и в них по технике безопасности стенки делались под наклоном. Поэтому труднодоступные для зарисовки участки чаще подвергались только фотофиксации и описанию.

Все участки земляных работ описаны в соответствии с проведенным наблюдением. Нивелировка не производилась, т. к. использовались данные строительных чертежей с отметками по балтийской системе.

Траншея канализации-1 проходила по ул. Калинина с севера на юг почти до поворота к ул. Щербакова-Набережной, затем сворачивала на восток. В ней выявлены участки кирпичных кладок на извести, ориентированных с севера на юг. Стены имели ширину 0,6 — 0,8 м, сложены из кирпича размерами 26 (27) х 13 (13,5) х 7 см. Часть из них достигает в высоту 1,6 — 1,8 м. В стенах фиксируются душники. В основании стен фундаменты из крупных валунов. Нижний уровень залегания каменных конструкций от дневной поверхности находится на отметке 2,2 м. В ряде мест каменные конструкции подстилает слой пожара (древесный уголь). Есть основания предполагать, что на данном участке располагалась Рождественская церковь, зафиксированная на плане Витебска 1904 г. (рис. 1).

В траншее канализации-1 выявлено наибольшее количество археологического материала. Он представлен изразцами рельефными и расписными конца XVII в. — начала XVIII в. На оборотной стороне одного из них клеймо мануфактуры М. Будникова, построенной в г. Витебске в 1794 г. Здесь же выявлена разнообразная бытовая керамика XVII — XIX вв., представленная расписными тарелками, горшками, кувшином, а также фаянсовой и фарфоровой посудой. Найден бронзовый колокольчик в слое вблизи предполагаемой Рождественской церкви.

Траншея канализации-2 располагалась в северо-западной части строительной площадки. Она проходила почти параллельно траншее «газ», но имела большую ширину и глубину, поэтому фиксировался ее северный профиль не только на фото, но и графически. Под слоем асфальта и подсыпки гравия выявлен темно-серый слой до глубины 3,2 м. В нижней его части большое количество мелких ветвей. Под ветвями коричневый слой до глубины 3,7 м. Под ним до глубины 4,8 м (дно траншеи) прослежен светлый песок, по цвету и консистенции соответствующий песку с восточной части русла Замкового ручья (у амфитеатра), где он представляет собой коренной берег ручья.

На участке в 74 м длины при ширине траншеи 5 м и глубине от 5 м до 9,5 м (такой перепад глубин объясняется, во-первых, понижением дневной поверхности с запада на восток, а во-вторых, некоторым понижением материка с востока на запад) на глубине 8,5 м зафиксированы фрагменты кирпичной кладки на извести. Размеры кирпича 24 х 11,5 х 4 см. Подстилает данные конструкции до основания траншеи в западной ее части (9,5 м) слой коричневого цвета, который выклинивается на глубине 7,3 м. На последующих 25 м в

направлении колодца 4 глубина траншеи составила до 8 м. Под слоем асфальта, подсыпки до 0,6 м продолжается темно-серый слой на всю глубину траншеи до 8 м. На глубине 7 м снова появляются фрагменты кирпичной кладки. Размер кирпича 27 х 13 х 7 см. Под кладкой до основания траншеи прослежен светло-серый песок.

Заключительные 24 м траншеи в сторону ул. Ленина представлены участком глубиной 5,7 м. Ширина траншеи 5,2 м. Под слоем асфальта с подсыпкой зафиксирован слой темно-серого цвета с большим количеством электропроводов, строительного мусора и кирпичного боя. Западный участок траншеи К-2 имел искусственное повышение дневной поверхности за счет мощных подсыпок толщиной до 5 — 8 м.

В траншее канализации 2 также выявлены материалы, датируемые XVII — XIX вв. Это бытовые изделия из глины, стекла. Обнаружены половая плитка и изразцы конца XIX — начала XX в. и один изразец XVIII в.

Выводы

Археологическое наблюдение 2007 — 2008 гг. в зоне расположения бывшего Замкового ручья в г. Витебске показало, что русло ручья в течение длительного времени заполнялось привозными грунтами, особенно в северной его части. Это подтверждается наличием слоев большой мощности с техническими отходами производства (траншеи К-2, К-4). В восточной части русло ручья было засыпано также привозным песком — подсыпка под ул. Ленина, что подтверждено выявленными в нем человеческими останками (траншея К-3). Наиболее перспективными для исследований оказались участки, где расположены траншеи канализации (К-1), газа, «связи». В траншее К-1 зафиксированы фрагменты кирпичных стен и фундаментов здания, которое по характеру строительных материалов, а также сопровождающим находкам (в том числе погребения, колокольчик) и своему местоположению может быть соотнесено с Рождественской церковью, обозначенной на плане г. Витебска 1904 г. Храм на этом месте присутствовал и в более раннее время и, видимо, был деревянным. Под кирпично-каменными кладками выявлен достаточно выразительный слой пожара, который можно соотнести с застройкой более раннего времени (XVI — XVII вв.). Характер кирпича, из которого сложены фрагменты кладок, выявленных в траншеях К-2, К-4, а также изразцы и половая плитка позволяют сделать вывод, что эти постройки были возведены в XVIII — XIX вв., а позднее перестраивались в XIX — начале XX вв.

Находки, обнаруженные в траншеях, по своей хронологии не противоречат этому выводу. Предметы XVII в. могут быть связаны хронологически с деревянными конструкциями, выявленными на южном и западном участках строительной площадки в траншеях К-1 и связи.

Литература и источники

1. Бубенько, Т. С. Средневековый Витебск. Посад — Нижний замок (X — первая половина XIV в.) / Т. С. Бубенько. — Витебск, 2004.
2. Граудонис, Я. Черепица всегда молода / Я. Граудонис // Наука и техника. — 1988. — № 1. — С. 26 — 27.

Н. Ю. Шарковская (Витебск)

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО СОБРАНИЯ ВОКМ (ПОСЛЕВОЕННЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ)

Цель работы — в общих чертах в целом охарактеризовать коллекцию случайных находок послевоенных поступлений археологического собрания Витебского областного краеведческого музея (ВОКМ), не вдаваясь в подробный анализ отдельных предметов.

По состоянию на ноябрь 2009 года археологическое собрание ВОКМ насчитывает порядка 338[a] случайных находок (233 основного фонда (КП) и 105 научно-вспомогательного (н/в)), что составляет около 1,5% от численности коллекции.

Первую послевоенную случайную находку принесли в музей в марте 1948 г. начальник отдела по делам архитектуры Бороденко И. И. и инженер Госархстройконтроля Семененко В. Л. Была она обнаружена в 1947 г. в Витебске «при очистке Благовещенской

[a] *В это количество не вошли берестяная грамота, находки из драгметаллов, нумизматика, находящиеся на ответственном хранении в других коллекциях, а также случайные находки, предаваемые в музей археологами.*

церкви» и представляет собой плоский предмет из цветного металла чечевицевидной формы (ВОКМ КП 7456). Статистика пополнения случайными находками коллекции археологии содержится в приложении (таблица 1).

Сдатчики: Список лиц, нашедших и принесших в музей свои случайные находки, поступившие в коллекцию археологии с 1948 по 2009 г., насчитывает 93 человека. Среди них люди разного возраста (от младших школьников до пенсионеров), разных профессий (рабочие, учителя, служащие; руководители предприятий и организаций и др.). Это жители Витебска и жители области. Некоторые из них специально заняты поисками древностей, отдельные увлечены краеведением, другие натолкнулись на свои находки чисто случайно в процессе своей повседневной жизни.

Классификации

Случайные находки поступили в музей следующими способами: *(способы поступления случайных находок)*:

- безвозмездный дар;
- закупка у сдатчика (физическое лицо);
- приобретение музеем у юридических лиц.

По месту обнаружения случайные находки условно подразделяются на:

- предметы, найденные в Витебске (т. н. «витебская коллекция»);
- предметы, найденные на территории Витебской области;
- предметы, найденные за пределами области и республики;
- предметы, место находки которых неизвестно.

«Витебские находки» по численности преобладают над остальными группами и составляют порядка 202 предметов.

Витебские находки представлены следующими комплексами:

- предметы, найденные по берегам З. Двины в черте исторической части города;
- предметы, найденные по берегам Витьбы в черте исторической части города;
- предметы, найденные по берегам устья Лучесы в черте города;
- предметы, найденные при реконструкции или сносе старых городских зданий (Ратуша; костел Св. Варвары и др.).

Находки, поступившие из районов, в количественном отношении представлены по-разному. Из таких районов, как Браславский, Дубровенский, Лепельский, Оршанский, Россонский, Шарковщинский поступлений в коллекцию археологии не значится. Наиболее многочисленные (от 10 до 20 предметов) находки с территории Витебского, Бешенковичского, Лиозненского, Сенненского, Городокского и Чашникского районов. Причем большую часть находок из районов принесли в музей жители Витебска. Всего случайных находок, найденных на территории Витебской области и поступивших в археологическое собрание, — 90. Среди них можно выделить единичные находки и комплексы, обнаруженные в одном месте на одной территории иногда единовременно, иногда на протяжении многих лет. Для 26 предметов место находки пока остается неизвестным.

Количественное распределение находок по районам Витебской области см. в таблице 2.

По материалу изготовления все случайные находки подразделяются на следующие подколлекции:

- изделия из кости;
- изделия из стекла;
- изделия из керамики;
- изделия из металлов;
- изделия из камня.

Самыми малочисленными среди случайных находок, поступивших в коллекцию археологии, являются изделия из кости. За весь послевоенный период их поступило только два. Это проколка, найденная в торфянике у д. Головск Сенненского района (ВОКМ КП 16414), а также составное шаровидное полое орнаментированное изделие на подставке, датируемое предположительно веком XVII (ВОКМ КП 24004. Рис. 1). Оно было найдено в 2003 г. и принесено в музей рабочими, прокладывавшими траншею около остатков старого фундамента бывшей Воскресенской (Рынковой) церкви Витебска.

Рис. 1. Изделие из кости. Витебск. Воскресенская (Рынковая) церковь.

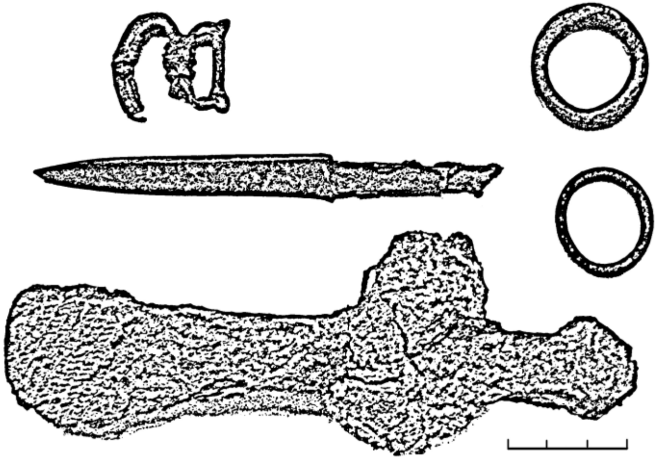
Изделия из стекла представлены большим количеством фрагментов стеклянных браслетов (51 ед.) XII—XIII вв. и 16 стеклянными бусинами. Все эти предметы найдены на территории Витебска по берегам рек Западной Двины и Витьбы.

К керамическим изделиям относятся случайные находки трех лепных глиняных грузил-пряслиц (ВОКМ КП 23059/1-3), предположительно железного века, из д. Ветрино Полоцкого района; рыболовных грузил из Витебска. Бытовая керамика представлена пятью фрагментами венчиков сосудов позднего средневековья из Витебска и единственным целиком сохранившимся расписным маломерным узкогорлым сосудиком с носиком для слива, покрытым поливой, датируемым, предположительно, XVII – XVIII вв. Он был найден при обработке приусадебного участка в д. Вяжище Бешенковичского района.

Среди случайных находок сложилась небольшая подколлекция курительных трубок. Двенадцать из них найдены в Витебске и одна на территории Городокского района.

Отдельный комплекс составляют строительные материалы и элементы архитектуры. Сюда входят образцы кирпичей, фрагменты плинфы (в том числе и с клеймами) из кладок Витебских храмов, фрагменты фресковой росписи (Благовещенский храм, Свято-Петропавловская церковь), а также граффити церкви Благовещения.

Рис. 2. Курганные находки из Городокского района (предположительно).



В отдельную подгруппу выделяются плитки для облицовки пола витебских домов и храмов. Как правило, это поздние материалы конца XVIII – XIX вв. Примыкает сюда небольшая коллекция печных изразцов витебской Ратуши XVII – XVIII вв. [5, с. 57, рис. 33, рис. 34]. Они были обнаружены во время капитального ремонта здания[b].

Находки **изделий из металлов** подразделяются на несколько групп:

- оружие;
- орудия труда и инструменты;
- предметы повседневного быта и домашнего обихода.
- ювелирные изделия.

Из случайных находок *оружия* в археологическую коллекцию ВОКМ поступили два наконечника стрел; два наконечника копий; меч[c] [7, с. 268]; булава [10, с. 184 – 185]; пушка-салютовка [13, с. 19] и фрагмент ствола пищали. Меч и булава были введены в научный оборот и сразу же заинтересовали специалистов. Они вошли во многие научные публикации [8, с. 106 – 109, рис. 7]; [11, с. 101, табл. I, № 2], рекламные каталоги и издания [4, с. 25], [6, с. 7]. Находки железных ядер от пушек разных периодов довольно часто находят на территории Витебска и области. Несколько из них также поступило в музейное собрание.

Орудия труда и инструменты представлены находками ключей, ножей, гвоздей, топоров, рыболовных крючков, скобяных изделий, подков. По одному экземпляру поступили булавка для прялки, ювелирный молоточек (к сожалению, место находки его неизвестно), кресало.

Определенный интерес представляет комплекс курганных находок (предположительно, одно захоронение), состоящий из поясной лировидной пряжки, двух железных поясных колец, ножа черешкового многослойного и боевого узколезвийного топорика с граненым обухом (рис. 2). Предположительно, комплекс (ВОКМ н/в 10437/1-5) можно датировать X – XI вв. Эти случайные находки принес в музей

[b] *Впоследствии по заказу Витебского областного краеведческого музея ПО «Белреставрация» осуществило чистку и реставрацию основных типов найденных изразцов. Снимки этих изразцов опубликованы во многих изданиях.*

[c] *Во время работы конференции Плавинский Н. А. любезно сообщил, что ему удалось выявить место находки меча, и скорее всего это русло Двины в районе Рубы. Выражаем признательность исследователю за эти предоставленные сведения.*

житель Витебска Сергей Петрович Полчанинов, со слов которого, предметы были найдены его соседом много лет тому назад, скорее всего, где-то в Городокском районе.

Среди изделий из металла в археологическом собрании ВОКМ хранится пять свинцовых вислых печатей (ВОКМ КП 22831/1-5), приобретенных музеем у И. А. Тишкина, который нашел их на территории исторической части Витебска [12, с. 527; 10, с. 20].

В 2009 году к нам поступила средневековая застежка от книги, найденная в Витебске в русле Витьбы жителем города Сергеем Николаевичем Азарёнком[d].

Ювелирные изделия из металла представлены следующими случайными находками:

- браслет с расширенными трапециевидными концами [14, с. 179, рис. 1. 1];
- височное перстневидное кольцо;
- 8 перстней (с серединой, имитирующей плетение; плетеный; щитковый; три перстня с гнездами для вставок; два пластинчатых обручальных);
- медальон с изображением Франциска Ассизского (ВОКМ КП 17210/2) [9, с. 241, рис. 51. 3];
- крест нательный (ВОКМ КП 24522);
- булавка «пус ейппи» (ВОКМ КП 24529);
- гривна шейная латенская (ВОКМ КП 19907) [1, с. 100 — 101, рис. 16].

Любопытна история еще одного комплекса случайных находок.

В конце 1992 начале 1993 гг. в магазине «Букинист», расположенном по соседству с музеем по улице Суворова, в продаже стали появляться археологические находки. Среди них особо бросался в глаза небольшой комплекс предметов из цветного металла, специально оформленных и закрепленных на желтой бархатной бумаге, помещенных в коробочку с аннотацией-этикеткой, написанной фломастером от руки чертежным шрифтом — «*Женские украшения из бронзы X—XII вв. из раскопок. Друцк. Толочинский район*» (рис. 3).

[d] *Благодаря С. Н. Азаренку археологическая коллекция музея в 2007—2009 гг. существенно (57 предмета) пополнилась витебскими случайными находками, такой же пример активного сотрудничества с музеем в 50 — 60 гг. проявил еще один витеблянин — Ценципер Израиль Рафаилович (передал музею 44 предмета).*

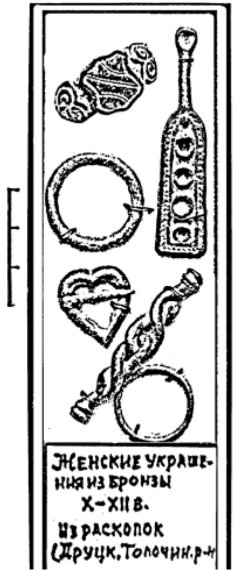


Рис. 3. Комплекс предметов из цветного металла, предположительно, из Друцка приобретенных ВОКМ в магазине «Букинист».

Расспросы продавцов магазина о том, кто представил эти предметы на продажу и можно ли с ним встретиться, не дали результатов. Случайно проскользнула фраза, что, предположительно, это какой-то учитель из Толочинского района.

Не желая упускать предметы, музей приобрел их у магазина. Но после наших настойчивых расспросов с прилавка «Букиниста» исчезли «археологические находки».

Приобретенный комплекс «друцких находок» (ВОКМ н/в 9777/1-6) состоит из шести предметов — щиткового орнаментированного перстня; пряжки в виде сердечка; цепочки их двух восьмеркообразных звеньев; двух колец — одного, скорее всего, от поясного набора, а другого — круглодротового перстня, а также бронзового предмета в виде короткого стержня, один конец которого переходит в удлиненную трапециевидную лопаточку с 4-мя круглыми отверстиями в ободках, а другой имеет округлое завершения с выемкой-ложбинкой (предположительно, это бронзовая копоушка или привеска).

Приобретя предметы, мы сразу связались с основным на то время исследователем древнего Друцка, Леонидом Васильевичем Алексеевым, археологом, историком, доктором исторических наук, проживавшим в Москве. По черно-белым снимкам заочно ему сложно было составить научное заключение. Проконсультировавшись с М. В. Седовой, в своем письме он отметил, что «пока нельзя достоверно говорить о том, что эти предметы из Друцка X — XII вв., т. к. пряжка-«сердечко» датируется приблизительно XIV в., перстень-печатка — не ранее XVI в., колечки имеют хождение на протяжении широкого промежутка времени (VIII — XVIII вв.), а исследования Друцка на сегодняшний день (письмо было написано в 1993 г. — *Н. Ш.)* ограничиваются XIV — концом XV вв. Об изделиях в виде цепочки и подвески (копоушки — *Н. Ш.)* вообще пока трудно говорить, т. к. неясно их назначение».

Фото 2. Каменные сверленые топоры редких форм.

По-разному случайные находки приходят в музей. Зачастую нам достаются крохи. Так, в конце 80-х гг. XX в. начались подготовительные работы к реставрации костела Св. Варвары в Витебске. Во время прокладки траншеи по изучению фундамента здания рабочие наткнулись на склеп в приалтарной части. К моменту прибытия на место археолога «Белреставрации» И. А. Тишкина в склепе остались только 2 пуговицы, фрагмент металлической накладки гроба и фрагмент слуцкого пояса (ВОКМ КП 23027/1-2; н/в 10033/1-2). Эти предметы были переданы музею И. А. Тишкиным, который выдвинул предположение, что в склепе находились захоронения Антония Косова — предводителя дворянства и фундатора костела (1785 г.).

Более трети всех случайных находок археологического собрания ВОКМ — изделия из камня, или т. н. «каменная коллекция». Первая послевоенная случайная каменная находка была принесена в музей в 1949 г. 10-летней витебской школьницей Галей Голубевой. Это был культовый фаллоподобный камень (ВОКМ КП 7787), как было отмечено в акте приема, «найденный в могиле около лагеря 5-й полк».

Хронологически каменные материалы представлены широким диапазоном — от природных камней замысловатых форм, в древние времена используемых в качестве культовых, до средневековых изделий. Среди каменных находок мезолитические и неолитические отщепы и пластины с ретушью; два кремниевых наконечника стрел; предметы в виде каменных дисков или приземистых цилиндров с ямками-углублениям в центральных частях. Каменные находки эпохи средневековья представлены бытовыми предметами — шиферными пряслицами; камнями жерновов; каменными ядрами, а также

предметами культа — нательным крестиком из серого крапчатого камня и песчаниковой двухсторонней (Св. Николай Чудотворец / Сошествие Святого Духа на Апостолов) иконкой-образком в металлической оправе [7, с. 253, рис. 67:1], датируемой примерно XIV в. Крестик (ВОКМ КП 11885) был найден в 1955 г. у д. Веречье Городокского района, а иконка (ВОКМ КП 24620) — в русле З. Двины у Старого Села (Витебский район).

Там же, в Старом Селе, опять-таки в русле З. Двины в 2002 г. местным рыбаком Валентином Егоровичем Скориновым был обнаружен большой валун (фото 1). Очертаниями он напоминал голову ящера, на месте глаз которого искусно просверлены два отверстия, соединенные общим каналом. Силами сотрудников музея под руководством ст. научного сотрудника Г. П. Фролова камень был доставлен в музей, где и хранится в настоящее время (ВОКМ КП 23546/1).

Однако основное ядро как «каменной», так и всей коллекции случайных находок составляют каменные шлифованные орудия (далее КШО), хронологически относящиеся к концу неолита и бронзовому веку (конец III начало II тыс. до н. э.).

С 1953 по октябрь 2009 г. в археологическое собрание ВОКМ поступило 66 КШО — 34 сверленых топора-молотка и 32 несверленых долотовидных орудия. Из них только три кремниевых (ВОКМ КП 14332 — находка Федорова Ю. Г. у д. Ситно Лиозненско района на поле при копке картошки; ВОКМ КП 14659 — в озере Скрыдлево у д. Шилки Бешенковичского, ныне Витебского района Нахаевым М. А; обе находки поступили в музей в 1963 г.; ВОКМ КП 21694 — найден в г. Глубокое на огороде на поверхности земли Лишей А. П. в 1991 г.). Для семи орудий отсутствует информация об их местонахождении. Все остальные были найдены в Витебске и на территории Витебской области.

Большая часть КШО — это единичные случайные находки, но есть здесь и два комплекса. Предметы одного из них — восемь долотовидных шлифованных орудий (ВОКМ КП 17257/1-8) — найдены в разные годы в окрестностях дер. Заозерье Богушевского с/с Сенненского района и подарены музею в 1974 г. учеником 8 класса Новосельской средней школы этого района Ковалевым Василием Александровичем.

Второй комплекс (ВОКМ КП 18927/1-8) передал музею в 1982 г. учитель Гилянской 8-летней школы Демкин Анатолий Романович. Из записи, оставленной в акте приема, следует, что все каменные орудия были найдены на поверхности земли возле деревень Москов-

ская Гора, Сорочино, Гили Почаевского с/с Чашникского района. Из восьми орудий 2 сверленых, одно черешковое (плечиковое), одно с намеченным черешком и четыре клиновидные трапециевидные.

Первые послевоенные поступления КШО относятся к 1953 г. Ими стали два сверленых топора. Один из них был найден Козловым Петром Ивановичем в д. Семенцово Бешенковичского района. Другой нашел в Витебске по ул. Суворова при рытье котлована Позняков Василий Васильевич. Последние поступления КШО относятся к 2009 г. В начале года житель деревни Мошканы Сенненского района Ананенко Николай Викторович передал в дар музею каменное шлифованное долотовидное орудие (топор-клин ВОКМ КП 24800) отличной сохранности, найденное им в земле между деревнями Моссары и Мошканы. А во время открытия выставки «Случайная находка», посвященной 50-летию находки витебской берестяной грамоты Е. Фроловым, Николай Викторович подарил музею еще два КШО, обнаруженных в том же Сенненской районе, но уже на поверхности земли у деревень Мошканы и Гребенцы. Особое внимание среди КШО обращают на себя два сверленых орудия довольно редких для нашей территории форм. Одно из них — каменный сверленый топор (ВОКМ КП 23540) длиной 16 см с молотковидным обушком и слегка опущенным лезвием (фото 2:b). Это (судя по публикациям) точная копия бронзового топора, найденного в ареале распространения среднеднепровской археологической культуры (Ходосовичи, ур. Мошка, раскопки Артеменко И.) [с. 352, рис. 103: 2]. Топор был найден в д. Вядерево Бешенковического района, а принес его в музей Быльков Николай Порфирьевич.

Еще одна находка редкой формы (ВОКМ КП 23845) была приобретена музеем у жительницы г. Витебска Галец В. В. Это больших размеров (32 см) кирковидное сверленое орудие с острыми концами; линзовидное в анфас (фото 2:a). Найдено оно было в 2002 году Алесьевым Владимиром Иосифовичем в реке Суходровка близ д. Шапечино Витебского района.

Каменная коллекция случайных находок настолько богата и интересна, что потребовала специального изучения, результаты которого будут изложены в специальной работе[e].

[e] *Предварительный анализ «каменной коллекции» случайных находок был сделан в докладе, прочитанном автором статьи 30 ноября 2009 г. в Минске на Музейных чтениях «Гістарычная навука і музейная экспазіцыя», проводившихся в Национальном историческом музее РБ.*

Таков в общих чертах обзор коллекции случайных находок археологического собрания УК «ВОКМ», поступивших в музей с 1948 по 2009 г. включительно.

В заключение хочется выразить благодарность и признательность всем тем людям, которые принесли и приносят в музей свои случайные находки. С одной стороны, они тем самым помогают ученым в их исследовательской деятельности, а с другой — способствуют более глубокому изучению и сохранению нашего культурно-исторического наследия.

Литература и источники

1. Алексеев Л. В. Полоцкая земля / Л. В. Алексеев. — Москва : Наука, 1966. — 296 с.
2. Археалогія Беларусі : У 4 т. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі, У. Ф. Ісаенка, А. Г. Калечыц і інш. Пад рэд. М. М. Чаряўскага, А. Г. Калечыц. — Мінск : Бел. навука, 1997. — 424 с.
3. Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал. : В. В. Гетаў і інш. — Мінск : БелЭн, 1993 — 702 с.
4. Вдоль Западной Двины и Днепра «из варяг в греки». — Мінск : ОДО «Геопринт», б. г. — 36 с.
5. Ганецкая, І. У. Маёліка на Беларусі ў XI—XVIII стст. / І. У. Ганецкая. — Мінск : Навука і тэхніка, 1995. — 120 с.
6. Города и замки древней Витебской земли. — Витебск : УПП Витебская обл. типогр., 2009. — 36 с.
7. Дзярновіч, С. Меч X ст. з Віцебскага абласнога краязнаўчага музея / С. Дзярновіч, М. Плавінскі, Н. Шаркоўская // Гісторыка-археалагічны зборнік. — 2003. — № 18. — С. 268.
8. Еремеев, И. И. Волок «с верха Днепра до Ловати» и варяги / И. И. Еремеев // Археологические вести. — 2005. — С. 98 — 120.
9. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси / О. Н. Левко. — Минск: Беларус. навука, 2004. — 280 с.
10. Плавінскі, М. Булава XII—XIII стст. з-пад Віцебска / М. Плавінскі, Н. Шаркоўская // Гісторыка-археалагічны зборнік. — Мінск, 2005. — № 20. — С. 184 — 185.

11. Плавінскі, М. А. Нарысы гісторыі клінковай зброі X-XIII стагоддзяў на Беларусі / М. А. Плавінскі. — Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. — 158 с.
12. Цішкін, І. Віслыя пячаткі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1986. — № 4. — С. 20.
13. Чарняўскі, І., Цішкін, І. Віцебская Ратуша / І. Цішкін // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. — 1986. — № 4. — С. 17—20.
14. Шарковская, Н. Ю. Материалы железного века и раннеславянские древности в археологическом собрании ВОКМ (обзор коллекции) / Н. Ю. Шарковская // Ранние славяне Белорусского Подвинья и Поднепровья : Материалы по археологии Беларуси — 2003. — № 8. — С. 178 — 179.

Таблица 1

Сведения
о поступлениях по годам случайных находок
в археологическое собрание ВОКМ

Год поступления	Кол-во	Год поступления	Кол-во	Год поступления	Кол-во
1948	1	1969	0	1990	0
1949	1	1970	0	1991	1
1950	0	1971	47	1992	0
1951	1	1972	15	1993	6
1952	0	1973	4	1994	3
1953	2	1974	13	1995	12
1954	0	1975	6	1996	10
1955	9	1976	2	1997	12
1956	3	1977	1	1998	4
1957	0	1978	0	1999	2
1958	1	1979	0	2000	14
1959	0	1980	0	2001	0
1960	0	1981	0	2002	14
1961	0	1982	8	2003	8
1962	0	1983	1	2004	3
1963	9	1984	0	2005	13
1964	8	1985	2	2006	1
1965	0	1986	0	2007	0
1966	10	1987	1	2008	68
1967	1	1988	0	2009	18
1968	3	1989	0	Итого	338

Таблица 2

Распределение
случайных находок по районам Витебской области
(послевоенные поступления)

№ п./п.	Название района	Кол-во находок	№ п./п.	Название района	Кол-во находок
1	Бешенковичский район	9	13	Оршанский район	0
2	Браславский район	0	14	Поставский район	1
3	Верхнедвинский район	1	15	Полоцкий район	6
4	Витебск	202	16	Россонский район	0
5	Витебский район	19	17	Сенненский район	16
6	Городокский район	11	18	Толочинский район	7
7	Глубокский район	2	19	Ушачский район	3
8	Докшицкий район	2	20	Чашникский район	13
9	Дубровенский район	0	21	Шарковщинский район	0
10	Лепельский район	0	22	Шумилинский район	4
11	Лиозненский район	15	23	Место находки неизвестно	26
12	Миорский район	1			

Н. А. Почобут (Гродно)

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО В БССР (1945 — начало 1970-х гг.)

Нами будут рассмотрены вопросы комплектования археологических коллекций, проблемы создания археологических экспозиций краеведческих музеев БССР, появление историко-археологических и археологических музеев в послевоенный период и до начала 70-х годов XX века. Иными словами, речь пойдет о музейной археологии или, если дословно переводить с польского языка, об археологическом музейном деле («muzalnictwe archeologicznym») [31]. В польской археологии и музеологии это понятие охватывает самостоятельные археологические музеи, археологические и доисторические отделы музеев смешанного профиля, которые существуют в историко-археологических, археологическо-этнографических или даже в комплексных (краеведческих) музеях. Источниками для исследования послужили отчеты музеев БССР, которые хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь в фонде 974 (Министерство культуры БССР, отдел изобразительных искусств и охраны памят-

ников, канцелярия), в фонде № Р-790 (Комитет по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров БССР), в Государственном архиве Гродненской области, в Центральном научном архиве НАН Беларуси, Институте истории НАН Беларуси.

В послевоенный период политика государства в области музейного строительства была направлена на организацию в республике сети комплексных (краеведческих) музеев, которые бы сочетали историческую и естественнонаучную специализацию. На практике это вылилось в создание однотипных музеев с историческими отделами: 1. «Дореволюционное прошлое» и 2. «Советский период». Ведущим и основным являлся второй отдел с разделами социалистического хозяйства и культуры [2, л. 59]. Отражению этой тематики подчинялась собирательская активность музейных сотрудников в рассматриваемый нами период. Экспозиция «Дореволюционное прошлое» занимала значительно меньшую площадь и строилась по общей схеме. В 1945 г. Научно-исследовательским институтом краеведческой и музейной работы была предложена историческая периодизация, воспринятая музеями как структурный план любой экспозиции, все разделы которой требуют обязательного отражения [25, с. 15]:

Раздел I. Первобытно-общинный строй.

1. Дородовое общество: а) нижний палеолит, б) средний палеолит.

2. Родовое общество: а) верхний палеолит, б) неолит, в) бронза ранняя, г) бронза поздняя.

Раздел II. Племенные союзы на территории края.

1.) Железо раннее (9 – 4 вв.), 2.) Железо позднее (IV – IX вв.)

Раздел III. Местный край в период Киевского государства (IX – XIII вв.)

Раздел IV. Местный край в период феодальной раздробленности (XIII – середина XV вв.).

Раздел V. Местный край в составе Московского государства (середина XV – XVIII вв.).

Отсутствие в музеях местных археологических материалов по разделам I либо II вынуждало прибегать к изготовлению дорогостоящих муляжей по образцам находок, не связанных с археологическим изучением конкретной территории (района, области). Далеко не полно использовались интересные довоенные коллекции музеев, собранные в межвоенный период в результате изучения края. В музеях не хватало экспозиционных помещений и специалистов. Редко использовался комплексный показ археологических памятников, поскольку он требо-

вал предварительной научной обработки коллекций и значительных площадей. Кроме того включение археологических комплексов визуально снижало динамизм «схемы», иллюстрирующей смену одной формации другой. Предметы, изъятые из археологических комплексов, по сути лишь иллюстрировали эту «схему». Продолжал использоваться господствовавший в СССР в 1930-е годы иллюстративный метод создания экспозиций – отдельные предметы археологии вырывались из комплексов и приспосабливались для наглядного подтверждения цитат из работы Ф. Энгельса «Анти-Дюринг». Высказывания классиков марксизма, написанные на бумаге, и были главным содержанием экспозиции по истории первобытного общества.

Ситуация начала постепенно меняться с середины 1950-х годов. Вышел Приказ заместителя министра культуры БССР С. Степина № 182 от 10 марта 1954 г. «Об улучшении работы музеев республики». В нем обращалось внимание на то, что «экспозиции краеведческих музеев до сего времени строятся по стандарту, затрудняющему выявление и показ данного края с его особенностями» [18, л. 70]. В 1954 г. было издано пособие Т. Б. Потаповой, В. М. Раушенбах, призванное оказать помощь работникам краеведческих музеев. Авторы сосредоточили свое внимание на материалах археологических эпох камня и бронзы [24, с. 124]. В рекомендациях музеям подчеркивалось, что «без наличия местного археологического материала ни один краеведческий музей не в состоянии показать начальные периоды истории своего края, <...> создать цельной, законченной экспозиции исторического отдела» [24, с. 3]. Перед музеями ставилась задача «воссоздания яркой, полной и обоснованной картины далекого прошлого» [24, с. 6].

К экспозиции стали предъявляться более высокие требования с точки зрения усиления ее связи с наукой археологией. Авторы пособия констатировали тот факт, что археология давно не относится к разряду «вспомогательных» наук, а «составляет одну из дисциплин исторической науки». Соответственно, не на иллюстрациях и других вспомогательных материалах, а на археологических коллекциях, полученных в результате изучения конкретной территории, должны строиться экспозиции по истории древнего общества в краеведческих музеях [24, с. 6]. В музейной археологии стало признаваться «выделение» археологических культур и «разрешение вопросов этногенеза» в экспозициях. Приветствовалось использование археологического материала вплоть до показа периода XV – XVIII вв. [24, с. 11 – 12].

Ранее археологи, в том числе и музейные, критиковались и преследовались за «буржуазное вещеведение». Теперь же авторы методических указаний [24] не отрицают важность «формальной обработкой материала, под которой понимают установление датировок, типов, изучение технологии, но советуют этим не ограничиваться. Рекомендуется использовать хорошо изученный археологический материал, поскольку необходимо «восстановить для данного времени и места особенности общества, в котором эти вещи были сделаны и бытовали: уровень развития техники и производства, форму хозяйства, характер первобытного или товарного обмена, отношения между отдельными частями данной общности людей, ее отношения с другими такими же общностями (племенами, народностями) и т. д.» [24, с. 10 — 11]. Таким образом, уже не отвергается работа по описанию, классификации предметов и использование систематического метода в экспозиции. Теперь это необходимые этапы интерпретации археологических источников, благодаря которым в конечном итоге экспозиционер достигает исторической интерпретации археологических фактов согласно марксистской исторической науке. Именно на основе «широко представленного археологического материала» должны были найти наглядное подтверждение объективные закономерности развития человеческого общества, корни которых усматривались в степени развития материального производства. Отражение в музейных экспозициях материальной культуры разных племен первобытного общества должно было дать возможность понять, «как из бесклассового общества на известном этапе его развития возникло классовое рабовладельческое, а затем феодальное общество» [24, с. 12].

С 50 — 60-х гг. начинается активное сотрудничество музеев с научными археологическими учреждениями СССР и БССР. Устанавливаются многолетние связи музеев с институтами и отдельными учёными-археологами республики, Москвы и Ленинграда. Нередко инициатива проведения раскопок исходила от самих музеев. Ими начали поддерживаться, полностью или частично финансироваться археологические экспедиции АН БССР и Института истории материальной культуры (ИИМК) АН СССР. На эти цели Министерством культуры специально выделялись средства. Так, в Витебском областном краеведческом музее основой послевоенной экспозиции стали материалы раскопок сотрудника Института археологии АН СССР Л. В. Алексеева в Друцке (1956 — 1959, 1961, 1967). Исследования финансировал витебский музей. В экспозиции музеев включаются научно обработанные археологические коллекции, непосредственно связанные с историей Беларуси, конкретным регионом.

Период с середины 1950-х гг. характеризуется ежегодными массовыми поступлениями предметов археологии в музейные фонды. Гомельским областным краеведческим музеем в 1955 г. принято от научного сотрудника ИИМК АН СССР Мельниковской 6973 единицы хранения, что дало возможность дополнить «историко-археологический раздел» экспозиции музея [19, л. 222], в 1957 г. поступило еще 5847 предметов археологии и палеонтологии [17, л. 405]. Сотрудниками ГГИАМ в 1957 г. заинвентаризировано 1374 единицы хранения из раскопок К. Т. Ковальской на городище Индура [20, л. 87]. В 1955 г. в фондах краеведческого музея в Пинске насчитывалось уже 6744 против 5370 единиц хранения в 1947 г.

Отметим большую научную заинтересованность администрации и сотрудников музеев в комплектовании археологических коллекций. Начиная с 1954 г. музеями Беларуси начали проводиться самостоятельные археологические раскопки: под руководством научных сотрудников И. А. Иоффе (Брестский областной музей, 1954), К. Т. Ковальской (Гродненский государственный историко-археологический музей (ГГИАМ), 1955) [10], В. Н. Кузнецова (Витебский областной краеведческий музей, в составе Полоцкого отряда под руководством Л. В. Алексеева, 1955).

Объективно лучшими «собирателями» оказались музеи, участвовавшие в археологическом изучении городов. Начиная с 60-х гг. в белорусской археологии начинается широкое изучение древнерусских городов (Минска, Заславля, Друцка, Полоцка, Витебска, Бреста, Турова, Мстиславля, Новогрудка и многих других). Изучаются проблемы происхождения, исторической топографии, оборонительные сооружения, планировка и застройка, городская культура и хозяйство. [1, с. 84, 94 — 100] Так, в 1961 и 1968 годах Туровский музей (основан в декабре 1949 г.) получил свои самые значимые археологические коллекции после раскопок на Замковой горе от археологов М. Д. Полубояриновой и П. Ф. Лысенко. ГГИАМ, Пинский и Полоцкий краеведческие, Волковысский военно-исторический музеи первыми создают археологические экспозиции, посвящённые древнерусским городам на территории Беларуси. Первая после войны археологическая выставка в республике организована пинским музеем (15 ноября 1955 г.) по результатам раскопок на «Замковой горе». На ней было представлено 549 экспонатов [19, л. 119, 120]. Тем

не менее, тематические археологические выставки в 50 — 60-е годы были редким явлением.

Тяготение отдельных музеев к археологии не всегда приветствовалось. Не рассматривались перспективы создания музеев иного — археологического профиля. Примером может служить Волковысский краеведческий музей, восстановленный в 1946 г. исключительно на основе довоенных археологических коллекций. При поддержке райисполкома директору Г. И. Пеху удалось вернуть в музей около 2 тыс. предметов из довоенных раскопок в г. Волковыске, которые хранились в фондах ГГИАМ. Воссоздание музея было обусловлено необходимостью обеспечения охраны и дальнейшего изучения памятника археологии «Шведская гора» (детинца летописного города). После войны на ней были замечены случаи самовольных раскопок, распахивания, велась добыча глины для нужд кирпичного завода [17, л. 1 — 2]. В 1949 г. профиль этого музея был изменен на военно-исторический в связи с передачей ему дома, известного как штаб армии П. И. Багратиона [19, л. 60]. Тем не менее, у основателя волковысского музея археолога Пеха были вполне обоснованные стремления заниматься музейной археологией и в дальнейшем. В 1955 г. из 43 878 единиц хранения в фондах этого музея 40 000 являлись предметами археологии. В перспективе это собрание и продолжающиеся исследования могли бы стать фундаментом археологического музея. Вместо этого начальником Управления культпросветучреждений Ф. Кукушкиным директору музея было поставлено на вид «чрезмерное увлечение археологическими раскопками» и отход от «своего военно-исторического профиля». Действительно, археологии в то время была подчинена вся научно-исследовательская, собирательская, массовая работа музея. По мнению Управления изучением «Шведской горы», Мстибовского городища и др. памятников района должны заниматься АН БССР и областной музей в г. Гродно. Поэтому посчитали нецелесообразным специально ассигновывать музею средства на проведение раскопок в 1955 г. [2, л. 60]. Тем не менее, директором музея были продолжены археологические исследования, в том числе совместно с АН БССР: на Замчище открыт фундамент церкви XII в. (1955), установлен начальный период существования города XI—XII вв. [2, л. 157], проведены раскопки на «Шведской горе» (1957). Благодаря исследованиям Пеха в музее был создан археологический раздел экспозиции «Волковыск — древнерусский город» [7, л. 55].

В конце 1960-х гг. происходит централизация археологической науки, увеличение ее роли среди исторических дисциплин. Учеными подчеркивается значение коллективной памяти в формировании концепции национальной культуры. [14, с. 33 — 34]. В штате ряда областных музеев работали археологи (Г. И. Пех, Л. В. Алексеев, К. Т. Ковальская и др.). В экспозициях начинает применяться способ организации археологического материала по археологическим культурам. «Археологическая культура» — одно из основных формально-типологических понятий. Ранее оно использовалось исключительно специалистами и не применялось для построения экспозиций. Наиболее активные археологические исследования проводил столичный музей — Оргруппа Белорусского Государственного историко-краеведческого музея (с 1967 г. Государственный музей БССР). Ежегодно им планировалось несколько экспедиций совместно с сотрудниками сектора археологии Института истории АН БССР (В. Д. Будько, А. Г. Митрофановым, Л. Д. Поболем, М. М. Чернявским) [21 , л. 171]. В 1966 г. оргруппой научно обработано и сдано в фонды 7707 [21, л. 21], в 1969 г. — 1652 [22, л. 124], в 1970 г. — свыше 3800 предметов археологии по отделам первобытно-общинного строя и феодализма [23, л. 18—19]. В 1967 г. открылась первая экспозиция Государственного музея БССР.

Новым в музейной археологии в послевоенный период явилось создание историко-археологического музея в Гродно (ГГИАМ) (1945). Он не был первым археологическим музеем в БССР. Известен организованный еще в 1924 г. музей первобытной культуры и религии при Белорусском государственном университете, переименованный в феврале 1940 г. в историко-археологический музей. В 1977 г. он стал Музеем истории БГУ, с 1993 г. — Учебной лабораторией музейного дела исторического факультета БГУ. В его археологическом отделе в 1991 г. насчитывалось 8 тыс. предметов, действовала стационарная выставка «Новые открытия археологической экспедиции БДУ». Следует упомянуть Мстиславльский историко-археологический музей, возникший значительно позднее, в 1988 году. В основу его фондов легли археологические коллекции экспедиций производственного объединения «Белреставрация» в 1980 — 1989 гг., экспозиция освещает этапы развития феодального города [13, с. 444]. Таким образом, в Белорусской ССР были созданы три историко-археологических музея.

На наш взгляд, самым ярким примером становления историко-археологического музея в БССР является Гродненский государствен-

ный историко-археологический музей. История комплектования археологических коллекций музея в межвоенный период освещена довольно подробно, и мы не будем делать экскурс в 1920—30-е годы. В 1945 г. согласно паспортизации, проведенной археологами В. И. и Г. А. Голубовичами из ИИМК АН БССР, в музее насчитывалось свыше 11 тыс. предметов археологии из довоенных раскопок 1932 — 1939 гг. на Замковой горе в Гродно (без учета нескольких десятков ящиков с керамикой и многочисленных костей животных) [26, с. 12]. Постановлением СНК БССР № 1121 от 2 августа 1945 г. Гродненский областной исторический музей был преобразован в Гродненский государственный историко-археологический музей. Переименование музея в историко-археологический было связано с идеей создания археологического музейного комплекса. Планировалось превратить территорию Старого замка в «подземный музей», включающий Нижнюю церковь XII в. и западную башню замка XVII века. В «Положении о ГГИАМ» от 15 января 1946 г. «государственными задачами» музея определены следующие: охрана, консервация и изучение археологических памятников. Музей должен вести учет памятников археологии, выезжать в экспедиции, проводить раскопки. На баланс музея были переданы все здания Старого замка, замковый мост XVII в. (сентябрь 1946 г.), здание Борисоглебской (Каложской) церкви XII в. (май 1949 г.) [5, л. 33]. В первую очередь необходимо было предотвратить от дальнейшего разрушения дворец Старого замка (XVI—XIX вв.), занимаемый музеем. Ремонту подлежали деревянные «предохранительные сооружения» 1930-х гг. над открытыми на территории замка разновременными памятниками. Перед музеем ставилась задача продолжить изучение этих памятников, подчёркивалась их большая историческая ценность [2, л. 1 — 3, 5]. На работу в Гродненский музей были направлены выпускники Московского государственного университета, археологи по специальности А. М. Ермолаева (заведующая исторического сектора с июня 1948 г.) и Л. В. Алексеев (главный хранитель с марта 1950 г.) [2, л. 33; 3, л. 13].

После произведенного в мае 1947 г. осмотра состояния памятников архитектуры на Замковой горе комиссия в составе директора ГГИАМ Э. Г. Розенталя, уполномоченного Главного управления Охраны Памятников Комитета Архитектуры СССР старшего архитектора Н. О. Вальднера, главного архитектора г. Гродно А. Н. Клименко дала заключение о «катастрофическом состоянии памятников». В значительной мере это определялось безответственным отношением Облстройтреста, который не выполнял распоряжение Заместителя Председателя Совмина БССР о срочном производстве летом 1947 г. ремонта и реконструкции «покрытия территории раскопок» [3, л. 24]. В 1947 г. Розенталь просит ИИМК АН СССР «откомандировать квалифицированного археолога, желательно проф. Н. Н. Воронина, для ознакомления с комплексом остатков сооружений XII — XIV вв. и Старым Замком XVI в.», поскольку «исследования Замковой горы в громадной части не закончены и продолжение их представляет большой историко-культурный и политический интерес» [3, л. 6].

В 1947 г. музеем велись переговоры с ленинградскими археологами Ф. Д. Гуревич и П. А. Раппопортом, которые дали свое согласие на участие в раскопках, намеченных на 1948 г. [3, л. 6]. Археологические исследования начались в 1949 г. под руководством заведующего сектором Древней Руси ИИМК АН СССР Н. Н. Воронина. На их проведение было отпущено 69,5 тыс. рублей [6, л. 10]. После завершения Ворониным раскопок Нижней церкви, в ноябре 1949 г. был открыт для посетителей деревянный павильон над этим памятником [4, л. 23]. В мае — июне 1950 г. музей подготовил документацию, необходимую для проведения консервации этой церкви, и передал в Управление по охране памятников архитектуры БССР с просьбой отпустить необходимые средства. Стало очевидным, что памятник «деформируется» [7, л. 28]. В 1951 г. была проведена научная консервация церкви силами Реставрационных мастерских РСФСР, на что было выделено 92 тыс. рублей [4, л. 7]. Остатки стен еще одного храма — Верхней церкви, построенной над Нижней церковью в конце XIII — начале XIV в., — после изучения не экспонировались, складировались в небольшом дощатом павильоне у стен дворца [8, л. 5]. В апреле 1950 г. Гродненский облстройтрест приступил к капитальному восстановлению второй очереди здания Старого Замка [7, л. 2]. Согласно Постановлению ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 19. 09. 1967 г. «О состоянии и мерах улучшения охраны памятников истории, искусства и архитектуры в Белорусской ССР» был создан Гродненский историко-археологический заповедник в границах Замковой горы. Произошла музеефикация только одного памятника — Нижней церкви. Вторая попытка создания единого археологического музейного комплекса была сделана в конце 1980-х годов (последний эскизный проект относится к 1994 г.) по проекту минского архитектора Владимира Бочкова. Предполагалось не только восстановить королевский замок на период начала XVII века, но и создать единый музейный комплекс на Замко-

вой горе, который включил бы находящиеся на значительной глубине под стеклянным павильоном воссозданную деревянную застройку и церковь летописного Городно. Проект не воплотился в жизнь, с изменениями реанимирован в настоящее время.

Отдельную группу составляют архитектурно-археологические и историко-археологические музеи-заповедники. Планировалось создать историко-археологический музей в г. п. Заславль Минского района. В 1968 г. сотрудником Государственного музея Белорусской ССР Г. Н. Самсоновым был разработан тематико-экспозиционный план «Историко-археологического музея» — будущего филиала музея в г. п. Заславль. В этом же году состоялась первая археологическая экспедиция музея в Заславль совместно с сектором археологии ИИ АН БССР для получения материалов для будущей экспозиции [18, л. 98]. Заславский архитектурно-археологический заповедник (1967 г., 1986 г. — историко-культурный заповедник «Заслаўе») в конце 70-х годов планировалось сделать историко-археологическим. В Постановлении ЦК КП Белоруссии и Совета Министров Белорусской ССР от 18 ноября 1977 г. говорилось о целесообразности музеефицикации ряда археологических памятников Заславля.

Первый археологический музей в БССР — «Берестье» — был основан в 1972 году (открыт в 1982 г.) [15, с. 6]. Музей был создан благодаря работе белорусских археологов под руководством П. Ф. Лысенко, поддержке руководства сектора археологии, Института истории АН БССР, научных организаций, видных ученых, советских и партийных деятелей СССР [11, л. 97]. Это единственный в Европе музей восточнославянского средневекового города. В 1981 г. в музейные фонды поступило от археологов 16 573 единицы хранения археологии. Основа музея — археологический раскоп (площадь около 1 тыс. м^2) с законсервированными строениями ремесленного квартала XIII в. (28 жилых и хозяйственных построек, 2 улицы, частокол, остатки глинобитных печей и др.). Смотровая площадка расположена по периметру раскопа. Оригинальный музейный павильон из бетона, стекла, алюминия площадью 2400 м^2 был возведен в 1977 — 1980 годах. Кроме раскопа он включил 14 экспозиционных залов (1300 м^2). Существующая с небольшими дополнениями до настоящего времени стационарная экспозиция, была создана на основе тематического структурного плана, авторами которого являются доктор исторических наук П. Ф. Лысенко, научные сотрудники музея М. И. Алексюк, Г. М. Козлова [11, л. 65 — 69].

Начиная с середины 1950-х годов к экспозициям краеведческих и историко-археологических музеев стали предъявляться более высокие требования с точки зрения усиления связи с наукой археологией. Сотрудничество музеев с научными археологическими учреждениями СССР и БССР обеспечило рост археологических коллекций музеев, поступление необходимого оригинального материала и создание экспозиций по древнейшей истории, которые могут быть названы археологическими. В целом благоприятная для развития музейной археологии ситуация в 1960-х годах работала главным образом на становление и укрепление сети краеведческих музеев. Очевидные успехи в отечественной археологии и активная, заинтересованная позиция руководства отдельных музеев привели к созданию одного историко-археологического (1945) и одного археологического музея (1972) в БССР. Музейное строительство пошло по пути создания не археологических, а историко-археологических музеев, что отражало процесс интеграции этих наук и соответствовало наличию разных коллекций в фондах старейших музеев республики. В рассматриваемый период были организованы архитектурно-археологические и археологические заповедники. Директоры музеев, научные сотрудники отделов истории, участвовавшие в археологических экспедициях, внесли свой вклад в создание первых в их музеях археологических экспозиций, посвященных истории древнерусских городов и первобытно-общинному обществу. С 1960-х годов археологические экспозиции стали строиться с использованием не только иллюстративного метода, но и комплексного, систематического методов экспонирования.

Литература и источники

1. Белорусская археология: достижения археологов за годы Советской власти / В. Ф. Исаенко [и др.]; редкол. : Г. В. Штыхов [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1987. — 127 с. : ил.
2. Государственный архив Гродненской области (ГАГО). Фонд. 1269. — Оп. 1. — Д. 1.
3. ГАГО. — Ф. 1269. — Оп. 1. — Д. 8.
4. ГАГО. — Ф. 1269. — Оп. 1. — Д. 45.
5. ГАГО. — Ф. 1269. — Оп. 2. — Д. 19.
6. ГАГО. — Ф. 1269. — Оп. 2. — Д. 20.
7. ГАГО. — Ф. 1269. — Оп. 2. — Д. 28.
8. ГАГО. — Ф. 1269. — Оп. 2. — Д. 36.

9. Институт истории НАН Беларуси, отдел сохранения историко-культурного наследия. Архив Л. Д. Поболя. — Д. 550.
10. Институт истории НАН Беларуси, отдел сохранения историко-культурного наследия. Архив Л. Д. Поболя. — Д. 43.
11. Институт истории НАН Беларуси, отдел сохранения историко-культурного наследия. Архив Л. Д. Поболя. — Д. 70.
12. Институт истории НАН Беларуси, отдел сохранения историко-культурного наследия. Архив Л. Д. Поболя. — Д. 252.
13. Клімаў, С. М. Мсціслаўскі гісторыка-археалагічны музей / Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. / Беларус. Энцыкл.; рэдкал. В. В. Гетаў [і інш.] — Минск : БелЭн, 1993. — С. 444.
14. Крывальцэвіч, М. Археалёгія і палітыка // Шуфляда. — 1999. — № 1. — С 33—54.
15. Лысенко, П. Ф. Открытие Берестья / П. Ф. Лысенко; рецензенты: М. А. Ткачёв [и др]. — Минск : Наука и техника, 1989. — 159 с.
16. Национальный архив РБ (НАРБ). — Ф. 7. — Оп. 5. — Д. 5547.
17. НАРБ. — Ф. 790. — Оп. 1. — Д. 37.
18. НАРБ. — Ф. 974. — Оп. 1. — Д. 25.
19. НАРБ. — Ф. 974. — Оп. 1. — Д. 388.
20. НАРБ. — Ф. 974. — Оп. 1. — Д. 405.
21. НАРБ. — Ф. 974. — Оп. 2. — Д. 414.
22. НАРБ. — Ф. 974. — Оп. 2. — Д. 667.
23. НАРБ. — Ф. 974. — Оп. 2. — Д. 756.
24. Потапова, Т. Б. Археологические материалы в краеведческих музеях. Методические указания / Т. Б. Потапова, В. М. Раушенбах; под ред. А. Я. Брюсова. — Москва : Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1954. — 124 с.
25. Тихомирова, В. А. Археологические материалы в музейной экспозиции / В. А. Тихомирова; Комитет по делам культурно-просветит. учреждений при Совнаркоме РСФСР, НИИ краеведческой и музейной работы. — Москва : Красный печатник, 1945. — 15 с.
26. Фонды Гродненского государственного историко-археологического музея (ГГИАМ). КП 16183. — Д. Голубович В. И., Цегак — Голубович Е. А. Новые материалы по истории Гродна в раннефеодальную эпоху. — 102 с.

27. Формозов, А. А. Страницы истории русской археологии / А. А. Формозов. — Москва : Наука, 1986. — 240 с.
28. Центральный научный архив НАН Беларуси (ЦНА НАН Беларуси). — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 547.
29. ЦНА НАН Беларуси. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 548.
30. ЦНА НАН Беларуси. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 754.
31. Czopek, S. Wstęp do muzealnictwa i konserwatorstwa archeologicznego / S. Czopek; opiniowal M. Gedl. — Rzeszów : Wyż sza Szkoła Pedagogiczna, 2000. — 220 s.

Дз. В. Юрчак (Віцебск)

РАЗВІЦЦЁ МЫТНАЙ СПРАВЫ І ЗАКАНАДАЎСТВА НА БЕЛАРУСКІХ ЗЕМЛЯХ У XIII — ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVI СТСТ.

На фарміраванне мытнай справы і мытнага заканадаўства ў Беларусі ў часы існавання ВКЛ аказвала ўплыў развіццё знешняга гандлю, агульная эвалюцыя сістэмы органаў дзяржаўнага кіравання і заканадаўства ў разглядаемы перыяд. У XIII ст. з-за нашэсця мангола-татараў губляе сваё ранейшае значэнне старажытны гандлёвы шлях «з вараг у грэкі», памяншаецца роля ў транзітным гандлі гарадоў паўднёвай і паўднёва-ўсходняй Беларусі, размешчаных на Дняпры і яго прытоках. Але значэнне дзвінскага адгалінавання старажытнага гандлёвага шляху наадварот узрастае, што пакідае Полацк і Віцебск у арбіце асноўных гандлёвых патокаў таго часу. У прыватнасці, рускі цар Іван IV Грозны, характарызуючы значэнне дзвінскага шляху, гаварыў: «Берагі Дзвіны срэбныя, а дно яе залатое» [17, с. 265]. Акрамя таго, Вялікае Княства Літоўскае само становіцца актыўным удзельнікам знешняга гандлю і ў поўнай меры рэалізуе свой транзітны патэнцыял.

У той час на развіццё мытнай справы на тэрыторыі сучаснай Расіі значны ўплыў аказвала татара-мангольскае іга. З гэтага часу ранейшая назва праваznога гандлёвага збору — «мыта» — паступова замя-

няецца новым татарскім словам «тамга» (у значэнні пломба, пячатка). Пад тамгой разумеліся ўсе гандлёвыя зборы, спаганяемыя ў адмысловых установах — «таможнях», у якіх тавар «таможили» [10, с. 30]. У Беларусі дадзенае паняцце аж да XIX ст. распаўсюджвання не атрымала, бо яе тэрыторыя не патрапіла пад мангола-татарскае іга. Як вынік, у беларускай мове і па сённяшні дзень захоўваецца ранейшая назва — «мытня».

У XIII — XIV стст. развіццё мытнай справы і заканадаўства адбывалася ў рэчышчы тэндэнцый, закладзеных у папярэднюю эпоху. У разглядаемы перыяд не зведала сур'ёзных змен існуючая раней сістэма падаткаў, працягвалася іх збіранне ўдзельнымі князямі, якія мелі шырокую аўтаномію. Усё гэта тлумачылася тым, што менавіта беларускія землі сталі ядром фарміравання новай дзяржавы — Вялікага Княства Літоўскага, а пануючае тут старажытнарускае права стала асновай сістэмы права ВКЛ.

Пэўныя змены ў арганізацыі мытнай справы назіраюцца пасля адміністрацыйнай рэформы князя Вітаўта, што паспрыяла цэнтралізацыі дзяржавы. Раней роля вялікага князя ў ВКЛ была ў пэўным сэнсе аслабленая з-за наяўнасці ў дзяржаве мноства ўдзельных князёў, якія валодалі шырокімі правамі ў сваіх вотчынах. У прыватнасці, яны знаходзіліся ў васальнай залежнасці ад вялікага князя, абавязаныя былі даваць атрады для ўдзелу ў ваенных дзеяннях, выплачваць штогод даніну. У той жа час удзельныя князі валодалі шырокімі правамі, праводзілі самастойную ўнутраную палітыку ў межах сваіх земляў, у іх рукі ішлі ўсе гандлёвыя і мытныя плацяжы, што ўзымаліся на тэрыторыі ўдзельных княстваў. Такім чынам, ніякай цэнтралізаванай сістэмы мытных збораў не існавала, а развівалася мытная справа і мытнае заканадаўства на аснове тэндэнцый, закладзеных у Старажытнай Русі.

Можна меркаваць, што з ліквідацыяй удзелаў у 1390-х гг. і стварэннем намесніцтваў вялікі князь Вітаўт адначасова правёў рэфармаванне мытнай сістэмы ВКЛ. У прыватнасці, прававое становішча былых удзельных княстваў цяпер вызначалася ўстаўнымі граматамі вялікага князя, што пацвярджалася яго пераемнікамі. На жаль, ні воднага ранняга дакумента такога тыпу не захавалася. Але, па меркаванні даследчыкаў, ва ўстаўных граматах землям ВКЛ замацоўваліся правы і абавязкі розных слаёў насельніцтва, прававы статус земляў, а таксама фінансавыя плацяжы (уключаючы мытныя), што ішлі ў дзяржаўную казну [16, с. 351, 353]. Калі ж разглядаць

устанаўленне мытных плацяжоў, дык, улічваючы асаблівасці складання старажытных грамат і дамоў, можна выказаць меркаванне, што ў іх прама прапісваліся месцы і памеры збірання ўсіх гандлёвых і правазных мытаў. Аб апошнім сведчаць шматлікія пазнейшыя дакументы, якія дайшлі да нас. Яны спасылаюцца на ўсталяваныя Вітаўтам умовы выплаты мыта. У прыватнасці, у пацвярджальнай грамаце Полацкай зямлі 1547 г. гаворыцца, што за палачанамі захоўваюцца ўсе льготы, якія яны «м ці от предковъ нашихъ великихъ князей, от великого князя Витовта и Жикгимонта и Скиргайла <...>» [1, с. 15]. Падобнае чытаецца і ў рашэнні Казіміра па скарзе жыхароў Луцка на незаконна спаганяемае з іх мыта шляхтай Валынскай зямлі. Вялікі князь загадаў як і раней збіраць мыта толькі там, дзе гэта рабілася па рашэнні Вітаўта [13, с. 223]. Усё гэта сведчыць пра тое, што менавіта пры вялікім князю Вітаўце адбылася цэнтралізацыя мытных збораў, а права ўводзіць новыя зборы і змяняць існуючыя раней канчаткова перайшло да цэнтральных улад.

Асобныя нормы мытнага права можна знайсці ў прывілеях на самакіраванне гарадам. Наданне беларускім гарадам магдэбургскага права само па сабе было накіраванае на ажыўленне гандлю ў княстве. Пра апошняе сведчыць тое, што першымі падобныя прывілеі атрымалі гарады, размешчаныя ў басейнах важных гандлёвых рэк Віліі, Нёмана і Заходняга Буга: у 1387 г. — Вільня і Трокі, у 1390 г. — Брэст, у 1391 г. — Гародня і Коўна. У большасці прывілеі змяшчалі мытныя льготы жыхарам самых вялікіх гарадоў. Так, полацкія мяшчане па прывілею на магдэбургскае права 1498 г. вызваляліся ад выплаты мыта па ўсім ВКЛ [4, с. 23]. Практычна тыя ж правы падаваліся купцам з Вільні, Трокаў, Віцебска і Кіева. Іншыя гарады такімі шырокімі льготамі не карысталіся. У прыватнасці, у прывілеі Мінску ўтрымоўваецца ўказанне на тое, што гараджане, як і раней, павінны выплачваць мыта. Тая ж фармулёўка мелася і ў іншых гарадскіх граматах. У такіх умовах у гарадах назіралася даволі цікавая тэндэнцыя: шматлікія рамеснікі пераходзілі пад юрысдыкцыю феадалаў для таго, каб пазбавіцца ад гарадскіх выплат і мытных пошлін [7, с. 27]. Тое ж самае магло быць і сярод гандлёвых людзей. Ім прасцей было дзейнічаць на ўмовах фармальнай залежнасці ад феадала, бо гэта было выгадна абодвум бакам. Феадалы карысталіся вялізнымі прывілеямі ў рэалізацыі тавараў, у той час як простыя купцы маглі прадаваць свой тавар толькі жыхарам ратушнай юрыдыкі [11, с. 56].

Княскімі граматамі некаторыя феадалы таксама атрымоўвалі права спаганяць асобныя правозныя плацяжы. Часцей за ўсё гэта датычылася маставога і перавознага мыта. Так, падчашы ВКЛ Н. Цеханавецкі-Кішка, атрымаўшы ў валоданне ад вялікага князя Драгічынскае староства, надзяляўся правам спаганяць платы за перавоз па сваёй зямлі [14, с. 142]. У пацвярджальнай грамаце 1541 г. І. Няміровічу на пабудову замка ў маёнтку Гарадзішча вялікім князем дазвалялася гаспадару замка «мыто брати от воза по полугрошъку» [12, с. 105].

У XV — XVI стст. у ВКЛ складаецца складаная сістэма мытных і гандлёвых плацяжоў, паміж якімі часам цяжка было правесці выразную мяжу. У розных крыніцах згадваюцца наступныя віды плацяжоў: гаспадарскія, княжыя, панскія, баярскія і духоўныя мыты, а таксама вялікае і малое; дроўнае, рыбнае, саляное; грэбельнае і езавое; оргішавае (ад караванаў); скопнае (з гандлю скурамі); ванчоснае (збор з прадуктаў дрэваапрацоўкі), перавознае, памернае, важнае, васкабойнае і маставое; мыта ад прасолаў і г. д. [18, с. 11 — 12]. Усё вышэйпрыведзенае сведчыць аб тым, што мытныя плацяжы яшчэ цалкам не адасобіліся ад унутраных гандлёвых збораў, і тэрмінам «мыта» пазначаліся як першыя, так і другія. Ды і сярод мытных службоўцаў не было выразнага размежавання паўнамоцтваў (чаго толькі варты назвы службовых пасад: «справца мыт помежных и карчомъ») [5, с. 182].

У адпаведнасці з існаваўшым у ВКЛ звычаем усе купцы абавязаны былі плаціць мыта, якое паступала ў казну. Для збору мыта на гандлёвых шляхах у вялікакняжацкіх гарадах ствараліся мытні (каморы), на меней значных шляхах размяшчаліся мытныя заставы (прыкаморкі). З XV ст. у ВКЛ склалася больш складаная сістэма арганізацыі мытняў: уся дзяржава пры вялікім князю Аляксандру Казіміравічу было падзеленае на мытныя акругі на чале з галаўнымі каморамі. Першапачаткова іх было 10: Берасцейская, Ковенская, Луцкая, Уладзімірская, Наваградская, Мінская, Смаленская, Кіеўская, Путіўльская і Бранская. Ім падпарадкоўваліся рэгіянальныя каморы, прыкаморкі і асобныя мытныя пасты — мытная варта (віжы). Асноўнай задачай апошніх была барацьба з кантрабандай, названай у працы У. Ю. Саяпина «промытам» [18, с. 57]. Аднак з гэтым нельга пагадзіцца, бо, гледзячы па тэкстах старажытных актаў, пад промытам хутчэй разумелася канфіскацыя тавара («взялъ в промыто») [5, с. 187; 6, с. 28].

У каморах купцы абавязаны былі прад'явіць тавар для надгляду («шацавання»), вусна задэклараваць колькасць, кошт і месца прызначэння тавара, а таксама выплаціць за яго мыта. Купец, што аплаціў

мыта, атрымоўваў «квіт» (квітанцыю), які павінен быў забяспечыць яму вольны праезд да месца прызначэння [11, с. 55]. У той жа час ва ўсіх каморах па шляху тавар аглядалі ізноў на прадмет адпаведнасці грузу таму, што паказана ў квітанцыі. Усе звесткі аб купцу, тавары, месцы прызначэння, ільготах, збіранні мыта і яго памерах занасіліся ў мытныя кнігі, якія вяліся на ўсіх каморах і падкаморках.

Г. Галенчанка мяркуе, што мытныя кнігі ў ВКЛ існавалі з XIII ст. [3, с. 47]. Аднак падобнае меркаванне выклікае сумненне, бо ў феадалаў удзельных зямель ВКЛ, дзе раней спаганяліся мытныя плацяжы, не існавала неабходнасці ў вядзенні такой дакладнай справаздачнасці. Хутчэй за ўсё мытныя кнігі з'яўляюцца толькі ў XVI ст., што было звязана з неабходнасцю дзяржавы ва ўпарадкаванні паступлення ўскосных падаткаў у казну. Аб рэальнасці гэтага сведчыць тое, што з мытных кніг, якія захаваліся да нашых дзён, самыя раннія адносяцца да канца XVI — XVII стст. і з'яўляюцца даволі сінхронна (мытныя кнігі Брэста 1583 і 1605 гг., Гародні 1600 і 1605 гг., Віцебска 1605 г., Магілёва 1612 г., Полацка 1616 г.).

Па выніках працы мытных камор мытнікі складалі справаздачы — «лічбу», — якія здаваліся падскарбію. Апошні правяраў справаздачу і выдаваў мытнікам «квіт» (квітанцыю) пра разлік з казной [8, с. 653]. Вышэйшым адміністратарам усіх мытаў у ВКЛ з'яўляўся падскарбій земскі. Выключэннем з гэтага правіла можа стаць перыяд кіравання Жыгімонта Старога, калі ў 1536 г. вялікі князь галоўным распарадчыкам усіх мытаў прызначыў сваю жонку Бону Сфорца.

Разглядаючы непасрэдна тарыфы, варта звярнуць увагу на тое, што існавалі асноўныя (мыта старое, звычайнае) і дадатковыя (мыта новападвышанае) тарыфы. Апошнія пачалі ўводзіцца пры вялікім князю Жыгімонце Старым і дазвалялі павялічваць мытныя тарыфы і прыбытковасць казны, не змяняючы раней існаваўшых мыт і не парушаючы гандлёвых звычаяў. Акрамя таго, у дачыненні новых тарыфаў не дзейнічалі льготы, фіксаваныя ў так званых бязмытных лістах. Купец, які меў мытныя льготы па асноўным тарыфе (старому мыту), абавязаны быў плаціць дадатковыя мыты, што фіксавалася ў мытных кнігах.

Звычайна збор мыта здаваўся ў арэнду або ажыццяўляўся службовымі асобамі. Але арэнда пераважала, бо дзяржаве было выгадна атрыманне фіксаванай папярэдняй аплаты і адсутнасць выдаткаў на ўтрыманне камор. Першыя прыклады сдачы ў арэнду мытняў адносяцца да часу княжання Вітаўта. У асноўным арэндай камор займаліся яўрэі. Існавалі нават прыклады субарэнды, што не за-

баранялася княжымі граматамі. Паказальна, што за значныя поспехі ў арганізацыі працы мытных камор адзін з арандатараў-габрэяў Абрам Езыфовіч, які прыняў каталіцтва, стаў у 1509 г. падскарбіем земскім і займаў гэты пост да сваёй смерці ў 1519 г. [18, с. 77 – 78].

Неаднаразова князямі прадпрымаліся спробы абмежаваць правы арандатараў і наогул адмовіцца ад практыкі сдачы мытных камор у арэнду. Пры Аляксандру падобныя спробы пацярпелі фіяска. Пры Жыгімонце Старым гэтыя спробы прадпрымаліся А. Езафовічам і Бонай Сфорцай, што правяла ў 1530 – 40-х гг. цэлую мытную рэформу. У прыватнасці, пры каралеве Боне ўсе мытныя зборы былі перададзеныя ў рукі даверанных шляхцічаў і прадстаўнікоў гарадоў, непасрэдна падпарадкаваных падскарбію. Габрэі ж наогул былі адхіленыя ад мытных арэнд, а колькасць мытняў узрасла ў 3 разы [2, с. 327; 18, с. 71].

У пачатку XVI ст. адбываюцца значныя змены і ў мытным заканадаўстве. З увядзеннем у дзеянне статутаў ВКЛ пачалося рэгуляванне праваадносін у мытнай справе на ўзроўні канстытуцыйных норм. У артыкуле 21 першага раздзела Статута ВКЛ 1529 г. уводзілася забарона на ўводзіны новых мытаў у межах княства, акрамя тых, што ўсталяваныя князем або яго продкамі. Санкцыяй за парушэнне дадзенага артыкула аб'яўлялася канфіскацыя маёнтка [15, с. 146].

Для сярэдзіны XVI ст. характэрна барацьба шляхты за адстойванне і пашырэнне сваіх правоў у пытаннях арганізацыі мытнай справы. У прыватнасці, шляхта неаднаразова паднімала пытанне аб размяшчэнні на сваіх землях і ў маёнтках мытных устаноў, лічачы, што яны ўшчамляюць іх правы і прыносяць «шкоду». Але вялікі князь адхіляў такія звароты ў 1544 і 1551 гг. [1, с. 28; 9, с. 119]. Таксама на сойме 1551 г. шляхта княства спрабавала дамагчыся права бязмытна вывозіць уласныя лясныя тавары [1, с. 29]. Але толькі ў 1559 г. шляхта атрымала магчымасць вывозіць без выплаты мыта прадукты ўласнай вытворчасці (збожжа і тавары лясныя). Пры гэтым для вызначэння паходжання тавара досыць было вуснага дэкларавання [1, с. 98].

Такім чынам, у XIII – першай палове XVI стст. адбывалася станаўленне мытнай справы на беларускіх землях, якая мела свае адметнасці ў параўнанні з іншымі перыядамі гісторыі. У гэты час была арганізавана больш-менш цэнтралізаваная сістэма мытных плацяжоў, створана адпаведная інфраструктура і справаводчая дакументацыя, закладзены юрыдычны падмурак далейшага развіцця і эвалюцыі мытнай справы Беларусі. Адначасова назіраўся працэс пашырэння мытных ільгот, што асабліва праявілася ў другой палове XVI ст.

Літаратура і крыніцы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. – С. -Петербург : Тип. Э. Праца, 1848. – Т. 3: 1544 – 1587 гг. – 318 с.
2. Астрога, В. Мытная справа // Вялікае Княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. / Рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2. – С. 327 – 329.
3. Гісторыя Беларусі: у 6 т. : Беларусь у перыяд Вялікага Княства Літоўскага / Рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. – Мінск : Экаперспектыва, 2008. – Т. 2. – 688 с.
4. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV – XVI вв. : сб. материалов / сост. И. И. Яковкин. – Ленинград : Гос. соц. -экономич. изд-во, 1936. – 158 с.
5. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской / Под ред. Д. И. Довгялло. – Витебск : Тип. Бр. Подземских, 1906. – Выпуск 32. Кн. 1 – 290 с.
6. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской / Под ред. Д. И. Довгялло. – Витебск : Тип. Бр. Подземских, 1906. – Выпуск 32. Кн. 2 – 292 с.
7. Копысский, З. Ю. Из истории общественно-политической жизни городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII вв. / З. Ю. Копысский // Труды Института истории Академии наук БССР : сб. статей. – Минск, 1958. – Выпуск 3. – С. 15 – 46.
8. Лаппо, И. И. Великое княжество Литовское за время отъ заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569 – 1586 гг.) : опыт исследования политическаго и общественнаго строя / И. И. Лаппо. – С. -Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1901. – Т. 1. – 780 с.
9. Литовская метрика : отделы первый-второй. Ч. 1. Книги публичныхъ делъ. – Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1916. – Т. 1. – 895 с.
10. Марков, Л. Н. Очерки по истории таможенной службы / Л. Н. Марков. – Иркутск : Изд-во Иркутск. ун-та, 1987. – 160 с.
11. Мелешко, В. И. О торговле и торговых связях Могилева / В. И. Мелешко // Труды Института истории Академии наук БССР : сб. статей. – Минск, 1958. – Выпуск 3. – С. 47 – 65.

12. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 28 (1522-1552 гг.) : Кніга запісаў № 28 / падрыхтавалі В. Мянжынскі, У. Свяжынскі. — Мінск : ATHENAEUM, 2000. — 312 с.
13. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 30 (1480—1546 гг.): Кніга запісаў № 30 (Копія канца XVI ст.) / падрыхтаваў В. С. Мянжынскі. — Мінск : Беларус. навука, 2008. — 386 с.
14. Метрыка Вялікага Княства Літоўскага. Кніга 46 (1562-1565 гг.): Кніга запісаў № 46 (копія канца XVI ст.) / падрыхтаваў В. С. Мянжынскі. — Мінск : БелЭн, 2006. — 280 с.
15. Первый Литовский Статут (1529 г.) = Pirmasis Lietuvos Statutas (1529 m.) / С. Лазутка, И. Валиконите, Э. Гудавичюс. — Vilnius : Margi raštai, 2004. — 525 p.
16. Пичета, В. И. Литовско-русское государство / В. И. Пичета // Русская история в очерках и статьях / Под ред. М. В. Довнар-Запольского: в 2 т. — Москва : Моск. учебн. книгоиздательство, 1908. — Т. 2. — С. 337 — 439.
17. Сапунов, А. Река Западная Двина : историко-географический обзор / А. Сапунов. — Витебск : Тип. Г. А. Малкина, 1893. — 512 с.
18. Саяпин, В. Ю. Таможенная служба : в 2 кн. / В. Ю. Саяпин. — Гродно : Гродн. тип., 2005. — Кн. 1. Мыто и мытники. — 400 с.

А. М. Кушнярэвіч (Мінск)

ФАРТЫФІКАЦЫЙНЫ ФЕНОМЕН ВІЦЕБСКАГА ВЕРХНЯГА ЗАМКА

Будаўніцтву Верхняга замка ў Віцебску папярэднічаў дынастычны шлюб, калі ў 1318 г. сын Гедыміна Альгерд ажаніўся з мясцовай князёўнай Марыяй Яраслаўнай, дачкой апошняга віцебскага ўдзельнага князя. Праз два гады Яраслаў памёр, і Альгерд на правах спадчыны далучыў Віцебск і княства да дзяржавы свайго бацькі. З гэтага часу на горад ускладаецца вялікая стратэгічная роля ва ўсходняй палітыцы Вялікага княства Літоўскага. Па гэтай прычыне Альгерд на

пачатку 30-х гг. XIV ст. пачаў будаўніцтва мураваных умацаванняў [15, с. 5].

Замак быў узведзены з валуноў на вапнава-пясчанай рошчыне, а ў завяршэнні сцен, падобна як у Лідскім і Крэўскім замках, была выкарыстана цагляная муроўка. На гэтым жа ўзроўні на кансольных бэльках размяшчалася галерэя насценнага бою.

Планіровачная структура замка акруглых абрысаў у асноўным захоўвала канфігурацыю былога дзядзінца, па перыметры вала якога была ўзведзена мураваная абарончая сцяна, апушчаная ў яго на глыбіню 0,5 м [15, с. 7—8]. Цікава, як такая навальная мураваная канструкцыя, да таго ж з неглыбокімі падмуркамі, магла прастаяць крыху больш двух стагоддзяў. Відаць, трываласць ёй забяспечыў унутраны драўляны каркас абарончага вала, выяўлены падчас археалагічных даследаванняў [15, с. 20].

Аснову магутнасці замка складалі восем мураваных шматярусных вежаў, і ў іх ліку «Вялікая брама» з боку Ніжняга замка, брама да Дзвіны і «Малая брама» да Віцьбы. Памеры вежаў у аснаванні складалі 7 х 7 і 8,8 х 8,8 м. Таўшчыня сцен ля падэшвы была 3 м, працягласць каля 688 м. У выніку Віцебскі замак уяўляў магутны абарончы комплекс, зафіксаваны на старонках пісьмовых крыніц ужо ў канцы XIV ст. Так, у гістарычна-геаграфічным творы гэтага часу «Спіс рускіх гарадоў, далёкіх і блізкіх», які, відаць, быў складзены ў канцылярыі мітрапаліта Кіеўскага і ўсяе Русі Кіпрыяна, сказана: «Видбеск, 3 стены камены, а река Видба и Двина» [8, с. 623]. У сувязі з гэтым апісаннем Віцебска М. А. Ткачоў адзначыў, што «эти три стены были ничем иным, как стенами каменного Верхнего замка и стеной примкнутого к нему каменного Нижнего замка, существование которого установлено археологическими раскопками» [14, с. 120—121]. Аднак больш праўдападобным тлумачэннем згаданых пісьмовых звестак з'яўляецца меркаванне Л. В. Калядзінскага, які адзначыў, што «первой стеной обороны была линия укреплений Нижнего замка, второй — линия укреплений Верхнего замка, а третьей являлась линия укреплений, проходящая по краю площадки Замковой горы с ее напольной стороны» [5, с. 8].

Паводле польскага гісторыка М. Стрыйкоўскага, у Віцебску «Альгерд умацаваў Верхні замак мураванай сцяной і вежамі і ўпрыгожыў яго палатамі» [19, с. 108]. Будаўніцтва замка было завершана ў 1351 г. яго другой жонкай Уллянай Цвярской. У сувязі з гэтым хроніка Літоўская і Жамойцкая адзначае, што «замак Витебский и

вежу змуравала Улиана княгиня, жона Олгердова, в небытности Олгерда, гды был на войне пруской, также и палац от Нижнего замку праве вспанялый велми, и муром округ обвела з баштами вынеслами и вежами» [16, с. 43]. Археалагічныя даследаванні пацвердзілі, што вежы Ніжняга замка таксама былі вынесены за перыметр абарончых сцен [2, с. 90]. Гэта дазваляла ў выпадку варожай аблогі весці не толькі франтальны, але і флангавы абстрэл прылеглай да замка тэрыторыі. Аналагічнае наватарскае размяшчэнне гэтага элемента аб'ёмнай кампазіцыі ўласціва і Княжацкай вежы Крэўскага замка першай паловы XIV ст. Такое кампазіцыйнае размяшчэнне вежаў сведчыць, што ў абарончым дойлідстве Вялікага княства Літоўскага першай паловы XIV ст. быў выпрацаваны новы фартыфікацыйны прыём, бо ў Цэнтральнай і Паўночнай Еўропе вежы, прыстасаваныя да флангавай абароны, з'явіліся толькі ў апошняй чвэрці XIV — пачатку XV стст. з распаўсюджваннем агнястрэльнай зброі [17, с. 324; 18, с. 54], хаця ў другой палове XIV ст. гэта сістэма абароны ўжо складвалася ў ваенным дойлідстве Паўночна-Усходняй Русі. На думку вядомага даследчыка старажытнарускага абарончага дойлідства А. М. Кірпічнікава, у гэты час сапраўды пашырылася выкарыстанне агнястрэльнай зброі, аднак з упэўненасцю можна сцвярджаць, што першыя найбольш значныя пераўтварэнні ў сярэднявечным мілітарным дойлідстве наступілі яшчэ задоўга да таго, як агнястрэльная зброя зрабіла пераварот у ваеннай справе [4, с. 164].

У хроніцы Літоўскай і Жамойцкай прыцягвае ўвагу і паведамленне аб тым, што княгіня Улляна «змуравала вежу» у Віцебскім замку. Па нашаму меркаванню, пад згаданай пабудовай маецца на ўвазе асобна пастаўленая, відаць, побач з палацам («палатамі»), абарончая вежа тыпу германскага бергфрыду. Такія вежы атрымалі шырокае распаўсюджванне ў абарончым дойлідстве XII—XIII стст. краін Цэнтральнай, Паўночнай Еўропы, Скандынавіі, Прыбалтыкі [7, с. 54—60]. У польскай архітэктуры разглядаюцца пад назвай «вежа апошняй абароны» [18, с. 37]. У беларускім мураваным дойлідстве другой паловы XIII ст. такія ўмацаванні вядомы як вежы валынскага тыпу (Гродна, Камянец, Тураў, Брэст) [14, с. 9—12]. У адрозненне ад англійскіх і французскіх данжонаў, якія пачалі будаваць у канцы X — пачатку XI ст., галоўная вежа германскіх замкаў (Bergfried) была цалкам пазбаўлена жылой і рэзідэнцыянальнай функцый. У выпадку захопу замка гэта вежа служыла яго ўладальніку і абаронцам апошнім прытулкам, дзе яны маглі схавацца, уцягнуўшы за сабою драбіны, і чакаць дапамогі. Уваход у такую вежу звычайна знаходзіўся на ўзроўні другога альбо трэцяга паверхаў. Архітэктурны сілуэт бергфрыда быў больш стройны, чым у данжона [7, с. 57]. Аналагічныя бергфрыдам вежы ўзводзілі ў другой палове XIII ст. на Валыні (Белавіна, Стоўп'е, Холм, Спас і інш.) [9]. Такія ж адзіночныя абарончыя вежы ў XIV ст. меліся і ў землях Паўночна-Заходняй Русі: Пскоў, Ізборск, Арэхаў, Карэла [4, с. 56— 97]. Таму згаданыя летапісныя паведамленні дазваляюць сцвярджаць на акрэсленым архітэктурным фоне, што ў віцебскім Верхнім замку таксама мелася абарончая вежа тыпу бергфрыда.

У другой палове XVI — першай палове XVII стст. у выніку ранейшых шматлікіх ваенных дзеянняў, пажараў, рамонтаў [1, с. 9—10; 11, с. 151—154; 15, с. 6—8] мураваныя ўмацаванні віцебскага замка паступова трансфармаваліся ў драўляныя, якімі яны пазначаны на чарцяжы 1664 г. [12, с. 8—11; 13, с. 6—27]. У гэты час некаторыя драўляныя вежы стаялі на рэштках ранейшых аналагічных мураваных элементаў аб'ёмнай кампазіцыі замка.

Апісанне віцебскіх абарончых умацаванняў гэтага часу пакінуў польскі гісторык Аляксандр Гваньіні, які ўдзельнічаў у Інфлянцкай вайне 1558—1582 гг., і пэўны час быў камендантам Віцебска, займаўся рамонтам і ўзвядзеннем гарадской фартыфікацыі [3, с. 518]. У прыватнасці, ён адзначыў: «у Віцебску ёсць два вельмі прасторныя і, дзякуючы свайму размяшчэнню, вельмі ўмацаваныя замкі; адзін з іх, які знаходзіцца на раўніне і прасторам роўны гораду, называецца Ніжнім замкам; другі, Верхні замак, стаіць на даволі абшырным узвышшы. Абодва гэтыя замкі ўмацаваны баштамі і сценамі, пабудаванымі з дубу і напоўненымі зямлёю, ды каменнем» [11, с. 155].

Такім чынам, у Віцебску у першай палове XIV ст. быў створаны своеасаблівы фартыфікацыйны феномен у выглядзе замкавых вежаў, прыстасаваных не толькі для франтальнай, але і флангавай абароны. Гэта сведчыць аб тым, што горад меў вельмі вопытных будаўнікоў-фартыфікатараў у дадзены час і адыграў вялікую ролю ў развіцці абарончага дойлідства Вялікага княства Літоўскага, майстры якога часам нават апярэджвалі развіццё еўрапейскай фартыфікацыйнай думкі.

Літаратура і крыніцы

1. Брэжго, В. Замкі Віцебшчыны / В. Брэжго. — Вільня, 1933.
2. Бубенько, Т. С. Нижний замок — экономический центр Витебска XIV— XVIII вв. / Т. С. Бубенько // Castrum, urbis et bellum. — Баранавічы, 2002. — С. 90 — 117.

3. Грыцкевіч, А. Гваньіні Аляксандр / А. Грыцкевіч // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя. — Мінск, 2005. — Т. 1. — С. 518.
4. Кирпичников, А. Н. Каменные крепости Новгородской земли / А. Н. Кирпичников. — Ленинград, 1984.
5. Колединский, Л. В. Верхний замок Витебска в XI — XVII вв. : Автореф. дис. ... канд. ист. наук / Л. В. Колединский. — Минск, 1991. — 35 с.
6. Левко, О. Н. Витебск XIV — XVIII вв. / О. Н. Левко — Минск, 1984.
7. Макараў, М. Да пытання выкарыстання тэрміну «данжон» (donjon) у беларускай гістарычнай літаратуры / М. Макараў // Гістарычны альманах : Навук. -гіст. і краяз. часопіс. — 2001. — Т. 5. — С. 54 — 67.
8. Пазднякоў, В. «Спіс рускіх гарадоў, далёкіх і блізкіх» / В. Пазднякоў // Вялікае княства Літоўскае : Энцыклапедыя. — Мінск, 2006. — Т. 2. — С. 623.
9. Раппопорт, П. А. Волынские башни / П. А. Раппопорт // Материалы и исслед. по археологии. — Москва, 1952. — Вып. 31. — С. 202 — 223.
10. Раппопорт, П. А. Военное зодчество западнорусских земель X — XIV вв. / П. А. Раппопорт // Материалы и исследования по археологии СССР. — Ленинград, 1967. — Вып. 140.
11. Сапунов, А. Исторические сведения о Витебским замке / А. П. Сапунов // Памятная книжка Витебской губернии на 1881 г. — Витебск, 1881. — С. 113 — 176.
12. Сапунов, А. К плану г. Витебска // Памятная книжка Витебской губернии на 1905 г. — Витебск, 1904. — С. 8 — 11.
13. Сапунов, А. «Чертеж» гор. Витебска 1664 года / А. П. Сапунов. — Витебск, 1910. — С. 6 — 27.
14. Ткачев, М. А. Замки Белоруссии / М. А. Ткачев. — Минск, 1987.
15. Цішкін, І. А. Віцебскія замкі / І. А. Цішкін. — Віцебск, 2003.
16. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца / Сост. и автор предисл. Н. Н. Улащик. — Москва : Наука, 1975. — Т. 32. — (Полное собрание русских летописей).
17. Domańska, H. Z. Badańia nad problemem przystosowania zamków Pomorza Wschodniego do broni palnej w latach 1390 — 1520 / H. Z. Domańska // Kwartalnik architektury i urbanistyki. — 1976. — R. XXI. — Z. 4. — S. 321 — 326.

18. Guerquin, B. Zamki w Polsce / B. Guerquin. — Warszawa, 1974.
19. Stryjkowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi / M. Stryjkowski. — Warszawa, 1848. — T. 2.

В. В. Урублеўскі, З. Л. Яцкевіч (Мінск)

ВІЦЕБСКІ МАГІСТРАТ У КАНЦЫ XVI — XVIII стст.

Першая пісьмовая згадка пра Віцебск паводле мясцовага летапісу XVIII ст. датуецца 974 г., калі ён належаў кіеўскім князям. З 1021 г. у Полацкім княстве, затым, з 1101 г., цэнтр самастойнага княства. У 1318 г. увайшоў у склад ВКЛ. Згодна прывілею вялікага князя Вітаўта, нададзенаму гораду ў 1390-я гг., пацвярджаліся пэўныя нормы мясцовага права, якія ўзыходзілі да дамоваў паміж горадам і князем. У 1444 г. паводле прывілея вялікага князя ВКЛ Казіміра Ягелончыка (з 1447 кароль польскі Казімір IV) горад атрымаў права на абмежаванае самакіраванне, у тым ліку права суда, згодна з магдэбургскімі законамі, права свабоднага гандлю ў межах Вялікага княства Літоўскага. Устаўная грамата 1447 г. давала дадатковыя ільготы мяшчанам, што сведчыла пра рост уплыву гараджан у палітычным жыцці дзяржавы. Прывілеі, нададзеныя Віцебску ў XV ст., садзейнічалі эканамічнаму росквіту горада: павялічылася колькасць гарадскога насельніцтва, адзначалася далейшае паглыбленне спецыялізацыі рамяства і ўзнікненне рамесніцкіх аб'яднанняў, пашыраліся гандлёвыя сувязі віцебскага купецтва, паскорылася абарачэнне тавараў.

Прывілей віцебскім баярам і мяшчанам «на некаторыя правы і вольнасці іх», нададзены вялікім князем ВКЛ і каралём польскім Аляксандрам 16 ліпеня 1503 г., быў пацверджаннем папярэдняга прывілея 1444 г. Казіміра IV. Ён гарантаваў недатыкальнасць зямельных уладанняў шляхты і мяшчан горада і Віцебскай зямлі: «<...> штож нам в домы церковныи, <...> в иные церкви не вступатися; и в купленины, которыи будут куплены с нашим дозволенiем, и в безотчины и в отмерщины Витебскiи теж не маем вступатися <...>» [20, с. 59].

Пацвярджальны прывілей, нададзены Віцебскай зямлі Жыгімонтам Старым у 1509 г., як і папярэднія, адрасаваўся «всим князем, боярам і слугам витебским, войту и мещаном места тамошнего, и всей земле Витебской» [2, с. 63]. Віцебскія баяры выкарысталі сваё «больш упрывілеяванае» становішча, замацаванае прывілеямі, і пачалі «подданых своих похожих на тых пляцах осаживать».

Незадаволеныя дзеяннямі князёў і баяраў, войт і мяшчане, звярнуліся да вялікага князя са скаргамі. Жыгімонт Аўгуст разгледзеў іх і пацвердзіў перададзеную мяшчанам у 1541 г. копію старажытнага земскага прывілея, чым надаў ёй сілу юрыдычнага дакумента. Такім чынам, 6 чэрвеня 1561 г. віцебскія мяшчане атрымалі свой першы прывілей, які фармальна «ўраўнаваў» іх у правах з князямі і баярамі віцебскай зямлі [6, с. 84].

Гэта прадвызначыла канчатковы падзел грамадства на дзве асобныя сацыяльныя катэгорыі — князёў і баяр, якія карысталіся нормамі земскага (шляхецкага) права, замацаванага прывілеем Аляксандра за 1503 г., і мяшчан, якія карысталіся нормамі мясцовага права 1561 г.

Наступным крокам у развіцці грамадскай сістэмы праваадносін у віцебскай зямлі з'яўлялася наданне магдэбургскага права Віцебску ў 1597 г.

17 сакавіка 1597 г. вялікі князь ВКЛ і кароль польскі Жыгімонт III Ваза падпісаў прывілей, паводле якога Віцебск атрымаў магдэбургскае права. Прывілей на магдэбургскае права гораду Віцебску публікаваўся ў якасці перакладa ў I томе «Витебской старины» (1883) [1], у гісторыка-дакументальнай хроніцы «Памяць» па гор. Віцебску (2003) [20, с. 68 — 72], I томе «Актов, относящихся к истории Западной России» (1863) [1].

У пачатку прывілея падаецца стандартная тытулатура караля Жыгімонта III Вазы: «Божьею милостью король Польскій, великій князь Літовскій, Русскій, Прусскій, Жомойдскій, Мазовецкій, Інфлянцкій, Кготски, Вандалски дедычны король». Прывілей надаецца «славутым мяшчанам конным пасельскім і ўсяму паспольству места Віцебска» [20, с. 68]. У аснове гэтага раздзялення месцічаў на дзве катэгорыі ляжаў прынцып падзелу віцебскіх мяшчан на тых, хто са сваіх маёнткаў выстаўляў вершнікаў, і на тых, хто займаўся выключна мейскімі заняткамі, у асноўным рамесніцтвам, не валодаючы пры гэтым зямлёй [6, с. 101 — 102]. Адной з прычын надання Віцебску магдэбургскага права з'яўляецца канфліктная сітуацыя паміж дадзенымі

групоўкамі мяшчан, што пачала распальвацца пасля надання конным мяшчанам шэрагу выключна шляхецкіх правоў прывілеем ад 20 красавіка 1589 г. Працягу канфлікту паміж мяшчанамі, а таксама ўціску ў іх правы ваяводскай адміністрацыяй, можна было пазбегнуць шляхам аб'яднання абодвух катэгорый і выхадам горада з-пад апекі ваяводы. Паводле прывілея віцебскія мяшчане вызваляліся ад «всякое юриздикцыи и моцы судов головных трибунальных, также з моцы всих воевод Витебских из моцы иншых всяких воевод, каштелянов, старост, державцов, врядов земских и инших преложоных и децких выймуем и вылучаем и вечне вызволяем» [1].

Агаворвалася і значнае стратэгічнае, памежнае становішча горада, падтрымка з боку якога падчас вайсковай кампаніі была вельмі неабходнай і істотнай. Гораду былі нададзены герб з выявай Спаса Збавіцеля ў блакітным полі і чырвоным мечам унізе, харугва (сцяг), пячатка, права штогодняга кірмашу, дазвалялася пабудаваць ратушу і гасцінны двор.

З часу ўвядзення магдэбургскага права эканамічная дзейнасць гараджан, маёмасныя правы, грамадска-палітычнае жыццё, саслоўнае становішча пачалі рэгулявацца новай сістэмай юрыдычных норм.

Найбольш поўна сацыяльна-прававая адметнасць гарадоў у параўнанні з іншымі населенымі пунктамі выявілася ў атрыманні шэрагу мест самакіравання. У некаторых гарадах яно нейкі час развівалася на базе старажытнай вечавай арганізацыі. Аднак з канца XVI ст. распаўсюджанне атрымлівае самакіраванне, арганізаванае на ўзор кіравання ў нямецкім горадзе Магдэбургу.

Органам самакіравання ў гарадах з'яўляўся магістрат, які меў распарадчую, выканаўчую, натарыяльную і судовую функцыі. На чале яго знаходзіўся войт, прызначаны вялікім князем «з народу шляхетского, веры хрістіанской і повшехной» [1]. Войт, у сваю чаргу, зацвярджаў абранае мяшчанамі («паспольствам») кола абраныхураднікаў. У яго абавязкі таксама ўваходзіла: прадстаўленне горада перад дзяржаўнымі структурамі і ўладай, разгляд крымінальных спраў, прэтэнзій мяшчан да феадалаў і іх падданых. Першапачаткова ў Віцебску абавязкі войта падчас яго адсутнасці выконваў лентвойт, які прызначаўся войтам з ліку асоб, што знаходзіліся пад юрысдыкцыяй віцебскага магістрата. Гэта прасочваецца на прыкладзе першага лентвойта, віцебскага мешчаніна Захарыя Ваўка. Крыніцы не падаюць інфармацыі адносна таго, хто з'яўляўся лентвойтам

у XVII ст. — першай палове XVIII ст. У сярэдзіне XVIII ст. гэтыя абавязкі ўжо выконвалі прадстаўнікі шляхецкага звання.

Магістрат складаўся з рады і лавы. Рада ажыццяўляла функцыі гарадской улады, збор падаткаў, арганізацыю выбараў, адказвала за гарадскія даходы і зямельныя ўчасткі, наглядала за гандлем, усталёўвала кошт на тавары, у прыватнасці на хлеб. Лава — судовы орган па крымінальных справах гараджан на чале з войтам. У гарадскую раду выбіраліся бурмістры і райцы, у лаву — лаўнікі. Прывілеем на магдэбургскае права абавязкі бурмістраў, радцаў і лаўнікаў не былі агавораны, не захаваліся і іншыя устаўныя дакументы, якія маглі рэгламентаваць іх.

Бурмістры выбіраліся з ліку заможных вярхоў гарадскога (мяшчанскага) насельніцтва — купецтва, цэхмістраў. Зважаючы на тое, што ў Віцебску з 1597 па 1598 г. ураднікі цалкам змяніліся, можна зрабіць выснову аб выбарнасці пасады бурмістра, а таксама радцаў і лаўнікаў на тэрмін у 1 год. Верагодна, з цягам часу ўсталяваўся прынцып справаздачы бурмістраў на агульным сходзе гараджан. У іх абавязак уваходзіла: загадванне гарадской скарбніцай, старшынства на пасяджэннях бурмістраўска-радзецкага суда, які разбіраў маёмасныя спрэчкі, нязначныя правапарушэнні мяшчан, цяжбы купцоў і рамеснікаў.

Радцы з'яўляліся дарадчыкамі бурмістраў. У сваёй дзейнасці кіраваліся нормамі магдэбургскага права, а таксама мясцовага права і Статутаў ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг., ранейшымі прывілеямі віцебскім мяшчанам. Лаўнікі з'яўляліся сябрамі лавы, разглядалі крымінальныя справы. Акрамя гэтага яны ажыццяўлялі і ўвод ва ўладанне нерухомасцю.

У абавязкі пісараў уваходзіла: афармленне гарадскіх спраў у пісьмовай форме, складанне і перапісванне афіцыйных папер, выдача копій і г. д. Іх пасада лічылася прысяжнай, і яны не мелі права голасу. Яны былі абавязаны засядаць на пасяджэннях (сесіях і судах), запісваць і перапісваць справы, ухвалы, дэкрэты, сачыць за адпаведнасцю іх статуса заканадаўчым актам. Пісары павінны былі добра ведаць беларускую, польскую, нямецкую і лацінскую мовы. Пад іх кіраўніцтвам вялося ўсё гарадское справаводства, актыкаваліся і выдаваліся дакументы [23, с. 146 — 147]. На сённяшні момант інфармацыі аб пісарах віцебскага магістрата не адшукана, апроч нешматлікіх урыўкавых звестак. Так, вядома імя пісара Яфімкі Седукова, што пазначаны ў так званай «Сметнай кнізе» (апісальнай кнізе) горада Віцебска за 1655 г., дзе даецца пералік прадстаўнікоў дарослага мужчынскага насельніцтва горада [3]. Пісарам мейскім віцебскім 22. 10. 1743 і 16. 02. 1745 называецца Базыль Юзаф Чаркоўскі [8, арк. 13 адв., 46].

Інфармацыю аб ураднiках прадстаўляюць і матэрыялы земскага (за 1594 — 1772 гг.) суда Віцебска, фонды якіх маюцца на захаванні ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (НГАБ). У судовых справах дастаткова часта праходзяць ураднікі віцебскага магістрата, што дазваляе падрабязней зазірнуць у маёмасныя і сямейныя справы, вызначыць сацыяльны статус, прасачыць пэўныя аспекты кар'ернага росту.

Звесткі аб віцебскіх войтах, пачынаючы з канца XVI — па сярэдзіну XVII стст., сабраны пераважна на падставе дакументаў НГАБ, а менавіта матэрыялаў фонда таго ж Віцебскага земскага суда і калекцыі мікрафільмаў №18 пад назвай «Літоўская метрыка (архіў канцылярыі ВКЛ)». Пэўную інфармацыю падае і «Кніга прывілееў места Віцебска», што маецца на захоўванні ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі [4]. Яна змяшчае пералік ваявод віцебскіх, якія адначасова, пачынаючы з Яна Завішы, займалі і пасаду віцебскага войта.

Паводле прывілею на магдэбургскае права першым войтам 17 сакавіка 1597 г. быў прызначаны зямянін Віцебскага павета Юры Багданавіч Ляцецкі. Аднак паводле Віцебскага летапісу войтам называецца Аляксандр Корвін-Гасеўскі (у адным з дакументаў пазначаны як Сугосаў[a]) гербу «Слепаўрон», каралеўскі сакратар. Дадзеную інфармацыю можна лічыць памылковай, бо Гасеўскі атрымаў войтаўства ад Жыгімонта Вазы толькі ў маі 1598 г., пасля таго, як гэтай пасады быў пазбаўлены Ляцецкі [7, арк. 156 — 157].

Пасада войта ў горадзе была даходнай і ганаровай, а таксама дазваляла ўрадніку дастаткова часта адсутнічаць у горадзе, перакладваючы абавязкі па яго кіраванні на лентвойта. У канцы XVI — пачатку XVII стст. лентвойтамі абіраліся прадстаўнікі мясцовай знаці з ліку мяшчан, пра што сведчыць спіс асоб, першымі абраных у ратушу пасля атрымання Віцебскам магдэбургскага права [1, с. 473].

Ян Андрэевіч Завіша, ваявода віцебскі і староста суражскі ў 1599 — 1626 гг., 15 лютага 1603 г. атрымаў ад Жыгімонта Вазы «пажыццёвы» прывілей на віцебскае войтаўства [16, арк. 216 адв.]. 11 снежня са згоды караля ён перадаў войтаўства свайму сыну Мікалаю

[a] *Магчыма, гэта прозвішча змяшчае згадку на паходжанне Гасеўскага «су Госаў», што з'яўлялася прыдомкам.*

[17, арк. 213 — 214]. Верагодна, даходнасць пасады войта дадаткова ўплывала на статус сям'і ў феадальнай іерархіі, чым і тлумачыцца такая з'ява. Затым войтамі віцебскімі рабіліся ваяводы віцебскія Сямён Самуэль Сангушка ў 1632 — 1638 гг. [18, арк. 202 — 202 адв.], Крыштаф Станіслаў Кішка ў 1639 — 1646 гг. [19, арк. 108]. Верагодна, у другой палове XVII — першай палове XVIII стст. такая тэндэнцыя захоўвалася. Таму віцебскімі войтамі станавіліся віцебскія ваяводы: Павел Ян Сапега (1646 — 1656 гг.), УладзіслаўВаловіч (1656 — 1668), Ян Антоні Храпавіцкі (1669 — 1685), Леанард Габрыэль Пацей (1686 — 1695), Андрэй Казімір Крышпін-Кіршэнштэйн (1695 — 1704), Казімір Аляксандр Пацей (1705 — 1728).

З 1730 г. да моманту сваёй смерці, 29. 10. 1750, абедзве гэтыя пасады займаў Марцыян Міхал з Казельска Агінскі (1672 — 1750), староста барысаўскі, правальскі, бабінавіцкі, вайгаўскі, палкоўнік каралеўскіх войск. У якасці лентвойтаў за гэты год называюцца скарбнік Антоні Пяра (са студзеня па чэрвень 1750 г.) і крайчы менскі Сымон Эдвард Тадэвуш Мількевіч (з чэрвеня па канец 1750 г.). У часы лентвойтаўства Пяры яго абавязкі некалькі разоў выконваў віцэ-лентвойт (намеснік лентвойта) Габрыэль Аскерка [10, арк. 28, 32]. У чэрвені 1761 г. віцэ-лентвойтам і бурмістрам магістрату называецца Тамаш Лоўрэнс [12, арк. 154 — 155 адв.].

Пасля смерці Агінскага на пасадзе ваяводы ў 1752 г. знаходзіўся Юзаф Антоні з Давойнаў Салагуб гербу «Праўдзіч» (1709 — 1781), староста эйшышскі і санніцкі, кавалер ордэну Белага арла, палкоўнік каралеўскіх войск. Упершыню віцебскім войтам ён называецца 10 лютага 1753 г. [8, арк. 102]. Лентвойтам працягвае з'яўляцца С. Мількевіч, які ў дакуменце ад 16 красавіка 1753 г. ужо называецца «лоўчым ваяводства» [8, арк. 108], а ў дакуменце ад 11 лютага 1754 г. — «лоўчым ваяводства і суддзёй памежным» [8, арк. 114].

Пасля надання Віцебску магдэбургскага права войтаўства стала аб'ектам грамадзянскіх праваадносін. Яно магло прадавацца і перадавацца ў іншыя рукі прадстаўнікамі шляхецкага саслоўя, якія знаходзіліся на гэтай пасадзе. Так, Юзаф Салагуб 9 мая 1765 г. з дазволу караля саступіў магдэбургскае войтаўства свайму пляменніку Яну Салагубу [22, с. 158].

У прывілеі 17 сакавіка 1597 г. нічога не гаворыцца пра колькасць бурмістраў, райцаў і лаўнікаў. Аднак віцебскі летапіс паведамляе імёны чатырох бурмістраў (Іван Гаўрылавіч Клыга, Васіль Сымонавіч Веліжанін, Васіль Іллініч Танка, Іван Ісакавіч Андраноўскі), сямі радцаў (Канстанцін Фаміч Služакоўскі, Сяргей Пятровіч Зафатай, Лаўрын Ходкавіч Галуза, Міхайла Колес, Фёдар Сцяпанавіч Спіца, Восіп Гаўрылавіч Клыга, Якім Юр'евіч Шаўра), васьмі лаўнікаў (Кузьма Іванавіч Камоса, Багдан Якімавіч Пякуча, Фёдар Сымонавіч Вяртошка, Багдан Сыдзкевіч, Іван Гутар, Восіп Нічыпаравіч Шаўра, Іван Ісакавіч Самуйлаў, Даніла Грыгор'евіч Шулька) [2, с. 473]. Такім чынам, агульная колькасць ураднікаў магістрата складала 19 чалавек.

У тэксце скаргі Канстанціна Веліжскага на віцебскі магістрат, якая была ўпісана ў кнігі віцебскага земскага суда 8 студзеня 1598 г., згадваюцца 2 бурмістры (Васіль Сымонавіч Веліжанін, Васіль Іллініч Танкавіч), 6 райцаў (Багдан Якаўлевіч Гром, Астап Кандратовіч, Матфей Занкавіч Волкаў, Сымон Карпавіч Клыга, Сяргей Пятровіч Волзін, Іван Гаўрылавіч Клыга) і 6 лаўнікаў (Ёсіп Нікіпаравіч Ганчар, Іван Ісакавіч Самуйлаў, Лаўрын Ходкавіч Галузін, Кузьма Іванавіч Танкавіч-Камосін, Сцяпан Іванавіч Каза, Фёдар Сямёнавіч Цюткавіч-Міцяеў) [7, арк. 10 — 10 адв., 59 адв.]. Усяго 14 чалавек.

У выраку камісарскага суда па справе аб забойстве Іасафата Кунцэвіча, полацкага уніяцкага архіепіскапа, за 22. 01. 1624 г. згадваюцца імёны 5 бурмістраў (Васіль Боніч, Сямён Неша, Фёдар Сухарук, Фёдар Спіца, Пётр Іванавіч), 8 райцаў (Карп Харошка, Багдан Астаповіч, Багдан Сітковіч, Захар Чарноўскі, Грыгор Аўсеевіч, Міхайла Гарбун, Васіль Карабан, Іван Гутар), 8 лаўнікаў (Карп Васільевіч, Сямён Казёл, Багдан Сцяпанавіч, Ждан Шчур, Афанасі Воўк, Мікалай Гутар, Філон Нікіфаравіч, Грыгор Боніч) [2, с. 224]. Агульная колькасць — 21 чалавек.

У «Сметнай кнізе» Віцебска за 1655 г. згадваюцца 4 бурмістры (Агапей Васільеў, Мікалай Васільевіч Зюк, Сцяпан Пятроў, Мацвей Багданавіч Лытка), 5 райцаў (Якаў Фёдаравіч Спіца, Ісак Фёдаравіч Спіца, Мацвей Фёдаравіч Глушко, Грыгор Сямёнавіч Нейша, Філіп Фамін), 5 лаўнікаў (Багдан Юр'евіч Зюк, Васіль Юр'евіч Зюк, Канстанцін Мікалаевіч Сукавацік, Багдан Аляксеевіч Харытонаў, Іван Савіч Галуза), 1 пісар (Яфімка Седукоў) [3]. Агульная колькасць — 15 чалавек.

Як бачым, колькасць ураднікаў у віцебскім магістраце у прамежак часу з 1597 па 1655 г. не адрозніваецца асаблівай стабільнасцю, а вагаецца ў сярэднім ад 14 да 21 чалавека за год. З гэтага можна зрабіць выснову, што дакладна рэгламентаванай лічбы ўраднікаў віцебскага магістрата, верагодна, не было.

З актавых кніг віцебскага магістрата за сярэдзіну XVIII ст. вядомы таксама імёны 5 бурмістраў (Габрыэль Аверка (22. 10.

1743), Тамаш Астаховіч (26. 02. 1740), Мацей Галуза (05. 06. 1761), Тамаш Лоўрэнс (07. 12. 1752, 05. 06. 1761), Ян Шолнік (11. 01. 1750, 05. 02. 1759)), 4 райцаў (Аляксандр Бабурка (22. 10. 1743), Эліяш Боніч (10. 01. 1750, 29. 12. 1755), Базыль Запольскі (07. 12. 1752), Ян Лошка (07. 12. 1752)), 1 лаўніка (Андрэй Лошка) [8].

Недахоп крыніц не дазваляе вызначыць дакладнай колькасці ўраднікаў віцебскага магістрата, прадстаўнікоў рады і лавы, аднак на прыкладзе іншых гарадоў можна сцвярджаць аб выбарнасці бурмістраў, райцаў і лаўнікаў з ліку паспольства.

Дзейнасць магістрата спалучала разгляд крымінальных, грамадзянскіх, адміністрацыйных спраў, што адлюстравана ў актавых кнігах. Наогул актавая кніга — кніга, дзе актыкаваліся (запісваліся для надання юрыдычнай сілы) як дакументы натарыяльнага (тэстаменты, інтрамісіі, дарэнне, купля і г. д.), гаспадарча-фінансавага (інвентары, рэестры, рахункі, тарыфы), дзяржаўнага характару (прывілеі, універсалы, інструкцыі, пастановы), так і судовага (дэкрэты, скаргі, позвы, сазнанні і г. д.).

З дакументаў актавых кніг віцебскага магістрата відаць, што разгляд спраў праходзіў пры ўдзеле лентвойта (у рэдкіх выпадках войта), «бурмістраў, радцаў, лаўнікаў і цэлай рады магістрата Віцебска» ў гарадской ратушы. З гэтага вынікае, што пасяджэнні абодвух палат магістрату праводзіліся адначасова. Усе справы разглядаліся адным вышэй азначаным колам урадавых асоб. Архіў магістрата знаходзіўся ў гарадской ратушы.

Справаводства віцебскага магістрата XVIII ст. вялося на польскай мове. У актавых кнігах часта сустракаюцца і лацінізмы. Усе дакументы, прадстаўленыя ў матэрыялах віцебскага магістрата, з'яўляюцца арыгінальнымі. Арыгіналы можна падзяліць на чарнавыя і белавыя экзэмпляры. Чарнавыя экзэмпляры перапісваліся ў актавую кнігу ў чыстым, выпраўленым выглядзе, згодна з усталяванай формай і ўтваралі такім чынам белавыя. Запісаныя ў актавую кнігу дакументы пачыналі ўяўляюць сабой чыставікі, якія надзяляліся юрыдычнай сілай.

У фондзе «Віцебскі магістрат» НГАБ захоўваецца 7 спраў, што храналагічна ахопліваюць прамежак часу з 1740 па 1764 гг. і адносяцца да дзейнасці вышэй згаданай установы. Першая справа ўяўляе сабой пратаколы актыкацый і прызнанняў за перыяд з 26. 02. 1740 — 16. 03. 1764. Шэсць другіх кніг з'яўляюцца працэссавымі і рэляцыйнымі (1742 — 1744, 1750, 1760, 1761, 1763, 1764 гг.). Пасля кожнай з іх маюцца рэестры (спісы спраў) за адпаведныя гады.

Тэстамент уяўляе сабой прававы акт у выглядзе распараджэння, складзенага па вызначанай форме, у якім агаворваўся лёс асабістай маёмасці гаспадара на выпадак ягонай смерці. У фондзе «Віцебскі магістрат» маецца 11 тэстаментаў. З іх пэўную цікавасць маюць тэстаменты шляхетнага пана і радцы віцебскага Якуба Сухара ад 24 лютага 1754 г. [8, арк. 119 — 123], абозната павета ашмянскага Ваўрынца Геранiма Глембскага ад 18 лістапада 1757 г. [8, арк. 135 — 149 адв.], бурмістра віцебскага Юзафа Марковіча ад 23 сакавіка 1750 г. [10, арк. 42 — 43адв.], радцы віцебскага Ксаверыя Зафатая ад 30 кастрычніка 1760 г. [11, арк. 200 — 201 адв.]. Мае цікавасць і тэстамент бурмістра віцебскага Ігната Літвінкі ад 1 красавіка 1716 г., апублікаваны ў выпуску № 23 «Гісторыка-юрыдычных матэрыялаў» (с. 115 — 128).

Дастаткова значнымі дакументамі гаспадарча-фінансавага характару можна лічыць інвентары. Сустракаюцца інвентары: на староства Рынскае [8, арк. 64 — 67], на староства Дворыцкае [8, арк. 103 — 105 адв.][b], на маётнасць Мільцэвічы [8, арк. 186 — 189 адв.], на вёску Ахоткава [9, арк. 117 — 118 адв.], на маёмасць Голедзь [9, арк. 670 — 675 адв.], на маёмасць Мядзеліны [10, арк. 13 — 14 адв.], на вёску Грахова паноў Кіршэнштэйнаў [12, арк. 34 — 35 адв.], на маёмасць Багамольцаў [13, арк. 38 — 39 адв.]. Аднак неабходна заўважыць, што яны не змяшчаюць колькі-небудзь значнай інфармацыі па гісторыі магістрату. Па дадзенай прабеме найбольш важнымі крыніцамі варта лічыць рахункавыя кнігі, якіх па Віцебску не захавалася.

Па палажэнні аб губернях 1775 г. у гарадах пачалі дзейнічаць гарадавыя магістраты, якія падпарадкоўваліся губернскаму магістрату. «В городах остаться имеют городовые магистраты, в оных присутствовать двум бургомистрам и четырем ратманам. Бургомистры и ратманы выбираются городовым купечеством и мещанством через всякие три года по баллам» [21]. Лагічна меркаваць, што пры віцебскім гарадавым магістраце маглі знаходзіцца і архіўныя дакументы папярэдняй аналагічнай установы.

Стварэнне Віцебскага цэнтральнага архіва (пачаў працу ў 1863 г.) прывяло да канцэнтрацыі ў яго сховах вялікай колькасці матэрыялаў, што датычыліся гісторыі Віцебскай і Магілёўскай губерняў да ўваходжання Беларусі ў склад Расійскай імперыі. У гэты шэраг уваходзіў і архіў віцебскага магістрата. Згодна з «Гісторыка-

[b] *З 19-ці вёсак, пералічаных у інвентары, сем лакалізуюцца ў межах Дварышчанскага с/с Расонскага р-на Віцебскай вобл.*

юрыдычнымі матэрыяламі» за 1871 г. у Віцебскім цэнтральным архіве захоўваліся 1823 актавыя кнігі, у т. л. 956 віцебскіх і 867 магілёўскіх. Па віцебскаму магістрату ў архіве захоўваліся 23 справы з храналагічнымі рамкамі ад 1740 да 1799 г. У 1890-х гг. усе матэрыялы Віцебскага цэнтральнага архіва былі перададзены ў Вільню.

У красавіку 1950 г. з Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва Літоўскай ССР у Цэнтральны дзяржаўны гістарычны архіў БССР у г. Гродна паступіў фонд «Віцебскі магістрат» у памеры 25 адзінак захавання [15, арк. 1]. У 1951 г. была праведзена навукова-тэхнічная апрацоўка фонду: праведзена складанне загалоўкаў, сістэматызацыя, шыфроўка, інвентарызацыя, увязка звязак [15, арк. 3]. У траўні 1952 г. у Гродна паступіла 1 справа за 1740 г. [15, арк. 4]. У жніўні таго ж года — два вопісу фонду № 1592 («Віцебскі магістрат»), у памеры 4-х спраў за 1742—1761 гг. [15, арк. 5].

У 1964 г. у сувязі з утварэннем Цэнтральнага дзяржаўнага гістарычнага архіва БССР у г. Мінску фонд быў перададзены туды ў колькасці 3 вопісаў, 30 спраў, за 1740 — 1805 гг. [15, арк. 10]. На 1 студзеня 1988 г. у фондзе 1805 «Віцебскі магістрат» мелася 30 спраў, улічаных па трох вопісах. Пасля апрацоўкі матэрыялаў фонду — 25 спраў (храналагічнымі рамкамі ад 1771 да 1799 г.) трапілі ў фонд «Віцебскага гарадовага магістрата» (ф. 2609). Пры дадатковым фандзіраванні з фонду віцебскага гарадавога магістрата паступіла 2 справы. Адну адзінку захавання склаў стары вопіс. У працэсе ўдасканальвання былі адрэдагаваны загалоўкі, пазначана мова дакументаў. На момант 10. 11. 1988 г. у фондзе 1805 налічваецца 1 вопіс, 8 адз. зах. за 1740 — 1764 гг. [15, арк. 11]. Дзве справы, што праходзяць па вопісу віцебскага магістрата за 1871 г. пад № 8 (1767 — 1777 гг.) і 10 (1750 — 1771 гг.), у вопісах ф. 1805 і ф. 2609 не значацца.

Археаграфічная апрацоўка і выданне віцебскіх старажытных крыніц упершыню здзейснены ў «Гісторыка-юрыдычных матэрыялах», якія выходзілі ў Віцебску ў 1871 — 1906 гг. Паводле агульнага вопісу актавых кніг судовых месцаў Віцебскай і Магілёўскай губерняў за 1871 г. у Цэнтральным архіве Віцебска знаходзілася 151 справа віцебскіх павятовых устаноў за 1596 — 1799 гг. [5, с. 13 — 16]. У асноўным гэта матэрыялы земскага (60 спр.) і гродскага (31 спр.). Матэрыялы з актавых кніг Віцебскага гродскага суда апублікаваны ў выпусках «Гісторыка-юрыдычных матэрыялаў»: № 23 за 1892 г. (с. 33 — 283), № 24 за 1893 г. (с. 77 — 255), № 25 за 1894 г. (с. 59 — 254). Матэрыялы з актавых кніг Віцебскага земскага суда апублікаваны ў выпусках: № 23 за 1892 г. (с. 287 — 326), № 24 за 1893 г. (с. 209 — 255), № 25 за 1894 г. (с. 149 — 254). Акрамя гэтага ў архіве знаходзіліся таксама 23 кнігі віцебскага магістрата за 1740 — 1799 гг.

Асноўным выданнем, дзе былі апублікаваны дакументы дзяржаўных устаноў Віцебска, у тым ліку магістрата, з'яўляецца «Віцебская старына», выданне віцебскага гісторыка і археографа А. П. Сапунова. Задумана яно было ў шасці тамах, але выйшла толькі тры (I, IV, V); праца над тамамі II і III вялася, але не была скончана. У I томе «Старыны» змешчаны матэрыялы па гісторыі Віцебшчыны з 1021 г. (першая летапісная згадка аб Віцебску) і да 1883 г. Дадзены том уключае разнастайныя інвентары (напрыклад, Полацкай архіепіскапіі за 1618 г. [2, с. 344] і інвентар Віцебскай эканоміі за 1698 г. [2, с. 431]), а таксама летапіс г. Віцебска, дзе публікуецца спіс першыхураднікаў, абраных у магістрат 17 сакавіка 1597 г. [2, с. 475]. У томе IV цікавасць прадстаўляе шэраг інвентароў, вельмі разнастайных па зместу. У «Сметнай кнізе» Віцебска за 1655 — 1656 гг. змяшчаецца спіс наяўных віцебскіх мяшчан-мужчын і дадзена апісанне гарадскіх умацаванняў. У «Перапісных кнігах» пералічаны шляхта, бурмістры, райцы, лаўнікі і сотнікі, што пражывалі ў горадзе [3, с. 302 — 314]. Том V не прадстаўляе асаблівай цікавасці для дадзенага даследавання, бо не змяшчае матэрыялаў па віцебскім магістраце і яго ўрадніках.

Значнай крыніцай, без якой немагчыма даследаванне дакументаў аб дзейнасці дзяржаўных устаноў, з'яўляецца «Геаграфічны паказальнік...» І. Я. Спрогіса да старажытных актавых кніг, што захоўваліся ў Віленскім архіве. Аднак інфармацыя па Віцебскім войтаўстве прадстаўлена ў паказальніку толькі адным дакументам, што захоўваецца, верагодна, у Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве (г. Вільня).

Падсумоўваючы вышэй згаданае, становіцца відавочным, што на сённяшні момант гісторыя Віцебскага магістрата і яго ўраднікаў з'яўляецца слаба распрацаванай. Пры рэканструкцыі асаблівасцяў функцыянавання згаданай установы ў далейшым неабходна выкарыстоўваць у комплексе матэрыялы з архіваў і музеяў Мінска, Віцебска і Вільні.

Літаратура і крыніцы

1. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. — С. -Петербург, 1863. — Т. 1. : 1361 — 1598.

2. Витебская старина / Сост. и изд. А. П. Сапунов. — Витебск, 1883. — Т. 1.
3. Витебская старина / Сост. и изд. А. П. Сапунов. — Витебск, 1885. — Т. 4.
4. Віцебскі абласны краязнаўчы музей. КП 7261. Кніга прывілеяў места Віцебска.
5. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской / Под ред. Д. И. Довгялло. — Витебск, 1871. — Вып. 1.
6. Макараў, М. Дз. Ад пасада да магдэбургіі : прававое становішча месцаў Беларускага Падзвіння ў XIV — першай палове XVII стст. / М. Дз. Макараў. — Мінск, 2008.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Ф. 1751. — Воп. 1. — Спр. 3.
8. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 1.
9. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 2.
10. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 3.
11. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 4.
12. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 5.
13. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 6.
14. НГАБ. — Ф. 1805. — Воп. 1. — Спр. 7.
15. НГАБ. — Ф. 1805. — Справа фонду.
16. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 85.
17. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 91.
18. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 104.
19. НГАБ. — Ф. КМФ-18. — Воп. 1. — Спр. 114.
20. Памяць : гіст. -дакум. хроніка Віцебска : у 2-х кн. / Рэд. кал. Г. П. Пашкоў і інш. — Мінск : БелЭн, 2002. — Кн. 1.
21. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1-е собр. — С. -Петребург, 1830. — Т. XX. — Ст. 14392.
22. Спрогис, И. Я. Географический указатель выборных документов из актовых книг Виленского центрального архива / И. Я. Спрогис. — Вильна, 1913. — Ч. 1.
23. Яцкевіч, З. Л. Архівы Магілёва XVI — пач. XX ст. / З. Л. Яцкевіч // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі : матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 85-годдзю Дзяржаўнай архіўнай службы і 8-годдзю Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. — Мінск, 2007. — С. 146 — 150.

З. Л. Яцкевіч (Мінск)

КНІГІ ПРЫВІЛЕЯЎ ЯК КРЫНІЦА ПА ГІСТОРЫІ ГАРАДОЎ ВКЛ

Важным зрухам ў палітычным і сацыяльна-эканамічным жыцці гарадоў ВКЛ з'явілася атрыманне магдэбургскага права. Безумоўна, самі вялікакняжацкія прывілеі на магдэбургскае права — гэта своеасаблівая дэкларацыя аб намерах. Яго рэальнае напаўненне — Саксонскае люстра, працы па перакладу і тлумачэнню асобных прававых нормаў Граіцкага, Шчэрбіцкага, статуты, вількеры, уставы, пункты, каралеўскія прывілеі (ў тым ліку канфірмацыйныя прывілеі на цэхі, набілітацыйныя, эканамічныя на мыта, лазні, гандаль купцам і кірмашы інш.).

Вельмі каштоўнымі гістарычнымі крыніцамі з'яўляюцца зборы прывілеяў і іншых заканадаўчых актаў, якія дазваляюць усебакова ўявіць жыццё і дзейнасць тагачаснага горада, прававое становішча яго-ных жыхароў. Таму вялікае значэнне ў даследаваннях магдэбургскіх гарадоў маюць кнігі прывілеяў. Гэта копіі арыгінальных прывілеяў, якія былі перапісаны ў XVII — XVIII стст. З другой паловы XVIII ст. яны пачалі друкавацца, што сведчыць аб забеспячэнні захаванасці арыгіналаў.

Прычынай стварэння падобных актавых кніг стаў узросшы прававы ўзровень мяшчан, найбуйнейшых і найбагацейшых магдэбургскіх месцаў ВКЛ. Адпаведна частае выкарыстанне дакументаў, нават напісаных на пергаміне, не магло не прывесці да іх пашкоджання і паступовага знішчэння. У сувязі з гэтым ураднікі магістратаў былі ініцыятарамі стварэння копій асноўных найбольш выкарыстоўваемых дакументаў і пераплёту іх у асобную кнігу. Гэтыя копіі разам з іншымі крыніцамі, фіксуемымі ў актавых кнігах, набывалі прававую моц. Такім чынам, кнігі прывілеяў мы па праву можам лічыць разнавіднасцю магістрацкіх актавых кніг.

Аб саміх кнігах прывілеяў пісалі найперш складальнікі выданняў гэтых кніг. Асобны артыкул Віцебскай кнізе прывілеяў прысвяціў Краснянскі. Пісалі аб ёй М. Улашчык [14], Я. Карпачоў [10], З. Яцкевіч [15; 16], Г. Галенчанка [4, с. 216 — 219] і М. Макараў. Цікава, што апошні з іх паходзіць з Віцебску і, абараніўшы кандыдацкую дысертацыю і надрукаваўшы кнігу па мейскаму праву Прыдзвіння, і ў прыватнасці Віцебска, не ведаў, дзе захоўваецца «Кніга прывілеяў Віцебска» [8, с. 181, 192, 200, 202]. Аб выданнях кнігі прывілеяў месца Вільна, асобных

дакументаў, у прыватнасці, набілітацыйнага каралеўскага прывілея 1568 г. і яго перакладу пісаў віленскі гісторык Айвас Рагаўскас [18].

Сучасным даследчыкам вядома некалькі падобных кніг, альбо згадак аб іх. Акрамя вышэй пералічаных віленскай, магілёўскай і віцебскай яшчэ выдадзена гарадская [11, с. 66, 139] і пятая нясвіжская[a].

Першай была створана і надрукавана «Кніга прывілеяў г. Вільні». Прыгадаем, што гэта адзін з першых тэматычных зборнікаў дакументаў па гісторыі ВКЛ, выданне якога здзейсніў віленскі бурмістр Пётр Дубінскі ў 1788 г. [17]. Дадзенае выданне да гэтага часу застаецца па-за ўвагай даследчыкаў па гісторыі ВКЛ і археографаў. У сваіх нарысах па археаграфіі П. Мілавідаў [9], а таксама М. Улашчык толькі згадваюць яго ў крытычным плане [14, с. 45 — 51]. Прычым апошні цытуе заўвагі, зробленыя ў прадмове да «Збору старажытных грамат і актаў гарадоў Вільня, Коўна, Трок» [13, с. I — IV], дзе ў першай частцы, як адзначае М. Улашчык, было «перадрукавана некалькі актаў, што датычацца г. Вільні». Астатнія, як адзначаецца ў заўвагах пад дакументамі, былі падрыхтаваны з захаваўшыхся арыгіналаў былым рэктарам «Віленскага весніка» Марціноўскім. У сувязі з гэтым загалоўкі да дакументаў у выданні змешчаны толькі ў змесце, таму знайсці пад № 62 віленскі прывілей 1568 г. не ўдалося [13, с. 116 — 119]. Пасля далейшых пошукаў высветлена, што прывілей 1568 г. быў, напісаны на лацінскай мове і пераблытаны з прывілеем за 1566 г., які павінен быць пад № 60, а змешчаны пад № 62 [13, с. 110 — 114]. Значных адрозненняў у дзвюх публікацыях не знойдзена, акрамя змены ў некаторых выпадках вялікіх літар на малыя і наадварот, а таксама ў выданні 1843 г. замест умоўных значкоў надрукавана «et» (што азначае «і»), ды наадварот, замест «que» (што таксама азначае «і») з выдання 1788 г. у 1843 г. быў надрукаваны скарот у выглядзе «q_3». У сувязі з вышэй згаданым у нас склалася ўражанне, што ні А. Мілавідаў, ні М. Улашчык лацінамоўныя тэксты з гэтых выданняў не чыталі.

Віленскі прывілей 1568 г. сапраўды дае тлумачэнні шэрагу пытанняў гарадскога жыцця, у тым ліку і набілітацыі мяшчан. Яго асноўныя палажэнні зводзяцца да наступнага: па-першае, наданне роўных правоў шляхце і ўраднікам мясцовага самакіравання: войтам, бурмістрам, радцам, лаўнікам і пісарам; па-другое, дазваленне шляхце служыць у гарадскім урадзе, не губляючы пры гэтым свайго статуса; па-трэцяе, дазваленне ўсім ураднікам набываць і трымаць земскія маёнткі;

[a] *Паводле вуснай інфармацыі гісторыка А. Доўнара.*

па-чацвёртае, атрыманне магістрацкімі ўраднікамі права са згоды прадстаўнікоў аднаго са шляхецкіх родаў (з пэўнага брацтва гербовага) на карыстанне гэтым гербам у сваіх актах, сігнетах і карцінах нават без асабістага дазволу караля; па-пятае, атрыманне горадам права высылаць на ўсе соймы, як у Вялікім княстве, так і супольных з Каронай двух ці трох сваіх паслоў; па-шостае атрыманы дазвол выстаўляць надгробкі. Усе гэтыя правы перадаваліся ў спадчыну сваім нашчадкам, якія таксама лічыліся шляхтай, калі не займаліся рамяством ці дробным гандлем.

Такім чынам, дадзены дакумент сведчыць аб тым, што мяшчане, якія займалі службовыя пасады ў магістраце, прыраўніваліся да шляхты. Адпаведна прывілей фактычна раскрывае механізм набілітацыі мяшчан, ураднікаў і г. д. Гэта дае падставу разглядаць яго менавіта як набілітацыйны прывілей для горада ў адрозненне ад класічных магдэбургскіх прывілеяў. Тэрмін «набілітацыйны прывілей» мае ўсе падставы для таго, каб заняць належнае месца ў класіфікацыі прывілеяў для жыхароў Вялікага княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай. З дакумента бачна, што мяшчане, магістрацкія ўраднікі юрыдычна атрымалі права набываць зямельную маёмасць.

Заўважым, што менавіта прыватная ўласнасць на зямлю з`яўляецца асноўнай рысай, якая адрознівае адзін клас ад другога ў феадальным грамадстве і, зразумела, адносіцца да прывілеяў перш за ўсё шляхты.

Яшчэ адным прыкладам набілітацыйнага прывілея мы маем на прыкладзе прывілей г. Львова, які атрымаў яго 8 жніўня 1658 г. на вальным сойме ў Варшаве [12, с. 464 — 469]. Паводле гэтага дакумента шляхецкія правы надаюцца ўсяму гораду, а не толькі магістрацкім ці, як яшчэ называлі, сенацкім ураднікам. Зразумела, што такога не магло быць, шляхта проста не дапусціла б гэтага. Таму гэты прывілей быў вернуты да канцылярыі і ў наступным, 1659 г., але пад першапачатковай датай львоўцы атрымалі яго [12, с. 464 — 469]. Аб гэтым добра піша Яворскі ў сваёй «Набілітацыі места Львова» і Мірон Капраль у прадмове да зборніка дакументаў «Прывілеі места Львова». Акрамя параўнання правоў са шляхтай і атрымання адпаведных тытулаў горад ураўноўваецца ў правах са сталічнымі г. Кракавам і Львовам. Да таго ж два паслы з рады атрымоўвалі правы на ўдзел у элекцыйных соймах і цалавання каралеўскай рукі. Падпісаны прывілей каралём Янам-Казімірам.

Наступны набілітацыйны прывілей Львову быў атрыманы ад таго ж караля Яна-Казіміра 30 траўня 1661 г. У ім, як і ў папярэдніх прыві-

леях, Львоў і мяшчане прыраўноўваюцца ў правах з Кракавам і Вільняй, а таксама са шляхтай [12, с. 471 — 477]. Крыху больш падрабязна ў гэтым дакуменце распісаны наступныя моманты: па-першае, удзел у соймах львоўскіх паслоў цяпер не абмяжоўваецца элекцыяй караля і цалаваннем ягонай рукі, паслы маюць права на роўных засядаць на соймах і сойміках разам з іншымі пасламі. Па-другое, падкрэсліваецца, што земскія маёнткі львоўцы цяпер маюць права набываць, застаўляць і пакідаць у спадчыну як у Кароне Польскай, так і ў ВКЛ. Аналагічны з набілітацыйным прывілеем 1661 г. Львоў атрымаў і ад караля Міхала 30 кастрычніка 1671 г. у Львове [12, с. 485 — 486]. Два наступныя пацвярджальныя прывілеі ад Яна ІІІ (13 красавіка 1676 г.) і Аўгуста ІІ (11 кастрычніка 1697 г.) маюць толькі агульныя згадкі аб параўнанні горада ў правах з Кракавам і Вільняй і больш нагадваюць звычайныя канфірмацыйныя прывілеі гарадам, чым набілітацыйныя [12, с. 493 — 500]. Аб атрыманні падобных прывілеяў Віцебскам і Гародняй на падставе «Хронікі Віцебска» і Кнігі прывілеяў гэтага горада піша і Я. Карпачоў [3, арк. 85 і адв.; 10, арк. 257].

Кніга прывілеяў г. Магілёва ў 1920-х гадах захоўвалася ў аддзеле рукапісаў Магілёўскага дзяржмузея пад № 78. У ёй змешчана 132 дакумента з адпаведнай кнігі прывілеяў за 1562 — 1709 гг., а таксама два дакумента з актавых кніг магілёўскага магістрата, якія захоўваліся ў Магілёўскім акруговым аддзяленні Цэнтрархіва (кнігі № 1 і 2). Навогул па мекаванні З. Даўгялы кніга была складзена (перапісана) ў 1678 г. адным чалавекам, і пазнейшыя акты былі дапісаны пазней. Як і ў папярэдніх выданнях, дакуметы былі размешчаны ў храналагічным парадку на мове арыгіналаў (старабеларускай, лацінскай, польскай) з асабовым, геаграфічным і прадметным паказальнікамі. Безумоўна, археаграфічны і ў цэлым навуковы ўзровень дадзенага выдання значна вышэйшы за папярэднія.

Такім чынам, падсумоўваючы вышэй згаданае, мы з поўным правам можам лічыць віленскі набілітацыйны прывілей 1568 г. узорным для гарадоў ВКЛ.

Пры разглядзе асобных момантаў магілёўскага прывілея 1661 г. і віцебскага 1677 г., якія ўдалося адшукаць толькі ў друкаваных канфірмацыях, мы прыйшлі да высновы, што яны маюць сур`ёзныя адрозненні ад магдэбургскіх прывілеяў. Зразумела, што для больш дэталёвага аналізу неабходны арыгіналы дадзеных дакументаў, якія, як адзначалася, не друкаваліся. Рукапісныя арыгіналы ж, як, верагодна, і копіі, адсутнічаюць у архівах і дакументальных зборах Беларусі.

Арыгінал магілёўскага прывілея захоўваецца ў архіве Санкт-Пецярбургскага аддзялення Інстытута гісторыі РАН [1]. Адносна копіі заўважым, што, магчыма, віцебскі прывілей ёсць у кнізе прывілеяў гораду, што захоўваецца ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі. На жаль, аналагічная кніга прывілеяў Магілёву, якая ў міжваенны перыяд таксама знаходзілася ў Магілёўскім дзяржаўным музеі, не захавалася [2, с. XXVI — XXVII]. Кніга налічвала 226 лістоў, і частку дакументаў з яе З. Даўгяла змясціў у першым томе «Беларускага архіва» [2, с. XXVI — XXVII]. Копія з кнігі прывілеяў Магілёва была надрукавана В. Дружчыцам у артыкуле «Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарскіх месцах» [6]. Яшчэ адну рукапісную актыкацыю прывілея ад 9 чэрвеня 1661 г. нам удалося адшукаць у кнігах Літоўскай метрыкі за 1661 г.

Істотным аспектам дадзенай з'явы з'яўляецца, наколькі і якім чынам выкарысталі мяшчане розных гарадоў гэтыя магчымасці, найперш тры асноўныя: карыстанне зямлёй, гербамі і высыланне паслоў на соймы і сеймікі.

Безумоўна, найбольш цікавымі на сённяшні дзень з'яўляюцца віцебскія кнігі прывілеяў. Як нам удалося высветліць, захавалася тры экзэмпляра дадзенай крыніцы. Адна з іх захоўваецца ў Віцебскім абласным краязнаўчым музеі (далей ВАКМ), другая — у бібліятэцы Віленскай акадэміі навук і трэцяя — у Навуковай бібліятэцы Польскай Акадэміі мастацтваў і Польскай Акадэміі навук у Кракаве.

Кракаўскі рукапіс захоўваецца пад нумарам 3143, які мае назву «Прывілеі м. Віцебска», сярэдзіны XVIII ст. Кніга мае памеры 21 х 16,5 см і 277 аркушоў, з якіх 1 — 4, 187 — 189, 228 — 277 — чыстыя[b]. Тэкст напісаны на польскай мове рознымі почыркамі.

На пятым аркушы надпіс: «Гэтая кніга Я[го] м[ілас]ц панам Тэадорам Запольскім, віцебскім радцай, была куплена ад Стэфана Аверкі 19. 08. 1777 г.»; на шостым: «Рэестр прывілеяў найяснейшых манархаў і польскіх каралёў, і князёў Вялікага княства Літоўскага ў розных справах магістрату і нашчадкам іх на вечныя часы выдадзеныя з далучэннем лістоў, рэскрыптаў, з аўтэнкаў (у дакуменце zautenków, што пэўна азначае з аўтэнтыкаў, у сэнсе з арыгіналаў), згодна з воляй магістрата сабраных у ратушы трэцяга верасня 1733 г.». У рэестры пазначана 63 дакумента, што адпавядае рэчаіснасці.

[b] *Аўтар выказвае вялікую ўдзячнасць за прадастаўленую інфармацыю Юрыю Гардзееву і Зінаідзе Антановіч.*

На адвароце 13 і 14 аркушоў рэестр падпісаны наступнымі асобамі:

Рыгор Садковіч, віцебскі бурмістр,
Якуб Лапа, віцебскі бурмістр,
Ян Ігольнік, віцебскі радца,
Даніель Хапіцевіч Сіпка, віцебскі райца (Райцовіч ?),
Тамаш Віхор,
Казімір Свішчэўскі,
Антоні Філіповіч,
Сымон Зяньковіч (Зямковіч ?) лаўнік мв (?),
Марко Казёл,
Іяхім Зафалай (?) лаўнік, Тамаш Віхор.

На 17 аркушы запісана, што ўвесь гэты рэестр прывілеяў і самі прывілеі, амністыйныя лісты і ўніверсалы былі перапісаны ў Віцебску адным з аўтараў віцебскага летапісу Стэфанам Аверкай.

Падобнае апісанне віцебскай кнігі прывілеяў, якая захоўваецца ў Віленскай акадэмічнай бібліятэцы, дае ў сваёй апошняй кнізе вядомы беларускі вучоны Г. Галенчанка [4, с. 216 — 219]. Ён дае кароткае апісанне рукапісу і зместу кнігі, якое амаль супадае з кракаўскім асобнікам. Выклікае пытанне старая сігнатура кнігі № 3143, якая таксама супадае з кракаўскім асобнікам [4, с. 216 — 219] (сучасная — фонд 17, № 208) [4, с. 219]. Паводле інфармацыі беларускай даследчыцы Н. Сліж рукапіс напісаны адной рукой[c].

Кніга прывілеяў г. Віцебска, якая захоўваецца ў ВАКМ пад № 7261, мае цвёрды пераплёт чырвонага колеру, зроблены дзякуючы А. Сапунову. На ёй сучасны штамп ВАКМ і Віцебскага аддзялення Беларускага дзяржмузэя з подпісам «Рукапісны збор Сапунова № 59», а таксама экслібрыс бібліятэкі Віцебскага аддзялення Маскоўскага археалагічнага інстытуту з № 1725. Кніга складаецца са 108 аркушоў (216 старонак) і была складзена 3 верасня 1733 г.

На 1 — 2 аркушах змешчаны рэестр прывілеяў, які пераважна супадае з загалоўкамі прывілеяў. Нумары прастаўлены пазней сінім алоўкам, відаць ў часы Сапунова, часам паралельна прысутнічае нумерацыя алоўкам, часам — падвойныя нумары ў круглых дужках. Нумары алоўкам прастым адпавядаюць нумарам у «Віцебскай старыне». Нумарацыя атрамантам «Num. 4», верагодна, самая

[c] *Аўтар выказвае вялікую ўдзячнасць за прадстаўленую інфармацыю Наталлі Сліж.*

старэйшая, і яна паказвае, што шэраг дакументаў не захаваўся, і пачынаецца з трэцяга дакумента.

Першых восем прывілеяў — з гербавымі застаўкамі (першы — з гербам «Арол польскі», з крыжам на грудзі і са скіпетрам і шабляй у лапах, другі — з «Пагоняй» а таксама з каляровым гербам Віцебска) і раслінна-астральнымі (месяц і сонца) малюнкамі.

Усе аркушы з 79 разлінеены і маюць палі, на якіх прыпісы, як у XVIII ст. адпаведным арнаментам карычневага колеру, падобным да саміх прывілеяў, так і сінім альбо карычневым, больш тонкім пяром, набліжаным да канца XIX — XX стст. Апошнія маюць больш тэзісны і навуковы характар і часам тычацца дат і месца надання прывілеяў. Запісы больш ранейшага часу нясуць пэўныя ўдакладненні да тэкстаў, у тым ліку традыцыйнае (не рымскае) пазначэнне дат, а таксама загалоўкі, якія адпавядаюць рэстравым, што сведчыць аб складанні іх пасля перапісання прывілеяў.

Нумары, пазначаныя чырвоным атрамэнтам, паводле Ул. Краснянскага, зроблены рукою А. Сапунова [7]. Яны адпавядаюць (?) сінім нумарам атрамантам у рээстры (асноўным), такім жа колерам зроблена і асноўная нумарацыя кнігі, але гэта адбылося пасля рэстаўрацыі, праведзенай, відаць, пры яе пераплёце, адбыўся ў часы Сапунова. На асобных аркушах захавалася ранейшая нумарацыя карычневым атрамантам. Там, дзе адсутнічае нумарацыя, прастаўлена сучасная простым алоўкам.

На дакументах шэраг адзнак зроблены простым (ср. № 5 і 6), сінім і чырвоным (NB) алоўкамі.

Усяго ў кнігу ўвайшло 63 дакументы за XVI — XVIII стст., сярод якіх пераважна каралеўскія прывілеі Віцебску, яго жыхарам, атэстацыі, амністыі, інветар горада, мемарыял, інфармацыя магістрацкая і спіс віцебскіх ваяводаў за 1505 — 1753 гг., якія згодна прывілея на магдэбургскае права Віцебску 1597 г. адначасова з'яўляліся і войтамі горада.

Падсумоўваючы вышэй згаданае, нам варта было б сёння надрукаваць такую важную крыніцу па гісторыі г. Віцебска і магдэбургскага права на Беларусі, як кніга прывілеяў м. Віцебска.

Літаратура і крыніцы

1. Архіў Санкт-Пецярбургскага аддзялення інстытута гісторыі Расейскай Акадэміі навук. — Калекцыя № 114, ІІ, № 36 (арыгінал).

2. Беларускі архіў. — Мінск, 1927. — Т. 1. — С. XXVI—XXVII.
3. ВАКМ. КП 7361. — № 50.
4. Галенчанка, Г. Я. Невядомыя і малавядомыя помнікі духоўнай спадчыны і культурных сувязей Беларусі XV — сярэдзіны XVII ст. / Г. Я. Галенчанка; Нацыянальная акадэмія навук Беларусі, Інстытут гісторыі. — Мінск : Беларуская навука, 2008.
5. Гардзееў, Ю. З гісторыі канцылярыі гарадзенскага магістрата / Ю. Гардзееў // Герольд Litherland (Горадня). — 2004. — № 3—4. — С. 106.
6. Дружчыц, В. Войты і іх улада ў беларускіх гаспадарчых месцах з Майдэборскім правам / В. Дружчыц // Запіскі аддзела гуманітарных навук. Працы клясы гісторыі. — Менск, 1928. — Кн. 3, Т. 2. — С. 241 — 298.
7. Краснянскі, У. Кніга прывілеяў м. Віцебску / У. Краснянскі // Віцебшчына. — Віцебск, 1927. — Т. 1. — С. 148 — 150.
8. Макараў, М. Дз. Ад пасада да магдэбургіі : прававое становішча месцаў Беларускага Падзвіння ў XVI — першай палове XVII ст. — Мінск : УП «Экаперспектыва», 2008.
9. Миловидов, А. А. Прошлое и современное положение археографии в Северо-Западном крае / А. А. Миловидов // Журнал министерства народного просвещения. — 1904. — № 9. — С. 11.
10. НАРБ. — Ф. 598. — Воп. 1. — Спр. 22.
11. Памяць : гіст. -дакум. хроніка Гродна / рэд. Г. П. Пашкоў і інш.; склад. І. П. Крэнь (склад. і навук. рэд.) і інш. — Мінск : БелЭн, 1999.
12. Привілеї міста Львова (XIV—XVIII ст.) / Львівське відділення Ін-ту української археографії та джерелознавства ім. М. Грушевського НАН України / Ярослав Дашкевич (наук. ред.), Мирон Капраль (упоряд.), Роман Шуст (наук. ред.). — Львів, 1998. — 640 с. — (Львівські історичні пам'ятки; Т. 1).
13. Собрание древних грамот и актов городов : Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей. — Вильно : Тип. А. Марциновского, 1843. — Ч. 1. — 204 с. : ил., карты.
14. Улащик, Н. Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Беларуси / Н. Н. Улащик. — Москва, 1973.
15. Яцкевіч, З. Л. Набілітацыйныя прывілеі для гарадоў Вялікага княства Літоўскага : магчымасці і рэалізацыя на прыкладзе г. Магілёва / З. Л. Яцкевіч // Bialostocczyzna. — 2002. — № 1. — S. 61 — 62.

16. Яцкевіч, З. Л. Узорны набілітацыйны прывілей для гарадоў Вялікага княства Літоўскага / З. Л. Яцкевіч // БАШ. — Мінск : БелНДІДАС, 2001. — Вып. 2. — С. 223 — 233.
17. Dubinski, P. Zbior praw i przywileiow miastu stolecznemu WXL nadanych / P. Dubinski. — Wilno, 1788.
18. Ragauskas, Aivas. Vilniaus miesto valdzios elito nobilitaciones privilegios (1568 m.) likmas Rusijos imperijoje (XIX a. primasis — treciasis desimtmeciai) / Aivas Ragauskas // Vilniaus istorijos. — Vilniaus, 2007. — Metrastis 1. — S. 79 — 95.

В. У. Бабкова (Мінск)

«ТЭСТАМЕНТЫ, ДЭСТАМЕНТЫ, ДУХОЎНІЦЫ»: АКТЫ АПОШНЯЙ ВОЛІ ШЛЯХТЫ ВІЦЕБСКАГА ВАЯВОДСТВА КАНЦА XVI СТ. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ АКТАВЫХ КНІГ ВІЦЕБСКАГА ЗЕМСКАГА СУДА НАЦЫЯНАЛЬНАГА ГІСТАРЫЧНАГА АРХІВА БЕЛАРУСІ ЗА 1594 — 1598 ГГ.)

Сярод шэрагу актавых дакументаў, якія маюць натарыяльны характар, асаблівае месца належыць тэстаментам (актам апошняй волі). Будучы запісанымі ў актавыя кнігі павятовых судоў, а дакладней перанесеныя «з гроду ў земства», тэстаменты набывалі права вечнасці і служылі не аднаму пакаленню нашчадкаў, якія карысталіся дабротамі сваіх дзядоў і бацькоў. Распісваючы маёмасць паміж сваякамі, тэстатар найперш меў на мэце захаваць спакой у сям'і пасля сваёй смерці, пазбавіць родзічаў ад «ростырков», «вархолу», «пасвару», «зависнення», «бурдов», «гневу», «розруху» і «шкод», якія здараліся паміж людзьмі падчас размеркавання маёмасці. А таксама забяспечыць далейшае існаванне жонкі, абараніўшы яе ад пасяганняў прадстаўнікоў свайго роду. Тэстаменты мог пісаць кожны чалавек ці то «у радостях и раскошах», або «зглочаны и ничога не маючы», пакідаючы, адпаведна свайму сацыяльнаму стану, ці то маёнткі, грошы і каштоўнасці, ці адно «сена мурожнага и болотнога» ды калоду пчолаў. Тэстаменты

захоўваліся разам з іншымі важнымі для сям'і дакументамі — купчымі і дарчымі лістамі на маёмасць, прывілеямі, інвентарамі — і вымаліся са шкатул, скрынь ды іншых схованак выключна дзеля патрэбы ды перадаваліся з пакалення ў пакаленне.

Не толькі хвароба і няўмольная старасць вымушалі чалавека ўзяцца за складанне тэстаменту. Смерць прыходзіла і ад «нищення од жовнера, праз агонь, поветрые моравае, праз голад, спусташенне, ушкадженне». Тэстамент мог быць напісаны самім чалавекам, але найчасцей адмыслова запрошаным пісарам за пэўную плату і па строга вытрыманаму актаваму фармуляру, наяўнасць якога можна прасачыць практычна ў кожным шляхецкім тэстаменце. І тым не менш кожны з гэтых дакументаў нясе адбітак свайго аўтара. Праз кожны чуецца індывідуальны голас чалавека.

Вядома, што існуе падзел дакументальных старабеларускіх помнікаў на тры жанрава-стылёвыя разнавіднасці: канцылярска-юрыдычную, свецка-мастацкую і канфесійную. Тэстамент відавочна парушае межы гэтых трох стыляў, бо адначасова мае натарыяльны характар, ягоны тэкст часам успрымаецца як літаратурны твор, а рэлігійная прыналежнасць аўтара накладае адбітак на характар самога дакумента. Цікавым падаецца параўнанне тэксту тэстаментаў з паэтыкай санету, які зрабіла манашка Жарнавецкага віленскага бенедыктынскага кляштара і адначасова даследчыца гістарычных крыніц Малгажата Баркоўска [4].

Упісанне тэстамента ў судовыя кнігі было абавязковым актам, які пацвярджаў апошнюю волю чалавека. Тэстамент даслоўна ўпісваўся ў судовыя кнігі толькі пасля смерці аўтара на мове арыгінала. Пасля ўпісання тэксту дакумента кожны зацікаўлены мог узяць сабе адтуль копію або выпіску. Запіс тэстамента ў судовыя кнігі з'яўляўся своеасаблівым гарантам яго юрыдычнага зацверджання, а таксама страхавым варыянтам на выпадак, калі дакумент будзе згублены ці знішчаны.

Пры распрацоўцы актавых кніг Віцебскага земскага суда к. XVI ст. у аддзеле старажытных актаў НГАБ былі выяўлены і расчытаны 14 тэстаментаў віцебскай шляхты і 1 тэстамент віцебскага коннага мешчаніна за 1559 — 1597 гг. (яшчэ 6 тэстаментаў не ўдалося расчытаць з-за моцнай пашкоджанасці і фрагментарнасці). Кнігі пераплеценыя, адрэстаўраваныя, змікрафільмаваныя. Некаторыя тэксты дакументаў затухаючыя, моцна пашкоджаныя. Мова дакументаў — старабеларуская.

Аўтары віцебскіх тэстаментаў у большасці не з'яўляліся элітай тагачаснага грамадства. Большую частку актаў апошняй волі складалі прадстаўнікі сярэдняй і дробнай шляхты-зямянаў. Сярод дакументаў таксама прадстаўлены два тэстамента асобаў вышэйшага стану, якія займалі пэўныя ўрады: земскага лоўчага Віцебскага ваяводства Стэфана Лускіны і віцебскага гараднічага Багдана Янушкоўскага (2 тэстаменты). Асобна стаіць тэстамент віцебскага коннага мешчаніна Марціна Савейкаўскага (вядома, што конныя мяшчане — група вайскова-служылых мяшчан, нашчадкаў былых баяраў, якія перасяліліся ў горад, але захавалі свае маёнткі і абавязак выконваць вайсковую земскую паслугу ў апалчэнні свайго павета. У XVI ст. віцебскія конныя мяшчане складалі асобную сацыяльную групу, у якую ўваходзілі 100 сямей).

Дзевяць тэстаментаў належаць зямянам Віцебскага ваяводства, частка з якіх была напісана ў самім Віцебску, а частка ў родавых маёнтках — Хоцімлі, Бублеве, Вялікім Сяле, Мошне. Два тэстаменты належаць зямянам Полацкага ваяв. Такім чынам, аўтарамі апошняй волі былі: Занка Алехнавіч Рамейка Хоцімскі, Дзмітр Іванавіч Алізаровіч, Сцяпан Аляксандравіч Хоцімскі, Іван Нарковіч Падзвінскі, Андрэй Якубавіч Сівіцкі, Шчасны Пятровіч Храноўскі, Ілля і Алехна Паўлавічы Варатынцы, Марына Занкаўна Гарлінская, Мацвей Мікалаевіч Мажэйка і Марына Данілаўна Любашанская.

Цікава прасачыць сацыяльны статус пячатараў і апекуноў, да якіх звярталіся тэстатары з «усной и очевистой» просьбай паставіць подпіс і пячатку пад дакументам сваёй апошняй волі «для всякое обороны и порадку <...>», а таксама стаць апекунамі і абаронцамі жонак і дзяцей, якіх трэба было «от кривд всяких яко сирот боронит». Сярод «людей зацных, <...> земян, панов и приятель», да якіх звярталася шляхта-зямяне па апякунства, былі віцебскі мастаўнічы пан Кміта Зеляпуга, трэйданскі і скуінскі староста, цівун у зямлі Жамойцкай Пётр Стаброўскі, віцебскі гродскі пісар Кузмінскі Будагоскі, віцебскі харужы Іван Храпавіцкі, а таксама браты, зяці ды іншыя сямейнікі.

Выключна ў сям'і шукалі апякунскай падтрымкі тэстатары, якія займалі больш значныя пасады. Сярод пячатараў і сведкаў іх тэстаментаў былі віцебскі гараднічы Ян Кісель, веліжскі падстароста Мікалай Нарбут, намеснік Віцебскага ваяводства Мікалай Дзеражынскі ды іншыя ўплывовыя ў ваяводстве асобы.

Шурыну ды пляменніку даручыў быць апекунамі жонкі «по моем животе до живота ее» конны мешчанін Марцін Савейкаўскі, а таксама прасіў бараніць ад сваіх і чужых людзей падданага Ісака Аляхновіча. А пячаткі і подпісы пад дакументам, «которые з их писати умеют», паставілі «люди зацные», зямяне Віцебскага ваяводства — возны Апанас Мазалоўскі, пан Даніла Харковіч Біруля-Бялыніцкі ды пан Іван Харкоўскі. Паказальна тое, што сведкамі і пячатарамі пры складанні тэстаментаў у той час не маглі выступаць кабеты. Рэдка калі кабеты былі апякункамі, хаця Статут агаворваў гэтую магчымасць (перавага — старэйшай у родзе).

Найгалоўнейшым жа апекуном і абаронцам пакінутых на гэтым свеце сіротаў паміраючыя лічылі «щодробливого» Пана Бога. І верылі, што зацнай шляхце, якая выканае іх апошнія просьбы «за таковое дабрадейства <...> Пан Бог всим добрым в Королевстве небесном заплатою будет».

Сведчаннем канфесійнай прыналежнасці ў тэстаментах найчасцей выступае тая частка тэксту, дзе гаворка ідзе пра распараджэнні, якія тычыліся «душы і цела». Тут агаворвалася месца апошняга спачыну ў звязцы з хрысціянскай святыняй: царквой, манастыром, касцёлам, зборам. Сведчаннем таксама магла выступаць згадка прысутнасці сярод сведкаў тэстамента папа-духоўніка, святара пэўнай царквы, каплана ці вікарыя.

Паводле веравызнання вышэйзгаданыя тэстаменты зямянаў Віцебскага ваяводства падзяляюцца наступным чынам: 6 — праваслаўных, 1 — каталіцкі, 1 — евангеліцкі, 6 тэстаментаў маюць невызначаны рэлігійны характар з пэўным пажаданнем быць пахаванымі: «<...> при могилах сынов своих, при Васильевой и Степаной, и з жоною своею Полагию», як пажадаў Стэфан Лускіна [1, арк. 65 — 68]; «Обычаем хрестянским <...> одкул створон ест, в землю, бо земля прох и попел было <...>», як пажадаў гараднічы Багдан Янушкоўскі [3, арк. 15 — 17 адв.].

Сярод адзнакаў праваслаўнага веравызнання ў тэстаментах згадваюцца крылашане царквы Святога Духа, якім Занка Рамейка Хоцімскі адпісаў 40 грошай на Саракавуст [3, арк. 117 — 119], царква Святой Прачыстай «на Ловожы» [2, арк. 189 — 190], просьба быць пахаваным паводле закону грэчаскага [2, арк. 342 — 343 адв.], а таксама духоўнік уваскрасенскі святар айцец Фёдар, які атрымаў ад пані Марыны Гарлінскай за паслугі карову [3, арк. 128 — 131].

Каталік Шчасны Храноўскі прасіў быць пахаваным пры цвінтары ля касцёла рымскага Святой Троіцы, пад «обламками» (гэта значыць пад зубчатай сцяной) у віцебскім Ніжнім замку насупраць касцельных дзвярэй [2, арк. 344 — 345 адв.].

Евангелік Андрэй Сівіцкі пажадаў пахавання ва ўласным агародзе каля саду пад сваім дваром Добрыным, а над целам прасіў збудаваць каплічку ды правесці абрад паводле звычаю збору евангелічнага [2, арк. 128 — 131адв.].

Тэстаменты пісалі людзі «бачные», гэта значыць мудрыя, якія добра разумелі, «иж не ест ничого на свете певнейшого яко час, година смерти». Амаль кожны з тэстаментаў — прыклад развагаў над светам, які прыйшоў час пакідаць, пра сваё стаўленне да смерці. Свет «адменны», «аблудны», «нерозны» — гэта значыць зменлівы, недаўгавечны, крохкі, прывідны, непадзельны. І адначасна — мізэрны, надзны, небяспечны. Вытокі гэтага бачання свету, магчыма, трэба шукаць у той канцэпцыі пагарды да свету (contemptus mundi), якая брала пачатак ад ранняга хрысціянства і сцвярджала тое, што свет стары, убогі і даўно ўжо ўступіў у фазу заняпаду... Трагічна і смутна гучыць у тэстаментах усведамленне нетрываласці гэтага свету, але ж менавіта падобнае ўспрыняцце і пакідала радкі блізкія ўзору літаратуры: «будучи есми на тот час навежоный хоробою обложною и разумеючы то, иж кождый чоловек мешкаючы на том недзном, мизерном а доческом свете ест певнейши смерти, а нижели чого иншого», — пісаў зямянін Дзмітрый Алізаровіч [1, арк. 72 — 73 адв.].

Евангелік Андрэй Сівіцкі пакінуў наступнае: «<...> кождый чоловек ест потданый смерти, а тело его ку скаженю, и што не бывает воровано писмом, не бываеть трвало, але в запаметанье людское приходит, помнечи теж и на Сына Божого и Збавителя нашого Езуса Хрыста, которые нам зоставит рачил в тестаменте, Еванелии своее, мовечы: "Чуйте, бо не ведаете часу ани годины"» [2, арк. 128 — 131 адв.].

У тэстаменце віцебскага гараднічага Багдана Янушкоўскага было запісана наступнае: «прото реч ест годная и потребная, абы будучи здоров, паметал на час смертелный и на то, иж не ведаем, што ютрейший ден принесе, а жебы яко злодей Панский не пришол и нас неготовыми не зостал <...>» [3, арк. 15 — 17 адв.].

Цікава, што цытаванне Евангелля, якое было ўласціва пратэстантам, сустракаецца ў віцебскіх тэстаментах і ў шляхты праваслаўнага веравызнання.

Тэстаменты з'яўляюцца найцікавейшай крыніцай, якая сведчыць пра моманты індывідуальнай гісторыі чалавека: пра стан ягонай заможнасці, склад сям'і, ступень адукаванасці. Даюць мажлівасць прасачыць адносіны паміж бацькамі і дзецьмі, моманты ўдзячнасці і крыўдаў, выпадкі даравання віны перад сыходам, клопат пра адукацыю дзяцей, стаўленне да чэлядзі, якая згадвалася практычна ў кожным тэстаменце і адпускалася на волю. Як ужо адзначалася, тэстаменты пісаліся з мэтай забяспечыць спакой у сям'і, падзяліць маёмасць яшчэ пры жыцці, каб пазбегнуць свараў праміж крэўнымі.

Некаторыя тэстаменты пісаліся за 10 дзён перад смерцю, некаторыя за 9 месяцаў. У асноўным час паміж напісаннем тэстамента і яго актыкацыяй (а гэта значыць смерцю тэстатара) складаў 1—2 месяцы. Найчасцей прыносілі ў суд тэстамент, каб запісаць яго ў судовыя кнігі, сваякі: браты, зяці, пляменнікі, жонкі і мужы. Так, па просьбе зямяніна Івана Нарковіча Падзвінскага ягоны тэстамент прынёс у суд зяць, віцебскі мешчанін Павел Ісакавіч, са словамі: «Злетил дей то мне, зятю своему, абых оный тестамент его немешканя, тут, водлуг Статуту права посполитого ку записаню до книг справ земъскихъ подал» [2, арк. 81 — 82 адв.]. Ураднікі аглядалі пячаткі, подпісы рук пад дакументам, пасля чаго загадвалі ўпісваць яго да судовых кніг.

Выключэннем з'яўляюцца выпадкі, калі сам аўтар тэстамента прыносіў яго для актыкацыі ў суд. Менавіта пра гэта мы чытаем у пачатковым пратаколе (сусцэпце) да тэстаменту земскага лоўчага Стэфана Лускіны: «сам, особою своею, будучы еще в способном здоровью и зуполном розуму своем, дестамент свой справил <...>» [1, арк. 65 — 68].

Звестак пра сам горад у тэстаментах не шмат. У большасці яны ўскосныя. Так, у актавым запісе перад тэстаментам зямяніна Занкі Хоцімскага было занатавана, што ў часы першага старога Статута не было звычаю, каб у Віцебску захоўваліся земскія і гродскія кнігі, таму сын Занкі Хоцімскага Сямён не мог своечасова ўпісаць свае маёмасныя дакументы да судовых кніг і цяпер (праз 39 гадоў), у 1598 г., прынёс тэстамент бацькі, напісаны яшчэ ў 1559 г. Сам Занка, чый тэстамент быў складзены ў Хоцімлі, меў уласны двор у замку Віцебскім у Ніжнім горадзе [3, арк. 117—119].

Меў таксама пляцы зямлі ў замку і на пасадзе лоўчы Стэфан Лускіна. Ягоны дом, у якім ён жыў да самай смерці і дзе, верагодна, запісаў сваю апошнюю волю, знаходзіўся на пасадзе «Завитебъномъ» на завулку Селезнякоўскім насупраць дома Міхалкі Грабенчына і слабодкі віцебскага харужага Івана Храпавіцкага, а межаваў з пляцам Захарчынскім паноў Кісялёў і пляцам паноў Стахоўскіх. Другі двор лоўчага знаходзіўся ў «Вышнем» замку пад гарою старай мураванай турмы, побач з домам Бабаедава [1, арк. 65 — 68]. У доме Заручайскім у Віцебску пісаў свой тэстамент зямянін Андрэй Сівіцкі [2, арк. 128 — 131 адв.]. Заручайскі пасад над узвозам Буйскім згадваецца таксама і ў запісе пані Марыны Гарлінскай [3, акр. 128 — 131]. Пляц зямяніна Шчаснага Храноўскага знаходзіўся ў віцебскім Ніжнім замку, дзе ён, дарэчы, і быў пахаваны на цвінтры каля зубчатай сцяны [2, арк. 344 — 345 адв.].

Звяртае ўвагу падрабязнае апісанне межаў пляцаў зямлі, якое занатоўвалі тэстатары пры перадачы маёмасці ў іншыя рукі. Тут заўважны прыродныя асаблівасці віцебскага рэгіёну, наяўнасць вялікай колькасці рэк, азёраў, ручаёў. Даследчык жа апроч уяўлення праз тэкст падрабязнай тапаграфічнай карты мясцовасці, якую цяпер можна толькі ўявіць, ды вывучэння тапонімаў, звяртае ўвагу і на спосаб мыслення тагачаснага чалавека, уласцівую яму манеру надаваць імя кожнаму прыроднаму знаку, занатоўваць і заўважаць адрознасці на зямлі: «<...> тыми границами кгрунту моему Кичиньскому <...> в ручай, з ручя просто через бор и через мох по Чорную Гряз, по землю мою Кичинскую, над болотом Чисцом лежачую <...>. Од Чорное Грязи просто в речку Кичиницу, речкою Кичиницою уверх у озеро Кичино и опят в тот ж ров <...> и совсимъ на все, яко се тот кгрунт самъ в собе мает: гоны бобровые по реце Середкоротницы, по речце Песочнои, и по реце Лучосе мают вси три сыны мои посполу их держать и звер ловит», — запісаў Дзмітрый Алізаровіч сваім сынам, а жонцы Ульяне з сынам Міхайлам перадаў зямлю, якая ляжала ад грунту віцебскага земскага пісара Андрэя Асіпоўскага ў раку Лучосу: «<...> а тою рекою Лучосою уверхъ <...> в реку пустую, обышодшы около, опят в тую ж реку Лучосу, и тою рекою Лучосою еще уверх по землю Юшковскую до копца и до границы стародавние Юшковские в реку Середкоротницу, з реки Серодкоротницы опять в остров Юшковский, ручем вколо опят в реку Середкоротницу, рекою Середкоротницою уверх по землю Середкоротинскую, от тое реки просто в речку Песочную, з реки Песочное в ручаи Ржавец, и тым ручем Ржавцом униз аж опят знову в реку Лочосу <...>» [1, арк. 72—73 адв.].

З улікам таго, што амаль не захаваліся фамільныя зборы дакументаў звычайнай беларускай шляхты з памежжа позняга Сярэднявечча і Новага часу, такі дакумент, як тэстамент, з'яўляецца

надзвычай каштоўнай крыніцай, якая адлюстроўвае тагачасную эпоху, аўтэнтычную атмасферу старабеларускай мовы, а таксама ўтрымлівае інфармацыю для вывучэння самога чалавечага жыцця ў ягонай штодзённасці, якое заўсёды заставалася нязменным, але амаль не патрапляла ў сферу гісторыі.

Літаратура і крыніцы

1. НГАБ. — Ф. 1751. — Воп. 1. — Спр. 1.
2. НГАБ. — Ф. 1751. — Воп. 1. — Спр. 2.
3. НГАБ. — Ф. 1751. — Воп. 1. — Спр. 3.
4. Borkowska, S. M. Dekret w niebeskim ferowany parłamiencie. Wybór testamientów z XVII — XVIII wieku / S. M. Borkowska. — Kraków, 1984.

А. В. Грыб (Мінск)

ДЗІСНА 40-Х ГАДОЎ XVIII ст. ПРАЗ ПРЫЗМУ МЯШЧАНСКІХ ТЭСТАМЕНТАЎ

У 40-х гадах XVIII ст. Дзісна, як і раней, была пераважна гандлёвым горадам, арыентаваным на вываз да Рыгі сыравіны (збожжа, лесу, паташу, ільну, канапель). У гэты час ужо не было зруйнаванага падчас Паўночнай вайны замка, аднак высокія валы яшчэ нагадвалі пра яго былую веліч. Некалькі дзесяцігоддзяў жыхары не пакутавалі ад усегарадскіх пажараў і паморкаў. У горадзе стаяў невялікі ваенны гарнізон, па Дзвіне плылі да Рыгі купцы з Полацку, Віцебску, самой Дзісны, плацілі ў прыкаморак на вуліцы Мытнай мыта, часам сядалі на мель ці разбіваліся аб шматлікія камяні і парогі. Магістрат вяршыў суд, часам прыязджала шляхта, каб пазычыць грошай у мясцовых ліхвяроў. А чым жылі простыя мяшчане? На гэта пытанне дапамогуць адказаць тэстаменты дзісненскіх мяшчан.

Тэстамент (завяшчанне) — прававы акт з распараджэннем пра асабістую маёмасць на выпадак смерці. Асоба, якая склала тэстамент, звычайна называецца тэстатарам. Для ўступлення ў сілу тэстамент адразу пасля смерці тэстатара павінен быў пацвярджацца ў судзе. Акрамя распараджэння пра маёмасць тэстатар часта ўносіў іншыя пажаданні і наказы жонцы, дзецям, братам, сёстрам, калегам і сябрам.

У актавых кнігах дзісненскага магістрату былі выяўлены тэстаменты некаторых мяшчан. Спачатку варта пазнаёміцца з гэтымі асобамі. Усе яны з'яўляліся ўраднікамі дзісненскага магістрату, такім чынам былі багатымі і ўплывовымі людзьмі ў горадзе. Тут няма нічога дзіўнага: каб скласці тэстамент, трэба было мець значную маёмасць.

Ян Лукашавіч Шыбайла — райца дзісненскі ў 1715—1741 гг. Займаўся гандлем з Рыгай, меў значную маёмасць, якую пакінуў адзінаму сыну Міхалу. Памёр у 1741 годзе, тэстамент складзены непасрэдна перад смерцю пры судзе гайным (напрыклад, падобны выпадак з судом гайным гл. [2, с. 215]). Запіс-тэстамент быў актыкаваны 1 лютага 1741 г. [3, арк. 448—448 адв.]

Тодар Янавіч Грыб — лаўнік дзісненскі ў 1741—1748 гг. Меў жонку Веру, некалькі дзяцей. Разам з Мацеем і Канстантам Бухаламі займаўся гандлем, меў дом у Дзісне, дзе жыў разам з маці, жонкай і дзецьмі. Тэстамент быў складзены за некаторы час да смерці, а актыкаваны праз тыдзень пасля смерці тэстатара, 13 сакавіка 1748 г. [4, арк. 308—309 адв.]

Цімафей Емяльянавіч Барадульскі — бурмістр дзісненскі ў 1711—1749 гг. Яго бацька Емяльян быў райцам, брат Нікіфар — лаўнікам. Быў двойчы жанаты: на Анне і Таццяне, дзяцей не было. Займаўся гандлем і ліхвярскімі аперацыямі, меў некалькі дамоў і агародаў у Дзісне. Тэстамент быў складзены незадоўга перад смерцю тэстатара ў 1749 г., а яго копія актыкавана ў магістрацкіх кнігах за 1792 г. Большая частка маёмасці дасталася пляменніку Рыгору Барадульскаму (сыну Нікіфара), а ўласны дом і гумно — жонцы Таццяне [5, арк. 189—191].

Усе тэстаменты складзены на польскай мове, маюць падобны фармуляр. Гісторык Максім Гардзееў даследаваў фармуляр тэстаментаў полацкіх мяшчан і выдзеліў пачатковы пратакол (або проста пратакол), асноўную частку і канчатковы пратакол (эсхатакол). Пачатковы пратакол складаецца з загалоўка, даты ўнясення тэстамента ў актавую кнігу, інтытуляцыі і нарацыі. Асноўная частка складаецца з дыспазіцыі, у якую кампактна ўведзена санкцыя. У канчатковым пратаколе змешчаны адзнакі аб пацвярджэнні тэстамента, унясенні яго ў актавую кнігу, выдачы выпісу [1, с. 40].

Фармуляры тэстаментаў дзісненскіх мяшчан адрозніваюцца паміж сабой, таксама і ад фармуляра, прапанаванага Гардзеевым. Гэта звязана з тым, што тэстамент Яна Шыбайлы створаны ў якасці

запісу-тэстаменту па скарочанай форме, а тэстаменты Тодара Грыба і Цімафея Барадульскага ствараліся як самастойныя дакументы, таму маюць дваісты фармуляр: па-першае, фармуляр самога тэстаменту, па-другое, запіс у актавай кнізе. А тэстамент Цімафея Барадульскага мае нават уласную дату і ўказанне на сведкаў, што больш характэрна для шляхецкіх, а не мяшчанскіх тэстаментаў.

Некаторыя адрозненні ўтварыліся з-за зменаў у справаводстве. Так, у тэстаменце Тодара Грыба адсутнічае загаловак, у тэстаменце Яна Шыбайлы загаловак стаіць пасля даты, у Цімафея Барадульскага — перад датай. Дата ўказана ў кожным тэстаменце, як і інтытуляцыя магістрата. Праўда, інтытуляцыя адрозніваецца ў кожным выпадку, у Яна Шыбайлы пазначаны ўсе прысутныя ўраднікі: «Przy siawetnych panach Janie Demianowiczu, radcu dzisikskim, Janu Spirkowiczu, Teodoru Hrybu, iawnikach, y mnie, Leonu Dubbinie, pisarzu miasta Jego Krylewskiey Mosci Dzisny», у Тодара Грыба: «Przed nami burmistrami, raycami, y iawnikami miasta Jego Krylewskiey Mosci Dzisny», у Цімафея Барадульскага: «Przed aktami sudow mieyscowych miasta wolnego Rzeczy Pospolitey Dzisny». Нарацыя ідзе пасля інтытуляцыі і расказвае пра абставіны, пры якіх тэстамент быў складзены ці ўнесены ў магістрат. Ян Шыбайла складаў тэстамент перад самай смерцю, таму нарацыя мае такі выгляд: «staiy naprzod pan Jan Szybayia, radca dzisnikski mienii to, ïe...». У Тодара Грыба і Цімафея Барадульскага тэстаменты былі складзены загадзя, таму яны ўносіліся на пацвярджэнне, пры гэтым указвалася, хто ўнёс тэстамент. У тэстаменце Тодара Грыба ёсць інвакацыя, што цікава, яна напісана кірыліцай: «Во имя отца, и сына, и светого духа, аминь».

Асноўная частка прадстаўлена дыспазіцыяй. Аднак у тэстаментах Тодара Грыба і Цімафея Барадульскага ёсць арэнгі з апісаннем мэты стварэння тэстаменту. У іх у самай яркай, вобразнай форме паказаны адносіны тэстатараў да жыцця, душы, фізічнай і духоўнай сутнасці асобы. Таму варта прывесці гэтыя часткі тэстаментаў у перакладзе на беларускую мову. У Тодара Грыба: «Ведаючы і памятаючы, што кожны чалавек няспынны рух здзяйсняе жыцця свайго хуткім бегам, а не ведае году, месяца, дня, гадзіны, часу, моманту, калі мусіць скончыць тое прыроджанае падарожжа, якое ні чым іншым, толькі сабой мае заплаціць і аддаць. Тады і я, нягодны чалавек і ў цэлым нікчэмны грэшнік Тодар Грыбко, прыпамінаючы сабе слова Божае і хуткі канец майго жыцця, уздумаў сабе распараджэнне сам з сабой учыніць і рукой маёй уласнай напісаць волю і жаданне маё, якое ў сабе такое ёсць <...>» [4, арк. 308]. Цімафей Барадульскі: «Я, жывучы на тым свеце мізэрным, нібы марак на абшырным моры, а гледзячы на сусветныя вольнасці, таксама прыпамінаючы канец жыцця майго і няўхільнае набліжэнне смерці, і жадаючы за волю найвышшага Бога і стваральніка мець, да шчаслівага, бяспечнага і ўдалага порта прыстаць. Тое на свае вочы бачыў неаднойчы, што калі пісьмова не падмацована, не мае каштоўнасці і вечна ў забыццё прыходзіць. Хачу тады, каб пасля сыходу майго з таго свету ніякай непатрэбнай калатнечы паміж пані Таццянай, цяперашняй жонкай маёй мілай, і сваякамі нашага Барадульскіх імені, таксама і першай жонкі маёй мілай, да Бога сышоўшай славетнай пані Ганны Абрамаўны Бальбечанкі, не было» [5, арк. 189]. Таксама ў тэстаментах прысутнічае санкцыя ў выглядзе камінацыі, гэта значыць пагрозы божага суду: «І на страшны суд Божы паклічу, калі б інакш, а не так, як я напісаў рукой маёй уласнай, учынілі» [4, арк. 308]. Усе тэстаменты былі падпісаны ўласнымі рукамі тэстатараў. Пісар рабіў запіс пра прызнанне дакумента на судзе і адзнакі аб выдачы выпісаў з кніг.

Якую ж інфармацыю пра жыццё горада Дзісны мы можам узяць з тэстаментаў?

Па-першае, звесткі па генеалогіі дзісненскіх мяшчан. Таму што ў тэстаментах як правіла ўказваліся ўсе жывыя на той момант бліжэйшыя сваякі. У Цімафея Барадульскага з блізкіх сваякоў былі толькі другая жонка Таццяна і пляменнік Рыгор. У Тодара Грыба былі маці, браты, жонка і малалетнія дзеці. У Яна Шыбайлы былі непаўналетні сын Міхал, зяць, пляменнікі і ўнукі.

Па-другое, інфармацыю пра сяброўскія сувязі і ўзаемаадносіны паміж жыхарамі Дзісны. Так, мы бачым сяброўскія адносіны паміж суседзямі Янам Шыбайлам і Цімафеем Барадульскім: Цімафей пазычыў Яну значныя сумы грошай, а Ян даверыў сябру самае дарагое, што ў яго было, — апеку над адзіным сынам Міхалам. Увагі заслугоўваюць словы, якімі Тодар Грыб адзначыў сваіх сяброў і калегаў па бізнесе Мацея і Канстанта Бухалаў: «Пэўна, такіх людзей пад сонцам ці можна было да гэтага дастаць». Ён жа тройчы патрабуе, каб сям'я не сварылася з імі і ва ўсім слухалася. Таксама бачны дрэнныя адносіны радні тэстатараў да іх жонак, як да Веры Грыбовай, так і да Таццяны Барадульскай: тэстатары адзначаюць магчымыя спрэчкі і сваркі паміж імі і заклінаюць не сварыцца.

Па-трэцяе, тапаграфічныя звесткі пра вуліцы, цэрквы, дамы, агароды, гумны і іншыя аб'екты ў Дзісне. Як адзначыў Максім Гардзееў, згадкі пра нерухомасць з'яўляюцца вельмі важнымі па некалькіх

накірунках: для лакалізацыі аб'ектаў, для разумення гаспадарчых працэсаў, для адлюстравання разнастайных эканамічных працэсаў, як тое гандаль, пазыкі, заклад нерухомасці, купля-продаж і г. д. Што ж да тапаграфічнай інфармацыі, то ў тэстаменце Цімафея Барадульскага ёсць апісанне адной з дзісненскіх вуліц: «Дом у вуліцы Прабойнай, якая ідзе ад былой Уязной брамы праз рынак да старога замку». Згадваюцца і іншыя вуліцы: Зямянская, Мытная, Духоўская, Крываносаўская, Дарашкоўская. Ёсць апісанні месцазнаходжання дамоў, агародаў, пустых пляцаў, гумна, гандлёвых лавак, хоць і не такія падрабязныя, як пры куплі-продажу.

Таксама важнымі з'яўляюцца звесткі пра гаспадарку. Узгадкі такіх аб'ектаў нерухомасці, як крама ці гумно, кажуць пра заняткі мяшчан. Акрамя таго ў тэстаментах згадваюцца коні, каровы, катлы з трубамі, розныя тавары. Як можна меркаваць, усе адзначаныя тэстатары займаліся гандлем, а некаторыя і ліхвярствам. У сваім тэстаменце Цімафей Барадульскі пра амаль кожны са сваіх дамоў адзначае, што ён знаходзіцца ў яго ў закладзе.

Апісанні асабістых рэчаў даюць уяўленне пра матэрыяльную культуру Дзісны ў 40-я гады XVIII ст. У цэлым тэстатары былі заможнымі мяшчанамі, таму тут ёсць апісанне адзення (кунтушы, сукенкі, фартухі, жупаны, гузікі, біжутэрыя), упрыгожанняў (пярсцёнкі залатыя і сярэбраныя, крыжыкі, каралі), кухоннага начыння (алавяныя лыжкі, міскі, талеркі, бронзавы посуд), прылады працы, катлы для варкі піва і інш.

Адметнасцю менавіта тэстаментаў у параўнанні з іншымі крыніцамі з'яўляецца наяўнасць у іх апісання пахавальных абрадаў, згодна якіх тэстатары прасілі іх пахаваць. Так, Ян Шыбайла папрасіў пахаваць «абрадам хрысціянскім пры царкве Васкрасення Божага» [3, арк. 448 адв.]. Цімафей Барадульскі ж пажадаў, каб яго пахавалі ў пабудаванай ім Васкрасенскай царкве «з правага боку пры памёршай першай жонцы Ганне Абрамаўне Бальбечанцы», падчас цырымоніі каб катафалк быў абкружаны шматлікімі свечкамі і лампадамі, каб штотыдзень у Васкрасенскай царкве маліліся за душы Ганны і Цімафея, а раз на год, у гадавіну смерці Цімафея, згадвалі яго ў праваслаўным брацтве. Для гэтага ён ахвяраваў брацтву дзісненскаму (у складзе якога сам быў пры жыцці) пляц на вуліцы Мытнай і пяцьдзясят талераў, таксама згадаў, што да гэтага ахвяраваў ім сто талераў, а яго першая жонка — тысячу злотых на Васкрасенскую царкву. Сам ён пакінуў царкве сто злотых, па аднаму талеру дзісненскаму плябану і францысканам. Такім чынам, бачым, што ўсе тэстатары былі праваслаўнымі, але ахвяравалі сродкі таксама і каталіцкім святарам.

З тэстаментаў можна ўзяць звесткі пра мянтальнасць мяшчан. Як правіла, тэстаменты складаліся перад самай смерцю ўжо сфарміраванымі асобамі, таму ў іх ярка выражаўся жыццёвы вопыт сталага чалавека. Яшчэ адна важная рыса тэстаменту — ён станавіўся вядомым толькі пасля смерці тэстатара, таму той быў вольны пісаць любую праўду. Аднак варта заўважыць, што ніхто з тэстатараў не пісаў нічога дрэннага пра іншых. Наадварот, мы сустракаем шматлікія пацвярджэнні павагі і захаплення навакольнымі людзьмі. Тодар Грыб згадвае «маці-дабрадзейку», піша, што «Мацей і Канстант Бухалы <...> не калегі мае, але найбольшыя дабрадзеі». Таксама Цімафей Барадульскі згадвае «зычлівасць да мяне, а ў старасці і хваробе клопат і шанаванне» сваёй другой жонкі Таццяны. Тодар Грыб згадаў, як на працягу многіх гадоў абкрадаў сваіх сяброў і кампаньёнаў Бухалаў, браў на ўласную патрэбу тавары з агульнай крамы і запісваў у асобны рэестрык. Тое, што ў тэстаменце ён згадвае пра дадзены факт, кажа пра яго як вельмі веруючага чалавека, які павінен перад вечным падарожжам скінуць увесь лішні груз з душы, адкупіць усе грахі. Атон Гедэман пра тэстамент Тодара Грыба, які змяшчаў у некалькіх сваіх кнігах, адзначае, што гэта «дзіўная мешаніна добрага і дрэннага» [6, p. 146—147; 7, p. 9—10].

Адна з рыс мянтальнасці мяшчан павінна быць выдзелена асобна. Гэта патрыятызм, які праяўляецца ў фактах ахвяравання сродкаў на родны горад. Напрыклад, Цімафей Барадульскі пакідае шматлікія свае пляцы (іх колькасць не ўказваецца) «да распараджэння і падатку ратушнага, да выплаты гіберны».

Такім чынам, тэстаменты дзісненскіх мяшчан 40-х гадоў XVIII ст. з'яўляюцца важнымі крыніцамі па даследаванні матэрыяльнай культуры, генеалогіі, тапаграфіі, мянтальнасці, справаводства і іншых аспектаў жыцця горада Дзісны. Увядзенне ў гістарычны зварот такіх дакументаў палепшыць веды пра жыццё нашых продкаў у XVIII ст.

Літаратура і крыніцы

1. Гардзееў, М. Запісы-тэстаменты полацкіх мяшчан часоў вайны 1654—1667 гг. як пісьмовыя гістарычныя крыніцы / М. Гардзееў // Гісторыя Беларусі : новае ў даследаванні і выкладанні : матэрыялы Рэсп. навук. -практ. канф. Мінск, 27 сакавіка 1999 г. : у 2 ч. — Мінск, 1999. — Ч. 2. — С. 39 — 42.

2. Грыб, А. В. Тэстамент гарадзенскага мешчаніна Барталамея Галоўчыца 1639 г. як крыніца па гісторыі беларускага мяшчанства / А. В. Грыб, З. Л. Яцкевіч // Гарадзенскі палімпсест. XII — XX стст. : матэрыялы Міжнар. навук. канф. па гісторыі Гродна, Горадня, 7 лістап. 2008 г. — Горадня — Беласток, 2008. — С. 214 — 220.
3. НГАБ. — Ф. 1757. — Воп. 1. — Спр. 5.
4. НГАБ. — Ф. 1757. — Воп. 1. — Спр. 6.
5. НГАБ. — Ф. 1757. — Воп. 1. — Спр. 13.
6. Hedemann O. Dzisna i Druja : magdeburskie miasta / O. Hedemann. — Wilno, 1934.
7. Hedemann, O. Testamenty brasławsko-dziśnieńskie XVII — XVIII wieku jako źródło historyczne / O. Hedemann. — Wilno, 1935.

Д. В. Скварчэўскі (Мінск)

АСТРАНАМІЧНЫЯ З'ЯВЫ ВА ЎСПРЫМАННІ ЖЫХАРОЎ ВІЦЕБСКА XVIII ст.

Віцебскі летапіс Панцырнага і Аверкі з'яўляецца каштоўнай крыніцай не толькі для вывучэння палітычнай і сацыяльна-эканамічнай гісторыі горада, але і для даследавання побыту, культуры, веры і светапогляду гараджан. На яго старонкі патрапілі найбольш важныя для жыхароў падзеі, звесткі пра якія дазваляюць прасачыць цікавасці віцяблян на працягу некалькіх стагоддзяў. Летапіс Панцырнага і Аверкі, як і іншыя летапісы і хронікі, зафіксаваў шэраг незвычайных і надзвычайных прыродных з'яў, сутнасць якіх заставалася яшчэ невядомай для людзей. Асаблівае месца тут займаюць апісанні астранамічных з'яў. На старонках Віцебскага летапісу захаваліся звесткі пра 8 падзей астранамічнага характару, 5 з якіх апісваюць астранамічныя з'явы, якія назіраліся непасрэдна ў горадзе, прычым усе запісы адносяцца да пачатку XVIII ст. З гэтага вынікае, што аўтары апісвалі толькі тыя падзеі, якія назіралі асабіста. Астатнія апісанні астранамічных з'яў былі запазычаныя з розных крыніц, пра што сведчаць спасылкі ў тэксце паведамленняў. Звесткі

пра астранамічныя з'явы, якія назіраліся ў Віцебску, будуць прадметам далейшага разгляду, з дапамогай якіх мы паспрабуем прасачыць светаўспрыманне і ўяўленні віцяблян XVIII ст.

Астранамічныя з'явы, зафіксаваныя ў Віцебскім летапісе, можна падзяліць на дзве групы: назіранне гало (тры звесткі) і назіранне каметы (дзве звесткі, якія апісваюць адну і тую ж камету).

Гало — аптычны эфект, звычайна ў выглядзе кола святла вакол свяціла, як сонца, гэтак і месяца, аднак могуць утварацца і іншыя формы гало — слупы, дугі, крыжападобныя формы. Адной з формаў гало з'яўляецца паргелій — форма, пры якой на небе назіраюцца адно ці некалькі выяваў Сонца. Выклікана пераламленнем сонечнага святла ў атмасферы Зямлі. Першая згадка гало ў Віцебску адносіцца да сакавіка 1704 г. : «Roku 1704. Marca dnia 26 trzy słońca widziane były rano, ktore po prawey stronie było, to wprzod zgineło, a co po lewey stronie te nie prentko» [3, с. 198] («У год 1704, 26 сакавіка ранкам былі бачны тры сонцы: якое было з правага боку, згінула першым, а што на левым, то няхутка»). У дадзеным выпадку летапіс апісвае паргелій. Вельмі цікавымі з'яўляюцца звесткі аб часе назірання гало — ранак 26 сакавіка. Дата набліжана да хрысціянскага свята Благавешчанне, якое адзначалася 25 сакавіка. Вядома народнае павер'е, згодна якому сонца ў гэты дзень, як і на Вялікдзень, Купалле, Уздзвіжанне, на ўсходзе пачынае «іграць» — пераліваецца рознымі колерамі, разыходзіцца, вакол яго з'яўляюцца колы і г. д. [2, с. 515], што вельмі нагадвае апісанні гало. Вядомы даследчык астранамічных і метэаралагічных з'яў у старажытнарускіх летапісах і міфалогіі Д. В. Свяцкі, прааналізаваўшы народныя паданні пра «ігру» сонца, прыйшоў да высновы, што яны маюць пад сабой рэальны падмурак і бяруць пачатак ад сапраўднага назірання гало ўранку падчас святаў Благавешчанне, Вялікдзень і інш. Ён тлумачыць гэта пераламленнем сонечнага святла ў атмасферы ў сувязі з павышэннем тэмпературы паветра пры ўзыходзе сонца; такое скажэнне становіцца асабліва моцным у сакавіку — красавіку, якраз калі адбываецца святкаванне Благавешчання і Вялікадня [7, с. 71 — 73]. Такім чынам, звесткі Віцебскага летапісу пацвярджаюць народнае павер'е. У студзені 1709 г. у Віцебску назіраліся адразу два гало, 7 і 19 студзеня: «Roku 1709. Miesionca ianuari siodmego dnia widziane były trzy słońca na zachodzie" і "Roku 1709. Miesionca ianuari 19 dnia widziane były dwa słupy na połudzień, a słonce było we srżodku» [3, с. 199, 200] («У год 1709, месяца студзеня сёмага дня былі бачны тры сонцы на захадзе. У год 1709, месяца студзеня 19 дня на поўдні былі бачны два слупы, а сонца было

пасярэдзіне»). Як і ў выпадку з першым паведамленнем, найбольшую цікавасць выклікаюць згадкі датаў назірання з'яў. Зноў мы бачым супадзенне з часам святкавання важных хрысціянскіх святаў: 7 студзеня (Каляды ў праваслаўных і Свята Трох Каралёў у каталікоў) і 19 студзеня (Вадохрышча ў праваслаўных). Улічваючы імавернае ўніяцкае веравызнанне аднаго з аўтараў Віцебскага летапісу Стэфана Гаўрылавіча Аверкі [3, с. 13] і спасылкі на «рускі каляндар» у тэксце крыніцы, можна меркаваць, што згадкі аб астранамічных з'явах могуць звязвацца менавіта са святамі праваслаўнага календара, хаця прамых сведчанняў гэтаму ў летапісу няма. Аднак гэта цалкам верагодна, бо існавала традыцыя ўспрымання астранамічных з'яў у якасці нябесных, боскіх знакаў. Таму не дзіўна, што летапісец фіксаваў менавіта тыя астранамічныя з'явы, якія назіраліся падчас рэлігійных святаў.

20 ліпеня 1704 г. жыхары Віцебска сталі сведкамі незвычайнай падзеі, якая прыцягнула ўвагу і летапісцаў, якія пакінулі адразу два запісы: «Roku 1704. Miesionca iuli w dzień swienta swiontego Eliasza swienta ruskiego iula dwudziestgo była kometa na niebie przy zachodze słońca. Pierwey toczyła sie iako kula, potym stawszy słupem przez godzin dwie»; «Roku 1704. Juli 20. Na swienty Heliasz ruski znak był na niebie, kometa» [3, c. 198, 200] («У год 1704 у месяцы ліпені, у дзень рускага свята святога Іллі, ліпеня дваццатага, з'явілася на небе пры захадзе сонца камета. Спярша рухалася як куля, а потым стаяла слупам гадзіны са дзве», «У год 1704, 20 ліпеня, на святога рускага Іллю знак быў на небе, камета»). Тут мы бачым ужо прамую згадку назірання астранамічнай з'явы на хрысціянскае свята. Летапісныя апісанні каметы сведчаць пра тое, што назіраемы аб'ект каметай не з'яўляўся. Па ўсіх прыкметах, жыхары Віцебску назіралі падзенне вельмі яркага метэарыта (баліда), пасля палёту якога яшчэ назіраўся след з пылу і іянізаваных газаў («stawszy słupem przez godzin dwie»). Гэты ж самы аб'ект, які таксама памылкова палічылі за камету, назіраўся і ў Магілёве: «W tym roku 1704-m. Na święty Heliasz, to iest dnia 20 jula, w czas wieczorny, iak pędziło się bydło, okazała się kometa na niebie, z małey wyniknęła gwiazdy, a potym rozszerzywszy się ku połnocy koniec swoy toczyła, y straszno to było. Na ten czas w wieczor po Cerkwiach y molebny generalne odprawowano. Trwała ta kometa aż do pułnocy. Na ten czas mowiono, iż czasu tego car J[ego] m[os]c Petr Alexiejewicz Rygę szwedzką dostał <...> niewiadomo» [4, c. 260] («У гэтым жа 1704 годзе. На святога Іллю, гэта значыць 20 ліпеня, у вячэрні час, як гналася быдла, паказалася на небе камета, з'явілася з малой зоркі, а потым, павялічыўшыся, вяла свой хвост на поўнач, і страшна гэта было. У гэты

час, увечары, былі адслужаны ў цэрквах усеагульныя малебны. Трывала гэтая камета аж да апоўначы. Тады ж гаварылі, што ў гэты момант яго-масць Пётр Аляксеевіч узяў шведскую Рыгу<...> невядома»). Як бачна, Магілёўская хроніка пакінула вельмі падрабязныя і дакладныя апісанні падзеі, якія таксама сведчаць пра тое, што назіраемы аб'ект з'яўляўся падаючым метэарытам, а не каметай. Магілёўскі храніст, акрамя таго, перадаў і атмасферу ў грамадстве, якую выклікаў палёт метэарыта — людзей апанаваў страх, у цэрквах ішлі службы, якія павінны былі адвесці небяспеку і выратаваць людзей. Падзенне метэарыту у дзень св. Іллі, які заняў месца грымотніка Пяруна, магло атаясамляцца з пакараннем за грахі, а сам вогненны след — са зброяй св. Іллі/Пяруна. Чалавек пачатку XVIII ст. яшчэ моцна трымаўся старых уяўленняў. Важным момантам паведамлення Магілёўскай хронікі пра метэарыт 1704 г. з'яўляецца сувязь з'явы з вайсковай дзейнасцю расійскага цара Пятра І. Як мы ўбачым, гэтая сувязь невыпадковая. Падобнае мы назіраем і ў Чарнігаўскім летапісу: «1704. Змий великий огнистый въ панстве шведскомъ зъ неба спалъ, месяца іюля дня 20, и былъ виденый отъ всехъ такъ въ Полщи, яко и въ Белой Руси, на северу, и Украине, злетелъ головою на землю; а то летелъ по вечерне и долго въночь трвалъ, махъ ошибъ свой до горы, потымъ ввесь зсунулся на землю» [8]. Тут метэарыт узгадваецца пад архаічнай традыцыйнай назвай «змей», якая неаднаразова сустракаецца ў летапісах, як, напрыклад, у Валынскім кароткім летапісу: «<...> внезапу спаде превеликь змии от небеси, и узасошася вси людие, и земля стукну, яко мнозе слышаша» [4, с. 119]. Гэтае пазначэнне захавалася ў беларусаў і ў XIX—XX стст., калі пра падаючы метэор сяляне казалі: «Змей паляцеў» [1, с. 74]. Пэўнае непаразуменне з тэрмінам kometa у гарадскіх хроніках Віцебска і Магілёва звязана, імаверна, з тым, што ў той час прырода камет да канца не была высветлена, з-за чаго ён не набыў свайго канкрэтнага значэння, а таму і ўжываўся ў дачыненні да ўсіх падобных з'яў.

Чарнігаўскі летапіс адзначае, што падзенне метэарыту назіралася амаль ва ўсіх краінах Усходняй Еўропы, а таксама пазначае месца падзення — «у панстве шведскім», што адпавядае ўскосным звесткам Магілёўскай хронікі. Згадка пра сувязь падзення метэарыта з вайсковай дзейнасцю Пятра І знаходзіць шматлікія пацверджанні ў рускіх крыніцах, якія пакінулі ўдзельнікі аблогі Нарвы ў 1704 г. Пра падзенне метэарыту 20 ліпеня 1704 г. у ваколіцах Дэрпта сведчаць барон Гізэн у сваім дзённіку, Я. В. Брус у лісце да Пятра І ад 9 красавіка 1716 г., Пётр І у паходным журнале, Б. П. Шарамецеў у лісце да Ф. А.

Галавіна ад 21 ліпеня 1704 г., І. І. Голікаў у «Деяниях Петра» [5, с. 472–474; 6, с. 61–62] . Усе апісанні вылучаюцца падрабязнасцю і рэалізмам. Цікавыя сведчанні пакінуў барон Гізэн. Паводле яго, падзенне метэарыту выклікала занепакоенасць і нават страх у рускім войску: «На сие слышны были в армии разные мнения и предвещания, и изрекали многие примеры, что таковые метеоры, случившиеся в иных времянах и местех, предвещали некакие чрезвычайные дела» [цыт. па 6, с. 62]. Пра гэта захаваліся звесткі і ў І. Голікава: «Суеверие привело все войско в страх и принудило монарха изъяснить оному причины, что то не чрезъестественное, но часто случающееся явление, никакого влияния на действия человеческие не имеющее» [цыт. па 5, с. 474]. Як бачна, уяўленні пра метэоры як прадвеснікаў благіх здарэнняў заставаліся шырока распаўсюджанымі ў пачатку XVIII ст. Разам з гэтым віцебскія летапісцы даволі стрымана адрэагавалі на гэтую выбітную і незвычайную для ўсёй Усходняй Еўропы астранамічную падзею, абмяжоўваючыся толькі самім апісаннем палёту баліда, што можа ўскосна сведчыць пра разуменне імі прыроды назіраемай з'явы. Як аднесліся да гэтай падзеі простыя віцябляне, застаецца невядомым.

Такім чынам, астранамічныя з'явы 1704 – 1709 гг. віцебскі летапісец назіраў асабіста і апісаў іх даволі падрабязна. Ускосныя дадзеныя сведчаць пра тое, што аўтар летапісу быў знаёмы з еўрапейскімі астранамічнымі дасягненнямі, а таму ў яго запісах адсутнічаюць традыцыйныя для таго часу ўяўленні і забабоны, звязаныя з астранамічнымі з'явамі. Аднак імаверна, што на старонкі летапісу патрапілі толькі тыя падзеі, якія адбываліся ў дзень рэлігійных святаў, нібыта пацвярджаючы боскую сутнасць нябесных з'яў, якія з'яўляліся для людзей цудам.

Літаратура і крыніцы

1. Багдановіч, А. Я. Перажыткі старажытнага светасузірання ў беларусаў : этнаграфічны нарыс. – Рэпрынтнае выд. 1895 г. / А. Я. Багдановіч. – Мінск : Беларусь, 1995. – 186 с.
2. Валодзіна, Т. Уздзвіжанне крыжа гасподня / Т. Валодзіна, У. Васілевіч, С. Санько // Беларуская міфалогія : Энцыклапед. слоўн. – Мінск : Беларусь, 2006. – С. 515 – 516.
3. Полное собрание русских летописей. Т. 32. Хроники : Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи : Баркулабовская, Аверки и Панцырного / Сост., авт. предисл. и ред. т. Н. Н. Улащик. – Москва : Наука, 1975. – 233 с.

4. Полное собрание русских летописей. Т. 35. Летописи Белорусско-литовские / Сост., авт. предисл. и ред. т. Н. Н. Улащик. – Москва : Наука, 1980. – 305 с.
5. Святский, Д. О. Астрономия Древней Руси / Д. О. Святский; авт. предисл., ком. и доп. М. Л. Городецкий. – Москва : НП ИД «Русская панорама», 2007. – 663 с.
6. Святский, Д. Болид 20 (31) июля 1704 года / Д. Святский // Мироведение. – 1930. – Т. 19. – №1. – С. 61 – 62.
7. Святский, Д. О. Под сводом хрустального неба. Очерки по астральной мифологии в области религиозного и народного мировоззрения / Д. Святский. – С. -Петербург, 1913. – 187 с.
8. Черниговская летопись по новому списку (1587–1725) // Ізборник. Історія України IX–XVIII ст. Першоджерела та інтерпретації [Электронны рэсурс]. – 2009. – Рэжым доступу : http://litopys. org. ua/chernlet/chern02. htm # text.

В. А. Кобринец (Пинск)

ДВА «ЧИСТЫХ» РУССКИХ КЛАДА 2000 г. ИЗ г. ОРШИ

Среди нумизматических памятников Беларуси особое место занимают «чистые» русские клады, т. е. состоящие исключительно из образцов продукции денежных дворов Московской державы. В нумизматической литературе уже указывалось, что русские монеты на рынках Великого княжества Литовского в XVI – XVII вв. подвергались фактически полубойкоту, использовались как высокопробное серебро [6, с. 214; 3, с. 76]. Тем не менее, они в какой-то мере участвовали в рыночной жизни, так как в кладах присутствуют в виде небольшой примеси с западноевропейскими, польскими и литовскими монетами. «Чистые» русские клады, будучи сокрытыми, так и не вошли в денежное обращение и могут рассматриваться не как реликты денежного обращения княжества, а как памятники наиболее значительных общественно-политических событий («чрезвычайных» обстоятельств) на территории Великого Княжества Литовского – событий Смутного времени в России 1603 – 1618 гг., ее войн с Речью Посполитой (Смоленская вой-

на 1632 — 1634 гг., 13-летняя война 1654 — 1667 гг.). Сегодня известно 20 таких депозитов, датируемых XVI — XVII вв.

В мае и июле 2000 г. в Оршанский музей поступили два «чистых» русских клада середины XVII в., насчитывавшие 117 и 1126 экз., общим весом в 51,9 и 505,4 г соответственно, приобретенные у местного жителя О. В. Иголкина. Вместе с малым кладом в музей поступил фрагмент посуды для питья (?) XVII в. местного производства [5, приложение: посуда для питья XVII — XVIII вв.], в котором, по словам находчика, находился депозит (рис. 1). Второй клад, со слов находчика, был завернут в ткань, которая рассыпалась при разворачивании. В 2000 г. клад из 117 экз. был разобран и определен старшим научным сотрудником НАН РБ Ш. И. Бектинеевым. Клад был датирован исследователем 1654—1655 г. [1, с. 4]. Клад из 1126 экз. был разобран и определен заведующим Музеем истории и культуры города Орши В. П. Лютынским и страшим научным сотрудником музея Л. А. Котелевой. В 2006 — 2007 гг. оба клада были определены автором.

1. Клад из 117 экз. общим весом в 51,9 г. Россия (царство) — Борис Федорович, копейка, м. дв. Псков (1600) (ПС); Михаил Федорович, копейки, м. дв. Москва (1614) (мос/ква), (1616) (2; мос/ква, мо), (1617) (3; 2 — мос/ква [1 — пробита], 1 — о/М), (1619) (5; 2 — о/М, 1 — мос/ква, 2 — м), (1621) (м), (1624) (3; о/М [1 — развёрнута]), (1625) (8; о/М [2 — с двойным ударом]), (1627) (1; о/М Б-О), (1629) (1; о/М), (1632) (1; о/М), (1633) (2; о/М [1 — пробита]), 1635 (2; о/М), 1637 (1; о/М), 1639 (1; о/М), 1641 (4; о/М), 1642 (4; 3 — о/М [1 — пробита], 1 — к-мос/ква-ч, двойной удар), (1641 или 1642) (1; о/М), (1643) (2; о/М), (1645) (2; о/М), (между 1637 — 1645) (1; о/М), без определения даты (1; о/М, односторонка), м. дв. (?), (1640-е гг.) (2), без определения даты (1); Алексей Михайлович, копейки, м дв. Москва (32; о/М [3 — с двойным ударом]), м. дв. (?), (30; из них 5 с двойным ударом), денга, м. дв. (?), (1; двойной удар, развёрнута); неопределимые копейки XVII в., м. дв. Москва, (после 1645) (2; о/М [1 — односторонка]), м. дв. (?), (после 1640) (1). Определение автора.

2. Клад из 1126 экз. общим весом в 505,4 г. Россия (царство) — Иван IV Васильевич, копейка, м. дв. Новгород (ПС) (1547), денга (дє) (после 1547); Борис Федорович, копейка, м. дв. Псков (ПСРЗ) (1599); Владислав Жигимонтович, копейка, м. дв. Москва (1611); шведская оккупация Новгорода, копейки, м. дв. Новгород (1611 — 1615) (PIN), (1615 — 1617) (НРГI); Михаил Федорович, копейка, м. дв. Москва (1614) (12; мос/ква, [1 — пробита, 1 — развернута]), (1614?) (1; мос/ква(?), пробита), (1615) (1; мос/ква, пробита), (1616) (30; 7 — мо [2 — развернуты], 4 — мо/сква, 4 — мо/сквя, 15 — мос/ква [2 — развернуты, 1 — пробита, развернута]), (1617) (32; 1 — м, 1 — мо/сква, 1 — мо/сквя, 28 — мос/ква [3 — с попыткой свернуть, 1 с двойным ударом и пробита]), (1618) (22; 5 — м [1 — с двойным ударом], 9 — мо, 1 — мо/сквя, 5 — мос/ква, 1 — мос/ква(?), 1 — о/М), (1619) (30; 13 — м [1 — с попыткой свернуть, 1 — развернута, 1 — с двойным ударом], 1 — мо/сква, 1 — мо/сква(?), 1 — мо/сквя [пробита], 4 — мос/ква [1 — развернута], 10 — о/М [1 — с попыткой свернуть]), (1620) (5; 1 — м, 1 — мо/сква, 3 — о/М), (1621) (2, о/М), (1622) (2, о/М), (1614 — 1622) (1, мос/ква, односторонка), (1623) (8, о/М), (1624) (9, о/М [1 — с двойным ударом]), (1625) (37 — о/М [2 — развернуты, 1 — с попыткой пробить, 1 — пробита]), (1626) (1, о/М), (1627) (5, о/М Б-О [1 — развернута]), (1629) (19; 17 — о/М, 2 — о/М Б-О), (1620-е) (1, о/М, двойной удар, развернута, пробита), (1631) (3; 1 — к-м/ос/к-ч, 2 — к-мос/ква-ч), (1632) (10; 7 — к-мос/ква-ч [1 — пробита], 3 — о/М), (1633) (7; 1 — к-м/ос/к-ч, 6 — о/М), (1632 или 1633) (1, о/М, двойной удар), (1634) (1, о/М), (1635) (12, о/М [1 — с двойным ударом, 1 — пробита]), (1636) (6; 4 — к-мос/ква-ч, 2 — о/М), (1637) (6; 2 — к-мос/ква-ч, 4 — о/М [1 — с двойным ударом]), (1639) (18, о/М [2 — с двойным ударом, 1 с попыткой свернуть]), (1630-е) (3, о/М), (1640) (1, к-мос/ква-ч), (1641) (23, о/М [3 — развернуты, 1 — с попыткой свернуть, 1 — с двойным ударом]), (1642) (36; 3 — к -мос/ква-ч, 33 — о/М [2 развернуты,3 — с двойным ударом]), (1639 — 1642) (1, о/М, односторонка), (1641 или 1642) (1, о/М), (1643) (36; 4 — к-мос/ква-ч [1 — с двойным ударом], 33 — о/М [1 — с попыткой свернуть, 3 — с двойным ударом, 1 — развернута, 1 — с двойным ударом и развернута]), (1641 — 1643) (1, к-мос/ква-ч, двойной удар, попытка свернуть), (1641 — 1643) (4, о/М [1 — с двойным ударом]), (1642 или 1643) (3, о/М [двойной удар]), (1644) (14, о/М [1 — с двойным ударом штемпеля]), (1645) (31, о/М [2 — с двойным ударом, 1 — развернута, 1 — с попыткой свернуть]), 1644 или 1645) (1, о/М), (1644 — 1645) (1, о/М), (1645?) (1, о/М), (1640-е) (7, о/М [2 — с двойным ударом]), (после 1624 г.) (2, о/М [1 — с двойным ударом]), (после 1630 г.) (1, о/М), (после 1641 г.) (1, о/М, двойной или тройной удар), с неопределимой датой (9, о/М [1 — односторонка, 1 — с двойным ударом, 1 — развернута]), м. дв. Новгород (5; [1 — с попыткой свернуть, 1 — н/рке, 1 — развернута), м. дв. Псков, (1617) (2, ПС), (1627) (1, ПС), (1617 или 1627) (14, ПС), м. дв. (?) (до 1616), (1), (1619) (1), (1619?) (1), (1610-е) (5 [1 с двойным ударом]), (1618 — 1620) (1, пробита и развернута), (до 1620) (1), (1621) (1, развернута), (до 1622) (1, с двойным ударом), (1623)

(1), (после 1620) (1, недопробита), (после 1622 г.) (1, с двойным ударом штемпеля), (после 1624 г.) (2), (1635) (1), (после 1630 г.) (1), (после 1632 г.) (1), (после 1633 г.) (1), (1630-е) (3 [1 — с двойным ударом]), (1641) (1), (1642) (2 [1 — с двойным ударом]), (1643) (3), (1641 — 1643) (1), (после 1641 г.) (1, односторонка), (1640-е) (3), с неопределимой датой (4 [1 — с двойным ударом на обеих сторонах]); Алексей Михайлович, м. дв. Москва, копейки (267, о/М, из них 1 развернута, 28 с двойным ударом штемпеля), м. дв. Москва (?), копейки (3, о/М (?), из них 1 с двойным ударом штемпеля), м. дв. Новгород, копейка (1657/1658) (1, нов/[грд]), м. дв. (?), копейки (285 [2 — односторонки, 44 — с двойным ударом штемпеля, 1 — с двойным или тройным ударом, 1 — с тройным ударом), м. дв. (?), денги (2); неопределимые копейки XVII в. (41; м. дв. Москва, о/М, (после 1629 г.) (1), (после 1640 г.) (5 [1 — односторонка, 1 — с двойным ударом), (после 1643 г.) (1), (после 1644 г.) (4 [1 — односторонка], (после 1645 г.) (1), (с неопределимой датой) (4), м. дв. (?), (после 1629 г.) (3), (после 1640 г.) (7, [1 — с двойным или тройным ударом, 1 — с тройным ударом], (после 1641 г.) (1, попытка свернуть), (после 1643 г.) (1), (после 1644 г.) (2), с неопределимой датой (11, [1 односторонка]). Определение автора.

Все монеты клада из 117 экз., кроме одной (псковской копейки Бориса Годунова), — копейки Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. В кладе представлены монеты Московского монетного двора, фальшивых монет не обнаружено. В кладе из 1126 экз. представлены монеты Михаила Федоровича и его сына Алексея Михайловича, кроме шести (денга и новгородская копейка Ивана IV Васильевича, псковская копейка Бориса Фёдоровича, московская копейка Владислава Жигимонтовича и две копейки шведской оккупации Новгорода 1611 — 1617). Монеты Михаила Федоровича представлены памятниками продукции трех денежных дворов (Москвы, Пскова и Новгорода). В кладе выявлено большое количество монет Московского денежного двора времени Алексея Михайловича (555 экз.), из них 3 с предположительным прочтением знака монетного двора и 285 с нечитаемым знаком монетного двора. В депозите обнаружена редкая новгородская копейка (1656—1657 г.) Алексея Михайловича (рис. 2) [2, с. 187; 4, с. 20]. Фальшивых монет в кладовом комплексе не выявлено. Визуальный осмотр сосуда, изучение монетных составов обоих кладов и то, что их находчиком был один и тот же человек, позволяют предположить, что это был один депозит, сокрытый недалеко от Ильинской церкви (на ее месте в XVII в. существовала деревянная Ильинская церковь).

Проведенный разбор и определение обоих кладов позволяют пересмотреть некоторые предварительные выводы о кладе из 117 монет, высказанные Ш. И. Бектинеевым [1, с. 4]. В кладе не были выявлены русско-датские копейки, так называемые деннинги. Копейки с латинской буквой «S» в слове «KNSЬ» (т. е. «князь». — В. К.), определенные как деннинги, эти монеты имеют аналоги среди копеек Московского денежного двора. Предположение о случайности присутствия в кладе копейки Бориса Годунова требует корректировки. Известны случаи, и они довольно обычны, когда в кладах этого времени в качестве неконтролируемого остатка присутствуют и более ранние монеты, например в аналогичном кладе из 1126 экз. из гор. Орши. Приписывание клада приказчику или слуге купца, торговавшего с Россией, т. е. отнесение его к торговым депозитам, на мой взгляд, не совсем точно отражают современную ему действительность. Иностранные купцы осуществляли свои торговые операции с Россией, используя в основном талеры, а не копейки. Исследователь считает, что этот клад является памятником внешних экономических связей и не принадлежит денежному хозяйству Речи Посполитой. На мой взгляд, объяснение тому, что клад не принадлежит к внутреннему денежному обращению Беларуси, следует видеть в том, что он является свидетельством «чрезвычайных обстоятельств» (войны России с Речью Посполитой 1654 — 1667 гг.). Ш. И. Бектинеев датирует клад 1654 — 1655 гг., связывая это с началом войны 1654—1667 гг. и денежной реформой царя Алексея Михайловича. На мой взгляд, клад можно датировать более поздним временем. Отзыв из обращения серебряных копеек в начале войны еще не приобрел такого масштаба, чтобы вызывать их утаивание в самой России и на сопредельных с ней территориях Речи Посполитой. «Чистые» русские клады с младшими монетами Алексея Михайловича, на мой взгляд, непосредственно связаны с присутствием на белорусских землях русских войск. После их ухода такие клады неизвестны. Возможно, они отразили места дислокации крупных воинских соединений России на территории Беларуси. Также не исключено, что они могли быть памятниками последнего этапа войны 1654 — 1667 гг., когда русские войска терпели поражение от войск Речи Посполитой.

В связи с присутствием в кладе новгородской копейки Алексея Михайловича время вероятного сокрытия клада может быть довольно сильно ограничено. Он мог быть сокрыт между 1657 г. (младшая монета — новгородская серебряная копейка Алексея Михайловича)

и 1661 г., когда Орша была освобождена войсками Речи Посполитой. Исключительная редкость новгородской копейки Алексея Михайловича, монетный состав обоих кладов (исключительно русские монеты), сумма клада (более 12 рублей), военно-политические события того времени (война России с Речью Посполитой 1654 — 1667 гг.) позволяют предположить, что человеком, сокрывшим клад, мог быть русский «служилый человек» — из конницы или начальный человек. Годовое жалованье пехотинца в это время не превышало 4 — 5 рублей, конник получал не менее 15 рублей. Предположительно, он мог быть участником битвы на р. Басе, притоке Прони (в 40 км от Могилева), в 1661 г. между российским войском и войском Речи Посполитой. Также возможно, что этот клад мог быть частью воинской казны.

Литература и источники

1. Бектинеев, Ш. Оршанский клад / Ш. Бектинеев // Веды. — 2000. — Жнівень. — С. 4.
2. Зверев, С. В. Неизвестные Новгородские денежные дворы середины XVII века / С. В. Зверев // XIV Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений, Санкт-Петербург, Гатчина, 16 — 21 апреля 2007 года. / ГИМ; редкол. : В. В. Зайцев [и др.]. — С. -Петербург, 2007. — С. 186 — 190.
3. Кобринец, В. Копеечные «корали» XVII века (полоцкая находка 1990-х гг.) / В. Кобринец // Банкаўскі веснік : матэрыялы III Міжнароднай нумізматычнай канферэнцыі «Монета — символ государства». — 2008. — № 7. — С. 76 — 79.
4. Кобринец, В. Новгородская копейка Алексея Михайловича из оршанского клада 2000 г. / В. Кобринец // Нумизматика. Медали. Фалеристика. Бонистика. — 2009. — № 2. — С. 19 — 21.
5. Левко, О. Н. Средневековое гончарство северо-восточной Белоруссии / О. Н. Левко; под ред. Г. В. Штыхова. — Мінск : Навука і тэхніка, 1992. — 127 с.
6. Рябцевич Д. В. Полоцкий пожар 1643 г. / Д. В. Рябцевич // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы IV Міжнароднай навуковай канферэнцыі, Полацк, 23—24 кастрычніка 2002 г. / Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік; склад. Т. А. Джумантаева. — Полацк, 2002. — С. 213 — 215.

І. Н. Колабава (Мінск)

АПІСАННЕ ЎЛАСЦІВАСЦЯЎ ФАЛЬШЫВЫХ КРЭДЫТНЫХ БІЛЕТАЎ У СПРАВАХ ФОНДА КАНЦЫЛЯРЫІ ВІЦЕБСКАГА ГРАМАДЗЯНСКАГА ГУБЕРНАТАРА (1840-я — 1850-я гг.)

У 1769 г. асігнацыйнымі банкамі Масквы і Пецярбурга ў абарачэнне выпускаюцца першыя расійскія асігнацыі вартасцю ў 25, 50, 75 и 100 рублёў, а ў 1786 г. адбываецца выпуск асігнацый у 5 і 10 рублёў.

Рост аб'ёмаў папяровых грашовых знакаў прывёў да паступовага зніжэння іх кошту. У 1786 г. ён адпавядаў 98 капейкам срэбрам, а ў 1795 г. — усяго 68,5 капейкам. Пасля дэвальвацыі 1839 г. срэбраны рубель адпавядаў 3,5 асігнацыйным рублям.

Падчас рэформы, праведзенай пад кіраўніцтвам міністра фінансаў Я. Ф. Канкрына (1839—1843), Маніфестам ад 16 чэрвеня 1843 г. «О замене ассигнаций и других денежных представителей кредитными билетами» на працягу 1843—1844 гг. у абарачэнне ўводзяцца дзяржаўныя крэдытныя білеты вартасцю ў 5, 10, 25, 50 и 100 рублей [19, с. 288].

Першапачаткова крэдытны рубель, які быў прыраўнены да срэбранага, абменьваўся на асігнацыі ў адносінах 1:3,5 [1, с. 12]. У далейшым падобныя суадносіны страчваюць сваю стабільнасць.

Паралельна з гэтымі зменамі ў краіне разгортваецца працэс выраблення папяровых фальсіфікатаў, прычым паступова ён набывае даволі значныя маштабы. Падробка крэдытных білетаў, як сведчаць архіўныя дакументы, праводзілася не толькі ўнутры краіны, але і паза яе межамі, напрыклад, у Англіі і Германіі [3, с. 12].

У фондзе № 1430 канцылярыі Віцебскага грамадзянскага губернатара Нацыянальнага гістарычнага архіва Рэспублікі Беларусь захаваўся шэраг спраў з «Описаниями признаков фальшивых кредитных билетов» рознай вартасці, якія пачынаюць паступаць у Віцебск у 1840-я гг. [6 — 17].

Для прыкладу можна прывесці вытрымкі з некаторых спраў, дзе прыводзіцца апісанне падробных купюр рознай вартасці.

— 25. 10. 1844 г. «Экспедиция Депозитной кассы в числе текущего октября представила г-ну министру финансов десять фальши-

вых депозитных билетов 5-рублевого достоинства, объяснив при этом, что билеты сии в одинаковой новой, поныне не бывшей еще в виду подделки; что билеты эти присланы по почте <...> из уездного казначейства Западных губерний <...>», прычым тры з іх аказаліся высланымі з Віцебскага павятовага казначэйства. У дакуменце гаворыцца аб вельмі высокім узроўні выканання падробак, але, тым не менш, на адваротным баку прысутнічалі «ошибки противу правописания» [7, арк. 1 – 1 ад.].

Да гэтай справы прыкладалася афіцыйнае «Описание признаков фальшивых билетов депозитной кассы 5-рублевого достоинства». У ім адзначалася, што пры выпрацоўцы фальшывак выкарыстана папера «машинного отлива, внутренние знаки на некоторых просколблены». Далей вызначаюцца памылкі тэхнічнага характару, напрыклад, «рамки на обеих сторонах билетов <...> сделаны нечисто: линия рамок гранирована два раза <...>». Адзначаны і граматычныя недакладнасці, напрыклад, «<...> в слове "Правилъ", вместо буквы "ъ" поставлено "ь"» і г. д. [6, арк. 4 – 4 ад.].

– 12.09.1848 г. да віцебскага грамадзянскага губернатара з Экспедыцыі дзяржаўных крэдытных білетаў паступае апісанне фальшывых білетаў 50-рублёвай вартасці першага роду падробкі. У дакуменце гаворыцца, што лісты для падробак былі «вырезаны из почтовой бумаги без внутренних знаков... пропись вся составлена из неровных черточек <...>» [7, арк. 1]. Фальшывыя білеты былі выраблены літаграфічным спосабам.

– 8.04.1850 г. з Экспедыцыі дзяржаўных крэдытных білетаў у Віцебск паступае новае «Описание», дзе вызначаны асаблівасці «нового роду фальшивых кредитных билетов 10-рублевого достоинства, подделанные литографическим способом довольно искусно». Для выраблення падробак была выкарыстана «почтовая бумага без внутренних знаков <...> Орел сделан меньше; на крыльях орла все гербы кривы» [8, арк. 1].

– 27.02.1851 г. да віцебскага губернатара паступае «Описание фальшивых 25-рублевых кредитных билетов новой подделки (третьего рода)». У дакуменце адзначана, што для выраблення фальшывак выкарыстана «бумага почтовая, без внутренних знаков <...> орел для темноты несколько замазан, корона над орлом уже <...> в слове "наказаниямъ", вместо буквы "я" сделано "е" <...> Весь билет гравирован на металлических досках и печатан обыкновенным способом» [11, арк. 2].

– 23.03.1851 г. у губернскую канцылярыю паступае апісанне падробных аднарублёвых крэдытных білетаў «новой подделки (второго рода)», якія таксама былі зроблены на паштовай паперы без вадзяных знакаў [12, арк. 1].

– 20.04.1851 г. у сувязі са з'яўленнем у абарачэнні новага (чацвёртага) віду подробак пад 3-рублёвыя крэдытныя білеты ў канцылярыі віцебскага грамадзянскага губернатара зафіксавана адпаведнае апісанне фальсіфікатаў. У ім указваецца, што для падробак выкарыстана «бумага машинная неклеенная, без внутренних знаков <...> орел и гербы на крыльях кривы <...> в слове "фонда" буква "о" пропущена», а таксама прыводзіцца і шэраг іншых недакладнасцяў [13, арк. 1].

Аналіз спраў, у якіх утрымліваюцца афіцыйныя апісанні падробак пад крэдытныя білеты, дае магчымасць зрабіць некаторыя высновы. Агульная колькасць такіх «Описаний» у фондзе канцылярыі віцебскага грамадзянскага губернатара складае 13 адзінак, размешчаных у 12 архіўных справах.

У матэрыялах канцылярыі захаваліся «Описания» фальшывых крэдытных білетаў вартасцю ў 1, 3, 5, 10, 25, 50 рублёў. Адпаведна ў большасці выпадкаў гэта апісанні падробак рознага віду пад 50-рублёвыя білеты (4 выпадкі), далей ідуць фальсіфікаты 3-рублёвых білетаў (3 выпадкі), 5-, 10- і 25-рублёвыя падробкі (па 2 выпадкі), 1-рублёвы фальсіфікат (1 выпадак). У фондзе не зафіксаваны афіцыйныя апісанні падробак пад 100-рублёвыя крэдытныя білеты, хаця ў абарачэнні яны прысутнічалі.

Друкаваліся яны звычайным літаграфічным спосабам, матрыцы, у асноўным, выразаліся на металічных дошках. Здзіўляе, праўда, значная колькасць розных граматычных недакладнасцяў і звычайных памылак. Гэтая неахайнасць можа ў некаторым сэнсе тлумачыцца разуменнем таго, што звычайны карыстальнік папяровых грошай не будзе прыглядацца да правільнасці напісання таго ці іншага слова ці дакладнасці выяў.

Звяртае на сябе ўвагу таксама і тое, што афіцыйныя апісанні фальшывых крэдытных білетаў, што захаваліся у фондзе губернскай канцылярыі, храналагічна сканцэнтраваны ў 1840 – 1850-х гг. Магчыма, гэта тлумачыцца актывізацыяй барацьбы з падробкай папяровых грашовых знакаў з боку ўрада ў гэты перыяд, а таксама тым, што больш познія апісанні па нейкім прычынам часткова не захаваліся.

Літаратура і крыніцы
1. Васюков, А. И. Бумажные денежные знаки России и СССР / А. И. Васюков, В. В. Горшков, В. И. Колесников, М. М. Чистяков. — С.-Петербург : Политехника, 1994. — 215 с.
2. Грималаускайте, Д. О некоторых признаках фальсифицированных кредитных билетов Российсколй империи 1843—1854 гг. / Д. Грималаускайте // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. — Москва, 2009. — С. 192 — 194.
3. Колобова, И. Зарубежные центры по подделке российских кредитных билетов (вторая половина XIX в.) / И. Колобова // Pieniądz —kapital — praca — wspólne dziedzictwo Europy —Białorus Litwa Łotwa Polska Rosja — Słowacia, Ukraina. Materialy z VIII Miedzynarodowej Konferencji Numizmatyczne. — Warszawa, 2008. — S. 193—197.
4. Колобова, И. Н. Фальшивые российские кредитные билеты на территории Витебской губернии во второй половине XIX в. / И. Колобова //Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. — Москва, 2009. — С. 195 — 196.
5. Колобова, И. Н. Фальшивые российские монеты и ассигнации в Витебской губернии первой половины XIX в. / И. Колобова // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. — С.-Петербург, 2007. — С. 205 — 206.
6. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь (НГАРБ). — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 13247. Дело о фальшивых депозитных билетах, появившихся в обращении (1847—1848).
7. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 16964. Дело по отношению Министерства финансов с описанием признаков подложности кредитных билетов (1848).
8. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 20292. Дело о высылке 50 экз. перечня признаков фальшивых 10-рублевых кредитных билетов (1850).
9. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 20295. Дело о высылке перечня признаков фальшивых 50-рублевых кредитных билетов (1850).
10. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 20299. Дело о появлении 50-рублевых кредитных билетов новой подделки (1850).

11. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 21904. Дело по отношению Экспедиции государственных кредитных билетов о наблюдении за появлением в обращении фальшивых печатных 25-рублевых кредитных билетов (1851).
12. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 21908. Дело по отношению Экспедиции государственных кредитных билетов о наблюдении за появлением в обращении фальшивых печатных однорублевых кредитных билетов (1851).
13. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 21910. Дело по отношению Экспедиции государственных кредитных билетов о наблюдении за появлением в обращении фальшивых 3-рублевых кредитных билетов (1851).
14. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 21917. Дело по отношению Экспедиции государственных кредитных билетов о появлении в обращении фальшивых печатных 10-рублевых кредитных билетов (1851).
15. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 21920. Дело по отношению Экспедиции государственных кредитных билетов о появлении в обращении фальшивых печатных 25-рублевых кредитных билетов (1851—1852).
16. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 25513. Дело о появлении в обращении фальшивых печатных кредитных билетов новой подделки (десятого рода) (1853—1854).
17. НГАРБ. — Фонд 1430. — Воп. 1. — Спр. 27305. Бумаги и сведения, не требующие дальнейшего рассмотрения (1854—1856).
18. Орлов, А. П. Бумажные денежные знаки в Беларуси / А. П. Орлов. — Минск : Минская фабрика цветной печати, 2008. — 696 с.
19. Рябцевич, В. Н. Нумизматика Беларуси / В. Н. Рябцевич. — Минск : Полымя, 1995. — 687 с.

Г. К. Веревочникова (Даугавпилс)

ПАМЯТНИК ВОЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ XIX в. — ДАУГАВПИЛССКАЯ (ДИНАБУРГСКАЯ) КРЕПОСТЬ. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Даугавпилс — город трех крепостей. В его истории трижды — в связи с развитием военного дела — возводились крепостные сооружения. В 1275 году крестоносцами был построен Динабургский замок, в 1577 году войсками Ивана Грозного была заложена крепость, достроенная затем польским королем Стефаном Баторием, а в XIX веке по указу российского императора Александра I была сооружена фортовая крепость Динабург.

До наших дней сохранилась лишь крепость XIX века, которая по праву считается главной достопримечательностью города и является уникальным объектом культурно-исторического наследия.

Даугавпилсская (Динабургская) крепость, являющаяся единственным сохранившимся без значительных изменений в Восточной Европе памятником фортификационного искусства, имеет богатую историю.

В начале XIX века над Россией нависла угроза нападения наполеоновских войск. Готовясь к войне с Францией, Россия предприняла ряд действий для усиления западной границы. В 1810 — 1812 годах, кроме существовавших тогда крепостей в Риге и Киеве, было решено построить между этими двумя пунктами новые крепости — Бобруйск и Динабург.

В марте 1810 года военный министр Барклай де Толли представил царю Александру I записку «О защите западных пределов России», в которой подчеркнул необходимость строительства оборонительной линии на Западной Двине. «У Динабурга <...> избрав хорошее месторасположение, должно построить крепость, которая охраняла бы сообщение с армией <...> Динабург кажется удобнее для сего назначения потому, что там находятся остатки укреплений, могущих весьма облегчить и ускорить работу». Таким образом, Динабург был избран местом сооружения новой крепости, которая должна была защищать дорогу на Петербург [10, с. 1 — 3].

Вскоре план строительства Динабургской крепости, разработанный инженером полковником Е. Гекелем при содействии инженера генерал-майора К. Оппермана, был утвержден императором Александром I.

Согласно новому направлению в военном строительстве Динабургская крепость строилась как фортовая крепость, т. е. имеющая впереди крепостной ограды отдельные вынесенные вперед укрепления — форты. Пояс фортов был удален от главного вала на 2 — 4 километра.

Проект ансамбля крепости предполагал сооружение предмостного укрепления на левом берегу Даугавы и собственно крепости, состоящей из системы оборонительных сооружений и зданий, — на правом. Строительные работы, оцениваемые по смете в 546 643 рубля 90 копеек, планировалось закончить за три года. Гарнизон крепости в мирное время должен был состоять из 4500 человек и 7000 — в военное время [9, с. 19].

Строительство Динабургской крепости, начавшееся в мае 1810 года, по своему размаху было весьма значительным. В 1810 году на строительных работах было занято 10 тысяч, а в следующем — 15 тысяч солдат и более 2 тысяч мастеровых людей из Витебской губернии.

В ноябре 1810 года полковник Е. Гекель за успешное проведение работ был награжден орденом святой Анны 2-го класса с алмазом.

Несмотря на то, что предмостное укрепление было чисто земляным, а в основной части крепости только в некоторых местах был насыпан главный вал, 14 июля 1811 года Динабургская крепость была объявлена крепостью первого класса [9, с. 22, 24, 28].

Надвигавшаяся военная угроза заставила ускорить ее сооружение.

К весне 1812 года на левом берегу реки были сооружены мостовые укрепления полевого профиля, состоявшие из двух бастионов и двух полубастионов, на которых в боевой готовности было установлено 16 орудий.

В ночь на 12(24) июня 1812 года наполеоновская армия вторглась на территорию России.

Несмотря на незавершенность строительства укреплений военный совет принял решение без боя крепость не сдавать, тем более, что со стороны возможной осады она выглядела более внушительно, чем была в действительности. Строительство было приостановлено, бастионы готовились к бою.

1 июля 1812 года войска Второго армейского корпуса маршала Удино подошли к Динабургской крепости, гарнизон которой на-

считывал немногим более 2500 человек и 80 пушек. Три дня французские войска 2-й пехотной дивизии генерала Леграна, более чем в 3 раза превышавшие количество защитников крепости, атаковали предмостное укрепление, но овладеть им не смогли. 4 июля 1812 года войска маршала Удино отступили от крепости вверх по Даугаве, к Дриссе [2, с. 324 — 325].

Весть о героической обороне Динабурга быстро разнеслась по русской армии и дошла до Александра I. Это был один из первых случаев в войне 1812 года, когда непобедимые французские войска не смогли сломить сопротивление небольшого отважного гарнизона. «Храбрый гарнизон, — так характеризовал Барклай де Толли подвиг гарнизона крепости, — я никогда не полагал, чтобы динабургское мостовое прикрытие можно было защищать против превосходных сил неприятельских долгое время» [16, с. 49].

Однако командование русской армии не собиралось защищать Динабург, так как знало о слабости еще недостроенных укреплений. Военный совет принял решение: «Все казенные имущества, в пользу неприятеля послужить могущие, вывезти из Динабурга в безопасные места, а чего по скорости или недостатку крестьянских лошадей невозможно будет, то горючие вещества сжечь, а железные зарыть в ямы». И 15 июля 1812 года русские войска оставили город [7, с. 173].

Для овладения Динабургской крепостью со стороны Риги в это время двинулись войска маршала Макдональда.

20 июля французский отряд под командованием генерала Рикардо вступил в Динабург. Здесь был оставлен небольшой французский гарнизон, за время своего пятимесячного хозяйствования разграбивший город и довершивший разрушение оборонительных сооружений [13, с. 34].

В конце 1812 года французская армия, мечтавшая о легкой победе над Россией, отступила к западным границам, а в декабре оставила и Динабург.

Военные события 1812 года показали, что Динабургская крепость расположена в удачном месте, имеет важное стратегическое значение и может служить базой сосредоточения больших сил и активных боевых действий против наступающего врага.

Сразу после войны, в 1813 году, в Динабургской крепости были продолжены строительные работы. Ими руководил, как и прежде, Е. Гекель, но уже в звании генерал-майора. Более 2 тысяч военнопленных французской армии было занято на восстановительных работах.

К 1818 году работы в мостовом укреплении были завершены, а в цитадели закончен главный вал, который являлся наиболее значительным сооружением крепости.

Внутри вала, ширина которого составляла 8,5 метра, находились казематированные помещения, туннельные переходы и ходы сообщения с бастионами и отдельными фортами. К внешней стороне вала было пристроено 8 казематированных бастионов. На бастионах и главном валу имелись ячейки для расположения пушек. Оборонительные сооружения цитадели были окружены рвами, которые заполнялись водой, делая крепость неприступной.

Местность внутри крепости была разделена на 20 кварталов, предназначенных для застройки, причем на ее территории можно было возводить только каменные здания. В это же время крепость была вооружена артиллерией: было установлено 160 чугунных пушек, 6 мортир и 15 единорогов [8, с. 35].

С 17 августа 1819 года строителем крепости был назначен начальник Рижской инженерной команды инженер-полковник Клименко, сменивший получившего новое назначение генерал-майора Гекеля.

Новый строитель крепости в своей работе придерживался разработанных ранее планов, но в то же время считал необходимым внести изменения в ход строительных работ: построить новые оборонительные укрепления, усилить главный вал крепости мощной гранитной облицовкой — эскарпом.

Главная часть крепости представляла собой вал с 8 бастионами. Перед ним возводился пояс из равелинов и редутов — строений и земляных укреплений с валами и рвами.

При сооружении крепостных сооружений было использовано немало смелых инженерных решений и строительных новшеств. Так, чтобы избежать смыва почвы с валов крепости из-за частых дождей на глубине 1,5 — 2 метров были проложены листы дорогостоящего цинка, обеспечивавшие отвод воды через специальные каменные стоки, вмонтированные в стены на их внешней поверхности.

Осмотревший крепость в августе 1825 года генерал-лейтенант К. Опперман в своем докладе сообщал, что «кладка каменных стен и сводов настолько хороша, что лучшего и требовать нельзя» и что «способы построек эскарпов усовершенствовались до того, что дальнейшего усовершенствования и не требуется». Столь же высокую оценку заслужили строители крепости и от великого князя Николая Павловича.

Одновременно со строительством эскарповых стен было начато строительство четырех монументальных крепостных ворот, получивших наименование Александровских, Константиновских, Николаевских и Михайловских. Перед каждыми воротами были выстроены еще по двое барьерных (внутренних) ворот и по три разборных деревянных моста. Вход украшали императорские орлы, чугунные алебарды (боевые обоюдоострые топоры), на специальных подставках крепились декоративные пушечные ядра с фитилями.

В конце 1827 года из крепостных оборонительных сооружений были построены главный вал от 1-го куртин-люнета до 7-го бастиона, 5 куртин-люнетов, гласис, насыпанный вокруг всей крепости на полную высоту и половину ширины, один равелин без каменного эскарпа и 2 редюита.

Внутренняя застройка крепости, поделенная на 20 кварталов и 10 улиц, велась по проекту архитектора А. Штауберта. Все здания каменные, двух- и трехэтажные, были спроектированы в стиле русского ампира. Из-за заболоченности местности, на которой размещалась крепость, фундаменты зданий укреплялись дубовыми сваями. Потолки домов и укреплений строились сводчатые, массивные, повышенной прочности, рассчитанные на защиту от снарядов большого калибра. Толщина стен достигала 2,5 метра, что позволяло в десятки раз увеличить надежность сооружений. В это время здесь строились артиллерийский и инженерный арсеналы, казармы, конюшни, тюрьма, а также жилые офицерские дома и офицерский клуб.

Офицерское гарнизонное собрание, где собирались не только военные, но и их родственники и знакомые, было тем местом, где создавались и демонстрировались любительские спектакли, концерты, читались лекции, устраивались вечера.

В центре крепости находились парадная площадь, комендантский дом с царскими покоями, а за ним был разбит парк [9, с. 40 — 51].

Жемчужиной крепости был собор, построенный иезуитами (1746—1761) в строгом римско-католическом стиле и являвшийся лучшим воплощением барокко в архитектуре Латгалии. С фронтона костел был украшен двумя высокими 60-метровыми четырехугольными башнями, в одной из которых помещались часы, а в другой — колокольня с тремя колоколами, украшенными латинскими надписями.

В 1811 году костел, здание коллегиума, из которого шел подземный ход на противоположный берег реки, и принадлежавшие иезуитам земли были выкуплены Инженерным ведомством России за 300 тысяч рублей.

В 1828 году решением святого синода католическая церковь была преобразована в гарнизонный православный собор, что вызвало изменения как в его внешнем, так и внутреннем оформлении.

Внутри крепостной собор поражал своей колоссальной высотой, обилием света и изяществом отделки. Инициатива внутренней реставрации всецело принадлежала императору Николаю I, который из своих собственных средств пожертвовал на это 10 тысяч рублей. Иконостас собора был выполнен известным художником А. Перминовым и представлял большую ценность. Однако придать вид византийского храма, соответствующий православию, не удалось. Военный крепостной собор по внешнему своему виду остался римско-католическим [14, с. 146 — 147].

Строительство Динабургской крепости обусловило и появление новых жилых районов рядом с ней. 4 февраля 1826 года был утвержден план застройки форштадтов крепости, и многие жители должны были перенести свои дома на вновь выделенные участки. Это положило начало Новому (или Большому) Форштадту, ныне центру города.

Начало нового строительного сезона в 1829 году было сорвано стихийным бедствием — наводнением. В апреле вода поднялась более чем на 8 метров. Нижние этажи в крепости оказались под водой, гласис и крутости насыпей оказались сильно поврежденными, мосты снесены. Был затоплен и Большой Форштадт. Убытки, причиненные казне этим наводнением, были огромны.

Это заставило заняться серьезной разработкой мер защиты крепости от весенних паводков.

18 ноября 1830 года в Инженерный департамент поступил проект из Главного управления путей сообщений, составленный молодым военным специалистом капитаном Корпуса путей сообщений Павлом Петровичем Мельниковым. Главной идеей этого проекта было сооружение земляной плотины (дамбы) на правом берегу Двины (Даугавы).

Генерал-майор Клименко одобрил проект и считал, что для его осуществления даже не нужно будет вносить изменения в оборонительную систему Динабургской крепости. Однако осуществление проекта было отложено в связи с политическими событиями в России — восстанием польской шляхты 1830 года.

В 1833 году завершилось строительство главной части крепости с 4-я бастионами и фортификационными сооружениями, защищающими ее от артиллерийского и оружейного огня.

21 мая 1833 года состоялась официальная церемония освящения и открытия крепости, на которую прибыли царь Николай I и высшее духовенство России. После торжественного молебна в крепостном соборе император совершил крестный ход по главному валу.

Несмотря на то, что официальное открытие крепости состоялось, многие внешние укрепления еще не были достроены. Только в 1833 году приступили к осуществлению проекта капитана Мельникова по защите Динабурга от наводнений. Сооружение дамбы протяженностью около 7 километров было завершено лишь в 1841 году, так как строительство было затруднено наводнениями, особенно в 1837 году, когда снова был затоплен весь город. Высота дамбы, ставшей достопримечательностью города, составляла от 420 до 640 сантиметров. На ее верхнем участке было устроено шоссе, включенное в Петербурго-Ковенский тракт. Вдоль дамбы начали строить дома, образовавшие Шоссейную улицу (ныне 18 Новембра), — парадный въезд в город. Долгое время дамба называлась Николаевской, т. к. была сооружена по указу Николая I.

Вплоть до наших дней главным достоинством дамбы является ее безупречная защита города от наводнений. Расчеты капитана Мельникова были столь точны, что более чем за полтора века она ни разу не подвела, всегда надежно охраняя центральную часть города. Самый суровый экзамен на прочность дамба выдержала 10 апреля 1922 года во время крупнейшего наводнения в истории Даугавпилса, когда уровень воды поднялся на 10 метров 62 сантиметра [8, с. 38 — 39].

Строительство крепости и новой шоссейной дороги Петербург — Варшава, которая прошла через Динабург, придало городу большую значимость и авторитет, а также сказалось на росте численности населения: если в 1825 году здесь проживало 2885 человек, то к 1840 году — уже 11 361. Увеличение числа жителей, оживление торговли, появление заводов привело к расширению границ города и активному строительству. В 1839 году царем был утвержден план застройки Большого, Малого и Старого форштадтов, а также детальный план гостиного двора. Жилые дома стали строить по утвержденным планам и с фасадами определенного вида.

В 1843 году Инженерный департамент удовлетворил ходатайство динабургского коменданта о замощении улиц в крепости и устройстве подземных водосточных труб, т. к. топкий болотистый грунт не давал возможности содержать улицы и площади в надлежащем порядке. Дополнения в проект были внесены самим императором, который пожелал, чтобы все улицы, а также дворы офицерских домов были замощены булыжником. Для придания улицам крепости более привлекательного вида началось их озеленение различными деревьями и кустарниками.

Строительство крепости затянулось на многие десятилетия. Царское правительство постоянно держало под контролем производимые в ней работы. Об этом свидетельствует тот факт, что в течение 5 лет (1846 — 1851) император сам инспектировал Динабургскую крепость 13 раз. Однако работам не было видно конца. 31 мая 1851 года Николай I отметил «опрятное содержание крепости и хорошее качество работ», но высказал пожелание по возможности ускорить их ход и добавил: «Динабургская крепость строится при мне уже 31 год. Я желал бы, чтобы она была окончена при моей жизни. Но вряд ли я доживу до этого». Царь оказался прав. Работы продолжались еще 27 лет [9, с. 78].

Во второй половине XIX века Динабург формировался как крупный железнодорожный, промышленный и торговый центр Северо-Западной России. Экономическое развитие сказалось на внешнем облике города. Динабург расширился и преобразился. Из тихого захолустья, окружавшего единственный цивилизованный островок — крепость, он превратился в оживленный железнодорожный узел, еще более повысивший стратегическое значение крепости.

Значительно оживилась и культурная жизнь города, особенно после открытия в 1856 году частного драматического театра, создателем которого был полковник Н. Гагельстром, командир инженерного арсенала Динабургской крепости.

Известный историк А. Сементовский в 1864 году писал: «В настоящее время Динабург не только занимает первое место между уездными городами своей губернии, но даже нисколько не уступает по красоте зданий и торговле Витебску. Не говоря уже о крепости, где все дома каменные в два и три этажа, так называемый Форштадт украшен многими прекрасными зданиями, в особенности по дамбе. Общественная жизнь в Динабурге более развита, чем во всех других городах этой губернии; это доказывается тем, что в Динабурге имеется частный театр, тогда как в Витебске нет и городского» [11, с. 138].

В Динабургской крепости продолжалось строительство фортов и редутов, а также работы по созданию дорог на крепостной эсплараде.

В 1870 году русское правительство перенесло главную линию обороны дальше на запад. Динабургская крепость была переведена в крепость второй линии обороны, а затем в крепость 2-го класса.

К 1878 году крепость была полностью построена и стала одной из крупнейших крепостей на западной границе России.

В фортификационном отношении Динабургская крепость считалась одной из самых неприступных, отличалась глубиной замысла, оригинальностью решений и многими другими инженерными достоинствами. При ее строительстве использовались достижения русского военного искусства XIX столетия. В частности, была применена система ближних и дальних фортов. Впервые в мире подобная фортовая крепость была построена Петром I в 1710 году и названа Кронштадтом.

В возведении фортов, капониров, бастионов, мостов, главного вала Динабургской крепости принимали участие известные русские военные инженеры Батурин, Снитко, Ставицкий, Брайн и многие другие. Их имена высечены на плитах, вмонтированных в стены укреплений.

Со стороны реки крепость защищалась водной преградой, форсирование которой было невозможно из-за наличия мощного предмостного укрепления.

Предмостное укрепление состояло из двух полубастионов, примыкавших к берегу Даугавы, и двух бастионов, выходивших в поле. Взятию предмостного укрепления препятствовали сплошные болота, чистое простреливаемое предполье и рвы, заполняемые водой, которая в любое время года вытекала из болот.

С западной стороны главная часть крепости защищалась тремя мощными бастионами, связанными между собой и крепостью системой валов и рвов.

С северной стороны крепость ограждалась водной преградой озера и двумя внушительными фортами. Кроме того, со стороны города был построен мощный вал, который тянулся от форта у истока реки Шуницы до самой крепости.

Система защиты со стороны города была продумана весьма остроумно. В озере всегда поддерживался повышенный уровень воды, благодаря шлюзу у истока реки Шуницы, прикрываемому фортом. В случае нападения противника затвор этого шлюза поднимался, а затвор шлюза, находящегося на дамбе, опускался, и тогда вытекающая из озера вода заполняла все пространство между крепостью и городом.

Форты у истока реки Шуницы прикрывали шлюзы от противника, а крепость — от прорыва войск на дамбе. Такова была система обороны первой линии.

Компоновка и расположение рвов, валов и огневых сооружений второй линии обороны и их огневая связь были еще более совершенны и делали крепость неприступной.

Весь вид приземистой 6—8-метровой крепости, зарытой в грунт, пересеченной валами, фортами и дополнительными укреплениями, внушал противнику невольный страх. Непривычная конфигурация укреплений, отсутствие традиционно видимых амбразур и бойниц со стороны предполья создавали неуверенность в выборе путей нападения.

Начиная с 1876 года при Динабургской крепости происходило сосредоточение различного рода военных запасов. Здесь были сосредоточены обширные склады артиллерийского, инженерного, интендантского и военно-санитарного ведомств.

Кроме того, на территории крепости разместились войсковые мастерские по изготовлению пороха, гранат, снарядов, а также по пошиву офицерского и солдатского обмундирования.

Большое внимание командование и инженеры крепости уделяли благоустройству внутренней территории укреплений. Так, в 1865 году был проложен водопровод, в 1881 году учреждена правительственная телеграфная станция (телеграфная линия была проложена из Санкт-Петербурга в Динабургскую крепость), в 1892 году введено электрическое освещение. Все эти новшества намного опережали по времени внедрения другие крепости и города России [9, с. 57—58].

14 января 1893 года по указу Александра III город Динабург был переименован в Двинск. В связи с этим и крепость стала называться Двинской. С развитием военного дела она утратила свое стратегическое значение и 12 апреля 1897 года была переименована в крепость-склад, став своеобразным арсеналом для хранения орудий Обуховского завода, а также военного снаряжения и продовольствия. На ее валах орудия оставались только в качестве реликвий.

В 1912 году в связи со 100-летием победы над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года перед комендантским домом на средства, собранные солдатами и офицерами Двинского гарнизона, был разбит парк, в центре которого установлен памятник-фонтан из трех 12-фунтовых чугунных пушек, состоявших ранее на вооружении крепости.

С Динабургской крепостью связаны имена многих выдающихся персонажей европейской истории: российских императоров Александра I, Николая I, Александра II, Александра III и Николая II, императриц, великих князей, принцев и принцесс. Кажется, совсем недавно они поднимались по лестнице путевого дворца, устроенного в здании комендантского управления.

Крепость была не только оборонительным укреплением, но и местом содержания политических заключенных, для которых был создан острог, а также одиночные камеры для особо опасных «государственных преступников».

После подавления восстания декабристов (1825) в Динабург были сосланы несколько его участников, среди них — поэт В. К. Кюхельбекер (1797—1846), друг А. С. Пушкина. Он отбывал здесь наказание почти четыре года (1827—1831) и, несмотря на суровый тюремный режим, продолжал заниматься литературным творчеством. Ему удалось нелегально поддерживать переписку со своими друзьями через поэта А. Шишкова, ранее связанного с декабристами и служившего в то время в крепостном гарнизоне.

В память о пребывании В. К. Кюхельбекера в Динабурге одна из улиц крепости по сей день носит его имя, а на здании бывшего комендантского управления установлена мемориальная доска [3].

В 1912—1913 годах в крепости находился знаменитый политический узник Н. А. Морозов (1854—1946), сделавший крупнейшие открытия в области естествознания, химии, физики, математики, астрономии, а также внесший большой вклад в изучение Библии. Одновременно с ним свое заключение в Двинске отбывали экономист, статистик, писатель, публицист, общественный деятель А. Пешехонов и историк, публицист, политический деятель В. Мякотин.

Быстрое развитие Динабурга, строительство крепости и увеличение военного гарнизона, рост промышленного производства и торговли привели к резкому увеличению городского населения. Если в 1860 году оно составляло около 13 тысяч, в 1897 году — более 76 тысяч, то в 1913 году — более 113 тысяч человек (больше, чем в Минске или сегодняшнем Даугавпилсе).

С самого начала Первой мировой войны Двинск стал прифронтовым городом. Уже 14 июля 1914 года Двинская крепость-склад была объявлена на военном положении, приведена в полный порядок и хорошо вооружена: из амбразур свои стволы выставили дальнобойные пушки, наблюдавшие за Калкунской долиной по ту сторону Даугавы. Через 4 дня после объявления Германией войны России был образован Двинский военный округ, управление которым осуществлялось из крепости.

Работа всех промышленных предприятий города была подчинена военному времени. В Двинске изготавливались детали для пушек и пулеметов, в крепости была развернута артиллерийская лаборатория, интендантская мастерская, а также другие мастерские по изготовлению одежды и обуви.

В крепости находился военный госпиталь, одно из крупнейших лечебных заведений данного профиля в России. Уже в августе город стал принимать на лечение раненых. 2 ноября 1914 года Двинский госпиталь посетили император Николай II с императрицей Александрой Федоровной и великими княжнами Ольгой и Татьяной. Здесь многим раненым император лично вручил знаки воинского отличия. Среди них был и Янис Чакстенс — первый латыш, награжденный Золотым крестом святого Георгия 1-й степени. Императрица с дочерьми надела на раненых образки.

Несмотря на активные наступательные действия германских войск, стремившихся захватить Двинск — важный стратегический пункт, самоотверженные и хорошо организованные действия русских войск заставили немцев отказаться от попыток взять город и русские удерживали его более двух лет.

Военные события свидетельствовали о том, что Двинская крепость сыграла роль сильного опорного пункта русской армии на западной границе.

Лишь 18 февраля 1918 года немецкие войска заняли Двинск и вошли в крепость, которая стала использоваться для нужд германской армии [6].

Немецкая оккупация Двинска закончилась 19 декабря 1918 года с приходом частей Красной Армии, которые находились в городе в течение 13 месяцев.

В августе 1919 года польско-литовские войска и части латвийской армии двинулись на штурм Двинска, непрерывно обстреливая из тяжелых орудий предмостное укрепление, крепость и город. 3 января 1920 года Двинск был освобожден и получил свое нынешнее название — Даугавпилс.

Всего за пять лет — с 1915 по 1920 год — в Двинской крепости сменилось пять гарнизонов: царский, германский, большевистский, польский, латвийский. Военное лихолетье далеко не лучшим образом отразилось на некогда первоклассной цитадели.

11 августа 1920 года между Латвийской Республикой и Советской Россией был заключен мирный договор. Части Земгальской дивизии Латвийской армии были направлены на охрану южных границ государства и в апреле 1921 года возвратились в Даугавпилс на место постоянной дислокации. Три пехотных полка дивизии — 10-й Айзпутский, 11-й Добельский, 12-й Бауский — и один полк легкой артиллерии были размещены в Даугавпилсской крепости. Единственный в Латвии кавалерийский полк находился на территории бывших интендантских складов российской армии (ул. Андрея Пумпура).

Летом 1940 года после инкорпорации Латвии в состав СССР в Даугавпилсской крепости разместились части Красной Армии.

В годы Второй мировой войны в крепостных сооружениях германские оккупационные власти оборудовали еврейское гетто и лагерь для военнопленных «Шталаг-340».

Первоначально лагерь располагался в пороховых складах крепости, а затем был переведен в овощные склады и конюшни за валами ее северной стороны. На воротах лагеря висел плакат с изображением палки и надписью «Вот твой господин!». Со 2 сентября по 15 октября 1942 года узником концлагеря «Шталаг-340» был известный татарский поэт, писатель и журналист Муса Джалиль (1906—1944). Его стихи, написанные в лагере, звучали гимном жизни и свободе. В 1975 году на стене барьерных ворот Даугавпилсской крепости была открыта мемориальная доска, посвященная Мусе Джалилю, с цитатой из его стихотворения [1, с. 77].

На каменной стене предмостных укреплений Даугавпилсской крепости была помещена надпись «Гетто для евреев». Сюда были согнаны тысячи и тысячи евреев из Краславы, Вышек, Дагды и других местечек Латгалии, а также беженцы из Литвы, прибывшие в город в первые дни войны. Почти все они погибли или были расстреляны.

Перед бегством из Даугавпилса фашисты согнали в подвалы крепостного собора оставшихся в живых узников лагеря и взорвали собор, уничтожив многих людей и выдающийся памятник архитектуры.

В 1975 году на месте концлагеря, за крепостью, был открыт памятный камень.

В 1991 году на месте рва с расстрелянными евреями был открыт мемориал памяти жертв холокоста и Даугавпилсского гетто [5, с. 287].

После окончания войны в крепости разместились воинские части Советской Армии — 308-й Латышской стрелковой дивизии, а также городские учреждения и всевозможные мастерские.

С 1948 года крепость принадлежала Министерству обороны СССР. Все находившиеся здесь учреждения были переведены в город. В крепости располагалось Даугавпилсское высшее военное авиационно-инженерное училище (первоначально — авиационно-техническое училище) [4, с. 4 — 5].

В 1968 году Даугавпилсская крепость была утверждена памятником архитектуры, а в 1983 году — памятником градостроительства республиканского значения.

С разрешения Министерства обороны в обход Министерства культуры были снесены многие исторические здания несмотря на то, что ансамбль крепости был историческим и архитектурным памятником.

В предмостных укреплениях расположились военные мастерские и склады. В 1961 году было принято решение о размещении здесь исправительно-трудового учреждения, для чего все имеющиеся здания и сооружения были переоборудованы для содержания осужденных. Гривская тюрьма и в настоящее время является крупнейшей тюрьмой закрытого типа в Латвии.

После восстановления государственной независимости Латвийской Республики военное училище покинуло Даугавпилсскую крепость. С 21 июня 1994 года согласно распоряжению Кабинета Министров Латвийской Республики она была передана в ведение городского самоуправления и является одним из микрорайонов Даугавпилса, в котором проживает чуть более тысячи человек.

В 1995 году была проведена инвентаризация комплекса Даугавпилсской крепости, в результате которой было определено ее состояние, а также разработаны мероприятия по сохранению. Ежегодно государство вкладывает значительные средства на охрану этого памятника архитектуры и градостроительства.

В настоящее время построенная в первой половине XIX века крепость является практически единственной в Восточной Европе, сохранившейся без значительных изменений и имеющей уникальную фортификационную систему.

Современный ансамбль крепости создают главная крепость (цитадель) с застройкой в стиле ампира и классицизма и развитой системой обороны (находящейся на правом берегу Даугавы) и предмостные укрепления на левом берегу, которые служили для обороны моста и переправы, образуя автономную оборонительную систему. Поражают ее размеры: только гранитная стена главного вала состав-

ляет более 5 километров, а за ним на территории 150,5 гектара расположены здания и сооружения. По существу, это небольшой город, имеющий полную систему жизнеобеспечения.

Динабургская крепость явилась единственным на территории Латвии крупным строительным комплексом, построенным в сравнительно короткий срок и по единому замыслу. Здесь нашли отражение передовые для своего времени методы строительства.

В 2006 году было принято решение, в значительной степени определившее дальнейшую судьбу Даугавпилсской крепости, — создание в здании арсенала художественного центра Марка Ротко (1903—1970), основоположника абстрактного экспрессионизма, родившегося в Двинске (Даугавпилсе). Патронессой этого проекта является экс-президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга [12].

Создание арт-центра позволит Даугавпилсу расширить международное сотрудничество в области культуры и туризма.

Даугавпилсская крепость, уникальный памятник архитектуры и культуры, стала символом города, найдя свое отражение в городском гербе. Ежегодные праздники города проходят в стенах старой крепости, делая ее ареной военных баталий военно-исторического клуба и местом проведения экскурсий.

Словарь фортификационных терминов:

Бастион — пятиугольное долговременное крепостное или полевое оборонительное сооружение, возводившееся по углам крепостной ограды и примыкавшее к ней.

Бойница — узкая щель в оборонительной стене, расширяющаяся вовнутрь казематированного помещения и предназначенная для ведения оружейного огня.

Вал — высокая земляная насыпь, обычно со рвом впереди, возводившаяся с оборонительными целями.

Гласис — насыпь треугольного профиля, примыкающая к внешнему краю рва укреплений.

Казематы — помещения в оборонительных сооружениях крепости для обеспечения защиты от огня тяжелой артиллерии.

Капонир — казематированная оборонительная постройка на дне крепостного рва, примыкающая к эскарпу и предназначенная для обстрела рва орудийным, пулеметным, ружейным огнем.

Кордегардия — помещение для караула, охраняющего крепостные ворота, приспособленное для обстрела через бойницы пространства внутри них.

Крепость — стратегический пункт, укрепленный средствами долговременной фортификации, снабженный постоянным гарнизоном, вооружением, запасами и управлением.

Люнет — открытое полевое укрепление.

Потерна — особая подземная галерея, соединяющая эскарповые галереи с внутренностью укреплений.

Форт (*лат. fortis — сильный, крепкий*) — сомкнутое долговременное или временное укрепление, основной элемент пояса внешних укреплений крепости**.**

Фортификационное сооружение *(лат. fortificatio — укрепление)* — сооружение, возводимое для лучшего обеспечения огня, наблюдения и управления, защиты бойцов и материальной части от средств поражения, а также для затруднения действий противника.

Фортовая крепость — крепость, имеющая впереди крепостной ограды отдельные вынесенные вперед укрепления — форты. Пояс фортов удален от главного вала на 4—6 километров.

Цитадель *(итал. citadella — небольшой городок)* — внутреннее укрепление крепости, имевшее самостоятельную оборону и служившее последним опорным пунктом для гарнизона крепости в случае падения основного укрепления.

Эскарп (*итал. scarpa — откос, скат*) — крутой и высокий срез ската крепостного вала, обращенный к противнику и используемый как препятствие в системе заграждений.

Эспланада (*франц. esplanade — площадь*) — открытое незастроенное пространство между цитаделью и ближайшими городскими строениями.

Литература и источники

1. Азан, В. Здесь, в краю озер — Даугавпилс / В. Азан, Г. Барковская, Г. Гуков. — Рига, 1975.
2. Бескровный, Л. Г. Отечественная война 1812 года / Л. Г. Бескровный. — Москва, 1962.
3. Веревочникова, Г. К. Знаменитый узник Динабургского острога / Г. К. Веревочникова // Balfort. Балтийский военно-исторический журнал (Рига). — 2008. — № 4. — С. 70—76.
4. Даугавпилсское военное авиационное радиотехническое училище войск ПВО страны. — Даугавпилс, 1965.

5. Евреи в Даугавпилсе. Исторический очерк. — Даугавпилс, 1993.
6. Жилвинская, Л. На линии огня и смерти / Л. Жилвинская // Провинциальный альманах. — Даугавпилс, 2006. — № 7. — С. 80—87.
7. История Отечественной войны по достоверным источникам. — С. -Петербург, 1859. — Т. 1.
8. Казак, В. В. Даугавпилсская крепость: история и легенды от средневековья до наших дней / В. В. Казак. — Даугавпилс, 1987.
9. Львов, И. Н. Крепость-склад Двинск / И. Н. Львов. — Двинск, 1915.
10. Отечественная война 1812 года. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. — СПб, 1900. — Т. 1.
11. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. — С.-Петербург, 1864.
12. Президент Латвии открыла синагогу // Динабург — вести. — 2006. — 13 апреля.
13. Цехановецкий, В. П. Краткое описание военных действий в Витебской губернии / В. П. Цехановецкий. — Витебск, 1892.
14. Цитович, Г. А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание: в 2-х ч. — Пятигорск, 1913.
15. Шперк, В. Ф. Фортификационный словарь / В. Ф. Шперк. — Москва, 1946.
16. Якуб, З. Даугавпилс в прошлом / З. Якуб. — Даугавпилс, 1998.

І. Ф. Якубовіч (Віцебск)

ПОБЫТ ВІЦЕБШЧЫНЫ ПА ТВОРЫ І. ХОДЗЬКІ «УСПАМІНЫ КВЕСТАРА»

Побыт этнаса на розных часовых адрэзках заўсёды застаецца ў баку падчас вывучэння гісторыі роднага края. Гэта акалічнасць звужае нашы ўяўленні пра культуру нашых продкаў. Прыклады матэрыяльнай

культуры, што захаваліся да нашага часу, прапануюць нам эпізадычныя веды, у такім выпадку на дапамогу прыходзіць мастацкі твор, у якім шмат месца адводзіцца этнаграфічнаму фону. У навуковай літаратуры назіраюцца адрозненні ў шырыні парадыгматыкі, што асацыіруецца з этнаграфізмам. Пад этнаграфізмам мы будзем мець на ўвазе мастацкае адлюстраванне быту і праяў духоўнай культуры, уласцівых пэўнаму народу. Апрацоўка этнаграфічнага матэрыялу твора І. Ходзькі «Успаміны квестара», прынцыпаў яго мастацкага асэнсавання вызначаецца спецыфікай аўтарскага светабачання, спецыфікай ствараемага «эстэтычнага аб'екта» і спецыфікай моманту літаратурнага развіцця і дапамагае адчуць душу народа. XIX стагоддзе — важны і складаны час фарміравання і развіцця беларускай літаратуры. Асаблівасці фарміравання яе былі абумоўлены спецыфічнымі абставінамі складвання нацыянальнай славеснасці на сутыкненні фальклору і прафесійнага мастацтва. Безумоўна, курс мастацкага станаўлення ў нашай літаратуры з прычыны яе паскоранага развіцця аказаўся шмат у чым скарочаным. Доўгі час літаратурны працэс гэтага перыяду характарызаваўся перарванасцю з-за стэрэатыпнага адмаўлення польскамоўных твораў. Заставалася па-за ўвагай тая акалічнасць, што ў першай палове XIX стагоддзя духоўна-культурныя запатрабаванні беларускага грамадства знаходзілі выйсце ў дзвюх нераўназначных (паводле ступені пісьмовага ўжытку) моўных плынях — польскай і беларускай. Многія літаратурна-мастацкія задачы і праблемы вырашаліся ў беларуска-ліцвінскім краі праз польскамоўныя творы, якія працягвалі выцясняць беларускамоўную творчасць і адначасова выконвалі ролю пераемніка старабеларускіх пісьмовых традыцый, разам з тым увязвалі беларускую рэчаіснасць у заходнееўрапейскі кантэкст. Нацыянальная прыналежнасць доўгі час вызначалася па факту скарыстання мовы, што ў пэўнай меры адасабляла польскамоўных аўтараў. Гэты лёс напаткаў і твор Ходзькі [1, с. 35]

Убачыць і зразумець аўтара твора — значыць убачыць і зразумець іншае, чужое мысленне і яго свет. Пэўным абаронцам апошніх выступае аўтарская пазіцыя як змястоўная катэгорыя. Мастацкая тканіна літаратурнага твора ў значнай ступені дапамагае ў распрацоўцы надэкспазіцыйнага пояса, дае найбольш уяўнае прадстаўленне духоўнага напаўнення эпохі. Яна дазваляе прапусціць праз сябе ўсю польскамоўную спадчыну, выкрышталізаваць беларускі архетып.

Ходзька... Якія асацыяцыі гэтае прозвішча выклікала ці магло выклікаць у XIX стагоддзі ў ліцвінаў?

Паводле кнігі «Живописная Россия» (1882 г.): «К числу выдающихся личностей Литовского полесья в последнюю эпоху принадлежит семейство Ходзьков» [2, с. 353].

Ходзькі... Без многіх носьбітаў гэтага прозвішча, без асобных прадстаўнікоў разгалінаванага шляхецкага роду Ходзькаў, які асабліва ярка ўспыхнуў у першай палове XIX стагоддзя, нельга ўявіць літаратурнае, грамадска-культурнае і асветніцкае жыццё Віленскага края (мяжа з сучаснай тэрыторыяй Віцебшчыны). Першы з іх — Ян Ходзька. Нарадзіўся 24 чэрвеня 1777 года ў Крывічах, дзе быў маёнтак яго бацькоў — Юзофа Ходзькі і Канстанцыі з Буйніцкіх (па мясцовых паданнях, роду належылі землі на Глыбоччыне) [3, с. 39].

Светаўспрыманне Ігната Ходзькі складалася пад уплывам яго дзядзькі. Сёння яго месца ў літаратурным працэсе звязана з найлепшымі традыцыямі таго часу і яго можна назваць песняром ліцвінскай шляхты.

Ігнат Ходзька нарадзіўся 29 верасня 1794 года ў Заблочыне Вілейскага павета. Вучыўся ён у школе базыльянаў у Барунах, а затым у Віленскім універсітэце, які скончыў у 1814 годзе са ступенню кандыдата філасофіі. Дзяцька Ян, які апекваўся ім пасля смерці бацькоў, уладкаваў яго на працу ў канцылярыю на радзівілаўскай спадчыне і прадбачліва далучыў да літаратурнага жыцця.

Ігната Ходзьку выхавала шляхецкая гавэнда — вусныя гутаркі, апавяданні, якія так любілі калісь на Беларусі. Гавэндарам быў Мацей Відмант, дзед з боку маці, у маёнтку Заблочыне на Вілейшчыне якога і прыйшоў будучы літаратар на свет, «гавэндарам» быў і Міхал Ходзька, дзед з боку бацькі, што жыў у маёнтку Дзявентня. Тым маёнтку, дзе пройдзе большая частка жыцця І. Ходзкі. Але калі ад дзеда Мацея ён вучыўся «сармацкай рэлігійнасці», вучыўся «жыць у рытме літаратурнага календара», то дзед Міхал апавядаў пра старашляхецкія традыцыі, пра мінулае свайго края. Падчас вучобы ва ўніверсітэце адчувальны ўплыў Яна Снядэцкага, ідэолага віленскіх класіцыстаў, спрыяў захапленню асветніцкімі ідэямі. Масонскія ложы Мінска і Вільні, прэзідэнтам якіх быў родны дзядзька і апякун пасля смерці бацькоў Ян Ходзька, славуты тады літаратар, а таксама таварыства шудраўцоў, у якім І. Ходзька меў мянушку Віршайтаса (бог старалітоўскай міфалогіі), схілялі яго да пазіцый аўтарытэтных яшчэ тады класіцыстаў.

Дваццацігадовая літаратурная праца І. Ходзькі была належна ацэнена яго сучаснікамі [4, с. 49]. Ён карыстаўся заслужанаю славаю. А найбольш захаплялі чытача «Успаміны квестара» (квестарам манахі-

бернардзінцы называлі брата, які забіраў ахвяраванні на кляштар)[5, 6]. Дзесяць разоў у XIX стагоддзі (з іх тройчы пры жыцці аўтара) гэты твор перавыдаваўся ў Вільні. Пісьменнік, адмовіўшыся ад літаратурнай вытанчанасці, абраў для свайго твора прымітыўную манеру апавядання. Ягоная аповесць — стылізацыя пад няхітры дзённік — успаміны ўезднага квестара, былога маршалка двара полацкага ваяводы Міхала Лаўрыновіча, там ён знаходзіў прытулак за кляштарнымі сценамі. Спецыфіка «працы» квестара дае мажлівасць аўтару пазнаёміць чытача з традыцыйным шляхецкім жыццём не такога ўжо далёкага, але часткова забытага мінулага. Пазнаёміць з тым часам, калі ў краі панавалі іншыя законы і парадкі. Дзякуючы прадуманай, удала выбранай кампазіцыі празаік змог адлюстраваць шляхецкія, галоўным чынам, дробнашляхецкія, і сялянскія бытавыя рэаліі.

Чытаючы твор, воляй-няволяй цікавішся мастацкім мысленнем як складанасінтэтычнай з'явай, з аднаго боку якога ўплывае асоба мастака, а з другога — пэўны этап культуры, які вызначаецца адпаведнай сістэмай тэндэнцый, што вызначае характар змястоўнасці і галоўныя асаблівасці структуры мастацкіх твораў. Працуючы над творам, аўтар ставіць перад сабой мэту, звязаную са стварэннем вобразаў, кампазіцыйнымі і стылістычнымі заданнямі. Асноўная ідэя твора рэалізуецца праз хранатоп — вандроўку, падчас якой галоўны герой перамяшчаецца з аднаго геаграфічнага пункта ў іншы, з аднаго маентка ў другі. Хранатоп звязаны з этымалагічна беларускімі землямі. Дзея развіваецца спачатку ў паўночна-заходняй частцы Беларусі (Полацк, Ушачы, Глыбокае), потым у цэнтральнай (Нясвіж, Ашмяны, Мір). Падзеі кампазіцыйна падпарадкаваны адзінай заканамернасці — пераезду з аднаго месца ў другое, таму манера апавядання характарызуецца храналагічнай паслядоўнасцю (лінейны час), тым больш аповесць — стылізацыя пад дзённік-успамін. Але акрамя цэнтральнага вобраза апавядальніка квестара, былога маршалка двара полацкага ваяводы Міхаіла Лаўрыновіча прысутнічаюць іншыя асобы.

Першасныя элементы аўтарскіх волевыяўленняў Ігната Ходзькі звязаны з асветніцкімі ідэямі, выпрацаванымі падчас вучобы ў Віленскім універсітэце матэрыялістычным сэнсуалізмам Яна Снядэцкага, і старашляхецкімі традыцыямі дзеда — усё гэта прымусіла спыніць творчыя пошукі на адлюстраванні аб'ектыўнай гістарычнай рэчаіснасці як элемента сцэн побыту шляхты канца XVIII — пачатку XIX ст. Напрыклад — правядзенне полацкага сойміка ва Ушачах, да-

рэчы, гэты горад пасля падзелу застаецца за Польшчай і яго зрабілі галоўным горадам, дзе збіраліся соймікі [7, с. 451], такія ж соймікі ладзіліся і ў Віцебску («Ruch Muzyczny» 12 верасня 1859 г.) [8, с. 215]. Мастацкая прастора твора не замыкаецца на месцы развіцця падзей, а дзякуючы ўспамінам, легендам, снам размыкаецца ў шырокі свет, што дае магчымасць весці гаворку пра два часы: аповедны час і фабульна-сюжэтны. Паэтыка мікраапавяданняў падпарадкоўваецца законам сярэднявечча; звычайна ў іх адсутнічае апісальнасць мастацкай прозы заходнееўрапейскага тыпу: прырода выкарыстоўваецца надзвычай рэдка, дзеянне нярэдка характарызуецца амаль поўнай адсутнасцю дэкарацый. У пераважнай большасці выпадкаў героі не маюць «характару» (калі лічыць «характарам» пэўную камбінацыю псіхічных уласцівасцей). Яны ўяўляюцца нам не аб'ектамі мастацкага абагульнення, а носьбітамі адной вызначанай рысы, праз якую герой упісваецца ў этнаграфічны фон асяроддзя. Двух-трох штрышкоў пісьменніку звычайна дастаткова, каб вылучыць свайго героя з кола дзеючых асоб. Часам штрышкі замяняюць герою імя. Некаторыя распавядаюць па-беларуску, нягледзячы на тое, што твор напісаны па-польску; шмат выкарыстоўваецца народных выслоўяў — «на плячах крыж рабіць не буду», «ласка панская на пярэстым кані ездзіць», «каб цябе Пярун пабіў», «бадай, стольki, колькі кот наплакаў».

Этнаграфічныя апісанні маюць не дэкарацыйны характар, а прадметна-рэчаўны: «ваявода кніга», Эльжутка, «гаманец з талерамі» і г. д. Этнаграфічна выразнае бачанне свету, жыцця «шляхцічаў на загродзе» дазваляла пісьменніку паказаць рэчаіснасць без сэнсавых дэфармацый. Дамінантнай мадэллю рэчаіснасці была тагачасная рэчаіснасць, таму акцэнт ставіўся на адлюстраванне не сапсаванага празмерна цывілізацыяй, з пункту гледжання празаіка, пазітыўнага, здаровага кансерватыўнага быту.

Пад этнаграфізмам тут трэба разумець адлюстраванне быту і праяў духоўнай культуры, уласцівых пэўнай ментальнасці, нацыянальная прыналежнасць твора забяспечваецца ўключэннем у тэкст карцін побыту шляхты, этна-паэтычных адзінак, нават моўных (сустракаюцца словы, напісаныя па-беларуску), геаграфічных назваў (Глыбоцкі шлях), прозвішчаў князёў, мясцовых легенд, прыказак і прымавак, страў, нават запасаў ксяндза-прыёра «разнастайныя гарэлкі, віны і мёды, пернікі, лісіцы, вяндлінка». Некаторыя раздзелы прадстаўляюць эмацыянальную, філасофскую, сацыяльна-псіхалагічную інфармацыю пра матэрыяльную культуру пэўнай

часткі грамадства. Так, у раздзелах «Уступ аўтара», «Полацкі соймік ва Ушачах», «Вечарынка», «Соймікавая сесія», «1812 год» ацэньваецца час, «У пана старасты», «У пана Бявіча. Валадковіч», «Ва ўдавы» характарызуецца герой.

Ступень апрацоўкі этнаграфічнага і фальклорнага матэрыялу, прынцыпы яго мастацкага асэнсавання вызначаюцца спецыфікай аўтарскага светабачання, аналіз якой вылучыў дамінантную мадэль шляхецкай рэчаіснасці Ігната Ходзькі, адчуваецца, што акцэнт ставіўся на адлюстраванне высокадухоўнай старашляхецкай маралі. Клапатліва выбіраецца зварот у лісце да адрасата, гэты момант адлюстраваны праз аўтарскі каментарый: «Яснавяльможны пане», ці старасвецкае фальшывае сваяцтва — «Мой міласцівы пане браце», якое выйшла ўжо з моды, перамагае ўсё ж «Вяльможны Мосці Дабрадзею» з указаннем пасады.

Адлюстраванне адной з важных адміністрацыйных з'яў — мясцовага сойміка — дае магчымасць чытачу адчуць атмасферу таго часу за кошт амаль дэталёвага апісання падзей: мясцовых страў (квашаніна, булёны, смажаная дзічына: галовы, шынкі, лапы мядзведзяў, зайчаціна; аладкі, зразы — «аж стол ламіўся»). Народны спосаб каб быць цвярозым за такім сталом дадаецца — мачыць халоднай хусткай галаву; далей на такога рода вечарынце ідзе курдэш — старая застольная песня — і чумадрыха — мелодыя з запалам для скокаў.

Соймікавая сесія — пара гарачая: за няўдалае слова можна атрымаць сатысфакцыю, на сам жа соймік выйсці трэба пры поўнам парадзе: «кунтуш грантавы, з саеты, са шнурам, кутасамі залатымі, жупан шоўкавы, зашпілены карбункулам, багаты пас, палаш з яшчуру, лоб ужо не голены, з моды ўжо выйшла, вусы венгерскія», — і адначасова побач вобраз бяднейшага: «вэбрагонавы жупан (з зялёнага сукна), добра, праўда, зношаны, але яшчэ не дзюравы і не латаны; пас хоць ядвабны, але слуцкі новы; а зверху суконная куртка на апашкі, зашпіленая на срэбраны гузік пад шыю». Але каментарый аўтара з іроніяй выдае сакрэт лекарскі, бо, глядзі, можа спатрэбіцца ён герою: павуцінне з мякішам хлеба для ран. Тыпы адзення дапаўняе вопратка сакратара ваяводы: «жупан з палевага атласа на дзевяць локцяў з крамы купца Абрама з Полацка», — ды вопратка пяхоты: «мундзіры ў лямусах, сярмяга ці зялёная куртка, шаравары, боты, на галаве лакіраваная каскетка з султанам, патранташ праз плячо, у руках флінта».

З дапамогай аналізу аўтарскай пазіцыі і асаблівасцей часу сёння ацэначныя крытэрыі твора раскрываюцца і паварочваюцца новымі

сэнсавымі гранямі. Магчымасці выбраных мастацкіх сродкаў пацвярджаюць думку, што аўтар імкнецца дасягнуць абранай мэты і адлюстраваць навакольнае жыццё з улікам дробнамаёнткавай шляхты з яе комплексам старапольскіх (літоўскіх) традыцый; перамагае местачковая жыццёвая філасофія: навошта бойка, калі дастаткова схіліць на свой бок лідара апазіцыйнай партыі, падараваўшы яму тытул.

Такім чынам, праз аналіз этнаграфічнага фону твора «Успаміны квестара» і ацэнку аўтарскіх светаўяўленняў праводзіцца рэканструкцыя побыту шляхты Віцебшчыны канца XVIII — пачатку XIX стагоддзя. Выбраная мазаіка сацыяльна-бытавых дэталей дапамагае аб'ектыўна перадаць гістарычную атмасферу.

Літаратура і крыніцы

1. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. — Минск: Изд. центр БГУ, 2004.
2. Живописная Россия. Литовское и Белорусское Полесье. — Минск, 1993.
3. Мархель, У. Прысутнасць былога. Нарысы, артыкулы, эсэ / У. Мархель. — Мінск, 1997.
4. Бас, І. Падарожжа ў літаратурнае мінулае / І. Бас. — Мінск, 1971.
5. Ходзька, І. Успаміны квестара / І. Ходзька // XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах / Уклад., уступныя артыкулы, падрыхтоўка тэкстаў, пераклад з польск. мовы і камент. М. Хаўстовіча. — Мінск: БДУ, 1999. — Кн. 1. — С. 42 — 148.
6. Ходзька, І. Успаміны квестара / І. Ходзька // XIX стагоддзе: Навукова-літаратурны альманах / Уклад., уступныя артыкулы, падрыхтоўка тэкстаў, пераклад з польск. мовы і камент. М. Хаўстовіча. — Мінск: БДУ, 2000. — Кн. 2.
7. Полное географическое описание Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / под ред. В. П. Семенова. — С.-Петербург, 1905. — Т. 9.
8. Пачынальнікі. З гісторыка-літаратурных матэрыялаў / укл. Г. В. Кісялёў. — Мінск, 2003.
9. Мальдзіс, А. Падарожжа ў XIX ст. / А. Мальдзіс. — Мінск, 1969.
10. Лапідус, Н. Літаратура XIX ст. / Н. Лапідус, С. Малюковіч. — Мінск, 1972.

О. В. Карпович (Брест)

О ДВИЖУЩИХ СИЛАХ ВОССТАНИЯ 1863 г. В ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ

В современной белорусской историографии практически совсем не изучен вопрос о социально-сословном составе участников восстания 1863—1864 гг. на белорусских землях. Все имеющиеся наработки по данной теме были сделаны еще в 60—70 гг. прошлого века. А без изучения структуры повстанческих отрядов невозможно раскрыть вопрос о причинах поражения этого восстания. В статье на основе многих источников и архивных материалов предпринята попытка раскрыть структуру и сословный состав повстанцев на территории белорусских уездов (Витебского, Городокского, Дриссенского, Лепельского и Полоцкого) Витебской губернии.

Условия для широкого развития повстанческого движения на территории Витебской губернии были неблагоприятными, в первую очередь, в силу известного географического положения и проживающего здесь по национальному, религиозному и сословному составу населения. В 1863 г. в Витебской губернии проживало 791 055 человек обоего пола, из них католическую религию исповедовали 230 193 человека. По состоянию на 1863 г. в Витебской губернии проживало 59% белорусов, 21% латышей, 8,4% евреев, 4,9% русских и 5,5% поляков. Однако большую часть дворянского населения на указанной территории как основную движущую силу восстания составляли русские и белорусы, стоявшие на стороне правительства [3, с. 132].

Подготовкой восстания в Витебской губернии занималась подпольная организация, но сведения о ее составе и численности очень скупы. Известно, что активное участие в подготовке восстания принимали представители белорусской интеллигенции: писатель А. Вериго-Даревский, поэт Ф. Топчевский и Стефан Гриневский (дворянин Дисненского уезда Виленской губернии, отец писателя Александра Грина). На сегодняшний момент нам удалось установить только состав Полоцкой уездной революционной организации, возглавлял которую бывший Полоцкий уездный предводитель дворянства Эдуард Реут. В частности, в состав этой организации входили 40 человек: 22 помещика, 4 дворянина (без указания рода занятий), 8 отставных и действующих офицеров русской армии, 2 уездных

врача, 2 чиновника, по одному крестьянину и мещанину. Впрочем, никакого существенного влияния на развитие событий эта организация не оказала, т. к. буквально сразу же была раскрыта властями [6, л. 1 – 18].

Начало восстания планировалось одновременно с Могилевской губернией — на 11 апреля 1863 г., но эти сроки оказались сдвинуты по причине разгрома в Дриссенском уезде отряда графа Леона Плятера, представителя знаменитого рода, владевшего рядом имений на территории Витебщины. Собственно, на этом и закончились все вооруженные столкновения на Витебщине. Все остальные попытки поднять «народ на борьбу» закончились ничем.

В ночь на 22 апреля из Витебска был совершен массовый исход горожан: в повстанческие отряды ушло 44 человека, из которых 22 городских чиновника, 11 гимназистов, 7 учеников землемерно-таксаторских классов той же гимназии и четверо дворян без определенных занятий. Часть этой группы была поймана в тот же день с оружием в руках близ почтовой станции Дыманово, где было арестовано 15 человек: 4 чиновника, 5 гимназистов и 6 учащихся землемерных классов [1, с. 501]. Согласно найденным нами архивным материалам, в отряды бежало 19 витебских и 5 чиновников из других уездов губернии [4, л. 2 – 34]. Несколько витебских гимназистов сумело присоединиться к отряду Людвига Звеждовского, действовавшему в Горецком уезде Могилевской губернии. В частности, из его отряда в плен попало в числе прочих два ученика витебской гимназии — Николай Померацкий и Франциск Занкевич [10, с. 311]. Кроме того, в нападении отряда Звеждовского на Горки принимало участие 7 уроженцев Витебской губернии [1, с. 486].

Корпус командиров повстанческих отрядов Витебской губернии составили: Оттон Гребницкий (Лепельский уезд), бывший артиллерийский поручик Болеслав Кульчицкий (Дриссенский уезд), в Бешенковичах небольшой отряд возглавил Болеслав Дык. Группу повстанцев из Лепеля в окрестные леса привел подпоручик русской армии Пшемыслав Колб, а из Дисненского уезда Виленской губернии на помощь местным повстанцам пробрался отряд Генриха Дмаховского (участника восстания 1831 г.). Некоторое время одним из отрядов в Витебской губернии командовал поручик уланского Курляндского полка Ян Анджеевский, а в Себежском уезде действовал отряд отставного поручика Северина Лепковского [2, с. 19, 104]. Именно эти люди и должны были организовать восстание в губернии, которое закончилось, толком и не успев начаться. Первоначально повстанцы планировали захватить крепость Динабург, но из-за своих малочисленных сил были вынуждены отказаться от этого плана. Кроме того, власти сыграли на опережение, и 24 апреля 1863 г. на территории Витебской губернии было введено военное положение. Еще раньше, 21 апреля, в Динабургской крепости была учреждена Следственная комиссия во главе с военным витебским губернатором генерал-лейтенантом Длотовским для расследования «действий мятежников» на территории крепости и губернии. Практически, к началу мая вся территория губернии полностью контролировалась властями.

На основе многочисленных архивных материалов нами был установлен сословный состав жителей Витебской губернии, принимавших участие в восстании 1863 г. (см. таблицу 1):

Таблица 1. Социально-сословный состав участников восстания белорусских уездов Витебской губернии*

Уезд	Двор. / Помещ.	Крест-не	Разноч.	Одн-цы	Городские сословия	Дух-во	Всего
Витебский	21 / 3	-	18	1	4	?	47
Городокский	3 / 1	1	1	-	-	?	6
Дриссенский	9 / 2	-	1	-	-	?	12
Лепельский	59 / 13	24	16	2	8	?	122
Полоцкий	41 / 15	3	14	-	2	?	75
Витебская (бел. уезды)	167 / 34	28	50	3	14	14	278

*Таблица составлена по [4; 5; 8].

Как видно из таблицы, в Витебской губернии основной движущей силой восстания были представители привилегированных слоев общества. Активное участие в восстании принимала учащаяся молодежь, в основном, гимназисты. Например, если до восстания в витебских гимназиях насчитывалось 300 учеников, то после его окончания в списках гимназистов числилось лишь 192 человека [11, с. 181]. Разумеется, нельзя оставшихся 198 человек сразу причислить к ушедшим в отряды, как это сделал польский историк Давид Файнхауз, но значительное количество их все же участвовало в этом восстании.

Население Витебской губернии не отличалось активностью в восстании. Кроме того, фактически главную роль в подавлении немногочисленных попыток восстания на Витебщине сыграло местное крестьянство, в первую очередь, старообрядцы. Правительство России, стремясь привлечь на свою сторону крестьянское население, всячески распространяло слухи о «злом умысле поляков», которые якобы намеревались вернуть крепостной строй и возвратить обратно восточнобелорусские земли в состав возрожденной Речи Посполитой. Помимо этого, 24 апреля 1863 г. император Александр II утвердил правила по созданию в западнорусских губерниях сельских вооруженных караулов из местных крестьян. Все это принесло свои результаты. Так, в Дриссенском уезде 9 мая были введены военные караулы из временнообязанных крестьян для защиты своих деревень от «непрошеных гостей». В этом же уезде крестьянами были взяты с оружием студент Московского университета Август Шадурский (владелец имения данного уезда) и студент Казанского университета Казимир Медунецкий. Воинскими командами в этой же местности было поймано четверо курсантов Николаевского инженерного военного училища [10, с. 308, с. 311]. При поддержке местных крестьян удалось перехватить отряд Плятера и разбить его. 23 апреля крестьяне имения Добриново Витебского уезда сдали уездному приставу трех собственных помещиков, намеревавшихся присоединиться с оружием в руках к одному из отрядов [1, с. 501]. При попытке вступить в один из отрядов в Витебском уезде был арестован беглый штабс-капитан Иоахим Обезерский [2, с. 124]. 24 апреля 1863 г. в Дриссенском уезде при значительной поддержке крестьян был разбит повстанческий отряд артиллерийского офицера Болеслава Кульчицкого, сам командир, избегая плена, застрелился.

Следует добавить, что столь потрясающая активность крестьян объясняется не только их всеобщей преданностью престолу, но и немалой материальной заинтересованностью: согласно распоряжению виленского генерал-губернатора графа М. Н. Муравьева «за каждого пойманного... и представленного военному уездному начальнику мятежника, какого бы звания и состояния он не был», крестьяне получали по 3 руб., а за вооруженного — по 5 руб. [9, с. 121].

Вообще, про отрицательную позицию крестьянского населения по отношению к восстанию следует сказать отдельно. Здесь нельзя говорить о том, что крестьянский слой полностью был верен правительству России в этом регионе и поэтому не поддержал восстание. Здесь, скорее всего, сыграли свою роль определенная консервативность и инертность крестьянского населения. Ведь не секрет, что огромное влияние на крестьянское сословие на востоке Беларуси издавна оказывала Россия, в частности, православная церковь, проповедовавшая беспрекословную преданность престолу. Поэтому одинаково нищенское существование крестьян на белорусских землях в целом в восточных регионах компенсировалось откровенным противопоставлением «польских панов-мятежников» православному крестьянству и верой в лучшую жизнь, когда «изгонят поляков». Не случайно лепельский уездный исправник подполковник Измайлов в рапорте витебскому губернатору Веревкину о настроениях крестьян в своем уезде отмечал: «Крестьянские жилища — чистые лачуги, многие из них явно грозят разрушением, так что в настоящее время в некоторых из них и жить опасно. Везде и на каждом шагу проявляется бедность, нищета и крайнее раздражение крестьян против своих панов-поляков, которых они гласно называют «мятежниками-кровопийцами, губящими народ православный, единственно вырвать с него последний грош и употребить на заграничную свою поездку или на мятеж. За батюшку нашего Царя православного все мы свои головы понесем, но не будем служить мятежным своим панам... ведь они теперь иноземных королей на Россию наводят». И далее он с удовлетворением заключал: «...отрадно видеть в крестьянах самый чистый и неподдельный русский патриотизм и беспредельную преданность к Государю Императору и к его России. Здесь, за исключением крамольной шляхты, насильно и разными ухищрениями вторгнувшейся в здешнюю белую Русь, здесь во всем остальном слышится Русь» [5, л. 115—116]. И именно крестьянству правительство обязано довольно быстрым подавлением попыток восстания на территории губернии. Не случайно председатель Динабургской следственной комиссии генерал С. Ф. Панютин в своем рапорте в Петербург признавал: «<...> если бы не крестьяне, то для правительства, не имевшего под рукой войск, хлопот было бы много» [1, с. 505].

На основе архивных материалов удалось установить состав некоторых из отрядов, планировавших развернуться на территории Витебской губернии (см. таблицу 2):

Таблица 2. Установленный состав некоторых из отрядов, действовавших в Витебской губернии*

Команд. отрядов	Дворяне / в %	Помещ. / в %	Разноч-цы / в %	Мещане / в %	Однод-цы и шляхта / в %	Крест-не / в %	Дух-во / в %	Неуст. сослов. / в %	Все-го
Гребницкий О.	3 / 25	2 / 16,7	2 / 16,7			5 / 41,7			12
Дык Б.	16 / 69,5	1 / 4,3		5 / 21,7				1 / 4,3	23
Дмоховский Г.	19 / 40,4	10 / 21,2	15 / 32			3 / 6,4			47
Колб Пш.	8 / 33,3	2 / 8,3	4 / 16,7		1 / 4,2	7 / 29,2	2 / 8,4		24
Кульчицкий Б.	19 / 42,2	22 / 48,9	2 / 4,4		1 / 2,2	1 / 2,2			45
Пляттер Л.	8 / 50	1 / 6,2	1 / 6,2		3 / 18,7	3 / 18,7			16

*Составлено по [7].

Следует признать, что восстание в Витебской губернии было заранее обречено на поражение. Основными факторами неудачного выступления повстанцев были, в первую очередь, географическое положение губернии и национальный состав населения. Жители Витебской губернии, особенно крестьяне, крайне неохотно вступали в повстанческие отряды даже на добровольных началах. Руководству повстанческих отрядов здесь приходилось рассчитывать только на представителей польского населения, численность которого составляла ничтожную цифру. Участие небольшой группы дворян в восстании отчасти можно объяснить недовольством тех, кто не смог доказать свою принадлежность к дворянскому сословию и не вошел таким образом в официальные «бархатные книги» дворянства Российской империи, потеряв свои привилегии, либо разорившихся представителей дворянства. Как писал в своем исследовании В. М. Зайцев, «в большинстве своем это были лица, утратившие связь с земельной собственностью и содержащие себя за счет доходов от службы, ремесла, земледелия и различных видов деятельности, часто считавшихся несовместимыми со званием дворянина» [3, с. 166 – 167]. Многие откровенно мечтали о былой «шляхетской вольности» при Речи Посполитой, и потеря таких привилегий в Российской империи для них могла стать личным оскорблением.

Литература и источники

1. Восстание в Литве и Белоруссии 1863 – 1864 гг. : материалы и документы. – Москва : Наука, 1965. – 586 с.
2. Дьяков, В. А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856 – 1865 годов (биобибл. словарь) / В. А. Дьяков. – Москва : Наука, 1967. – 256 с.
3. Зайцев, В. М. Социально-сословный состав участников восстания 1864 г. (опыт статистического анализа) / В. М. Зайцев. – Москва : Наука, 1973. – 232 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31259. Дело о чиновниках и служащих, присоединившихся к восставшим.
5. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31268. Рапорты военных уездных начальников Витебской губернии, переписка со следственной комиссией по политическим делам, циркуляры губернатора.
6. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 31335. Дело о помещиках Полоцкого уезда и других лицах, судимых за участие в восстании.
7. НИАБ. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 52229. Дело о конфискации имений помещиков, принимавших участие в восстании.
8. НИАБ. – Ф. 3046. – Оп. 2. – Д. 3. Алфавитный список лиц, состоящих под следствием в Высочайше утвержденной Витебской следственной комиссии по политическим делам.
9. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в Северо-Западных губерниях 1863 – 1864 гг. / сост. Н. Цылов. – Вильно, 1866.
10. Снытко, Т. Н. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. // Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов: сборник статей и материалов. – Москва: Изд-во АН СССР, 1960.
11. Fajnhauz, D. 1863: Litwa i Bialorus / D. Fajnhauz; Inst. Historii PAN. – Warszawa: Neriton, 1999.

А. М. Нароўская (Мінск)

ПРАДМЕТЫ ІНТЭР'ЕРА ТРАДЫЦЫЙНАГА ЖЫЛЛЯ БЕЛАРУСАЎ У АБРАДАХ ЖЫХАРОЎ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ

Разглядаючы інтэр'ер жылля канца XIX — пачатку XX ст. як структуру стабільную і нязменную, даследчыкі недастаткова ўвагі ўдзялялі дынаміцы і характару змен, якія адбываліся ва ўнутранай прасторы жылля ў святочныя дні. У той жа час, як паказалі літаратурныя крыніцы і экспедыцыйныя матэрыялы, яна не з'яўлялася сістэмай статычнай. Усе найбольш важныя моманты каляндарнага і сямейна-абрадавага цыкла адпаведным чынам адлюстроўваліся ў інтэр'еры.

Святочнае ўбранства вырашалася шляхам насычэння буднічнага інтэр'ера культавымі, абрадавымі і дэкаратыўнымі прадметамі (з абавязковай рэгламентацыяй іх матэрыяла, колькасці, колеру, арнаментыкі, месца размяшчэння і г. д.). Сукупнасць усіх гэтых элементаў семантычна пераўтварала інтэр'ер жылля.

У сувязі з тым, што святочны інтэр'ер вырашаўся на выснове штодзённага, лічым неабходным даць агульную характарыстыку апошняга. Для штодзённага інтэр'ера была характэрна наступная сістэма мастацка-дэкаратыўных элементаў: гліняная падлога, бярвенчатыя сцены, абразы, упрыгожаныя сціплымі «набожнікамі», «пол», засцелены бела-шэрай ці двухкаляровай посцілкай; навалачкі падушак з нявыбеленага палатна без каляровых тканых упрыгожванняў, на жэрдках вісела штодзённае адзенне. Па звестках інфарматараў Віцебскай губерні, на большай частцы рэгіёна ў канцы XIX — пачатку XX ст. стол у звычайныя дні не пакрывалі настольнікам («настольнік засцілалі толькі ў нядзельку»).

Найбольш пачэснай часткай інтэр'ера беларускага народнага жылля канца XIX — пачатку XX ст. быў чырвоны кут («покуць»). Прастора ў чырвоным куце мела ярка выражаны знакавы характар. Яе каштоўнасць узрастала ў кірунку да самага сакральнага месца — пад абразамі. Сядзець «на куце» лічылася пачэсным у беларускіх сялян, тут звычайна сядзеў гаспадар хаты альбо званыя госці. У вясельнай абраднасці былі пэўныя месцы для прадстаўнікоў жаніха і нявесты, улічваўся новы статус удзельнікаў вяселля, іерархія на кожным эта-

пе рытуала. Жаніх абавязаны быў выкупіць месца побач з нявестай у чырвоным куце.

Семіатычная роля чырвонага кута падкрэслівалася і тым, што тут захоўваліся найбольш значныя культурныя сімвалы: абразы, Біблія, малітоўныя кнігі, крыж, свечкі, а пазней і фотаздымкі памерлых сваякоў. За абразамі знаходзіліся і галінкі вярбы, якія асвяшчаліся ў «вербную нядзелю». Дзякуючы высокаму семіатычнаму статусу падчас свят вярба сакралізавалася і выкарыстоўвалася супраць хваробы і навальніцы.

Высокі знакавы статус абразоў, якія знаходзіліся ў чырвоным куце, патрабаваў і адпаведных паводзін чалавека з імі. Абразы нельга было прадаваць, але ж яны маглі быць абмененымі. Іх нельга паліць ці знішчаць, іх можна было толькі зарываць ці пускаць па вадзе. Чысцілі абразы двойчы ў год: перад Раством і Пасхай. Ваду, якой мылі абразы, вылівалі звонку.

Цікава, што тапор кладзецца пад лаўку лязом да сцяны, а абухом да хаты, у той жа час адвярнуць абраз тварам да сцяны лічылася грахом.

Сярод прадметаў, якія размяшчалі ў бажніцу, асаблівае значэнне надавалася свечкам, сярод якіх былі вянчальныя, Велікодныя, грамнічныя, чацвярговыя. Усе яны выкарыстоўваліся падчас хваробы, родаў, навальніцы, пажару. У апошнім выпадку асаблівай сілай надзялялася чацвярговая свечка.

У каляндарным цыкле чырвоны кут адзначаны як месца для першага і апошняга снапа, якія ставяць пад абразамі. Важнейшым элементам не толькі чырвонага кута, але ж і ўсёй жылой прасторы быў стол. Так, Н. Я. Нікіфароўскі пісаў, што за «оцецкім сталом» мае месца ўсё лепшае ў жыцці селяніна, стол як мэбля стаіць вышэй, чым астатнія рэчы ў хаце: пусціць на стол кошку, курыцу ці дзіця лічылася ганебным, таму што на ім ляжаў дар божы — «хлеб і соль». Стол быў вельмі важнай часткай ва ўсіх народаў, так, напрыклад, у Славакіі не хацелі набываць дом без стала. Такія адносіны да стала звязаны з асаблівасцямі яго семантыкі. У традыцыйных уяўленнях амаль паўсюль праводзіліся аналогіі паміж сталом у хаце і алтаром, прастолам у царкве. Цікава, што чырвоны кут не толькі аздабляўся, як алтарная частка храма (кіёт з абразамі, свечкі, Біблія і г. д.), але ж у гэтым куце і весці сябе трэба было адпаведна. Прычым сістэма матывіровак заснавана на тым, што гэта алтарная частка дома: «Лічылася грахом стучаць па сталу, за якім ядзяць, і тым, хто гэта рабіў, казалі: не бей стала — гэта божая далонь».

Зафіксавана мноства магічных абрадаў і павер'яў, звязаных са сталом на Каляды. Стол да рытуальнай каляднай вячэры накрывалі святочным абрусам. Разам з сенам пад абрус насыпалі зерне розных культур. Калі са стала здымалі сена, то глядзелі, якіх зярнят засталося больш: ураджай менавіта гэтага роду хлеба будзе большы. Гэтыя зерні надзялялі магічнай сілай урадлівасці і дабаўлялі іх у насенне. Вячэра суправаджалася магічнымі дзеяннямі, звязанымі з аграрным і ахоўным магічным культам.

Са сталом былі звязаны і іншыя абрадавыя дзеянні. Так, у першы дзень Каляд вілі шворку і звязвалі ёю ножкі стала, каб скаціна «не травіла палёў». Этнаграфічныя матэрыялы паказваюць, што абвязванне ножак адбывалася і з іншых нагод і з самымі рознымі матывіроўкамі. Так, выкананне гэтага звычая забяспечвала поспех у асаджванні раёў пчол (в. Докшыца Барысаўскага павета Мінскай губерні). П. Г. Багатыроў, прааналізаваўшы гэты абрад, зрабіў выснову, што нягледзячы на розніцу ў народных тлумачэннях гэты абрад падпарадкоўваецца наступным законам магіі: закону кантакту і закону падабенства.

Чырвоны кут быў звязаны з абрадамі, якія рэгулiравалі сацыяльны аспект жыцця чалавека, яго сацыялізацыю і дэсацыялізацыю. Так, у выпадку цяжкіх родаў парадзіху абводзілі вакол стала. Е. Раманаў адзначае, што неабходна было абвесці парадзіху вакол стала, засланага настольнікам, дзеля таго, каб нарадзіўшыйся быў прывязаны да дому і жыў у дастатку. Такім чынам стол уключаўся ў сістэму ўяўленняў аб добрым сыходзе родаў.

У этнаграфічных апісаннях штораз прыгадваецца і тое, што маладых урачыста абводзілі вакол стала. Гэта пацвярджаецца і палявымі матэрыяламі аўтара: перад тым, як ехаць у царкву, бацькі благаслаўлялі маладых і тройчы абводзілі вакол стала. Стол у вясельным абрадзе з'яўляўся цэнтрам найбольш каштоўнай у рытуальным значэнні часткі дома. Менавіта за сталом адбывалася канчатковае далучэнне нявесты да новага дому, да новай сям'і: за сталом адбывалася адкрыванне маладой, благаслаўленне маладых.

Не менш значнай лічылася прастора чырвонага кута ў пахавальнай абраднасці. Устойлівая сувязь чырвонага кута з комплексам уяўленняў аб смерці, продках праяўляецца ў дні памінання дзядоў. На саракавы дзень чакалі нябожчыка дахаты. У вялікім куце слалася чыстая пасцель для госця. На стол ставіўся дадатковы посуд.

Устойлівае дыяганальнае размяшчэнне «чырвоны кут — печ» толькі падкрэслівае іх сувязь. Характэрна, што некаторыя абрады маглі адбывацца як у чырвоным куце, так і каля печкі (напрыклад далучэнне нявесты да дому жаніха ў вясельным абрадзе). Гэта праяўлялася ў Віцебскай губерні і ў радзінных абрадах. Так, кума клала хлопчыка на «господарьское мейсцо» (у чырвоным куце), а дзяўчынку — на прыпечак, бліжэй да «каня», каб яна ў будучым любіла «кухарыць». Часам клалі дзіця пад стол, каб яно было «шпаркім», прыткім [7, с. 22].

З печчу быў звязаны культ агню. У кожным сялянскім жыллі існаваў хатні ачаг і так званы ў народзе «свой агонь». У этнаграфічных апісаннях неаднаразова адзначаецца, што ў пэўныя дні, асабліва на святы, а таксама ў дзень пачатку «сяўбы», лічылася за грэх даваць суседу з хаты агонь, а калі пазычалі, то з абавязковай умовай вярнуць «жар». Паўсюдна на Беларусі бытавала павер'е, што гаспадар, які падчас святак дае агонь, будзе мець страты ў гаспадарцы. Па звестках інфарматараў, лічылася, што разам з пазычаным агнём да даўжніка як быццам бы пераходзіў і паспяховы рост хлябоў. З гэтай нагоды «парадзіха на працягу дзевяці тыдняў не пазычала агню з хаты». Апытанне інфарматараў з нагоды сэнсавага значэння дадзенага звычая выявіла наступнае: «нікому не давай агню, а то дзіця будзе недаўгавечным» (в. Маргавіца Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці) [5]; «суткі нічога не давалі, каб дзіця плаксівым не было» (в. Цна Лагойскага раёна Мінскай вобласці); «не давалі агню, каб адзежа хутка не рвалася» (в. Вароўскае Барысаўскага раёна Мінскай вобласці) [6].

Па меркаванню Д. К. Зяленіна, у выснове ўсіх гэтых абмежаванняў ляжалі вельмі старажытныя магічныя ўяўленні аб нечысціні родаў і аб неабходнасці магічнага ачышчэння.

Тыя ж самыя ўяўленні аб «сямейным агні» можна бачыць і ў звычаі забіраць з сабою, пераходзячы ў новае жыллё, агонь са старой хаты; замест агню можна было ўзяць галавешку, гаршчок з вуголлем ці нават качаргу, чапялу ці іншую прыналежнасць печкі [4, с. 323 — 324].

У літаратурных крыніцах зафіксавана шмат звестак аб радзінных абрадах, звязаных з печчу. Асабліва гэта бачна ў абрадавых дзеяннях, звязаных з неабходнасцю пераразмеркавання «агульнага шчасця» [1, с. 52 — 53], што праяўлялася як у абрадзе «бабіна каша», дзе дзіця ўмоўна атрымоўвала сваю частку агульнага шчасця, так і ў абрадзе «дадзелыванне» дзіцяці, пра які піша Н. Я. Нікіфароўскі. У дзень хрэсьбін усе рытуальныя дзеянні былі накіраваны на фарміраванне

здароўя дзіцяці: падымалі хлеб угару і ламалі яго, падкідвалі кашу да столі (каб дзіця хутчэй расло); хросныя павінны былі шмат размаўляць (каб дзіця хутчэй пачало размаўляць); хросныя перад ад'ездам адпачывалі (каб дзіця спакойным было) [7, с. 22].

Печ займала выключнае месца ў вясельных абрадах і звычаях беларусаў.

У вясельным абрадзе месца за занавескаю, у бабіным куце ці за пячным слупом — месца нявесты. Яе рытуальна адзначаны шлях — з бабінага кута ў чырвоны. Дружка спявае: «Ад печкі ад цаглянае ад слупа гарамычнага па падлозе цясовай да століка дубовага, за абрусы вышываныя...». У той жа час «сюжэт жаніха» пабудаваны на пераадольванні мяжы, у тым ліку паміж «мужчынскай» і «жаночай» часткамі жылля:

Ён па новым сенцам пахажывае
Каблукамі палы праламывае
Ён ідзе ў чыстую хату
За белую занавеску...

Самым значымым у рытуальных адносінах быў пячны слуп. Сляды архаічных вераванняў з пячным слупом найлепш захаваліся ў беларускай традыцыі, дзе ён так і называецца — «дзед», «канявы слуп, столб» ці проста «конь». Слуп размяшчаўся каля печкі і ў старажытнасці быў адначасова і ахвярнікам, і тым свяшчэнным месцам, на якое станавіўся жрэц ці іншы выканаўца абрадаў [8, с. 172]. Рысы выключнай старажытнасці можна прасачыць у так званым «сталбавым абрадзе» беларускага вяселля. Гэты вясельны абрад зафіксаваны П. В. Шэйнам у в. Прудкі Смаленскай губерні. «Благаслаўленне, якое называлася "радаю", аднолькава адбывалася як у хаце нявесты, так і ў хаце жаніха. Бацькі бралі хлеб, пасыпаны соллю, і абраз і благаслаўлялі ім сваіх дзяцей, якія кланяліся ім у ногі, потым аддавалі гэты хлеб і абраз свахам і дружкам». Пасля гэтага дружка браў са стала гарэлку і пірог, садзіўся на слуп і крычаў:

У гэтай хатцы
Ёсць оцець і маці
Жоночкі белоголовочкі
Пановья,мужовья
Смірная беседа
Ігліцы, паліцы

Красівые дзевіцы
Благословіце
Свадзьбу зачаць
Якъ маць нарадзіла
Так і благословіла.

Пасля гэтага ўсе, хто быў у хаце, спявалі разам:

Божія радынька, радовалася сердынько Петрушкіно,
Божія радынька перелецела через всю родзіну Петрушкіну,
Радуйся сердынько моей матушкі. Радуйся!
Тоды мое сердынько радовалося,
Як мое чадынько зарождалося
А цяпер сердынько як в унывъ пошло [2, с. 447 — 448].

У апісанні з Віцебшчыны, хросны бацька, які сядзеў на куце, падчас выканання «стаўбавой песні» адзін пірог клаў на бажніцу, як бы прыносячы ахвяру, а другі кідаў запявале, які сядзеў на «стаўпе» [3, с. 229 — 231]. У найбольш ранні перыяд кавалкі пірага і гарэлка на стол не падаваліся, а пасылаліся запявалай «са стаўпа». Па меркаванню М. М. Нікольскага, гэта сведчыць аб тым, што ў застоллі ўдзельнічала «рада багоў», якая займала месца «на стаўпе» і якая благаслаўляла, пасылаючы ежу і напоі людзям [8, с. 173], што пацвярджаецца фальклорнымі матэрыяламі.

Выразна бачна сувязь з печчу і агнём як жыццёвым пачаткам у пахавальнай абраднасці. Калі чалавек паміраў, адчынялі юшку коміна, дзверы. Чалеснік печы і пячное начынне беларусы таксама надзялялі магічнай сілай. Так, па звестках інфарматараў у Віцебскай губерні, вяртаючыся пасля пахавання дахаты, браліся за «чалеснік» печы, каб не баяцца нябожчыкаў і пазбавіцца ад пагрозы смерці. Н. Я. Нікіфароўскі адзначае, што гэта рабілі, «каб смерць анямела, як печ, і каб акалелі клапы, прусакі і тараканы» [7, с. 292]. Аб гэтым піша і П. В. Шэйн у матэрыялах, дасланых яму інфарматарамі з Віцебскай губерні: «Вяртаючыся з могілак, перш за ўсё падыходзяць да печы і, пагладзіўшы яе тройчы рукамі, прыгаварваюць: "Хай пімараюць прусакі і тараканы, а не людзі"» [2, с. 521]. У гэтым звычаі печ выкарыстоўвалі дзякуючы распаўсюджаным уяўленням аб ачышчальных якасцях агню.

Пячное начынне па гэтай жа прычыне разглядалася на Віцебшчыне як магічны сродак у барацьбе супраць «нябеснай» вады. Універсальным

сродкам для папярэджвання града, дажджу ці буры з'яўлялася выкідванне на вуліцу хлебнай лапаты. Так, у в. Бабцы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці, «каб град не пайшоў, трэба і качэргі, і мяцёлкі, і лапаты павыкідваць». Бытавалі і іншыя варыянты. Па словах З. М. Барсуковай (1919 г. нараджэння, в. Цна Лагойскага раёна), «каб гразы не было, хлебную лапату выкідвалі ва двор, а на акно ставілі ікону» [6].

Зыходзячы з вышэйсказанага, гаворачы аб выкарыстанні прадметаў інтэр'ера ў звычаях і абрадах беларускага народа, можна казаць аб шматзначнасці іх функцыянальнага прызначэння. Гэта, перш за ўсё, функцыі аховы будучага ўраджая, здароўя людзей і хатніх жывёл. Абрадавыя дзеянні з прадметамі інтэр'ера ў многіх выпадках былі абумоўлены захаванасцю перажыткаў язычніцкіх вераванняў, аб чым сведчаць рытуальныя дары-ахвярапрынашэнні ў выглядзе частавання коміну, дароў духам новага дома пры перасяленні, ахвярапрынашэнні пячному слупу, задабрыванні «дзядоў» і дамавога. Як сведчаць этнаграфічныя матэрыялы, к канцу XIX — пачатку XX ст. сэнс абрадаў часта быў страчаным ці набыў новае тлумачэнне.

Літаратура і крыніцы

1. Байбурин, А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А. К. Байбурин. — С. -Петербург : Наука, 1993. — 238 с.
2. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном [Текст] / сост. П. В. Шейн; Императорская Академия Наук, Отделение русского языка и словесности. — С.-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1890. — Том I : Бытовая и семейная жизнь великорусса в обрядах и песнях. Часть II. — 1890. — XXXI, 708 с. : 2 л. ил.; 4 с. нот. — (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук; том LI. № 3).
3. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном [Текст] / сост. П. В. Шейн; Императорская Академия Наук, Отделение русского языка и словесности. — С.-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1893. — Том II : Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи и проч. — 1893. — XX, 715 с. — (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук; том LVII).
4. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном [Текст]: в 3 т. / сост. П. В. Шейн; Императорская Академия Наук, Отделение русского языка и словесности. — С. -Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1902. — Т. 3. — IV, 535 с. — (Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук; том LXXII. № 4).
5. Матэрыялы экспедыцыі Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту ў Докшыцкі раён Віцебскай вобл. у 1981.
6. Матэрыялы экспедыцыі Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту ў Лагойскі і Барысаўскі раёны Мінскай вобл. у 1987 г.
7. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н. Я. Никифоровский. — Витебск, 1897. — 338 с.
8. Никольский, Н. М. Происхождение и история белорусской свадебной обрядности / Н. М. Никольский. — Минск, 1956. — 273 с.

Н. Я. Трифонова (Минск)

ТРОИЦКАЯ ЦЕРКОВЬ МАРКОВА МОНАСТЫРЯ И ЕЕ РОСПИСИ

Марков монастырь был основан в 1642 году Львом Самуилом Огинским, тиуном оршанским, троцким. На месте сгоревшей в 1690 году деревянной церкви его сыном Симеоном была выстроена новая, в которой находились известные росписи. По архивным данным, она освящена 31 мая 1691 года в честь Св. Троицы по благословению епископа черниговского Лазаря Барановича игуменом Феофаном Ивановичем [6, л. 73].

Троицкая церковь представляла собой крещатое в плане трехсрубное сооружение. Наряду с центральным куполом, возвышавшимся над средокрестием, боковые ветви креста были перекрыты шатрами, завершенными главками. Церковь окружала со всех сторон открытая галерея с резными колонками. Снесена в 1920-е годы.

В документальных источниках не сохранилось точных данных о времени создания стенописи. Первые известные нам упоминания о росписях относятся к 1818 году [5, л. 26 об.], но уже к 1839 году они были поновлены, что отразилось на их составе. Так, в составленной годом ранее описи в алтаре на правой стороне Св. Престола во втором ярусе отмечено изображение св. Митрофана, епископа Воронежского и Чудотворца, канонизированного в 1832 году [7, л. 1].

В конце XIX в. изображения в пяти куполах Троицкой церкви Витебского Маркова монастыря подробно описал секретарь витебского статистического комитета А. М. Сементовский. Им отмечена также композиция, представлявшая князя Владимира, закладывающего церковь Святого Спаса [11, л. 119]. Храмы Витебска и Полоцка, в том числе Маркова монастыря изучались в ходе подготовки девятого археологического съезда, состоявшегося в Вильне, членом Археологической комиссии А. М. Павлиновым. Материалы этих исследований были опубликованы в статье «Древние храмы Витебска и Полоцка». Описывая интерьер Троицкой церкви Маркова монастыря, ученый замечает: «Внутренность церкви расписана по доскам и не представляет никакого интереса» [9, с. 23]. Подобная негативная оценка кроме авторской субъективности может быть объяснена позднейшими поновлениями росписей. В тематической широте и оригинальности трактовки сюжетов, в отличие от А. М. Павлинова, видел исключительную ценность росписей Троицкой церкви Маркова монастыря П. М. Красовицкий [4, с. 17].

Как видно из материалов, обнаруженных в 1940-х годах М. С. Кацером, неким Огинским было выдано вознаграждение за выполнение росписей витебчанину Павлу Игнатовичу и отпущенному на волю крепостному Ивану сыну Сергееву [3, с. 431]. Вероятно, речь идет о Мартине Огинском (1672 — 1750), сыне Симеона Кароля, отстроившего сгоревший храм, прямо названном в одном из документов попечителем Маркова монастыря [2, с. 35].

Посвящение монастырского храма празднику Троицы, который делился на два — Троицы и Сошествия Святого Духа, — во многом определило тематику росписей куполов. «В алтарном куполе, — сообщает А. М. Сементовский, — написано изображение Св. Духа, в

среднем — Св. Троицы, а на простенках его — четыре великих святителя и чудотворца: Василий, Григорий, Иоанн и Николай. В правом боковом куполе — Господь Саваоф, окруженный ангелами, держащими все орудия страдания и крестной смерти Спасителя. В левом находится изображение Пресвятой Девы Марии на облаках, а кругом ее — сонм пророков с хартиями в руках. В последнем, т. е. западном куполе помещено апокалипсическое изображение Иисуса Христа с выходящим из уст его мечом, а пред ним семисвечник» [11, с. 119].

Композиция «Троица» в центральном куполе Троицкой церкви Маркова монастыря, заменившая традиционное изображение Спаса Вседержителя, аналогична размещению «Отечества» (вариант Троицы) в Свияжском соборе (XVI в.), Архангельском соборе Московского кремля, церкви Иоанна Предтечи в Ярославле (XVII в.). Если считать, что в данном сюжете центральной являлась фигура Христа, то расположение в соседних куполах Св. Духа и Саваофа — своеобразное раскрытие идеи тройственности божества. Композиции, представлявшей Богоматерь в окружении пророков, очевидно, соответствовали изображения в куполе московского Успенского собора (тип Знамение), церкви Иоанна Предтечи в Ярославле. Представленные в западном куполе апокалипсические сюжеты трактуются их автором подобно В. Кореню в «Библии» (1692—1696) «не столько как мотив Страшного суда, но как торжество добра над злом, не столько как конец мира, но как торжество света» [10, с. 39]. Его воплощением становится занимавшая центральное место фигура Христа в белоснежных одеждах. Постановка фигуры Спасителя, на наш взгляд, близка его изображению на одноименной гравюре Матфея Мериана (1593 — 1650) для «Novum Testamentum» (Basel, 1650). На гранях шатра располагались композиции, представлявшие видение престола с четырьмя животными (Ап-с, гл. 4), третьего и седьмого трубящих ангелов (Ап-с, гл. 8, 11), сильного ангела с раскрытой книгой (Ап-с, гл. 10), видение зверя с семью головами (Ап-с, гл. 13), вавилонскую блудницу (Ап-с, гл. 17), ангела, провозглашающего падение Вавилона (Ап-с, гл. 18), а также два изображения, иллюстрирующие главы 20, 21. Будучи связанным архитектоническими особенностями расписываемой поверхности, художник несколько сокращает традиционный для иллюстрированных Апокалипсисов ряд изображений. Так, вместо семи изображений трубящих ангелов в издании Лютера (1534) и у мастера Прокопия (Киев, 1646 — 1662) представлены только два. Отсутствует также изображение четырех всадни-

ков. Включение в состав росписей изображения вавилонской блудницы, восседающей на звере, семи ангелов, льющих из чаш гнева, не встречающихся ни среди гравюр Прокопия, ни в «Библии» Кореня, свидетельствует о том, что автору был знаком либо цикл гравюр Апокалипсиса Лютера, либо одно из иллюстрированных латинских изданий, создававшихся под его влиянием. Косвенно это подтверждается отмеченным выше сходством изображений Христа на витебской росписи и гравюре Матфея Мериана. В связи с этим важно отметить, что в описи монастырской библиотеки за 1818 год значится латинский Апокалипсис «в осьмушку с фигурами» [8, л. 19 об.]. Однако, следуя выработанным композиционным решениям, автор привносит в изображение свойственное народному творчеству непосредственное восприятие библейского текста, проявляющееся в простонародном характере образа Саваофа, выглядывающего из-за облаков в росписи «И третий ангел вострубил» (подобный типаж встречаем на иконах латыговского мастера 1740-х годов, одна из которых хранилась в Казанской церкви Маркова монастыря), в типичных для Витебщины и Полотчины архитектурных мотивах, долженствующих представлять гибнущий Вавилон.

Принцип организации живописного декора основной части интерьера здания заключался в порядовом расположении близких по своим размерам и композиционному решению изображений. Их многофигурность во многом определила выбор горизонтального формата, однако, в ряде случаев, подчиняясь конструктивным особенностям, например, членению плоскости стены оконным проемом, росписи компоновались по вертикали (1, конверт 13). Изображаемое действие, умело организованное ритмически, как правило, разворачивается в неглубоком пространстве. Изображения пророков, располагавшиеся в северном куполе, как бы начинали тему ветхозаветных видений и пророчеств, получившую свое развитие в росписях двух верхних ярусов: «Видение Иаковом лествицы», «Пророчество Аввакума», «Видение Иезекииля (Возстанут кости сухие)», «Видение Исайи», «Укрепление Гедеона». В ветхозаветный цикл вошли также сюжеты, связанные с пророками Авраамом, Ильей, Моисеем, Ионой, Даниилом, а также Иосифом Прекрасным.

Цикл новозаветных изображений сосредотачивался в основном в алтаре, а также северном приделе и притворе. В алтарной части наряду с изображениями «Благовещения» и «Поклонения пастухов» находились «Страсти Христовы». Значительное место в христологическом цикле занимали изображения чудес и событий, последовавших за Воскресением («Явление Христа Марии Магдалине», «Уверение Фомы» и другие). Развернутые драматические действия представляли такие росписи как «Жено, прощаются тебе греси твои», «Усмирение бури». Первая представляет встречу Христа и грешницы в доме некого фарисея. В центре, параллельно плоскости стены, изображен стол, за которым сидит Христос с учениками и фарисеем. Движения протянутых рук фарисея и ближайшего к Христу апостола направляют взгляд зрителя к смысловому центру росписи — Христу и коленопреклоненной женщине. Фигура Христа, как и остальных, дана в активном движении. Он наклонился вперед, разведя в стороны руки, как бы благословляя и останавливая одновременно. В правом верхнем углу изображена драпировка, открывающая колоннаду, за которой просматривается пейзаж.

В росписи «Усмирение бури» среди переданных белильными штрихами волн изображена лодка с взволнованными апостолами и Христом, который спит в носовой части, положив ладонь под голову. Ближний из учеников тянется рукой к плечу Христа, пытаясь прервать его сон.

Иконография этой росписи, как и композиции «Путь в Эмаус», восходит к одноименной гравюре уже упоминавшегося Матфея Мериана для «Novum Testamentum» (Basel, 1650), повторяя ее в зеркальном отражении.

В рассмотренных росписях ощущение драматизма передано не только выразительными движениями фигур с сознательно нарушенными в ряде случаев пропорциональными соотношениями, но и с помощью умелого использования светотеневых эффектов.

Отдельный ряд среди росписей притвора составляли композиции, представлявшие страдания апостолов, а также иллюстрировавшие Киево-Печерский Патерик. В качестве образца для одной из росписей этого цикла была использована выполненная Л. Тарасевичем гравюра из «Патерика Печерского» 1702 года. Ряд особенностей изобразительного языка группы росписей, представлявших страдания апостолов (симметричность композиции, статичность фигур, наделенных при всех недостатках в рисунке выразительными характеристиками), сближает их с народным творчеством.

Стенопись Троицкой церкви Маркова монастыря впечатляет тематической широтой и оригинальностью трактовки сюжетов, являясь единственным известным примером росписи пятикупольного храма

в Беларуси XVII — начала XVIII в. Если схема расположения росписей в куполах, вероятно, может свидетельствовать о знакомстве с системой декорировки русских пятикупольных храмов, то расположение в алтаре наряду с евангельскими сюжетами изображений страстей Христовых, а в притворе — композиций, представлявших страдания апостолов, находит себе аналогии в стенописи Кутеинского и Тупичевского монастырей. Своеобразен изобразительный язык росписей, находившийся в тесном единстве с отмеченными приемами декорировки. Прослеживающаяся игра светлых и темных пятен создавала декоративный эффект и подчеркивала плоскостной характер изображения. Созданию ощущения живописного ковра способствовало также наряду с использованием графического элемента в виде поясняющего текста плоское орнаментальное обрамление каждой росписи.

Литература и источники

1. Архив Института искусствознания, этнографии и фольклора Национальной Академии наук Республики Беларусь. — Фонд М. С. Кацера. — Папка 8. — Конверт 13. Росписи Маркова монастыря.
2. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске: В 32 вып. — Витебск: Тип. Губ. правл., 1895. — Вып. 26. — 516 с.
3. Кацер, М. С. Искусство Белоруссии / М. С. Кацер // История искусства народов СССР: В 9 т. — М. : Изобр. искусство, 1976. — Т. 4: Искусство конца XVII — XVIII веков / под ред. А. Ю. Нурок и М. А. Орловой. — С. 225 — 252.
4. Красавицкий, П. М. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение / П. М. Красавицкий // Полоцко-Витебская старина. — Витебск, 1911. — С. 1 — 64.
5. НИАБ. — Ф. 2548 — Оп. 1. — Ед. хр. 34. Опись имущества Витебского Маркова монастыря. 1818 г.
6. НИАБ. — Ф. 2548. — Оп. 1. — Ед. хр. 54. Ведомость о Свято-Троицкой церкви витебского Маркова монастыря. 1910—1912 гг.
7. НИАБ. — Ф. 2548. — Оп. 1. — Ед. хр. 78. Опись изображений в Троицкой церкви Маркова монастыря. 1838 г.
8. НИАБ. — Ф. 2548. — Оп. 1. — Ед. хр. 854. Каталог книг библиотеки Витебского Маркова монастыря. 1882 г.

9. Павлинов, А. М. Древние храмы Витебска и Полоцка / А. М. Павлинов. // Труды IX археологического съезда в Вильне. — Москва : Тип. Лисснера и Романа, 1895. — Т. 1. — С. 1 — 27.
10. Сакович, А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня, 1692 — 1696 / А. Г. Сакович. — Москва : Искусство, 1983. — 167 с.
11. Сементовский, А. М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. — С. -Петербург : Типолитогр. П. Стефанова, 1890. — Вып. 1. — 136 с.

Л. У. Вакар (Віцебск)

ПОМНІКІ ЦАРКОЎНАЙ ДАЎНІНЫ ВІЦЕБШЧЫНЫ ЯК УЗОРЫ МАСТАЦТВА ПРЫМІТЫВА

Мастацтва прымітыва як самакаштоўны эстэтычны феномен было асэнсавана на працягу ХХ стагоддзя, і сваёй актуалізацыяй абавязана развіццю авангарда, зарыентаванага на абнаўленне сродкаў пластычнай выразнасці за кошт прыёмаў, нагледжаных у пазаеўрапейскім мастацтве, дзіцячай творчасці, творчасці мастакоў-самавукаў і ў помніках еўрапейскай народнай і сярэдневяковай культуры.

На Віцебшчыне цікаўнасць да ўласнай культурнай спадчыны абудзілася ў 1890-я гады, калі распачалася работа па вывучэнню культавых помнікаў, іх мастацкага аздаблення ды шырокага кола рэчаў царкоўнай даўніны [9; 1, арк. 65—73]. Акрамя гістарычнага даследавання паступова прыходзіла разуменне іх эстэтычнай каштоўнасці і адметнасці. Сярод першых аб'ектаў, якія прыцягнулі ўвагу краязнаўцаў, былі роспісы драўлянай Троіцкай царквы (1691) Віцебскага Маркава Свята-Троіцкага манастыра [4, с. 65]. На жаль, яны дайшлі да нас праз апісанні даследчыкаў [8, с. 241; 14, с. 108—110] і ў некалькіх чорна-белых фотаздымках [5, 1]. Але яшчэ на мяжы XIX і XX стагоддзяў гэты храм, ад падлогі да купалоў пакрыты сценапісам, быў у добрым стане.

У мастацтвазнаўчай літаратуры дадзены помнік разглядаецца як узор стылёвай трансфармацыі візантыйскай традыцыі ў часы барока

і адзначаюцца яго некананічныя рысы. Перш за ўсё падкрэсліваецца вельмі своеасаблівая тэхніка: драўляныя сцены не былі атынкаваны, а паверх іх было наклеена палатно з роспісам, і гарызантальныя лініі шырокіх дошак праступалі на паверхні. Але гэта не шкодзіла ўспрыманню біблейскіх сюжэтаў. Пра іх паўнату і адпаведнасць рэлігійнай догме сведчыў сам іераманах Маркава манастыра айцец Сергій: «Аглядзіцеся, толькі ўважліва і з глыбокай пашанай, і вы прачытаеце тут усю Св. Біблію, даведаецеся ўсю гісторыю, і старазапаветную, і евангельскую, і ўсёй ваяўнічай Царквы на зямлі, да заканчэння самых апошніх часоў яе існавання, якія адкрыты ў Апакаліпсісе» [4, с. 65].

Паводле літаратурных крыніц, роспісы Маркава манастыра стваралі карціну містычнага яднання неба і зямлі, што цалкам адпавядае візантыйскаму канону дэкора інтэр'ера храма, скіраванага на адлюстраванне ідэі еднасці Царквы нябеснай і Царквы зямной. На алтарным купале знаходзілася кампазіцыя «Святы Дух», на цэнтральным — «Новазапаветная Тройца», на бакавым правым купале — Саваоф і анёлы, якія трымаюць усе прылады пакут і смерці Хрыста, на левым бакавым — Маці Боская на воблаках у атачэнні прарокаў са скруткамі, на заходнем купале — выява Збавіцеля са знакамі апакаліптычнага характару. На сценах, ветразях і падкупальных прасценках было размешчана 158 шматфігурных сюжэтаў і 10 выяў святых, якія прадстаўлялі сцэны са Святой гісторыі і гісторыі праваслаўнай царквы. Фотаздымкі роспісаў купалаў храма, якія захоўваюцца ў фондах Віцебскага краязнаўчага музея [5], ўражваюць паўнатой метафізічнай карціны будовы свету ды нябеснай іерархіі. Ва ўсім ансамблі роспісаў значную ролю адыгрываюць новыя жывапісна-пластычныя прыёмы барочнага характару, якія дзякуючы сваёй экспрэсіі і пачуццёвасці надаюць ім звышпераканаўчасць. Асабліва вылучаецца жывапіс на сценах цэнтральнага васьміграннага шатра, дзе дадзена сцэна прадстаяння шматлікага натоўпу насельнікаў рая начале з архангеламі. Мастак адмаўляецца ад умоўна-сімвалічнага выяўлення і стварае наіўнарэалістычную карціну заселенасці нябёсаў. Тэма духоўнай еднасці, саборнасці выяўлена непасрэдна і пераканаўча.

Барочныя ўплывы сказваліся таксама праз пашырэнне праваслаўнай іканаграфіі заходнееўрапейскімі матывамі, узмацненне дэкаратыўнага пачатку і драматызацыю сюжэтаў. Манументальная статыка і сімвалізм візантыйскага сценапісу замяняліся

рэнесансна-барочным прасторавым жывапісам з элементамі містыкі і псіхалагізму ў выяўленні святых вобразаў. Пераход з адваротнай да прамой перспектывы адбываўся праз пэўныя фармальныя кампрамісы, якія заўсёды маюць індывідуальны характар, бо залежаць ад ступені вынаходніцтва мастакоў. Менавіта яны складаюць аснову той прымітывісцкай стылістыкі, якая набліжае сакральны жывапіс XVII – XVIII стагоддзяў да народнай творчасці.

Калі ў 1890-я гады роспісы Троіцкай царквы Маркава манастыра пабачыў Ілля Рэпін, то прышоў да высновы, што яна распісана таленавітымі мастакамі-самавукамі. Аўтарамі гэтага сценапісу лічыцца Павел Ігнатовіч і адпушчаны на волю прыгонны мастак Іван сын Сяргееў [8, с. 431]. На захаваўшыхся фотаздымках кампазіцый на тэмы прытчаў відавочна, што аўтары імкнуліся максімальна выявіць глыбіню прасторы і адначасова захаваць франтальны характар паказу персанажаў, што давала ім больш магчымасцяў у іх характарыстыцы і адпавядала візантыйскай эстэтыцы.

Кампазіцыя «Хрыстос на шляху ў Эммаус» мае фрызавы характар, дзе Хрыстос і двое вандроўнікаў рухаюцца ўздоўж пярэдняга краю як бы насустрач гледачу. Фонам для іх служыць пейзаж з высока ўзнятым даляглядам, дзе бачны сілуэт старажытнага горада. Сюжэт распавядае пра з'яўленне Хрыста вучням пасля яго ўкрыжавання (Лк, XXIV, 13). Ён далучыўся да іх па дарозе і, не пазнаны імі, распавёў, пачынаючы ад Маісея, пра ўсе прароцтвы аб ім, дакараючы вучняў за іх бязвер'е. Па настойліваму запрашэнню Хрыстос зайшоў у паселішча, дзе падчас вячэры быў распазнаны праз праламленне хлеба, пасля чаго стаў нябачным.

Мастак адлюстроўвае момант, калі Хрыстос у дарозе вядзе гутарку са сваімі спадарожнікамі, падкрэсліваючы яго боскую прыроду ззяннем вакол галавы, а таксама асаблівай рытмікай руху, адрознай ад імклівай хады спадарожнікаў. Ён спалучае два стылістычныя прыёмы: візантыйскі матыў прадстаяння ў вобразе Хрыста і ўзрушаную барочную экспрэсію ў выяўленні вучняў. Хрыстос нібы знаходзіцца ў двух сітуацыях: разам з вучнямі ідзе па дарозе і адначасова звяртаецца да вернікаў у храме, велічна і ўрачыста ўздымаючы руку да неба. Мастак паслядоўна раскрывае евангельскі сюжэт і адначасова захоўвае неабходную для манументальнага жывапісу сувязь з літургічнай прасторай храма.

У кампазіцыі «Супакойванне бурлівага мора» мастак паказвае разгул воднай стыхіі: лодку з Хрыстом і яго вучнямі вось-вось за-

льюць і патопяць хвалі мора. Лодка напісана паралельна плоскасці палатна, але яе карма ненатуральна павернута да гарызонту, і гэта дае магчымасць выявіць амаль у анфас усіх персанажаў, раскрыць іх эмацыянальна-псіхалагічны стан. Усе яны ахоплены панікай, і толькі Хрыстос бестурботна спіць. Супрацьпастаўленне спалоханых твараў апосталаў і ціхага спакою спячага Хрыста раскрывае драматызм сцэны. Зараз ён прачнецца ад штуршка сівабародага старца, супакоіць вецер і мора ды скажа сваім вучням: «Што вы так баязлівы? Як у вас няма веры?» (МК. 4:38-41).

Сюжэт выяўлены ў самы драматычны момант, і яго напружанасці спрыяе экспрэсія недарэчных ракурсаў персанажаў і пластычных скажэнняў формы, а таксама надзвычай дынамічнае пісьмо на першым плане хваляў вады, што паглынаюць лодку. Галава і тулава крайняга ў лодцы чалавека павернуты ў розныя бакі (цікавы ўзор ненаўмыснага сімультанізму[a]) і сваім дэзарыентаваным рухам ствараюць вобраз жаху. У цэнтры лодкі чалавек імкнецца выправіць мачту, яго вялікая рука чапляецца за разарваныя ветразі непараўнальна меншых памераў і ўспрымаецца як жэст адчаю. Агульная маса постацей, намаляваных у непрапарцыянальных адносінах паміж сабой, істотна перабольшвае аб'ёмы лодкі і дае візуальную метафару бяды, імя якой — бязвер'е і богапакінутасць. Неправільныя прыёмы выяўлення формы аказаліся вельмі трапнымі ў выказванні сэнсу евангельскай прытчы.

У кампазіцыі «Жанчына, даруюцца табе грахі твае» (Лк. VII. 36-50) аўтар апавядае пра ўрок, дадзены Хрыстом Сымону фарысею, які, паслухаўшы яго прамову, запрасіў яго да свайго дома на трапезу. У гэты час адна жанчына, вядомая як грэшніца, прынесла ў дом Сымона алебастравы сасуд з мірам і, укленчыўшы, абмыла слязьмі ногі Ісусу, абцёрла валасамі галавы сваёй і памазала мірам. Сымон, назіраючы гэтую сцэну, здзівіўся, што Хрыстос дазволіў грэшніцы дакранацца да сябе, і не паверыў, што яго госць з'яўляецца тым, за каго сябе выдае. На што Хрыстос распавёў прытчу пра дараваныя пазыкі і пацвердзіў, што даруе жанчыне за яе любоў і веру, а хто мала верыць і любіць, таму і менш даруецца.

[a] *Тэрмін «сімультанізм» шырока распаўсюджаны ў раннім авангардзе, вызначае практыку дэфармацыі выявы з мэтай адначасовага паказу на плоскасці розных бакоў трохмернага аб'ёму.*

Для выяўлення дадзенай гісторыі віцебскі майстар скарыстаў кампазіцыю, прыбліжаную да сцэны «Тайнай вячэры», змясціўшы па цэнтру вялікі стол і дзеючых асоб вакол яго. На самым першым плане сядзіць у цёмным строі ўкленчаная жанчына ля ног Хрыста. Хрыстос і Сымон выяўлены ў профіль і разведзены па баках стала, алегарычна ўвасабляючы сабой светлы і цёмны пачаткі. Франтальна да гледача размешчаны тры сведкі, якія рэагуюць на дыялог актыўнымі жэстамі рук, паказваючы сваю прыхільнасць да таго ці іншага боку. Дзеянне прачытваецца менавіта праз жэсты: распачынаецца актыўным зваротам правай рукі Сымона да Хрыста, перабіваецца рознаскіраванымі рухамі рук гасцей і завяршаецца ўсёдаравальным жэстам разведзеных у бакі рук Хрыста. Постаць Хрыста высвечана і сама выпраменьвае святло, ён узрушаны і раскрыты ўсяму свету. У аснове яго пластыкі ляжыць характэрны для стылістыкі барока спіралепадобны рух, драматызм якога дапамагае раскрыць дзейсную і самаахвярную ролю Хрыста, навучаючага даравацъ, любіць і верыць.

Драматызм сюжэта падкрэсліваецца і складаным кампазіцыйным рашэннем. Мастак практычна размяшчае на першым плане ўсё дзеянне, як бы ўбачанае прама і зверху. Стол з белым абрусам і талеркамі нахілены да гледача і з'яўляецца той цэзурай, якая дазваляе пры вельмі сціслай фізічнай прасторы выявіць духоўную дыстанцыю суразмоўцаў. Задні план с пейзажам за вокнамі ўспрымаецца як дэкарацыя, бо напісаны ў больш дробным маштабе адносна першага плана, але разам з тым пашырае межы кампазіцыі, звязвае прастору пакоя з прыродным атачэннем.

Ва ўсіх роспісах віцебскі майстар высока ўздымае лінію далягляду, размяшчае планы амаль адзін над адным, ад чаго глыбіня карціны прачытваецца праз рух вока па вертыкалі. Такім чынам мастак захоўвае плоскаснасць роспісу, неабходную для манументальнага жывапісу, і як бы апракідвае сцэны на гледача, што стаіць на падлозе храма. Ён добра адчувае прастору храма і пашырае яе за кошт маштабных кантрастаў пярэдняга і задняга (на самай справе, ніжняга і вышэйшага) планаў.

Акрамя сценапісу храмаў віцебскія краязнаўцы сабралі найвыдатнейшую калекцыю сакральнага мастацтва, якая стала асновай для музейнага збору горада [1, арк. 65—73]. З Троіцкай царквы ў гэты збор патрапілі скульптуры Маісея і Давіда, якія завяршалі шмат'ярусны іканастас [12, № 11, 12]. Гэта гарэльефная разьба,

якая выяўляе пракокаў па два бакі трохкутнага франтона, выразанага ў выглядзе пукатага воблака. Такая дасціпная інтэрпрэтацыя архітэктурнай дэталі іканастаса сведчыць аб узрастаючай тэндэнцыі дэкаратыўнасці, якая падпарадкоўвае тэктанічную аснову іканастаса выяўленчым мэтам. Наіўная фантазія разьбяра ў дадзеным выпадку праявілася ва ўсёй сваёй непасрэднасці.

Постаці пракокаў з'яўляюцца класічным узорам прымітывізацыі аб'ёмаў: пры скарочаных прапорцыях усяго тулава галовы выглядаюць занадта вялікімі. У скульптур страчаны рукі з атрыбутамі: скрыжалямі Маісея і арфай Давіда, якія па ўсім прыкметам мелі таксама вялікія памеры. Такія дыспрапорцыі ў выяўленні персанажаў характэрны для народных творцаў, якія заўсёды гіпербалічна падкрэсліваюць самае значнае ў вобразе[b]. Трэба адзначыць, што пры гэтым мадэліроўка твараў пракокаў (таксама і пальцаў ног, прыадкрытых хітонамі) дэманструе пэўнае майстэрства, бо захоўваюцца сіметрычнасць рысаў і натуралізм у іх перадачы. Паверхня дрэва апрацавана адпаведна фактуры валос, скуры, тканіны, што зноў-такі выяўляе спрактыкаванасць аўтара. Майстар свядома парушае кананічныя законы дзеля таго, каб дабіцца абагуленага і выразнага вобраза.

Шэдэўрам рэльефнай разьбы з'яўляюцца царскія вароты з віцебскай Юр'еўскай царквы, якія таксама сталі аб'ектам даследаванняў краязнаўцаў [13, с. 118]. Яны даюць узор так званага «нізавога барока» канца XVII стагоддзя, для якога ўласціва тэндэнцыя фалькларызацыі хрысціянскага вучэння і прымітывізацыі рэнесансна-барочнай пластыкі. Майстар па-свойму інтэрпрэтуе схему царскіх варот, падпарадкоўваючы яе вобразу райскага саду.

Сімволіка іканастаса нясе агульную ідэю нябеснай царквы, дзе жыве Бог [2, с. 56 – 57]. Скляпенні і купал храма ўвасабляюць неба, алтар ды іканастас — яго найвышэйшую кропку — рай[c]. Царскія вароты — гэта ўваход у рай, Царства Божае. Традыцыйна на створках царскіх варот выяўляюцца Дзева Марыя і Архангел Гаўрыіл, а таксама чатыры евангелісты, якія нясуць добрую вестку свету. Такім

[b] *Марк Шагал у сваіх ілюстрацыях да Бібліі таксама скарыстоўваў гэтую наівісцкую гіпербалізацыю дэталі, зводзячы выявы Маісея і Давіда да фрагментаў твару, рук, скрыжаляў, арфы. Думаецца, што дадзеная стылістыка сфарміравалася не без уплыву помнікаў царкоўнай даўніны Віцебска.*

[c] *Слова «алтар» у перакладзе з латыні азначае «высокі ахвярнік», грэцкае слова «віма» паходзіць са старажытнаяўрэйскага «вама» і азначае «вышыня».*

чынам двойчы ўвасабляецца тэма Дабравешчання і падкрэсліваецца сімволіка царскай брамы, якая сустракае вока і душу верніка.

У XVII стагоддзі традыцыйныя цяблавыя іканастасы багата ўпрыгожваюцца разьбой раслiннай арнаментыкі, што ўзмацняе асацыяцыі з Эдэмам. Пераважна гэта кедравыя і пальмавыя галінкі, сцяблы вінаграднай лазы — сакральныя раслінныя сімвалы.

Віцебскі разьбяр упрыгожвае царскую браму іканастаса Юр'еўскай царквы парасткамі з зялёнымі лістамі, чырвонымі лілеямі, пяціпялёсткавымі разеткамі. Замест традыцыйных шасці клеймаў з адасобленымі выявамі разьбяр утварае гнуткімі сцёбламі тры медальёны, дзе змешчаны папарна выявы патранальных святых фундатараў храма Сімяона Столпніка, Міколы [11, с. 129] і чатырох евангелістаў з сімваламі. Самі медальёны маюць форму сэрца і разам з выявамі святых успрымаюцца як бутоны, што падкрэслівае тэму квіцення райскага саду. Матывы медальёнаў былі распаўсюджаны ў кафлярстве і разьбярстве Віцебска [10, с. 22 – 32], і гэтыя рысы трэба лічыць адзнакамі мясцовай традыцыі.

Брама выразана ў нізкім рэльефе і сакавіта расфарбавана. Сплошчанасць і абагулены малюнак формаў, дэкаратыўны характар кампазіцыі, дынаміка расліннага арнаменту надаюць вітальную моц твору. Простанародны тыпаж евангелістаў, звернутых да гледача з дабразычлівымі ўсмешкамі і шырока адкрытымі вачыма, прыўносіць у яго народны аптымізм. Ідылічны характар народнага ўяўлення пра райскае жыццё даволі гарманічна спалучаецца з сакральнай сімволікай іканастаса.

Узорам круглай скульптуры барочнага прымітыва з'яўляецца скульптура «Георгій», якая паступіла ў музей Віцебскай архіўнай камісіі з Полацка [9, 7]. На I Усебеларускай выстаўцы 1926 года гэты твор экспанаваўся як «Архангел Міхаіл» [6, с. 56], вызначаны так М. М. Шчакаціхіным. Герой, апрануты ў рымскія даспехі, стаіць на тулаве д'ябла, прыціскаючы да зямлі яго пачварную галаву. Гематый і кароткая туніка спадаюць мяккімі складкамі, падкрэсліваючы экспрэсію руху. Плашч спалучаецца са змеепадобным хвастом д'ябла, утвараючы складаны сілуэт скульптуры. Іх своеасаблівыя формы разам утвараюць цэзуру ў агульнай масе скульптурнай групы. Постаць разгорнута і крыху адкінута назад, што парушае раўнавагу. У руках героя была дзіда, якой ён забіваў д'ябла, і гэта надавала рытму ўсёй кампазіцыі завершанасць. Зараз адсутнічаюць дзіда і частка абедзвюх рук, што робіць дынаміку руху героя няўпэўненай. Непрапарцыянальнасць постацей, экспрэсія жэстаў і гратэскная завостра-

насць вобразаў перадаюць напружанне бойкі, ствараючы экзальтаваны вобраз барочнага характару.

Сярод сабраных шэдэўраў таксама трэба прыгадаць латыгаўскія абразы [3, с. 83–87]. Надзвычайная архаічнасць пластычнай мовы, некананічнасць іканаграфіі, рэдкае спалучэнне этнаграфізму з іератызмам сакральнага вобраза вызначаюць іх прымітывісцкую стылістыку.

Помнікі царкоўнай даўніны Віцебска пачалі вывучацца напрыканцы XIX стагоддзя і ўспрымаліся як творы народнай культуры, а даследчыкі дваццатыў гадоў падкрэслівалі ў іх рысы «прымітыўнага пісьма». Наяўнасць даволі шырокага кола твораў розных відаў мастацтва: манументальнага роспісу, іканапісу, царкоўнай пластыкі з прымітывісцкай стылістыкай – дазваляе вызначаць віцебскую мастацкую традыцыю як правінцыйную (або лакальную) школу сакральнага мастацтва «нізавога барока» Беларусі.

Літаратура і крыніцы

1. Архіў Інстытута мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь. – Фонд М. С Кацара. – Воп. 2. – Адз. зах. 8. – №№ 28–48.
2. Бобров, Ю. Г. Основы иконографии древнерусской живописи / Ю. Г. Бобров. – С. -Петербург : Мифрил, 1995. – 256 с.
3. Вакар, Л. Барочная экспрэсія народнага абраза (стылістычны аналіз абразоў з вёскі Латыгава) / Л. У. Вакар // Віцебскі сшытак. – 1996. – № 2. – С. 83–87.
4. Василевский, С. Витебский Марков Свято-Троицкий мужской монастырь / С. Василевский. – Витебск, 1887. – 101 с.
5. Віцебскі абласны краязнаўчы музей. – КП-11569-2, КП-11570-2, КП-11571-2.
6. Каталог аддзела старажытнага мастацтва / Апрац. М. Шчакаціхіна. – Мн., 1926.
7. Каталог музея Витебской ученой архивной комиссии / Составил хранитель музея К. А. Змигродский. – Витебск, 1912.
8. Кацер, М. С. Искусство Белоруссии / М. С. Кацер // История искусства народов СССР : в 9 т. – Москва, 1976. – Т. 4. – 469 с.
9. Красавицкий, П. Памятники церковной старины Полоцко-Витебского края и их охранение / П. М. Красавицкий // Полоцко-Витебская старина. – Витебск, 1911. – Вып. 1.

10. Левко, О. Н. Витебские изразцы XIV–XVIII вв. / О. Н. Левко. – Минск : Наука и техника, 1981. – 46 с.
11. Лявонава, А.К. Старажытнабеларуская скульптура / А. К. Лявонава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 208 с.
12. Никифоровский, Н. Я., Довгяло, Д. И. Описание предметов древности, поступивших в Витебское епархиальное церковное археологическое древнехранилище по ноябрь 1897 года. / Н. Я. Никифоровский, Д. И. Довгяло. – Витебск, 1899. – Вып. 1.
13. Сементовский, А.М. Белорусские древности / А. М. Сементовский. – СПб., 1890.
14. Хмяльніцкая, Л. З гісторыі Віцебскага царкоўна-археалагічнага музея / Л. Хмяльніцкая // Віцебскі сшытак. – 1995. – № 1. – С. 65–73.
15. Церашчатава, В.В. Старажытнабеларускі манументальны жывапіс XI–XVIII стст. / В. В. Церашчатава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1986. – 183 с.

І. І. Смыкоўская (Віцебск)

ПЕЎЧЫ ЗБОРНІК З ВІЦЕБСКАГА СВЯТА-ТРОІЦКАГА МАРКАВА МАНАСТЫРА: ПРАБЛЕМА АТРЫБУЦЫІ

Свята-Троіцкі манастыр пад Віцебскам з'яўляўся адным з буйных рэлігійна-асветніцкіх цэнтраў Беларусі XVII стагоддзя. Вядома, што менавіта манастыры ва Усходняй царкве былі і застаюцца галоўнымі цэнтрамі рэлігійнага жыцця. Яны давалі царкоўных іерархаў, адыгрывалі важную ролю ў фарміраванні маральных пастулатаў для вернікаў, выпрацоўвалі агульнакультурныя і духоўныя прынцыпы. Манастыры з'яўляліся захавальнікамі культа і падтрымліваліся ўплывовымі прадстаўнікамі арыстакратыі, тысячамі вернікаў [9, с. 74]. Значнае месца ў дзейнасці чорнага духавенства займала пеўчае мастацтва і непарыўна звязанае з ім стварэнне богаслужбовых пеўчых рукапісаў – ірмалояў (ірмалагіёнаў).

Сваю назву кніга атрымала ад віда царкоўных песнапенняў — ірмасоў (пачатковых вершаў канона), якія і складалі яе асноўны змест. Беларускія ірмалоі прадстаўлялі сабой шматжанравы зборнік, які ўключаў спевы з розных богаслужбовых кніг візантыйскага абраду. Гімнаграфічныя творы запісваліся на царкоўнаславянскай мове. Для фіксацыі нотнага тэксту да канца XVI стагоддзя выкарыстоўвалася безлінейная неўменная натацыя, а ў XVII стагоддзі ўсталявалася пяцілінейная сістэма запісу.

Буйны збор старажытных рукапісаў, сярод якіх знаходзяцца і помнікі рэлігійнай музыкі Беларусі, захоўваецца сёння ў Вільнюсе. Звернемся да «Нотных ірмалогіяў» фонда F19 Аддзела рэдкай кнігі і рукапісаў бібліятэкі Акадэміі навук Літвы. Асаблівую цікавасць прадстаўляе Ірмалой трэцяй чвэрці XVII стагоддзя [3; 11, с. 146]. Гісторык і археограф Флавіян Дабранскі (1848 — 1919) у Вопісе рукапісаў Віленскай публічнай бібліятэкі паведамляе, што гэты рукапіс быў перададзены ў 1866 годзе ў Віленскую публічную бібліятэку спадаром А. В. Рачынскім, які знайшоў кнігу ў Віцебскім Маркавым манастыры [2, XVIX].

Ф. Дабранскі звярнуў увагу на адметны, спецыфічны характар богаслужбовых рукапісаў беларускага кнігазбору ў параўнанні з такімі ж кнігамі Маскоўскай Русі і ўказваў на відавочнае ўніяцкае паходжанне ірмалояў № 115 — 133. Пеўчыя зборнікі сведчаць пра царкоўнае ўшанаванне на беларускіх землях рымска-каталіцкіх святых, ва ўсіх іх сустракаюцца песні і гімны, якія належаць Заходняй царкве: гімн Амвросія Медыяланскага, «Тебе Бога хвалим». У некаторых зборніках запісаны гімн «Dies irae». У змест беларускіх рукапісаў, які адлюстроўвае дагматычны і абрадавы бок візантыйскага веравызнання, уключаны малітвы і службы або цалкам запазычаныя з лацінскіх богаслужбовых кніг, або змененыя адпаведна з патрабаваннямі Рымска-каталіцкай царквы і Уніі [2, XVIX].

Ірмалой F19 — 117 мае тыповы для беларускай нотнай кнігі сярэдні фармат 4° (170 — 190 мм х 140 — 150 мм)[d] і налічвае 333 аркушы без пачатку. Вокладка ўпрыгожана арнаментальнымі водціскамі, мае дзве металічныя засцёжкі. Тэкст кнігі напісаны дробным паўуставам, мае арнаментальныя застаўкі і ініцыялы з раслiннымі матывамі друкаванага тыпу [11, с. 146].

[d] *Адной са спецыфічных рыс вонкавага афармлення беларускай нотнай кнігі з'яўлялася ўстойлівасць памераў. Найбольш пашыранымі былі фарматы: вялікі F° (280—320 х 180—200 мм), вельмі вялікі 2 F° (400—500 х 250—300 мм), сярэдні Q(4°) (170—190 х 140—150 мм). Радзей выкарыстоўваліся малыя 8° (130—140 х 70—90 мм) і 16°. Кнігі вялікага фармату з'яўляліся ўрачыстымі і пісаліся для кафедральных сабораў і буйных манастыроў. Ірмалоі малых памераў прызначаліся для навучання і хатняга ўжытку.*

Месца напісання пеўчага зборніка F19 — 117, імя (імёны) перапісчыка (-аў) і іх канфесійную прыналежнасць вызначыць не прадстаўляецца магчымым: у ім адсутнічаюць запісы, якія ўтрымліваюць такую інфармацыю. Паспрабуем вызначыць месца стварэння Ірмалоя.

Як адзначыў Ф. Дабранскі, рукапіс відавочна адлюстроўвае ўплывы грэка-каталіцтва. Пры гэтым досыць верагодна, што ён выкарыстоўваўся ў Віцебскім Свята-Троіцкім манастыры ў якасці богаслужбовай кнігі. Але ці мог пеўчы зборнік у гэтай жа абіцелі быць створаным?

Юрый Ясіноўскі датуе Ірмалой трэцяй чвэрцю XVII стагоддзя [11, с. 146]. Для Праваслаўнай царквы Вялікага Княства Літоўскага гэта быў перыяд аднаўлення легітымнасці і ўраўноўвання яе вернікаў у правах з каталікамі. Ва Уніяцкай жа канфесіі ішоў працэс дагматычнага і арганізацыйнага станаўлення [5, с. 18 — 19]. Палітычная сітуацыя спрыяла ажыўленню рэлігійна-культурнай дзейнасці праваслаўных і грэка-каталікоў.

Калі параўнаць час напісання Ірмалоя з часам заснавання Свята-Троіцкага манастыра, то пярэчання адносна месца стварэння пеўчага зборніка не ўзнікае. Прасочым гісторыю названага святога прытулу. Вядома, што праваслаўны мужчынскі Маркаў манастыр заснаваны аршанскім цівуном Л. С. Агінскім і браслаўскім земскім суддзёй С. Мірскім у 1633 годзе [10, с. 75].

Беларускі гісторык і археограф протаіерэй І. І. Грыгаровіч прыводзіць легенду пра першапачатковае заснаванне абіцелі. У адпаведнасці з паданнем у дзвюх вёрстах ад Віцебска на правым беразе Дзвіны «нехта старац Марка Зымянінік» пабудаваў драўляную капліцу. Тых, хто прыходзіў, ён «прымаў у агульнае жыццё». «Па прашэсці некалькіх гадоў літоўскі князь Леў-Самуіл Багданавіч Агінскі, цівун троцкі, нашчадак князёў Казельскіх, выхаваны ў праваслаўнай веры, па маленні старца Маркі збудаваў на месцы капліцы малую драўляную царкву ў імя Жыватачальнай Тройцы і пры ёй некалькі келляў для інакаў» [1, с. 41].

Як паведамляе айцец Макарый (Булгакаў), 27 жніўня 1642 года цівун троцкі Леў Агінскі ахвяраваў свой маёнтак Маркава муж-

чынскаму Свята-Троіцкаму манастыру дзеля «паслушэнства Канстанцінопальскаму патрыярху» [4, кн. 6, с. 536]. У тыя часы ў Віцебску нельга было адкрываць праваслаўныя храмы і манастыры. Урад Рэчы Паспалітай праводзіў у дачыненні да горада апальную палітыку. Прычынай таму былі трагічныя падзеі лістапада 1623 года — праваслаўныя віцябляне ўчынілі крывавую расправу над уніяцкім архіепіскапам Полацкім і Віцебскім Іасафатам Кунцэвічам. Віцебск быў пазбаўлены ўсіх прывілеяў, дадзеных каралямі, магдэбургскага права, ратушы і праваслаўных цэркваў.

Уладзіслаў IV аднавіў у 1633 годзе страчаныя прывілеі і частку правоў, а ў 1644-м выдаў Дэкрэт адносна магдэбурскага права і вяртання волі [8, с. 235]. Але гораду не было даравана забойства Іасафата Кунцэвіча, і ў дакуменце агаворвалася ўмова, пры якой абвешчанае рашэнне магло мець сілу. Кароль патрабаваў, каб усе асобы, якія ўваходзілі ў гарадавы магістрат, былі толькі «сапраўднай веры рымска-каталіцкай або грэка-уніяцкай», каб дызуніяты[e] і іншыя дысідэнты не карысталіся магдэбургскім правам і звязанымі з ім ільготамі і перавагамі, і каб нідзе не была пабудавана грэка-візантыйская царква [там жа]. Паказальна, што буйны цэнтр праваслаўнай культуры — Свята-Троіцкі манастыр — атрымаў маёнтак Маркава ад Льва Агінскага за два гады да выдання Дэкрэта. Святы прытул ніколі не пакідаў улоння Усходняй царквы і падпарадкоўваўся то Кіеўскай мітраполіі, то Маскоўскай патрыярхіі[f]. У 1798 годзе ён набыў ранг архімандрыі і праіснаваў да 1918 года [10, с. 75].

Можна дапусціць, што Ірмалой F19—117 быў напісаны ў Маркавым манастыры, а гэта значыць, ён з'яўляецца помнікам праваслаўнай канфесіі. Меркаванне пацвярджаецца адсутнасцю ў зборніку гімнаў Каталіцкай царквы і згадкай расійскага цара ў стыхірах на свята Сімяону Стоўпніку [3, аркуш 4 адварот]. Але ёсць акалічнасці, якія дазваляюць гэтае палажэнне аспрэчваць. Па-першае, у Ірмалоі F19—117 няма пачатку, і змест тытульнага аркуша застаецца невядомым. Па-другое, уключэнне песнапенняў у гонар Аляксея Міхайлавіча

[e] *Дызуніяты — частка праваслаўных, якая не далучылася да уніі.*

[f] *У юрысдыкцыю маскоўскага патрыярхата Свята-Троіцкі Маркаў манастыр быў пераведзены ў 1656 годзе ў час вайны Расіі з Рэччу Паспалітай [Ярашэвіч, А. Маркаў манастыр / А. Ярашэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 1993–2003. — Т. 5. — 1999. — С. 75].*

(1645—1676) магло быць вынікам прымусовай прысягі віцяблян расійскаму цару: з 1654 па 1667 год горад быў акупаваны ў выніку ваенных дзеянняў паміж Рэччу Паспалітай і Расіяй [7, с. 26]. Трэці аргумент акрэсліваецца з дадатковай інфармацыі кнігі. Ю. Ясіноўскі адзначае, што рукапіс F19—117 паперай і почыркам падобны на Ірмалой F19—118 са збору Віленскай публічнай бібліятэкі [11, с. 147]. Гэта ўказвае на стварэнне помнікаў у адным скрыпторыі і дазваляе экстрапаліраваць даныя F19—118 на F19—117.

У Ірмалоі F19—118 ёсць запіс, дзе паведамляецца, што ён набыты «ў месце Віцебску ў кавалёва сына Господня Стэфана Асмаловіча (Амосавіча?) за грубых талераў "полшеста", гэта значыць 13 залатых, у годзе 1681 месяца снежня» [11, с. 147]. Кніга дастаўлена ў Віленскую публічную бібліятэку, як і F19—117, з Маркава манастыра спадаром А. В. Рачынскім. Калі ірмалоі знойдзены разам, то вельмі верагодна, што яны абодва куплены ў Стэфана Асмаловіча, які меў непасрэднае дачыненне да месца іх напісання. Былы ўладальнік ірмалояў названы «сынам Господнім», што можа ўказваць на яго манаскі сан. Лацінская форма імя дазваляе дапусціць, што ён каталік. Мовазнаўца Ганна Мезенка пры даследаванні антрапанімікона Віцебска 1641 года піша, што ў сярэдзіне XVII стагоддзя для іменавання выкарыстоўваліся дзве кананічныя сістэмы імёнаў — праваслаўная і каталіцкая. У адпаведнасці з імёнамі праваслаўнага календара «кавалёва сына» назвалі б Сцяпанам, а па каталіцкім календары — Стэфанам або Стафанам [6, с. 64]. Напрошваецца выснова, што Стэфан Асмаловіч мог быць рымска-каталіком або ўніятам, а таксама паслушнікам кляштара ці базыльянскага манастыра. Між тым, сцвярджаць, што ўраджэнец шматканфесійнага Віцебска не праваслаўны толькі на падставе формы імя — нельга.

Са сказанага вынікае, што «выдавецкі цэнтр» знаходзіўся не ў Маркаве: адзін з ірмалояў, напісаных падобным почыркам, набыты. Праваслаўных жа цэркваў і манастыроў у Віцебску ў гэты час не было, і адносна рукапісу F19—117 акрэсліваецца наступная гіпотэза: Ірмалой як богаслужбовая кніга грэка-візантыйскай традыцыі патрапіў да Стэфана Асмаловіча, хутчэй за ўсё, ад уніятаў.

Удакладненне дадатковай інфармацыі Ірмалоя F19—117 дазваляе зрабіць наступныя высновы:

1. Набыццё Віцебскім Свята-Троіцкім манастыром пеўчых зборнікаў сведчыць пра патрэбу ў натаванай літаратуры і высокі ўзровень музычнага афармлення службаў.

2. Рукапіс F19—117 выкарыстоўваўся ў богаслужэннях праваслаўнага манастыра, але быў створаны, верагодна, грэка-каталікамі.

3. Адзіная культурная прастора і грэка-візантыйская традыцыя абумовілі адзінства канона пеўчага мастацтва Усходняй і Грэка-каталіцкай цэркваў Вялікага Княства Літоўскага, Рускага і Жамойцкага і ўзаемадзеянне ў гэтай сферы богаслужэння.

Літаратура і крыніцы

1. Грыгаровіч, І. Беларуская іерархія (да тысячагоддзя хрысціянства на Беларусі) / І. І. Грыгаровіч / рэд. І. Хаўратовіч; пераклад на бел. мову М. Нікалаева. — Мінск : БелЭн, 1992. — 102 с.
2. Добрянский, Ф. Н. Описание рукописей Виленской публичной библиотеки, церковно-славянских и русских / Ф. Н. Добрянский. — Вильна : Тип. А. Г. Сыркина, 1882. — 533 с.
3. [Ірмалой ноталінейны, 3-я чвэрць XVII ст.] // Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (Vilnius). — F19—117. — 333 p.
4. Макарий (Булгаков), митрополит. История русской церкви : в 7 кн. / митрополит Макарий (Булгаков). — Москва : Изд-во Спасо-Преображ. валаам. монастыря, 1994—1996. — Кн. 5 : Период разделения русской церкви на две митрополии: история Западнорусской или Литовской митрополии (1458—1596). — 1996. — 559 с.; Кн. 6 : Период самостоятельности Русской Церкви (1589—1654). Патриаршество в России (1589—1720), отд. 1 : Патриаршество Московское и всея Великия России и Западнорусская митрополия (1589—1654). — 1996. — 797 с.
5. Марозава, С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596—1839 гады) : аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук 07. 00. 02 / С. В. Марозава ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. — Мінск, 2002. — 45 с.
6. Мезенка, Г. Мужчынскія асабовыя імёны гараджан Віцебска ў сярэдзіне XVII ст. / Г. Мезенка // Віцебскі сшытак. — 1996. — № 2. — С. 64—69.
7. Сагановіч, Г. М. Нарыс гісторыі Беларусі: ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. М. Сагановіч. — Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. — 412 с.
8. Уния в документах : сборник / сост. : В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Лучи Софии, 1997. — 518 с.

9. Чернякевич, А. Н. Православная церковь Беларуси XI — первой половины XVI века в современной польской историографии / А. Н. Чернякевич // Весн. ГрДУ. — 2007. — № 4. — С. 70—76.
10. Ярашэвіч, А. Маркаў манастыр / А. Ярашэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск, 1993—2003. — Т. 5. — 1999. — С. 75.
11. Ясіновський, Ю. Українські та білоруські нотолінійні Ірмолої XVI—XVIII століть : кат. і кодик. -палеогр. дослід. / Ю. Ясіновський. — Львів : Місіонэр, 1996. — 622 с.

Н. В. Пивовар (Витебск)

К ИСТОРИИ ЦЕРКВИ ВОЗДВИЖЕНЬЯ КРЕСТА ГОСПОДНЯ В п. ЛУЖЕСНО

Можно предполагать, что какая-то церковь в Лужесно уже существовала в 1579 г. Она изображена на карте Полоцкого княжества, выполненной С. Пахаловицким. На правом берегу Двины рядом с Витебском (Witepscum) изображен населенный пункт, название которого читается как Лужесно (Luzesnia). Населенный пункт изображен схематически, в виде здания с приделом, которое имеет несколько окон и двухскатную крышу. На крыше изображен высокий четырехугольный барабан (?), по высоте равный двум третям высоты здания, который увенчан равным по величине барабану шпилем. Не можем утверждать, что показанное здание являлось церковью — изображение достаточно схематично, да и карта аксонометрическая. В окрестностях нанесено не так и много населенных пунктов, в которых изображены храмы. За такие будем считать здания с крестами (Лосвида, Черница, Соржица) и здания, архитектура которых может быть расценена как культовая (Городок, Милькевичи, Сорица (Соржица). Возможно, Пахаловицкий, будучи католиком, не указывает православные храмы, а лишь католические, но это весьма сомнительно. Карта приведена в первом томе «Витебской старины», изданной А. П. Сапуновым [1].

Униатский деревянный храм в честь Николая Угодника указан в Лужесно в «Описании Витебска и его уезда со всеми лежащими в них дачами в чьем они владении какое число мужска и женска пола, души сколко мерою земель со вынесением экономических примечаний. Дачи состоящия в Витебском уезде» (1784).

Фрагмент карты Полоцкого княжества С. Пахаловицкого, 1579 г.

Строительство каменного храма приходится на 1815 г. Этот год указывается Полоцким и Витебским архиепископом Василием в «Ведомости о состоянии православных церквей Витебской губернии за 1852 г.», которая была послана начальнику Витебской губернии: «церковь каменная сооружена в 1815 г. помещиком Иосифом Енкою[g]». Возведенное строение было небольшим и рассчитано на 40 человек [6].

В Лужесно бытует легенда о том, что церковь была построена местными помещиками по обету, данному в 1812 г., по которому они (в одном варианте помещица) обязывались построить новую церковь, если французы не разрушат имения. Косвенно этот факт подтверждается топонимическими данными. Местное население называло церковь «Мурованкой», то есть каменным зданием (мур (бел., нем.) — каменная стена). Под этим названием указывается поселок Лужесно на карте 1896 г., а Лужесном называется имение помещиков Краснодемских (территория современного колледжа).

[g] *Интересная личность. А. М. Дорофеев считает, что Енько был первым человеком, который постоянно занимался астрономическими и климатическими исследованиями в Витебской губернии. М. Маркс в «Записках старика» упоминает, что в начале 1820-х гг. в Витебске жил помещик Енько, «малоросс по национальности, которого называли отцом всех хохлов» (См. : Записки старика // Віцебскі сшытак. — № 1. — С. 75). Н. О. Энько, предводитель дворянства Витебской губернии, владел Лужесно (См. : Маркс Максіміліян. Запіскі старога // Віцебскі сшытак. — 1996. — № 2. — С. 99).*

Первоначально часовня принадлежала к Шалыгинскому приходу, но не позднее 1850 г. приход стал Лужеснянским.

Внешний вид церкви

Первоначально церковь представляла собой каплицу — каменное строение 2 х 1,5 саженей. Имело крыльцо с колоннами, несколько окон. Крыша была крыта гонтом.

Здание построено в стиле классицизма. Имеет простые фасады, правильное геометрическое планирование строения. Стены строгие, без украшений, на них выделяются полуколонны (дорический ордер), которые играют роль не опоры, а украшения. Сохранился фронтон (с северной стороны) со встроенной в него дверцей. С южной стороны частично сохранилась апсида и заложенное кирпичом круглое окно в ризницу в алтарной части. Окна без наличников, над двумя окнами с южной стороны имеется сандрик. Сейчас размеры церкви 12,9 м х 6,7 м.

В 1852 г. архиепископ Полоцкий Василий в выписке о состоянии подведомственных церквей начальнику Витебской губернии указывает, что в «Лужесне церковь каменная <...> весьма тесна (вмещает во время службы 40 — 50 прихожан), а всего прихожан 1731 душа. Архиепископ предлагал сделать каменную пристройку к часовне в длину 4,5 сажени, а в ширину 4 сажени. Кроме этого изменить внутреннее убранство будущего храма: переделать иконостас, устроить амвон, клирос для певчих, притвор, колокольню, в стенах пристроенного помещения сделать 2 окна с железными решетками, а «для благовидности хотя бы фальшивый купол» и ограду [5].

Однако, как и любое строительство, задуманная перестройка часовни шла медленно. В декабре 1860 г. штабс-капитан шевалье де ла Сере сообщал о «завершении отделки церкви материалами хорошего качества. На все ремонтные работы было отпущено 1213 руб. 5 коп. (в числе прочего 150 руб. — на устройство иконостаса, 45 руб. 73 коп. — на штукатурку, 87 руб. 26 коп. — на окраску) [10]. На устройство церкви Алексей Цехановецкий жертвовал 50 руб. [9].

Акт об осмотре состояния Лужеснянской церкви, который свидетельствовал о полном окончании ремонтных работ, подписан 3 октября 1861 г. [13]. Что же было сделано в результате ремонта и перестройки? Пристроены ризница и сени, для чего возведены 3 каменные стены длиной 6 саженей, высотой 2 сажени, толщиной в

2 кирпича. Уложен пол на площади 16,7 квадратных саженей, на окна насажены 5 железных решеток, крыша покрыта гонтом в 3 ряда, устроена колокольня в три венца, устроен клирос, столбы уложены тонкими досками [14]. Сметная стоимость возросла до 1333 руб.

В 1861 г. работы продолжались. Местный помещик Дементей Краснодемский, на которого возлагались труды по ремонту и устройству храма, докладывал в ноябре 1861 г. о завершении ремонта [11]. Правда, документы свидетельствуют, что работы продолжались и после официального завершения: течь в колокольне предполагалось устранить к концу 1861 г., а перекрасить крышу маслом и остеклить окна — к весне 1862 г. [12].

В итоге здание имело размеры 4 х 2,5 сажени [8, л. 1 — 8 об.] и вмещало в себя 40—50 человек в будние дни, и до 200—250 человек в праздники. При храме была колокольня с двумя колоколами: 1-й — 1 пуд и 10 фунтов, 2-й — 23 фунта. Священник И. И. Томашевич предлагал купить третий колокол весом в 3 пуда [8, л. 12 — 13], но, видимо, предложение осталось неосуществленным.

На 1869 г. имущество церкви составляли: Евангелия, Апостол, Служебник, Требник, Псалтырь, Часослов, Октоих (ветхие), напрестольный крест, 2 дарохранительницы (новые), потир, дискос, звездица, 9 лампад, 2 подризника, 3 пояса (новые) и иное имущество [20].

13—14 мая 1871 г. по пути следования в Полоцк в Крестовоздвиженском храме пребывала частица мощей преподобной св. Евфросинии Полоцкой [25].

В 1892 г. при церкви имелась библиотека из книг религиозно-нравственного содержания, приобретенных на церковные средства [17].

С открытием в 1908 г. нового храма церковь Воздвижения Креста потеряла свое значение и, скорее всего, использовалась как вспомогательное здание при главном храме. На 1910 г. здание оценивалось в 1000 руб. Здание было оштукатурено и побелено, имело размеры: 6 х 3 ½ х 2 ½ сажени. Крыша покрыта жестью. Храм имел один купол и одноярусную колокольню высотой 4 сажени. Внутри был устроен иконостас размером 7 х 7 аршинов. Церковь обогревалась кирпичной печью [26].

Дальнейшая история храма была более привязана к истории Покровского (Вознесенского) храма.

В 1929 г. церковь была закрыта в соответствии с приказом Витебского райисполкома: «<...> из-за отказа верующих от ремонта здания храма» и был передан местному населению для разборки на стройматериалы [2]. Однако снесены были только верхние части, а помещение использовалось в качестве жилых помещений и склада.

В 1930-е гг. церковь была закрыта, священник арестован. Местные жители взяли иконостас (с изображением Троицы и Тайной вечери) и спрятали. В Теплом лесу были организованы военные лагеря. Церковь в это время (с 1936 по 1941 г.) была оборудована под столовую (кафе, ресторан, клуб — называют по-разному), которая находилась в ведении Военторга.

С началом Великой Отечественной войны и захватом Лужесно немцами храм снова открылся. Был пожилой священник, который служил до 1942 г., пока его не арестовали немцы. Как утверждают местные жители, за то, что служил молебны во имя победы русского оружия.

После освобождения все ценные вещи по распоряжению комиссии были собраны, отвезены на станцию и отправлены (вероятно, в Москву) как представляющие музейную ценность.

После войны здание бывшей Кресто-Воздвиженской церкви использовалось как склад, баня, которые принадлежали Лужеснянскому детскому дому [3; 4]. Затем здание использовалось как жилье. В 1999 г. было принято решение о передаче здания верующим. В 2009 г. помещение окончательно передано в ведение епархии и сейчас в нем проводятся занятия воскресной школы, а в зимнее время проводится обряд крещения.

Настоятели храма и причт

Имена настоятелей храма можно узнать по памятным книжкам Витебской губернии. В книге за 1864 г. настоятелем называется Иосиф Томашевич. Иосиф Иванович Томашевич родился в 1826 г. Окончил Полоцкую духовную семинарию. Служил с 1852 г., был женат, имел 2 сына, 2 дочери [22, с. 341]. С 1885 г. священником служил Георгий Иванович Лиоранцевич (Лиоренцевич). Георгий был сыном Ивана Степановича Лиоранцевича, родившегося в 1833 г., окончившего Полоцкую духовную семинарию, служившего с 1854 г. Женат, имел 3 сыновей и одну дочь. Имел оклад 120 руб.

С 1909 г. священником служил Петр Иоанович Жгун [24].

В 1860 г. пономарем служил Лызлов Михаил Петрович.

В 1863 г. служил дьячок Купалов Митрофан Федорович, пономарь Пороменский Александр Егорович [15].

В 1869 г. дьячок Лавровский Георгий Иванович, пономарь Ляшкевич Митрофан Петрович.

Псаломщиком служил Рейторовский Иван (удален от должности в июне 1891 г. за дерзость и нетрезвость) [16].

К 1851 г. причт получил 10 десятин земли, отпускались дрова, для священника построен дом: «<...> по приходу <...> Шалыгинскому, что ныне Лужесенскому о выделению причту 10 десятин земли для обработки, отпуске дров. Дома для священника Шалыгинского, что ныне Лужесенский построен и священник в нем уже проживает» [7].

В 1896 г. причт Лужеснянской церкви был окончательно обеспечен постройками [21, с. 121]. На 1906 г. причту принадлежали 38 десятин удобной и 18 десятин земли под лесом. На земле были построены 3 дома, в которых проживали 4 мужчины и 5 женщин [28, с. 32].

В 1908 г. при церкви имелась церковно-приходская школа. Заведующим и законоучителем ее был Георгий Лиоренцевич, учителем — Петр Иоакимович Богданович [23]. С 1909 г. заведующим и законоучителем стал П. И. Жгун, учитель остался прежний.

С 1929 по 1931 гг. — Кореневский Илья Карпович [19].

В 1930 г. священник Капецкий Михаил [18].

С момента строительства или перестройки (будем ориентироваться на начало XIX века) церковь играла важную роль на протяжении всего столетия. Перед церковью была площадь, вымощенная камнем. Часть камней видна и сейчас на откосе дороги, ведущей в Витебск. На праздник Воздвижения Креста Господня (14 сентября) в Лужесно проводилась ярмарка [27]. Рядом была корчма.

Несомненно, что здание бывшей Воздвиженской церкви является памятником архитектуры начала XIX века, важной историко-культурной ценностью как Витебского района, так и окрестностей Витебска. Здание храма — единственное, которое дошло до наших дней с начала XIX века. Если в Витебском уезде на 1864 г. был 21 храм, а в 1917 г. 33 церкви и храма [29], то к 1991 г. сохранялись лишь здания Кресто-Воздвиженской и Покровской церквей (1908).

К сожалению, научно-методический совет при Министерстве культуры Республики Беларусь в 2008 г. отказал в присвоении статуса памятника истории и культуры с связи «с изменением внешнего облика объекта». Современное состояние действительно не соответствует тому виду, который она имела в XIX веке. Однако, основные черты, присущие стилю классицизма, сохранены, а с течением времени возможно полное восстановление первозданного облика храма.

Литература и источники

1. Витебская старина / сост. и изд. А. П. Сапунов. — Витебск, 1883. — Т. 1.
2. Газін, Дз. Р. Малавядомы помнік / Дз. Р. Газін // Памяць : Віцебскі раён : Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў. — Мн. : Маст. літ., 2004. — С. 718 — 719.
3. Государственный архив Витебской области (ГАВО). — Ф. 2797. — Оп. 1. — № 32.
4. ГАВО. — Ф. 3301. — Оп. 1. — Д. 32.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1297. — Оп. 1. — Д. 23595. — Л. 10 — 10 об. Ведомость о состоянии церквей Витебской губернии.
6. НИАБ. — Ф. 1416. — Оп. 2. — Д. 9287. — Л. 304. Рапорт Витебского уездного предводителя Витебскому губернскому правлению от 30 октября 1851 г. об улучшении быта сельского православного духовенства.
7. НИАБ. — Ф. 1416. — Оп. 2. — Д. 9287. — Л. 305. Рапорт Витебского уездного предводителя Витебскому губернскому правлению от 30 октября 1851 г. об улучшении быта сельского православного духовенства.
8. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 12 — 13. Акт осмотра священником И. И. Томашевичем <...> состояния Лужеснянской церкви, февраль 1860 г.
9. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 27. Рапорт Витебского земского исправника Артишевского начальнику Витебской губернии от 29 мая 1860 г.
10. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 32. Акт осмотра инженером, штабс-капитаном шевалье де ла Сере состояния Лужеснянской церкви 4 декабря 1860 г.
11. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 35. Записка титулярного советника Д. Краснодебского начальнику Витебской губернии от 28 ноября 1861 г. о завершении ремонта.
12. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 35. Расписка титулярного советника Д. Краснодебского подполковнику Генштаба Барановичу 5 ноября 1861 г.

13. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 40. Акт осмотра подполковником Барановичем состояния Лужеснянской церкви 3 октября 1861 г.
14. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 30627. — Л. 41 — 46. Опись работ, произведенных по исправлению Лужеснянской церкви (3 октября 1861 г.).
15. НИАБ. — Ф. 1430. — Оп. 1. — Д. 31813. — Л. 14. Дело по отношению Витебского губернатора в Витебское губернское правление о предоставлении сведений о состоянии церквей Витебской губернии
16. НИАБ. — Ф. 2131. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 150 — 157. Донесение благочинного 2-го округа Витебского уезда в Полоцкую духовную консисторию за 1892
17. НИАБ. — Ф. 2531. — Оп. 1. — Д. 64. — Л. 140 — 141. Рапорт благочинного 2-го округа Витебского уезда Полоцкому и Витебскому епископу от 22 января 1892 г.
18. НИАБ. — Ф. 2786. — Оп. 1. — Д. 467. — Л. 124. Переписка Белорусского Священного Синода с Витебским епархиальным управлением о состоянии епархии в 1930 г.
19. НИАБ. — Ф. 2786. — Оп. 1. — Д. 559. — Л. 27. Переписка Белорусского Священного Синода с Витебским епархиальным управлением о состоянии епархии в 1933 г.
20. НИАБ. — Ф. 2860. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 1 — 3. Донесение благочинного 2-го округа Витебского уезда в Полоцкую духовную консисторию о состоянии имущества Лужеснянской Кресто-Воздвиженской церкви за 1869 г.
21. Обзор Витебской губернии за 1896 год. — Витебск, 1897.
22. Памятная книжка Витебской губернии за 1864 год. — Витебск, 1864.
23. Памятная книжка Витебской губернии на 1908 год. — Витебск, 1908.
24. Памятная книжка Витебской губернии на 1909 год. — Витебск, 1909.
25. Принесение части святых мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, из Киева в Спасо-Евфросиниевский монастырь. — Витебск : Типография Г. А. Малкина, 1871. — С. 40 — 45
26. Свята-Крыжаўзвіжанскі храм // Памяць : Віцебскі раён : Гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі / уклад. У. І. Мезенцаў. — Мінск : Маст. літ., 2004. — С. 715.
27. Сементовский, А. О ярмарках Витебской губернии / А. Сементовский // Памятная книжка Витебской губернии на 1867 год. — Витебск, 1867.
28. Список населенных мест Витебской губернии / под. ред. А. П. Сапунова. — Витебск, 1906.
29. Список церквей и монастырей Полоцкой епархии // Памятная книга Витебской губернии за 1912 год. — Витебск, 1912.

К. С. Церашкова (Мінск)

СТРАЧАНЫЯ ПОМНІКІ: МЕМАРЫЯЛ УДЗЕЛЬНІКУ ВАЙНЫ 1812 г. АЛЯКСЕЮ ПЯТРОВІЧУ МЕЛІСІНА Ў БЫЛОЙ ЦАРКВЕ в. ПУГЛЯІ

Значная частка культавых помнікаў Аршаншчыны XIX — пачатку XX ст. дайшла да нашага часу ў руінах, некаторым храмам пашанцавала нават менш: звесткі аб іх існаванні захаваліся ва ўспамінах мясцовых жыхароў ці ў гістарычных крыніцах, якія даюць уяўленне аб багатай мінуўшчыне края. Ліхалецце ваенных часоў, выкарыстанне пабудоў у гаспадарчых мэтах, непаважлівае стаўленне насельніцтва прыводзілі некалі велічныя помнікі архітэктуры ў занядбаны стан ці да поўнага знішчэння.

Такі ж сумны лёс напаткаў і драўляную царкву вёскі Пугляі, адзін з найцікавейшых і адметна дэкарыраваных культавых помнікаў XIX ст. У пачатку XIX ст. Пугляі ўваходзілі ва ўладанні памешчыка Аляксея Пятровіча Мелісіна, у гонар якога і быў узведзены своеасаблівы мемарыял у мясцовай царкве.

З'яўленне прадстаўнікоў старажытнага роду Мелісіна ў Расійскай імперыі звязана з асобай Івана Афанасьевіча, які прыбывае сюды пры Пятры І у якасці медыка, а ў далейшым становіцца віцэ-прэзідэнтам камерц-калегіі [2, с. 378]. Яго сынам таксама было наканавана заняць досыць высокае становішча ў тагачасным грамадстве:

Іван Іванавіч атрымлівае пасады куратара Маскоўскага ўніверсітэта і обер-пракурора Свяцейшага Сінода, заснавальнік «Московских ведомостей»; Пётр Іванавіч робіць бліскучую кар'еру ў арміі – генерал ад артылерыі, начальнік Артылерыйскага і Інжынернага кадэцкіх карпусоў, кавалер ордэна Св. Андрэя Першазваннага [5, с. 612 – 615]. Не выпадкова менавіта ён, выдатны вершнік, які па росту і целаскладу нагадваў Пятра І, пазіраваў Эцьену Морысу Фальканэ для яго знакамітага «Медного всадника». Звесткі пра Пятра Іванавіча Мелісіна, бацьку ўладара Пугляёў, прыводзіць Фурсаў у сваёй працы «Исторический очерк Могилевской губернии» ў сувязі з грандыёзным феерверкам у гонар наведвання Шклова імператрыцай Екацярынай ІІ у маі 1780 г.: «После ужина был сожжен фейерверк, деланный несколько месяцев артиллерии генерал-майором Петром Ивановичем Мелиссино, павильон из 50000 ракет был достоин своего мастера и стоил необычайно дорого» [10, с. 116].

Аляксей Пятровіч Мелісіна нарадзіўся ў 1759 г. у Санкт-Пецярбургу, атрымаў выдатную адукацыю і быў запісаны ў гвардыю, дзе ў ліпені 1777 г. пачаў службу сяржантам, а праз пяць год быў узведзены ў капітаны. За поспехі ў апаратыўнай падрыхтоўцы некалькіх сот навабранцаў да артылерыйскай службы «с отличными трудами и прилежностью» ў кастрычніку 1788 г. атрымаў званне маёра. Падпалкоўнікам Сумскага лёгкаконнага палка ўдзельнічаў у руска-турэцкай вайне, і менавіта «за отличную храбрость, оказанную при штурме крепости Измаила, с истреблением бывшей там армии» па прадстаўленню Аляксандра Васільевіча Суворава быў узнагароджаны ордэнам Святога Георгія IV ступені, а ў далейшым узведзены ў званне палкоўніка. Лёс склаўся так, что амаль на ўвесь перыяд праўлення імператара Паўла І Аляксея Пятровіча Мелісіна выключаюць са службы. У пачатку 1801 г. ён узначальвае Марыупальскі гусарскі полк і атрымлівае званне генерал-маёра. Тым не менш, у хуткім часе Мелісіна быў адпраўлены ў чарговую адстаўку, якая зацягнулася амаль на пяць год [9, с. 455].

Новы віток у кар'еры памешчыка Магілёўскай губерні генерал-маёра Аляксея Пятровіча Мелісіна пачынецца ў 1807 г., калі яму было даручана фарміраванне і ўзначаленне Лубенскага гусарскага палка. Ва ўмовах вайны 1812 г. Мелісіна атрымаў камандаванне кавалерыйскай брыгадай корпуса Остэн-Сакена ў складзе 3-й Абсервацыйнай арміі Тармасава. Генерал-маёр вызначаецца ў сутычках бліз Кужылінічаў, у Дубоі і Янаве, з асобным атрадам прыкрывае дзеянні галоўных сіл у бітве пры Кобрыне, удзельнічае ў баях у Пінску і Драгічыне [4, с. 292 – 294]. За дзеянні падчас вайны Аляксей Пятровіч Мелісіна адным з першых быў узнагароджаны ордэнам Святой Анны І ступені, а таксама залатой шабляй з надпісам «за храбрость», упрыгожанай алмазамі [1, с. 18].

У 1813 г. падчас замежнага паходу расійскай арміі генерал-маёр прымае ўдзел у захопе Варшавы, у бітвах пад Вальгеймам, Герсдорфам, Носэнам, Бішофсвердам, Баўцэнам, Рэйхенбахам, Яўэрам, Дрэздэнам. Бітва пад Дрэздэнам стала апошняй у жыцці Аляксея Пятровіча Мелісіна [9, с. 455]. 15 жніўня 1813 г. Лубенскі гусарскі полк у складзе перадавога атрада графа Вітгенштэйна атакаваў карэ французскай гвардзейскай пяхоты. У гэты дзень Аляксей Пятровіч Мелісіна здзейсніў сапраўдны подзвіг самаахвяравання: схаваў шаблю ў похвы і, разабраўшы павады па-манежнаму, накіраваў каня на варожыя штыкі. У выніку чаго ў карэ праціўніка ўтварыўся праход, у які і рушыла расійская кавалерыя. Аднак сам генерал-маёр быў смяротна паранены: атрымаў тры кулі ў грудзі і шматлікія раненні ад штыкоў.

У сувязі з тым, што французскія войскі перайшлі ў імклівае наступленне, цела загінуўшага генерал-маёра так і не было знойдзена. Паводле сямейнага падання, яно знайшло свой апошні прытулак у багемскай Цепліцы. Аднак найбольш верагодна, што Аляксей Пятровіч Мелісіна быў пахаваны ў агульнай магіле на месцы бітвы. Яго ўдава, Аляксандра Міхайлаўна Кантакузіна, з дапамогай расійскага дзяржаўнага і палітычнага дзеяча Аляксея Андрэевіча Аркачэева наведала месца бітвы. Але ўсе спробы знайсці астанкі супруга не прынеслі ніякіх вынікаў [3, с. 30].

Як ужо было адзначана вышэй, ва ўладанні Аляксея Пятровіча Мелісіна ўваходзіла мястэчка Пугляі з наваколлем. Менавіта тут, у пугляеўскай царкве, пасля няўдалай спробы знайсці месца пахавання супруга па загаду Аляксандры Міхайлаўны быў устаноўлены надмагільны помнік, абнесены чыгуннымі кратамі тонкай мастацкай работы. Над помнікам на сцяне храма была размешчана мармуровая дошка ў пазалочанай раме з памятным надпісам: «<...> Тело Его похоронено в Богемии в Теплице. Жена Его Александра Михайловна, в твердом уповании отыскать драгоценные Его останки и перенести их в Россию, с Высочайшего дозволения хотя и совершила столь отдаленный путь, но Богу не угодно было, чтобы таковое предприятие Ее увенчано было успехом. Ныне здесь, под сим памятником, похоронен Его мундир, супруга Ее, тот самый, в коем Он сражался, ко-

торый окровавлен от полученных Им смертельных ран, и в коем испустил последние вздохи, далече от Любезного Отечества, далече от нежной Супруги, не имев последней отрады сказать Ей: прости!». Пад помнікам у драўлянай скрыні ў форме труны акрамя мундзіра былі пахаваны і іншыя асабістыя рэчы Аляксея Пятровіча Мелісіна: рэйтузы, сядло і аброць, знойдзеныя на месцы бітвы.

Спецыяльна для пугляеўскай царквы была заказана даразахавальніца з чырвонага дрэва ў форме алтарнай сені сабора Св. Іосіфа Абручніка ў Магілёве, якую падтрымлівалі шэсць калон, умацаваныя ў трохступенчаты п'едэстал. Паміж калонамі былі падвешаны дванаццаць невялікіх абразоў у залатым і сярэбраным акладах, Георгіеўскі Крыж, ордэнская зорка, два заручальныя пярсцёнкі, залаты нацельны крыж. Да даху даразахавальніцы прымацавалі шэсць абразоў, адзін з іх меў залаты аклад, а астатнія — сярэбраны. Сярэбраны шар з выявай Георгіеўскага Крыжа вянчаў гэты дах. На п'едэстале паміж калонамі ў сярэбраных ячэйках месціліся дзве заручальныя свечкі. На прыступках п'едэстала знаходзіліся тры сярэбраныя пласціны з памятным надпісам: «Сей ковчег, устроенный попечением Александры Мелиссино и посвященный ею Алтарю Господню в 1-й день Января 1817-го года, вмещает в себе святые иконы и крест, которые носили до конца жизни покойный супруг ее Алексей Петрович, также отец его и мать. — Святые Иконы, ее самой носимые, после кончины ее, Александры Мелиссино, также соединятся с прочими в ковчеге сем. — Две светильни, в оном находящиеся, благословили ее с супругом при бракосочетании их в 1788-м году» [7, с. 29—30].

Са смерцю Аляксея Пятровіча скончыўся старажытны род Мелісіна. Аляксандра Міхайлаўна Кантакузіна, дачка вялікага бана княства Валахскага, перажыла свайго супруга на пятнаццаць год. Яна памерла ў 1828 г. у маёнтку Якаўлевічы. Да апошніх дзён свайго жыцця Аляксандра Міхайлаўна не здымала жалобнага строю і трымала пры сабе гравюру з выявай загінуўшага супруга. Жанчына была пахавана ў Куцеінскім Успенскім жаночым манастыры ў Оршы [8, с. 38].

У пачатку XX ст. старая драўляная царква ў вёсцы Пугляі па прычыне свайго надзвычай дрэннага становішча была разабрана на дровы. Значна раней адтуль знік своеасаблівы мемарыял, узведзены ў гонар Аляксея Пятровіча Мелісіна, памешчыка Магілёўскай губерні і ўдзельніка вайны 1812 г.

Новая царква ў вёсцы Пугляі, узведзеная ў канцы XIX — пачатку XX ст. побач са старым храмам, прыпыніла сваю дзейнасць у сярэдзіне мінулага стагоддзя. У выніку прыстасавання будынка пад сельскі клуб значныя змены адбыліся ў яго знешнім і ўнутраным выглядзе, была страчана ўся культавая атрыбутыка, у тым ліку і іканастас, які ўключаў 42 абразы святых, выкананых невядомымі мастакамі [11, с. 130]. Пугляеўская царква з'яўляецца цікавым помнікам народнага драўлянага дойлідства Аршаншчыны. Уяўляе сабой 4-часткавую падоўжаную сіметрычна-восевую кампазіцыю, якая складаецца з прамавугольнага ў плане прытвора, купалападобнага аб'ёма малітоўнай залы і 5-граннай апсіды з бакавымі нізкімі рызніцамі. Ярусная званіца з часам была заменена надбудовай над выцягнутым па папярэчнай восі прытворам другога паверху. Апсіда адрозніваецца больш нізкім гранёным дахам. Фасады царквы ашаляваны: вертыкальна ў цокальнай і фрызавай частках, гарызантальна — у вертыкальнай. Бабінец і апсіда ў інтэр'еры раскрываюцца шырокімі прасветамі ў малітоўную залу, якую асвятлялі шэсць прамавугольных аконных праёмаў. На жаль, пазней царква не аднаўлялася, і цяперашні стан будынка мала чым нагадвае аб былым яго прызначэнні [9, с. 133].

Тым не менш, дзякуючы вялікай цікавасці да асобы Аляксея Пятровіча Мелісіна гісторыя страчаных помнікаў захавалася ў гістарычнай літаратуры, а таксама ва ўспамінах жыхароў вёскі Пугляі.

Літаратура і крыніцы

1. Дуров, В. А. Награды эпохи Отечественной войны 1812 года / В. А. Дуров. — Москва : Бисофт: МП «ЛДВ», 1993.
2. Лобанов-Ростовский, А. Б. Русская родословная книга : в 2 т. / А. Б. Лобанов-Ростовский. — 2-е изд. — С. -Петербург : Издание А. С. Суворина, 1895. — Т. 2.
3. Лютынский, В. П. Орша в войне 1812 г. : Исторический очерк / В. П. Лютынский. — Орша : Оршанская типография, 1995.
4. Лякин, В. А. Белорусские поля сражений 1812 года / В. А. Лякин. — Мозырь : Колор, 2009.
5. Мелиссино // Военно-энциклопедический лексикон : в 15 ч. / редкол. : Л. И. Зедделер (гл. ред.) [и др.]. — С. -Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1837 — 1852. — Ч. 8; Лабиан — Мену. Прибавление. — 1844.

6. Русецкі, А. У. Мастацкая культура Аршанскай зямлі ў канцы X — XIX стагоддзях / А. У. Русецкі, Ю. А. Русецкі. — Мінск : БелЭн, 2002.
7. Романов, Е. Р. Останки сподвижника Отечественной войны ген. Мелиссино в с. Пугляи / Е. Р. Романов // Могилевская старина: сборник статей «Могилевских Губернских Ведомостей» / под ред. Е. Р. Романова. — Вып. 2: 1900 и 1901 годы — Могилев : Типография Губернского правления, 1901.
8. Романов, Е. Р. Дополнение к статье об останках ген.- м. А. П. Мелиссино / Е. Р. Романов // Могилевская старина: сборник статей «Могилевских Губернских Ведомостей» / под ред. Е. Р. Романова. — Вып. 2: 1900 и 1901 гг. — Могилев : Типография Губернского правления, 1901.
9. Смирнов, А. А. Мелиссино Алексей Петрович / А. А. Смирнов // Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. — Москва : Росспэн, 2004.
10. Фурсов, М. В. Исторический очерк Могилевской губернии / М. В. Фурсов. — Могилев, 1882.
11. Шынкевіч, А. М. Аршанская даўніна / А. М. Шынкевіч. — Мінск : Полымя, 1992.

В. А. Шишанов (Витебск)

ШТРИХИ К БИОГРАФИИ А. Р. БРОДОВСКОГО

Собирательство, коллекционирование не случайно называют страстью: только одержимые люди могут пожертвовать многим ради невзрачной монеты, истлевшей рукописи, давно вышедшей из употребления вещи. Для осознания значения их увлечения требуется некоторый срок, по прошествии которого обычные когда-то предметы становятся редкими, уникальными артефактами, повествующими потомкам о прошлом.

В 2009 году исполнилось 150 лет со дня рождения Антона Рафаиловича Бродовского, коллекционера, которому суждено было стать основателем первого государственного музея в Витебске [4].

Жизненный путь Антона Рафаиловича, казалось бы, достаточно

хорошо известен благодаря его же аккуратности и педантичности. В личном деле Бродовского, хранящемся в Государственном архиве Витебской области (ГАВО), находится автобиография коллекционера и ряд аттестатов, свидетельств, подтверждающих достоверность его слов [2].

Однако рукопись сохранилась не полностью, повествование начинается с момента окончания Бродовским уездного училища в Новоалександровске в 1875 году и завершается 1924 годом, когда Антон Рафаилович стал научным сотрудником разместившегося в ратуше Витебского отделения Белорусского государственного музея.

Удивительным образом образовавшуюся лакуну заполняет затерявшийся среди документов другого дела фрагмент жизнеописания, содержание которого и подчерк выдают принадлежность его Бродовскому [1, л. 26].

Принято считать, что Антон Рафаилович родился в Новоалександровске (сейчас Зарасай, Литва), и это утверждается в ряде публикаций и статьях в энциклопедических изданиях.

В обнаруженной рукописи Бродовский также первоначально записал следующее: «Я родился в 1859 году в захолустном городе Новоалександровске Ковенской губ.». Но, подумав, сделал уточняющие исправления: «Я родился в 1859 году в застенке Петрунишках, расположенного в одной версте за стенами захолустного города Новоалександровска Ковенской губернии. Хотя город этот едва ли когда-либо был обнесен стенами, тем не менее, заселенные окраины его назывались застенками.

Смутно помню, насколько способен помнить 4-х летний [зачеркнуто — гражданин] мещанин, сердитую, но любившую меня бабушку, на руках которой, как я узнал впоследствии, я провел раннее детство. Моей непосредственной нянькой была моя сестренка, немного старше меня, тоже очень сердитая, часто меня колотившая, и только заступничество бабушки спасало меня от ея колотушек. Помню также, как с бабушкой случилось нечто такое, что ее пришлось положить в длинный ящик, который потом вынесли люди вместе с бабушкой, и [зачеркнуто — многие] сестренка и еще кто-то плакали, мне кажется, что я тоже плакал, но почему — не знаю.

Вот все, что я помню из этой поры моего детства, а если еще сохранились какие-то скудные воспоминания, то только такие, которые непосредственно связаны с колотушками или сестры, или еще какого-

то большого мальчика, которого я редко видел и помню его только потому, что он меня колотил. Это, как я узнал потом, был мой брат, редко бывавший дома, так как служил где-то на работах, по окончанию прорытия Ладожского канала, где он и умер <в> 1866 году».

На этом запись обрывается. Как населенный пункт, Петрунишки и сейчас существуют на карте Литвы. Отметим также, что Бродовский дает неверное толкование происхождения понятия «застенок» — в Литве и Беларуси так называли земельные наделы мелкой шляхты.

Из сохранившегося в личном деле свидетельства, подписанного главным доктором Градской Обуховской больницы в Петербурге, известно, что брат Бродовского Гаспар умер 31 марта 1866 года от «воспаления брюшины» в возрасте 19 лет [2, л. 1].

В послужном списке середины 1920-х годов, также содержатся некоторые сведения, дополняющие картину безрадостного детства Антона Рафаиловича: «Белорусский литовец. Родился 8 октября 1859 года»; «Сын рабочих мещан: отец отчасти земледелец, мать — швея, повариха»; «Никакой недвижимости не имею и никогда не имел. У родителей был старый деревянный дом (хата) в застенке Петронишках при городе Новоалександровске на городской земле, за которую ежегодно платили в городскую управу (например, в 1880 году) 45 коп. аренды»; «Окончил Новоалександровское уездное училище»; «Образование продолжил сам. Изучал геологию, минералогию, палеонтологию, биологию, космографию. Со времени поступления на службу в Ковенскую крепость изучал строительное искусство, архитектуру, геодезию, фортификацию. Занимаясь коллекционированием, изучал археологию, нумизматику, геральдику и сфрагистику» [2, л. 37 об., 38].

Благодаря своему упорству и настойчивости выходец из весьма небогатой семьи смог занять не высокую, но достойную должность строительного техника, чертежника при Виленском окружном инженерном управлении. Но, казалось бы, вполне сложившаяся личная жизнь Антона Рафаиловича обернулась тяжелыми утратами и одиночеством: его дочь умерла, не прожив года, сын — в возрасте 19 лет в 1912 году, жена скончалась в 1918 году.

После этого коллекционер нашел в себе силы взяться за нелегкое дело создания музея и служить ему до последних дней.

Среди документов личного дела сохранился черновик некролога, автор которого неизвестен: «17 гэтага сакавіка [1928 г.], а 9 ½ гадзіне

дня, пасля кароткай, але цяжкай хваробы (грудная жаба) памер навуковы супрацоўнік Віцебскага дзяржаўнага музею Антон Рафаілавіч Брадоўскі...» [2, л. 29]. Пытаясь пересказать биографию умершего, автор некролога еще и еще раз правил и зачеркивал написанное...

Что же появилось в печати?

18 марта витебская газета «Заря Запада» в траурной рамке напечатала следующее сообщение:

«Супрацоўнікі Віцебскага дзяржаўнага музэю з глыбокім жалем паведамляюць, што 17 сакавіка, пасьля кароткай, але цяжкай хворасьці, памер навуковы супрацоўнік музэю

А. Р. БРАДОЎСКІ

Вынас цела з памяшкання музэю адбудзецца ў панядзелак, 19 гэтага месяца, роўна а 4 гадзіне дню» [3].

Через четыре дня автор, скрывшийся под инициалами «Я. Л.», опубликовал более пространную статью, содержащую ценные воспоминания современника: «Несомненно, что об обширной, научной и общественной деятельности А. Р. расскажут товарищи, знавшие его более близко, чем я. Поэтому я поделюсь лишь тем впечатлением, которое у меня осталось за время короткого знакомства с А. Р. с начала нынешней зимы.

Всегда бодрый и аккуратный, А. Р. являлся таким же бодрым и аккуратным популяризатором науки. Когда в начале нынешней зимы встал вопрос об открытии вновь секции любителей мироведения, он первый из старых мироведов в городе принял приглашение работать.

Выступая с докладами по вопросам мироздания, геологии и астрономии перед различными аудиториями, А. Р. просто и страстно умел разъяснять самые сложные понятия.

Эта черта, свойственная немногим, — передавать свои знания другим — сопровождалась у А. Р. особым любовным отношением к разрабатываемой теме.

С такой же любовью и преданностью А. Р. относился к работе в госмузее. Совсем недавно А. Р. бодро говорил, что переходить на пенсию пока что не хочет, ибо в состоянии работать. Но на всякий случай он составил подробный каталог хранящихся в музее монет, чтобы и после него все было в порядке.

Именно теперь, в момент строительства новой культуры, тяжела потеря такого культурного, честного работника» [5].

Литература и источники

1. ГАВО. — Ф. 1947. — Оп. 1. — Д. 1.
2. ГАВО. — Ф. 1947. — Оп. 2. — Д. 50.
3. Заря Запада. — 1928. — № 66. — 18 марта. — С. 4.
4. Шишанов, В. А. Музей и нумизматическая коллекция А. Р. Бродовского / В. А. Шишанов // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30—31 кастр. 2008 г. / рэдкал. : Г. У. Савіцкі [і інш.]. — Мінск : Медысонт, 2009. — С. 184 — 199.
5. Я. Л. Памяти А. Р. Бродовского // Заря Запада. — 1928. — № 69. — 22 марта. — С. 4.

О. В. Ануфриева (Витебск)

ЧАСЫ ИЗ СОБРАНИЯ А. Р. БРОДОВСКОГО

Собрание настольных часов Витебского областного краеведческого музея насчитывает 21 предмет (коллекция «Антиквариат»). Среди них есть и часы, ранее находившиеся в собрании А. Р. Бродовского.

В научном архиве музея сохранился «Каталог отдела часов, имеющихся в коллекции А. Р. Бродовского» [2], составленный самим коллекционером. В каталоге — 52 предмета (настольные часы, футляры для часов), из них 25 описаны подробно, с указанием сохранности, цены закупки, времени бытования. В собрании А. Р. Бродовского находились как настольные часы, так и настенные, а также кабинетные, часы-ходики, футляры, фарфоровые доски для часов. Предметы были изготовлены из разнообразных материалов: бронзы, дерева (из красного дерева, карельской березы), фарфора, мрамора, железа (чугуна), перламутра, алебастра. Не менее 15 часовых механизмов были исправны и в ходу, 6 экземпляров датировались XVIII веком.

Примечательны так называемые «траурные» часы (по Бродовскому), изготовленные для Польши после восстания 1831 г., с раскрашенными от руки гравюрами (3 экземпляра, неисправны); часы, ранее принадлежавшие композитору Манюшко; часы для духовенства (с ярко выраженной религиозной направленностью).

Благодаря подробному описанию Бродовского и сохранившимся старым номерам удалось выявить 15 предметов, принадлежавших собранию А. Р. Бродовского, а также представить их прежний облик. Ведь если у коллекционера часы описаны как исправные, то в настоящее время сохранность их оставляет желать лучшего. Утрачены как мелкие декоративные элементы, так и более существенные детали: стрелки, ключи, элементы часового механизма. От одних сохранился лишь футляр, от других — маятник либо циферблат. Однако несмотря на это коллекция представляет несомненный интерес для изучения.

Под № 13 в «Каталоге отдела часов» описаны «Столовые часы в деревянной красного дерева оправе в смешанном стиле Людовика XV и ампир <...> нач. XIX века, исправные» [2, л. 81] (ВОКМ кп 4187). Часы с эмалевым циферблатом, с амуром, кующим на наковальне стрелу (во время боя приводился в движение, распространенный мотив, в собрании Бродовского встречается не один раз), с бронзовыми накладками, зеркальной задней стенкой. Этот предмет за время своего существования утратил орнаментальные бронзовые накладки: первая — с двумя орлами, держащими в клювах гирлянду, опирающимися лапами на подножие стоящего между ними жертвенника, с горящими факелами в венках по концам; вторая — в стиле ренессанс, с фигурой крылатого мальчика, с двумя головами тигров, грифоном и львом (обе накладки в нижней части). Нет также бронзового маятника в виде герба с полосами на одной стороне и горой, увенчанной крестовиной, на другой, выпуклого стекла циферблата, мелких элементов бронзового декора. Еще Бродовский упоминает о смешении стилей при декорировании этих часов. Эклектичное стилевое решение проявляется не только и не столько в наборе элементов, характерных для ампира, классицизма или барокко, но и в полном стилевом решении бронзовых накладок. Так, накладка с грифонами, в которой угадываются элементы барокко, отличается не только по основному орнаментальному мотиву, но и по типу линий, и по мелким деталям рисунка. Накладка с маской тяготеет к ренессансу, тогда как циферблат с амуром — выраженный классицизм.

Под № 14 в каталоге Бродовского описаны «столовые часы двухнедельного завода в деревянной оправе под бронзу» [2, л. 82] (ВОКМ кп 4192, бронза, дерево, грунтовка, тонировка под бронзу, XIX в.). Часы представляют интерес в связи с деревянной фигурной ком-

позицией, к сожалению, в плохой сохранности. Богато орнаментированный растительными элементами бронзовый циферблат с римскими цифрами располагается в цилиндрической коробке. Две деревянные фигуры турков — справа и слева. Слева — спящий на тюке караульный, справа — стоящий и протянувший правую руку турок «намеревается <... > вытащить из руки спящего ружье (ружья нет)». Упоминание в «Каталоге» утерянного элемента (ружья) уточняет сюжет композиции. Фигуры отличаются выразительностью образов, динамичностью композиции в сочетании с лаконизмом и обобщенностью форм. Тонировка под бронзу выполнена с выделением отдельных деталей более светлым тоном, в данном случае является еще одним средством выразительности, дополняющим несколько обобщенные детали и элементы костюма. Контраст богато декорированного бронзового циферблата с гладкими ровными поверхностями тонированного дерева подчеркивает выразительность скульптурной группы.

Под № 15 в каталоге Бродовского описаны «Столовые часы красного дерева в деревянной оправе с резными золочеными под бронзу грифонами» [2, л. 82] (ВОКМ кп 4188, XIX в., в рабочем состоянии). Часы в стиле классицизма, часовой механизм в цилиндрической коробке на платформе, поддерживаемой двумя грифонами, с двумя голубями наверху. Несмотря на некоторое нарушение образа (элементы в настоящее время окрашены краской под золото и не производят впечатление бронзовых) часы интересны сочетанием простых геометрических форм конструкции темного цвета (красное дерево) с резными элементами под бронзу (грифоны, голуби, вазы). Практически полное отсутствие орнаментации производит впечатление легкости и лаконизма, характерного для классицизма.

Под № 16 в каталоге Бродовского описаны «Столовые часы <...> в бронзовой оправе в стиле рококо <...> в исправности, нач. XIX в.» [2, л. 83] (ВОКМ кп 4191). Бронзовое обрамление выполнено в виде ажурных орнаментальных частей, соединенных между собой в форме рокайльных завитков. Часы имеют фигурный маятник в виде цветка, а также отверстия в задних ножках для крепления к какомулибо основанию (камину?). Утрачены элементы механизма, задняя стенка для часового механизма.

Под № 17 в каталоге Бродовского описаны «часы с боем четвертей, репетиром и календарем в оправе красного дерева в стиле и времени Людовика XVI с конной фигурой вооруженного рыцаря в средневековом убранстве» [2, л. 83] (ВОКМ кп 4193, XVIII в.). Часы утратили заднюю стенку, частично покрытие красного дерева, стекло циферблата. Массивный корпус на львиных лапах и львиные головы по бокам формируют тяжеловесную и статичную композицию пьедестала для конной фигуры рыцаря, изображающей памятник герцогу Эммануилу Филиберту (1528 — 1580) в Турине. Бронзовая конная фигура отличается тонкой и тщательной проработкой деталей, а также динамичностью композиции.

Под № 18 в каталоге Бродовского описаны «бронзовые золоченые трехнедельного завода часы в стиле ампир <...> нач. XIX в.» [2, л. 84] (ВОКМ кп 4198, передняя стенка покрыта черным бархатом с плоскими бронзовыми украшениями). В настоящее время утрачены элементы механизма, задняя стенка для часового механизма, части бронзовых плоских украшений. Восстановлено бархатное покрытие. Симметричная композиция, близкая к архитектурным формам, и орнаментальные элементы (лебеди, грифоны, фигуры в античных одеждах, геометрический и растительный орнаменты) определяют часы в стиле ампир.

Под № 25 в каталоге Бродовского описаны «Бронзовые оксидированные с золочением часы-ходики в готическом стиле <...> XIX в., исправные» [2, л. 87] (ВОКМ кп 4184). Часы выполнены в виде готической часовни, с фигурой ангела наверху. Кроме стиля в этих часах представлял интерес механизм для имитации фонтана — из пасти льва в подставленную чашу лилась струя воды, которую имитировала стеклянная винтообразная палочка. Механизм заводился независимо от часов.

Художественный образ часов складывается также благодаря использованию различных способов покрытия и обработки бронзы. Основной корпус выполнен из оксидированной бронзы, пьедестал и декоративные элементы выделены золочением. Богатство гамме оттенков придает серебрение циферблата и ангела наверху, подчеркивающее эти элементы.

Под № 26 в каталоге Бродовского описаны «Бронзовые в готическом стиле часы-ходики с открытым механизмом» [2, л. 88] (ВОКМ кп 4197). Ранее накрывались стеклянным колпаком (предположительно). Медный циферблат с крупными римскими цифрами, с открытым часовым механизмом, имеющий ярко выраженный декоративный эффект, установлен в легком орнаментальном бронзовом

обрамлении между двух тонких плоских колонн на 4-ступенчатом пьедестале.

Под № 27 в каталоге Бродовского описаны «Бронзовые готического стиля часы на прорезной подставке в виде часовни» [2, л. 88] (ВОКМ кп 4190). Декорированный растительным орнаментом циферблат — в цилиндрической коробке с часовым механизмом. На постаменте — три рыцарские фигуры. Цветовая гамма определяется тёмным цветом оксидированной бронзы (рыцарь, пьедестал, боковая и задняя части подставки) и светло-золотистым цветом бронзы. Подставка ажурная прорезная в виде стрельчатых арок. Фигуры рыцарей статичны. Декор циферблата, близкий к барокко, значительно отличается от готического декора подставки.

Под № 28 в каталоге Бродовского описаны «Железные часы в готическом стиле в виде каплицы с остроконечной крутой крышей» [2, л. 88] (ВОКМ кп 4185). Футляр для часов в виде ажурной часовни с местом для часового механизма в верхней части отлит мастерами Каслинского чугунолитейного завода. Часовой механизм с календарем изготовлен в Англии (фирма Burton).

Аналогично свободно расположен часовой механизм в часах ВОКМ кп 4189. В каталоге Бродовского они описаны под № 29 как «бронзовые часы в готическом стиле» [2, л. 88]. Часы состоят из бронзовой подставки в виде стрельчатой ниши с фигурой рыцаря и открытого часового механизма, свободно размещающегося в специальном «кармане» под стрельчатой аркой; выдержаны в готическом стиле. Механизм английский, фирмы «Norton», Лондон, с календарем.

Под № 34 в каталоге Бродовского описан «бронзовый футляр для столовых часов» [2, л. 89] (ВОКМ кп 4186). Футляр стиля ампир с фигурой римлянина с кольцами в правой руке. В каталоге указывается на наличие низкой вазы с кольцами внутри (ваза не сохранилась), располагавшейся на коробке часового механизма. Футляр скупо декорирован характерными для ампира элементами: рельефным изображением меча и шлема на постаменте, венками на футляре для часов.

От часов, значащихся под № 36 в каталоге Бродовского как «бронзовые столовые часы с годовым ходом XVIII столетия, с двумя маятниками-уравнителями» [2, л. 89], удалось идентифицировать лишь маятники (ВОКМ кп 4199), остальное не сохранилось.

Под № 37 в каталоге Бродовского значатся «Столовые часы в виде письменного прибора» [2, л. 89] (ВОКМ кп 4183). Часы бронзовые прямоугольной формы, на постаменте, с ножками в виде львиных лап, с фигурой льва наверху. Небольшой часовой механизм занимает незначительное место как в функциональном плане, так и в декоре. В постаменте — выдвижной ящик (рукоятка утрачена). Верхняя часть вместе с часовым механизмом снимается, открывая основание с отверстиями для чернильниц и ручек.

Под № 46 в каталоге Бродовского описаны «Мраморные столовые часы» [2, л. 90] (ВОКМ кп 4196), от которых в настоящее время сохранился лишь футляр, весь часовой механизм утрачен. Мраморный футляр прямоугольной формы декорирован бронзой: ножками в виде лап, львиными головами по бокам, фигурой амура наверху, держащего орнаментальную ветку с двумя (ранее тремя) крючками. Это единственные «мраморные» часы, сохранившиеся из собрания А. Р. Бродовского.

В ВОКМ из часов, принадлежавших собранию А. Р. Бродовского, имеются как простые по функции и по художественному решению предметы, так и более сложные часовые механизмы, предметы с составным художественным решением образа. Некоторые часы помимо определения часов и минут имеют календарь (кп 4193, кп 4185, кп 4189), дополнительный механизм (кп 4184 — механизм для имитации воды в фонтане), декоративные движущиеся части (кп 4187 — ангел при бое часов). Благодаря «Каталогу отдела часов» оказалось возможным представить прежний облик предметов, узнать количество и описание утраченных деталей, уточнить происхождение композиции.

Литература и источники

1. Антиквариат. Справочник коллекционера / Пер. с англ. Н. Е. Юркевич. — Москва : ООО «Издательство АСТ», 2003. — 304 с.
2. ВОКМ. Научный архив. — Ф. 12. — Д. 6. — Л. 75—90. Каталог отдела часов, имеющихся в коллекции А. Р. Бродовского.

С. В. Соловьева (Витебск)

ПРЕДМЕТЫ ЕВРЕЙСКОГО КОСТЮМА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ А. Р. БРОДОВСКОГО

Коллекцию предметов еврейской культуры и быта в Витебском областном краеведческом музее нельзя назвать многочисленной. Большая часть сохранившихся предметов происходит из собрания Антона Рафаиловича Бродовского.

В 1915 г. Бродовский вместе со своей коллекцией эвакуировался в Витебск, где в 1918 г. предложил на основе своей коллекции создать губернский музей [12, с. 184—199].

В музее имелся еврейский отдел, о котором Антон Рафаилович пишет: «Этот отдел служил прежде центром основанного Бродовским в Вильне Еврейского музея при Обществе любителей еврейской старины, членом которого он состоял. С наступлением войны закрыт. Часть вещей вывезена и размещена в Вит. Губ. Музее, но за недостатком места и витрин не может быть сгруппирована в целое» [1, л. 12]. Во второй половине 1920-х гг. 54 предмета из этого отдела были переданы в Минск [3].

В отделе еврейских предметов находились разнообразные экспонаты: субботние подсвечники, «бляхи от торы», ханукальные лампы, талисманы, монеты, жетоны, серьги, кофты из старинной парчовой ткани, янтарные бусы, гравюры и прочее. Среди них — предметы одежды: безрукавки и кофты с нагрудниками, кипа (ермолка) — мужской головной убор, обязательный во время молитвы у евреев, фрагменты талеса — молитвенной шали — и аграмант к талесу плетеный. Более подробное описание предметов содержится в «Списке экспонатов еврейского отдела Витебского отделения Белорусского государственного музея» [2].

Благодаря описям 1920-х гг. удалось определить принадлежность некоторых фондовых предметов к коллекции А. Р. Бродовского. Например, «нажутка-бязрукаўка з шырокім каўнерам з слуцкай тканіны (срэбраная залочаная парча з узорам у відзе рыбнай лускі) — прыналежнасць гарнітура яўрэйскіх жанчын XVIII веку. Пры ёй 9 гузікаў з той жа матэр'і. Падкладка — палатняная. Слуцкая фабрыка-мануфактура XVIII ст. Слуцкая тканіна і палатно. У А. Р. Брадоўскага каштоўнасць 25 р.» [2, с. 12]. (№ КП 945).

Вначале — о ее названии: употребимое при описании безрукавки название «нажутка» (разг.) — это польский термин, он обозначает название одежды — накидка (pelerynka, narzutka). Короткая безрукавка сшита из фрагментов парчи с узором в виде рыбной чешуи, чешуйки протканы шелковыми нитями черного цвета и коричневого. Широкий круглый воротник, возможно, перекраивался, с уголков добавлены дополнительные куски. Застежка двубортная, из пуговиц, обтянутых тканью.

Еще один предмет — «нажутка-бязрукаўка з шырокім каўнерам з срэбранай залачонай слуцкай парчы з узорам ў відзе рыбнай лускі. Пры ей 5 гузікаў з той жа матэр'і. Па баках каўнера і па швах сьпінкі нашыты аграманты з срэбраных і пазалочаных лусачак. Прыналежнасць яўрэйскіх жанчын XVIII века. Слуцкая фабрыка-мануфактура XVIII век. У А. Р. Брадоўскага каштоўнасць 30 р.» [2, с. 15].

В основном описания безрукавок совпадают. Появляется отделка, для которой использованы золотые и серебряные нити (аграмант — это старинное название кружева; плетенье из цветного шнура для отделки платьев). К сожалению, этот предмет не сохранился.

Следующим в списке коллекции А. Р. Бродовского значится «Мужчынская ярмолка з срэбранай пазалочанай слуцкай парчы з тым жа узорам [у відзе рыбнай лускі — *С. С.*]. Падкладкі няма. На вярхавіне маецца 1 гузік з тэй жа матэр'і. Работа XVIII ст. Слуцкая фабрыка-мануфактура XVIII век. Слуцкая тканіна. У А. Р. Брадоўскага каштоўнасць 8 р.» [2, с. 15].

Предмет под № КП 1192 — кипа (ермолка) — вполне соответствуют приведенному выше описанию, к тому же, к внутренней стороне фрагмента головного убора приклеен бумажный квадратик с надписью «Коллекция музея А. Р. Бродовского». Кипа без подкладки и сшита из 4 клиньев парчи — такова конструкция головного убора, правда, почти все клинья собраны из более мелких фрагментов, по сути, отходов, возможно, оставшихся при крое другого предмета. Разумеется, ткани были чрезвычайно дорогие, их применяли для шитья праздничной одежды, а местные портные шили для людей с разным достатком.

Оба предмета из фондов витебского музея — безрукавка и кипа — сшиты из фрагментов парчи с чешуйчатым орнаментом. Орнамент подобного типа был востребован. Один из исследователей быта евреев отмечает, что одежду евреек — верхний жакет — шили из ткани «карпо-воллюск» (рыбья чешуя): «название было подходя-

щим, ибо ткань так плотно покрывали позолоченные серебряные чешуйки, что шерстяная ткань почти не была видна» [6, с. 213].

В фондах ВОКМ помимо безрукавки под названием «наржутка» находится еще 7 безрукавок, именуемых в описях «лифчик» и «лифчик-фигаро». Сшитая по фигуре, безрукавка являлась одновременно лифом и корсетом. Отсюда и их названия. Короны, безрукавки и юбки из парчи и шелка — предметы из коллекций В. П. Федоровича и К. К. Бергнера, они принадлежат к комплексу женского мещанского костюма конца XVIII — начала XIX в. [4, с. 90—92; 5].

В Беларусь и Литву комплекс безрукавки и юбки, очевидно, попал из Польши. На территории Витебщины бытовали разные локальные названия безрукавок. П. В. Шейн приводит название «шнуроўка» [11, с. 9], А. П. Сапунов [9, с. 340 — 341] и Н. Я. Никифоровский — название «китлик», которое, очевидно, пришло от еврейского населения (китл — белое облачение, одеваемое в особо торжественных случаях) [10, с. 264]. Н. Я. Никифоровский дает следующее описание китлика: «"Китлик" плотно облегал спину и грудь, <...> внизу же, вокруг талии, имел пришивную опояску, по толщине не уступавшую средней колбасе» [10, с. 117—118].

Круглый полотняный валик, о котором упоминал Н. Я. Никифоровский, можно увидеть на безрукавке из коллекции музея. Валик для крепления юбки использовался и в другом предмете костюма: еврейки поверх рубашки надевали шелковый пояс, он «был окантован тремя хлопчатобумажными валиками, на которых покоилась юбка <...>» [6, с. 213].

В архивных документах музея имеется еще одно довольно любопытное описание: «Яўрэйская жаночая нажутка з рукавамі і шырокім каўняром з парчы, густа затканай срэбрана-залачонымі лістамі па чырвонаму шоўкавому полю з 13 гузікамі з гэтай жа парчы. На спінцы захаваліся па аднаму шву з срэбраных і залачоных лусачак. Падкладка паркалевая на ваце. Знізу спінкі маецца падтрымліваючы валік. Праца XVIII в. У А. Р. Брадоўскага каштоўнасць 25 р.» [2, с. 15, 16]. Подкладка на вате — это уже утепленный вариант.

В описании указан еще один предмет: «Пры нажутцы маецца нагруднік, цалкам пакрыты срэбраным і залачоным аграмантавым узорам па чырвонаму полю. Падкладка шаўковая на ваце» [2, с. 15, 16]. Нагрудник сшит из парчи красного цвета со сложным узором, напоминающим кружево (так называемый «аграмантовый узор»).

На рисунке «Тип деревенской еврейки в Польше. XVIII в.» [7, с. 36 — 37] можно увидеть нагрудник (napersnik) — символ скромности невесты, он завязывался на шее и крепился плетеным поясом у талии [8, с. 139]. Описанный у А. Р. Бродовского нагрудник, вероятно, был оформлен так же, как и на рисунке, его носили поверх кофты, подкладка на вате придавала жесткость изделию. Нагрудник являлся отдельным предметом, но был в комплекте с кофтой «пры ей». На основе рисунка создана художественно-графическая реконструкция женского еврейского костюма.

В списке экспонатов отдельно описан нагрудник «чатырохкутнікавы прадоўжанай формы з старажытняй шоўкавай матэрыі, абшыты навокал шырокім срэбраным залачоным аграмантам, ручной вышыўкай. Падкладка паркалевая. Работа XVIII в. Старажытняя шоўкавая матэрыя. У А. Р. Брадоўскага каштоўнасць 5 р.» [2, с. 15, 16]. Шелк нагрудника украшен ручной вышивкой.

Вероятно, нагрудник такого типа изображен на картине «Еврейская невеста» австрийского художника Исидора Кауфмана. Хотелось бы обратить внимание на сходство в крое воротников безрукавки из фондов музея и кофты с нагрудником на картине.

В списке предметов из коллекции А. Р. Бродовского, переданных в Минск, значится: «Яўрэйская жаночая кофта безрукаўная з сіняга, протканага серабрам шаўковага штофа, цалкам вышытага ўручную сярэбранымі пазалочанымі лістамі, спінка па швам абшыта двайным аграмантам з срэбна-пазалочаных чашуек. Падкладка з бумазеі, паласатая» [3].

Еврейская женская безрукавная кофта сшита из парчи — синего, протканного серебром шелкового штофа с узором из листьев. Швы спинки безрукавки обшиты аграмантом с узором в виде «серебряно-позолоченных чешуек». Подкладка из бумазеи применялась как более дешевая замена шерстяных тканей: фланели, сукна и пр.

В описании еврейской безрукавной кофты тоже есть нагрудник: «Пры ёй з гэткай ж матэрыі з вышытым ўручную лісцем і нашытымі блесткамі маецца нагруднік прадоўжнай чатырохкутнай формы, абшыты срэбна-залачоным аграмантам. Падкладка крапчатая з каленкору» [3].

Нагрудник был сшит из той же ткани, что и безрукавка. Нашитые металлические блестки создавали эффект роскоши. Отделка дополняла общую картину. Подкладка нагрудника жесткая, из цвет-

ного коленкора (пропитанные клеем или крахмалом цветные коленкоры шли на отделку и подкладку).

Женский наряд евреек XVIII — начала XX в. был ярким, однако не предназначался для улицы: «Вся слава дочери царя — внутри [дома]» (Пс. 45:14). В целом, женская еврейская одежда следовала принятой моде, но избегала ее крайностей. Известно, что еврейские женщины в конце XVIII и в XIX в. носили поверх платья своего рода корсаж (вестл или камизол) — обычно из парчи с отделкой бисером или галуном; позднее эту отделку вышивали на ткани самой одежды или на платках, называвшихся бруст-тух, бристихл или бристех — он и есть нагрудник, который первоначально представлял собой широкую парчовую ленту, украшенную серебряной стежкой, а иногда полудрагоценными камнями. Позднее прямоугольная лента почти полностью покрывалась вышивкой серебряной нитью. В XX в. бруст-тух делался из бархата и украшался всевозможными видами отделки. Особенной роскошью и яркостью красок отличались праздничные одежды, которые женщина носила обыкновенно десятки лет. Нарядная одежда из парчи ярких насыщенных оттенков — безрукавная еврейская кофта и кофта-наржутка с нагрудниками, наржутка-безрукавка из коллекции А. Р. Бродовского — выглядела весьма эффектно: матовые поверхности сочетались с блестящими, гладкие — с шероховатыми, яркий шелк — с золотыми, серебряными нитями. Использование разных фактур было очень удачным.

Кроме перечисленных выше предметов одежды в архивных документах существует описание фрагментов талеса и серебряного аграманта от талеса. Талес ("таллит" — *иврит*) — молитвенная накидка, или шаль с кисточками на углах (цицит) — используется во время утренней молитвы. Среди предметов еврейской культуры, переданных в Минск, описаны: «Аграмант ад талеса срэбны, пляцены ручной работы, дліна 32 см, шырыня 10 см. XIX в. Вільня. Падобны да яго. Гэткі ж, дліна 98 см, шырыня 7 см, іншага рысунку», а также: «кавалак ад талесу. Кавалак з воўны [фрагмент из шерсти — *С. С.*], размерам 61 х 23 см. Вільня» [3]. Несколько фрагментов талеса сохранилось в фондах музея (№ КП 1377/1-3).

Несмотря на свою немногочисленность предметы еврейского быта из собрания Витебского областного краеведческого музея являются интересными памятниками материальной культуры евреев Беларуси и дают возможность воссоздания такого важного элемента как одежда.

Литература и источники

1. ВОКМ. Научный архив. — Ф. 42. — Д. 1. Материалы по истории Витебского исторического музея.
2. ВОКМ. Научный архив. — Ф. 12. — Д. 8. Спіс прадметаў яўрэйскай культуры.
3. ВОКМ. Научный архив. — Ф. 11. — Д. 4. Спіс рэчаў яўрэйскай культуры з калекцый А. Р. Брадоўскага, перададзеных Віцебскім Аддзяленнем Беларускага Дзяржаўнага музею ў Менскі музэй.
4. ВОКМ. Научный архив. — Ф. 8. — Д. 2. Инвентарная опись музея высшего педагогического института.
5. ВОКМ. Научный архив. — Ф. 10. — Д. 3. Инвентарная опись бывшего музея В. П. Федоровича.
6. Венгерова, П. Воспоминания: Мир еврейской женщины в России XIX века / П. Венгерова. — С. -Петербург : Академический проект, 2005. — 272 с.
7. Гессен, Ю. Одежда / Ю. Гессен // Еврейская энциклопедия под общей редакцией д-ра А. Гаркави и д-ра Л. Кацнельсона. — С. -Петербург : Издание общества для научных еврейских изданий и издательства Брокгауз-Ефрон. с иллюстрациями и картами. Т. 12. Обычай-проказа. — С. 960.
8. Mozozynska-Nawotka, M. O modax i strojach / M. Mozozynska-Nawotka. — Wroclaw: Wydawnictwo Dolnośląskie Sp-zoo, 2002. — 295 с.
9. Сапунов, А. П. Река Западная Двина / А. П. Сапунов. — Витебск, 1893.
10. Никифоровский, Н. Я. Очерки простонародного житья-бытья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: Этнографические данные. / Н. Я. Никифоровский. — Витебск : Губернская Типография, 1895.
11. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Том III. / П. В. Шейн. // Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Том LXXII. — С. -Петербург, 1902.
12. Шишанов, В. А. Музей и нумизматическая коллекция А. Р. Бродовского // В. Ш. Шишанов // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30 — 31 кастрычніка 2008 г. — Мінск : Медысонт, 2008. — С. 184 — 199.

О. И. Акуневич (Витебск)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В КОЛЛЕКЦИИ А. Р. БРОДОВСКОГО

Коллекция художественных произведений в фонде Витебского областного краеведческого музея является одной из наиболее богатых и разноплановых. По данным на декабрь 2009 г. она насчитывает 8244 музейных предмета, из них 922 произведения масляной живописи, 235 икон, 3984 графических произведения, 160 скульптур, 2943 предмета декоративно-прикладного искусства.

Начало истории формирования этой коллекции относится к 1924 г., когда в фонд Витебского отделения Белгосмузея, разместившегося в витебской ратуше, вошли собрания Епархиального древлехранилища, Музея Витебской Ученой Архивной комиссии, Музея Вацлава Федоровича, Губернского музея. По данным на 1935 г. в музее числилось «194 картины маслом и 167 акварельных рисунков». Эти цифры приводятся в отчете директора витебского музея Ю. И. Шевчика. Количество предметов ДПИ в отчете не указано [4, л. 29].

Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что большую часть художественных произведений довоенного Витебского музея составляли предметы, поступившие из фонда Губернского музея, созданного в 1918 г. А. Р. Бродовским. В основу собрания Губернского музея легли материалы из личной коллекции А. Р. Бродовского, эвакуированной в Витебск из Вильно в годы Первой мировой войны. В 1929 г., после смерти А. Р. Бродовского, в музей поступила и та часть его коллекции, которая не вошла в состав Губернского музея.

Формирование своей коллекции А. Р. Бродовский начал с ученических лет, собирая, по его словам, «все, что выходит из ряда обыкновенного в области старины, науки, искусства, рукоделия». В 1906 г. он представил свое собрание публике в Вильно, открыв «Музей древностей и художественной промышленности». Некоторое представление о произведениях искусства в этом музее дают статьи, опубликованные в журнале «Исторический вестник» в 1909 г. В частности, в одной из них о коллекциях музея говорится: «<...> музей размещается в квартире владельца, и несколько комнат буквально от потолка до пола завешаны разнообразными редкостями <...>. Оригинально собрание старинных часов, начиная от громадных башенных курантов, кончая миниатюрными, покрытыми эмалью. Есть в этом собрании часы русской работы, целиком из дерева и часы-луковица московской работы <...>. Богата и разнообразна коллекция металлических икон, между которыми имеются иконы-складни о 4-х, 3-х, 2-х створках. Некоторые из них украшены тонкой финифтью. Древнейшие из икон относятся к XIII — XVIII вв. В этой же коллекции имеется несколько «змеевиков» — икон-талисманов от морового поветрия <...>, относящихся к XIV в. <...>» [20].

Характеризуя коллекции А. Р. Бродовского, В. Г. Краснянский в 1925 г. пишет, что это богатое собрание разнообразных коллекций, в котором особенно интересны отделы: нумизматический, минералогический, палеонтологический и художественный [15, л. 22 — 29].

В 1920 г. сам А. Р. Бродовский в «Годовом отчете Витебского губернского музея» подразделяет собрание Губернского музея на 40 групп, в котором, говоря о художественных произведениях, указывает, что в группе под № 11 «Картины, портреты, гравюры, акварели, литографии и пр.» насчитывается до 150 предметов, в группе № 10 «Медные иконы, кресты, религиозные медальоны, восковые иконы с мощами и пр.» — до 200 предметов, в группе № 12 «Мелкая пластика, живопись на стекле, фарфор, жесть, перламутр и пр.» — до 100 предметов, в группе № 13 «Мелкая живопись по эмали» — до 100 предметов, в группе № 14 «Мелкая мозаика» — до 35 предметов, в группе № 15 «Камеи и интальи на камнях, раковинах, перламутре, фарфоре и пр.» до 50 предметов, в группе № 16 «Бронзовые накладки, фигурки и мелкие предметы» — до 200 предметов, в группе № 21 «Резьба по кости, перламутру, дереву и пр., а также инкрустаций» — до 100 предметов, в группе № 22 «Ювелирные предметы» — до 100 предметов, в группе № 28 «Фарфоровые и майоликовые вещи» — до 100 предметов, в группе № 29 «Стеклянные вещи» — до 50 предметов, в группе № 31 «Вышивки бисерные мелкие» — до 100 предметов. Кроме того, в этом перечне указываются коллекции различных часов, тканей, «еврейских предметов», имеющих историческое и художественное значение [5, л. 4 — 6].

В 1926 г. в Варшаве была опубликована статья Б. Брежго «Витебские музеи», в которой собрание Витебского губернского музея подразделено на 15 групп, среди которых выделяются: под № 7 — «Коллекция икон, крестов, религиозных медалей», под № 8 — «Коллекция тканей и вышивок», под № 9 — «Коллекция мозаик, инкрустаций, бижутерии», под № 10 — «Коллекция живописи, икон и портретов, акварелей»,

под № 11 — «Коллекция эмалей французских и русских», под № 12 — «Коллекция фарфора польского, русского, севрского, немецкого, английского и китайского», под № 13 — «Коллекция художественной бронзы». Причем, в своей статье Б. Брежго отмечает, что в «Коллекции живописи, икон, портретов и акварелей» «<...> особого внимания заслуживает портрет императора Александра I, который приписывается школе Лампи, а также сбор портретов рода Володковичей из Лепельского уезда и графов Гуттен-Чапских с Виленщины» [21].

Упоминание художественных произведений в коллекции Витебского губернского музея имеется еще в ряде документов. Например, это рукопись А. Бродовского «Материалы по истории Витебского исторического музея», «Опись ценностей, находившихся в историко-археологическом и художественно-промышленном музее в г. Витебске», «Инвентарные описи музейных экспонатов» за 1920—1930 гг., «Разные описи бывшего Витебского губернского музея: фарфора, оружия, медалей и мебели, изъятых у частных лиц и фондов различных хранилищ в 1920—22 гг.», «Опись документов о поступлении предметов в губернский музей (1919—20 гг.)», «Краткий очерк истории бывшего Витебского губернского музея» и другие [2; 3, л. 1 — 10; 8, л. 1 — 15; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15, л. 8 — 17; 19].

Сегодня очень сложным представляется точно определить, какие именно художественные произведения в Витебском губернском музее относились к личной коллекции А. Р. Бродовского, так как описи художественных произведений в своей коллекции он так и не составил. Как пишет в «Справаздачным нарысе стану Віцебскага аддзялення Белдзяржмузею за 1924—25 бюджэтны год» директор музея И. Василевич, «<...> личные коллекции Бродовского совсем не имеют инвентаризации, и определить их невозможно». И. Василевич указывает также, что в губернский музей в 1919—1922 гг. поступило около 2000 музейных предметов, собранных в дворцах, усадьбах, церквях Витебской губернии [17, л. 102]. Ряд документов свидетельствует, что в 1918—1922 гг. в губернский музей поступили картина «Прибой» работы Яксо, картина работы Богуш-Сестранцевича, портрет Чеховича, пейзаж работы Жуковского, пять английских гравюр, живопись голландской школы на дереве, мраморный бюст Наполеона неизвестного автора, бронзовый бюст Александра II, портреты царей, портрет Александра I (копия Жирара), портреты из коллекции Гуттен-Чапских и другие [8, л. 1—15]. Художественные предметы под похожими названиями встречаются в некоторых документах и статьях как предметы коллекции А. Бродовского. Определить, то ли это одни и те же предметы, то ли такие же экспонаты были и в коллекции Бродовского, сложно, так как в большинстве документов чаще всего не указывается ни авторство работ, ни их точное название, ни источник поступления.

Прямо на принадлежность художественных произведений к коллекции А. Бродовского указывает документ «Список картин коллекции А. Бродовского», переданных для выставки в «Куток малюнкаў», составленный в 1925 г. научным сотрудником Витебского отделения Белгосмузея В. Добровольским. В этом списке указаны: «1. «Головка юноши» — картина на полотне, масл. красками, вероятно, итальянской работы. Разм. 29 х 39½ см. На оборотной стороне надписи: G.B.C.; ниже: Giorgione; 2. «Портрет Наполеона». Работа приписывается Давиду. Картина на полотне, масляными красками <...>. Размер 43 х 30 см; 3. «Голова Христа», работа Антокольского. Картина на полотне, масл. красками <...>. Размер 31 х 38 см <...>; 4. «Женский портрет». Картина масляными красками, на холсте... Неизвестного автора. Разм. 44 х 52½ см <...>; 5. «Портрет Марии Федоровны», супруги Павла I, неизвестного художника. Картина маслян. красками, на холсте <...> Разм. 58 х 71½ см <...>; 6. «Пан Твардовский на петухе», работы Рыпинского <...> Картина масляными красками, на холсте. Пан Твардовский в синем кунтуше, опоясанный слуцким поясом, с карабелей, сидит верхом на петухе, оседланном и покрытом чепраком, опираясь на стремена и объясняется с чертом по поводу заключенного с последним договора <...> Разм. 60 х 52 см <...>; 7. «Портрет неизвестного мужчины из рода Стефановских». Работа неизвестного художника. Картина масл. красками, на холсте <...>; Разм. 40 х 60 см <...>; 8. «Портрет неизвестной женщины из рода Стефановских»... работа неизвестного художника. Картина масл. красками, на холсте <...>; Разм. 40 х 50 см <...>; 9. «Трио» — Группа девиц из 4-х лиц, занимающихся музыкой. Итальянской работы. Картина масл. красками, на холсте <...> Разм. 88 х 117 см <...>; 10. «Портрет аббатессы католического женского монастыря кармелиток в г. Вильно» <...> Неизвестной работы. Картина маслян. красками, на холсте <...>; Разм. 86½ х 67 см <...>; 11. «Портрет имп. Александра I»; работа приписывается Боровиковскому (м. б. Лампи). Картина масл. красками, на холсте: Александр I в юношеском (16—17 л.) возрасте <...> Разм. 137 х 102 см <...>; 12. «Портрет неизвестного мужчины» работы Дамэля. Картина масляными красками, на холсте. Размеры 81 х 66 см <...>; 13. «Юдифь» (м. б. вакханка). Картина

масл. красками, на холсте <...> Работа неизвестного. Разм. 41 х 49 см <...>; 14. «Портрет неизвестной женщины» ... Работы Волковой. Картина масл. красками на холсте <...> Разм. 53 х 67 см <...>; 15. «Портрет офицера» в прусском мундире, с высоким воротником и галстуком. На правом плече — эполет с прикрепленными к нему аксельбантами (Александр I?). Работа неизвестного начала XIX в. Разм. 68 х 60 см <...>; 16. «Портрет графа Юзефа Тышкевича», старосты Волотыцкого. Картина масл. красками, на холсте, работа неизвестного. У Тышкевича на груди орден Белого Орла I ст., а на шее — орден Станислава, через грудь — синяя лента к ордену Белого Орла с брильянтовым эполетом. В талии он опоясан слуцким поясом, поверх — красный меховой плащ, застегнутый аграром, украшенный драгоценными камнями. На оборотной стороне надпись: I. W. Juzef Hrabu Tyszkiewicz Starosta Wiolotycki, <...> В левом нижнем углу — гербовая печать. Разм. 63 х 80 см <...>; 17. «Автопортрет художника М. П. Новомейского», представленный им в качестве конкурсного в Академию Художеств. Написан на полотне, масл. красками. Портрет вставлен в овальную золоченую ремесл. работы рамку. На оборотной стороне надпись: «В 27 день августа 1863 Советом Императорской Академии Художеств ученик оной Михаил, Павла сын Новомейский за сей портрет собственный, писанный им же самим, удостоен звания свободного художника, в чем и выдан ему аттестат 8 сентября 1863 г. за № 1863 с приложением академической печати. На рамке печати — Лепельского городского старосты и станового пристава 2-го стана Лепельского уезда» [7, л. 8 — 10 об.].

В инвентарных описях экспонатов Витебского музея конца 1920-х гг. значится 3 «работы маслом» Луиджи Вивиани: «Водопад», «Перед дождем» и «Портрет неизвестной» [18, л. 40 — 42]. Можно предположить, что это также картины из собрания А. Бродовского, так как в списках поступлений из других коллекций эти работы не значатся.

Значительную часть художественной коллекции А. Р. Бродовского составляли графические работы. В «Инвентарной описи экспонатов Витебского отделения Белгосмузея» с пометкой «зборы А. Р. Бродовского» перечисляется целый ряд английских, французских, немецких, австрийских, итальянских гравюр. Среди них работы Сальватора Розы, А. дель Сарто, Виже ле Бренн, Ж.-Ф. Ле Басса, Ж.-Б. Грёза, А. Дюрера, Ж. Лемэрсье, И. Вэйсса, А. Мюнстера, Ш.-М. Дескурти, Д. Тенирса-мл. и других [16; 18, л. 40 — 42].

Художественные произведения коллекции А. Бродовского упоминаются еще в ряде источников. Так, например, сам коллекционер

в рукописи «Материалы по истории Витебского исторического музея», датируемой 1919 г., пишет, что в его специальности было «собирание коллекций по <...> иконографии, керамике <...>, различным предметам искусства, ремесел, рукоделию и проч. по разным отраслям, как то: живописи, скульптуры, эмалирования, мозаике, резьбы по камням, металлам, кости, дереву и проч., художественно-слесарным, бронзовым и ювелирным работам и художественному вышиванию» [15, л. 8 — 16].

В коллекции имелись и художественные работы самого А. Бродовского. В Обществе учителей искусств, созданном в 1918 г. в Витебске, он был инструктором студии художественного вышивания. За свои работы по отрасли рукоделия А. Бродовский был удостоен Большой серебряной медали на выставке в Вильно. Кроме того он занимался акварелью и живописью «в духе старой школы». По его словам, при Витебском губернском музее имелось более двух десятков его акварелей, в том числе одна «революционного характера»: «Акт отделения церкви от государства», приготовленная к Октябрьским праздникам 1918 г. В коллекции были также работы А. Бродовского «на стекле тушью по золоту» [15, л. 8 — 16]. Названия этих работ в документе отсутствуют. Зато в другом документе — «Опись книг, рисунков, литографий, оставшихся после смерти А. Р. Бродовского» — перечисляются акварели его работы: «Девочки с цветами», «Купающаяся женщина на берегу моря», «Мать и дочь», «Амур», «Природа», «Всадница», «Флора», «Лошадь и щенки», «Возрожденная Польша», «Убийство», «Белорусь до революции», «Белорусь после революции» и др. В этой же описи упоминаются «бронзовый бюст Александра II работы Босха», «кларнет с надписью Яна Собесского в футляре» [6].

Многие документы свидетельствуют, что в сборах А. Р. Бродовского были богатые коллекции «севрского, саксонского, китайского фарфора», фарфора российских заводов Гарднера, Попова, Миклошевского.

Сегодня в фонде Витебского областного краеведческого музея сохранилась довольно большая коллекция фарфора, относящаяся к сборам А. Р. Бродовского. К его же собранию относятся и хранящиеся в УК «ВОКМ» коллекция вышивки XVIII — XIX вв., рыцарский пояс XVIII в., кларнет Яна Собесского и другие предметы декоративно-прикладного искусства. К сожалению, от богатой коллекции графики не сохранилось ни одной работы. В коллекции живописи определить как произведения из коллекции А. Р. Бродовского можно «Автопортрет М. П. Новомейского», «Портрет графа Юзефа Тышкевича»,

«Портрет мужчины в черном костюме с бабочкой» Яна Комара. В собрании Витебского областного краеведческого музея также имеется несколько неатрибутированных живописных работ из довоенной коллекции. Однако отсутствие подробных описаний художественных произведений в коллекции А. Р. Бродовского не дает возможности идентифицировать эти работы. Большая же часть художественных произведений из этого собрания утеряна в годы Великой Отечественной войны. «Автопортрет М. П. Новомейского» по счастливой случайности пережил тяготы войны в подвалах здания телеграфа в г. Витебске по улице Толстого и 15 июля 1944 г. был обнаружен там среди других найденных там картин, портретов и репродукций [1; 2].

Литература и источники

1. Витебский областной краеведческий музей (ВОКМ). – н/в № 7921/7; № 7875/1; № 7921/4.
2. ВОКМ. Научный архив. – №1033/6 «Книга поступлений Витебского исторического музея 1944 – 1945 гг.».
3. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 3. – Д. 4.
4. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 3. – Д. 7.
5. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 5. – Д. 2.
6. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 11. – Д. 3.
7. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 11. – Д. 8.
8. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 12. – Д. 3.
9. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 19. – Д. 1.
10. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 20. – Д. 1.
11. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 21. – Д. 1.
12. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 22. – Д. 1.
13. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 23. – Д. 1.
14. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 24. – Д. 1.
15. ВОКМ. Научный архив. – Ф. 42. – Д. 1.
16. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 8.
17. ГАВО. – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 13.
18. ГАВО. – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 16.
19. ГАВО. – Ф. 1947. – Оп. 1. – Д. 56.
20. Музей А. Р. Бродовского в Вильне // Исторический вестник. – 1909. – № 1. – С. 412 – 413.
21. Brežgo, B. Muzea Witebskie / B. Brežgo // Ziemia (Warszawa). – 1926. – Nr. 15 – 16. – S. 238 – 240.

В. Н. Кучеренко (Витебск)

ФОТОГРАФИЯ А. П. САПУНОВА ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА Н. И. и Н. В. ДОРОФЕЕНКО

Традиционно документальными источниками для научных исследований и творческих находок являются фонды архивов, музеев, библиотек. Вместе с тем интереснейшая, подчас уникальная информация откладывается в личных, семейных архивах ученых, краеведов, коллекционеров, доступ к которым, естественно, ограничен.

Семейный архив Н. И. и Н. В. Дорофеенко складывался более полувека. Увлеченные наукой, краеведением, публицистикой, Нина Ивановна и Николай Владимирович посвятили свою жизнь изучению многих исторических событий на Витебщине.

Николай Владимирович Дорофеенко (1923 – 1991 гг.) – известный в городе журналист и краевед. Большая часть его жизни была связана с газетой «Віцебскі рабочы»: от корреспондента до главного редактора газеты – таков его журналистский и творческий путь.

Нина Ивановна Дорофеенко – кандидат исторических наук, Заслуженный работник высшей школы БССР, преподавала в Витебском государственном медицинском институте и педагогическом институте им. С. М. Кирова (ныне Витебский государственный университет им. П. М. Машерова).

Главной темой научных исследований и документального сбора супругов Дорофеенко являлись события Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., подпольного и партизанского движения на Витебщине. Кандидатская диссертация Нины Ивановны, книга «Витебское подполье» (в соавторстве с Н. И. Пахомовым и Н. В. Дорофеенко), ряд брошюр, очерков, научных публикаций в различных изданиях посвящены теме войны.

Однако несколько лет назад, разбирая с Ниной Ивановной семейный архив, мы обнаружили папку с надписью «Сапунов». В ней оказалась общая тетрадь с выписками из трудов А. П. Сапунова, сделанными Николаем Владимировичем еще в 1950 – 1960-е гг., его статья из газеты «Віцебскі рабочы» от 26 июля 1957 г. «Выдатны гісторык Віцебшчыны» и конверт с письмом и фотографией А. П. Сапунова в молодые годы – портретное изображение, ранее неизвестное.

Сегодня имя Алексея Парфеновича Сапунова (1852—1924) — выдающегося ученого, краеведа, археографа своего времени, поистине летописца Витебщины, Беларуси, широко известно. В 1990-е гг. для популяризации имени А. П. Сапунова много сделали витебские краеведы А. М. Подлипский, Д. Р. Газин, историк Л. В. Хмельницкая [2; 4; 6; 7].

А вот в середине 1950-х гг. газетная публикация Н. В. Дорофеенко об А. П. Сапунове была поистине открытием для многих, так как она была первой большой публикацией за долгие-долгие годы забвения ученого [3]. Именно эту статью тогда положил в свой домашний архив Леонид Константинович Высоцкий. А спустя 10 лет, в 1967 г., прислал письмо Николаю Владимировичу следующего содержания: «Уважаемый Николай Владимирович! Несколько лет назад Вы выступили в «Віцебскім рабочым» [так по тексту — *В. К.*] с обстоятельной статьей об Алексее Парфеновиче Сапунове. Вырезку ее я недавно нашел в своем архиве и отослал знакомому витеблянину — дальнему родственнику Сапунова, проживающему в Москве (пенсионер, более 70 лет). В ответ получил сохранившееся у него фото Алексея Парфеновича в молодые годы. Посылаю это фото. Может быть, оно представит интерес для Вас или областного краеведческого музея. Распорядитесь им по своему усмотрению». Подпись: «С уважением Л. Высоцкий». Далее указан адрес в г. Орше. По счастливой случайности по этому адресу сегодня проживают дочь и внук Леонида Константиновича Высоцкого, которые рассказали, что он работал заведующим отделом писем оршанской районной газеты «Ленинский призыв», был пытливым журналистом и собирателем.

Вместе с письмом в конверте находилось и портретное фото А. П. Сапунова в молодые годы. Фотография прямоугольная, вытянута по вертикали, размером 6 х 9см, сепия, на твердом паспарту, портретное изображение в овале. Оборот паспарту оформлен типографским способом, на нем значится: «Фотография, Н. Абрагамсон, С. -Петербург, Гороховая у Красного моста № 15/75». Фото не датировано.

Сегодня, к сожалению, не удалось что-либо узнать о родственнике А. П. Сапунова, приславшем фотографию из Москвы. Что же касается сведений о фотоателье и его содержателе, то в Интернете обнаружены данные из «Справочной книги о лицах, получивших на 1870 г. купеческие свидетельства», где в разделе № 3 «Акционерные и торговые общества, товарищества, компании и фотографии» значится: «Абрагамсон Николай, 34 года, датский подданный, житель Адмиралтейской части, 2 участка, в доме Меньшикова, № 15 по Гороховой улице у Красного моста. Содержит фотографию». До какого года существовало это фотоателье на Гороховой, не установлено, но в справочнике «Вся Россия» за 1897 г. фотография Абрагамсона уже не значится.

Следует отметить, что ул. Гороховая считалась одной из самых престижных в С. -Петербурге. В середине XIX в. на этой улице построил большой каменный дом и открыл в нем лавку купец немецкого происхождения по фамилии Гаррах (в народе Горох, Горохов). В XIX в. на этой улице уже находились богатые доходные дома, престижные магазины, селились многие петербургские аристократы. Здесь в разные годы останавливался молодой Н. В. Гоголь, жил Г. Распутин, размещалось Управление Санкт-Петербургского градоначальства и столичной полиции — известная царская «охранка». В советское время улица часто меняла свое название, а в 1991 г. вновь стала Гороховой. Улица начиналась у Адмиралтейства, шла почти параллельно Невскому проспекту. Недалеко от ее начала через Дворцовый мост можно было попасть на набережную к Петербургскому университету, где учился и затем многократно бывал А. П. Сапунов.

Самым важным моментом в изучении фотографии была ее датировка, которая проводилась по визуальному исследованию и анализу биографических сведений. В фондах музея имеется групповая фотография преподавателей витебской гимназии, среди которых и А. П. Сапунов. Фотография датирована 1876 г. [6, с. 9]. В это время Алексею Парфеновичу было 24 года. На нашем же портретном фото он выглядит значительно старше. Это мужчина рубежа 40 лет, а значит, фотография может относиться к первой половине 1890-х гг.

При анализе биографических фактов видно, что именно с начала 1890-х гг. А. П. Сапунов имел возможность периодически бывать в С. -Петербурге [7, с. 108—109]. В 1890 г. он был избран действительным членом исторического товарищества при Петербургском университете. В 1896 г. А. П. Сапунов был приглашен в качестве рецензента в комиссию для рассмотрения и оценки произведений, выдвинутых на ежегодную Уваровскую премию в Петербургской Академии наук. Кстати, сам А. П. Сапунов за работу по рецензированию в это же время получил золотую Уваровскую медаль академии.

С 1897 г. в жизни А. П. Сапунова начинается московский период [7, с. 115—120]. Он служит помощником инспектора студентов

Московского университета и постоянно живет в Москве до 1901 г. Таким образом, на основе анализа фактов и сравнений портретное фото наиболее точно можно датировать лишь периодом между 1890 – 1896 гг.

Первая публикация исследуемой фотографии с разрешения Н. И. Дорофеенко состоялась в научно-популярном журнале «Віцебскі сшытак» в очерке Л. В. Хмельницкой «Гісторык з Віцебска» [6, с. 17]. Однако в то время не была исследована история фотографии, так называемая ее «легенда», и не аргументирована датировка в более конкретных хронологических рамках.

Таким образом, в настоящее время фотография А. П. Сапунова в его самые творческие, плодотворные годы деятельности вводится в научный оборот.

Хотелось бы надеяться, что в городе будет когда-либо установлен мемориальный знак в честь заслуг выдающегося летописца Витебщины А. П. Сапунова. А фотография может лечь в основу скульптурного изображения.

Литература и источники

1. Вся Россия. – С. -Петербург : Изд. А. С. Суворина, 1897.
2. Газин, Д.Р. Сапуновские сокровища / Д.Р. Газин. – Витебск, 1998. – 45 с.
3. Дарафеенка, Н. Выдатны гісторык Віцебшчыны / Н.У. Дарафеенка // Віцебскі рабочы. – 1957. – 26 ліп. – С. 3.
4. Падліпскі, А. Летапісец Віцебшчыны / А.М. Падліпскі. – Мінск, 1993. – 92 с.
5. Стукалич, В.К. А. П. Сапунов: К 25-летию его ученой и литературной деятельности / В.К. Стукалич. – Витебск, 1905.
6. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л.У. Хмяльніцкая. – Віцебскі сшытак. – 2000. – № 4. – С. 3 – 63.
7. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л.У. Хмяльніцкая. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. – 256 с.

В. А. Шишанов (Витебск)

К ИСТОРИИ ЭКЗЕМПЛЯРА СТАТУТА ВКЛ 1588 г. ИЗ БИБЛИОТЕКИ А. П. САПУНОВА

Личная библиотека известного человека во многом является отражением его личных пристрастий, научных интересов, фактов биографии.

К истории книжного собрания известного витебского историка Алексея Парфеновича Сапунова (1851? – 1924) уже обращались витебские исследователи [8, с. 52 – 53; 10, с. 210 – 212, 229 – 250]. А. М. Подлипский упоминает о том, что у Сапунова имелся экземпляр «Статута» 1588 г.

Обращение к документам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), позволило пролить свет на судьбу редкого издания из библиотеки известного ученого.

Среди бумаг музейного отдела в фонде Главнауки Наркомпроса РСФСР (ГАРФ) сохранилось «Дело по музеям Западного края», в котором наше внимание привлекла докладная записка инспектора Наркомпроса Пичугина, датированная 28 февраля 1923 г. В записке инспектор особое внимание уделил «музею жуков», который, как известно, создал при Витебском Ветеринарном институте известный энтомолог В. А. Плющик-Плющевский (1849 – 1926). В заключение сообщалось следующее: «Помимо того, в Витебске же у гр. Сапунова имеется экземпляр Литовского статута изд<ания> 1588 года, правда, не полный, но в количестве 200 листов. Гр. Сапунов, испытывая материальные затруднения, продает статут за 1000 руб. Фотографический снимок с объяснением владельца прилагаю» [6, л. 275].

Забегая вперед, отметим, что значительная часть библиотеки (577 томов) после смерти ученого была передана в Витебское отделение Белорусского государственного музея [5, л. 66 – 70]. Вероятно, книги не были эвакуированы с началом войны в 1941 г., и эта часть наследия Сапунова оказалась почти полностью утраченной. Известны лишь отдельные экземпляры книг с тиснением и автографами владельца в Национальной библиотеке Беларуси [9, с. 107 – 108] и библиотеке Витебского государственного университета им. П. М. Машерова.

Как известно, в начале 1920-х гг. Алексей Парфенович находился в очень трудном положении, и продажа книг из личного собрания была

одним из источников получения средств к существованию. Один из современников вспоминал: «Бібліятэка А. Сапунова захавалася толькі часткова: у час хваробы і голаду нябожчык прадаваў бібліятэку па кнігах. Купцы і аматары куплялі ў яго найбольш ходкія кнігі <...>» [3].

Однако Сапунов сознавал, что «Статут» имеет большое историческое значение, и попытался продать его государственному учреждению. Упомянутый в записке Пичугина «фотографический снимок» в действительности является литографическим воспроизведением 119 страницы, которой открывался четвертый раздел «Статута» — «О судьях и судах». Литография как вклейка была помещена в первый том сборника «Витебская старина» [2]. На обороте обнаруженного «снимка» Алексей Парфенович сделал следующую запись: «Литовский статут (правильнее было бы называть "Белорусский Ст<атут>", так как он клад белорусского народа, а не литовского). Экземпляр, который имеется у меня, изд<ан> в 1588 г. в Вильно. Экземпляр мой, конечно, дефектный, нет заглавного листа, нет начала, нет конца, в середине также недостает нескольких листов. Нужно, однако, заметить, что даже Экз<емпляр> Публ<ичной> Библ<иотеки> в Петрограде тоже дефектный. В моем экз<емпляре> сохранилось более 200 л. [заметим, что в полном экземпляре должно быть около 310 л. — *В. Ш.*], хотя не каждые и испорчены, но ведь Лит<овский> Ст<атут> важен для того, чтоб наглядно, воочию, показать, что в вел<иком> кн<яжестве> Литовском все судебные дела совершалися и все бумаги писалися по русски "литерами и словы русскими, а не иншым языком и слова".

Прилагаю литогр<афический> снимок с IV раздела, весьма важного и сохранившегося в моем экз<емпляре> вполне.

За эту книгу я заплатил лет 12 тому назад 100 рублей золотом, хотелось бы получить за него хотя половину, т. е. 50 р. золотом (страшно вымолвить!) миллиард совет<скими> денеж<ными> знаками. Профессор А. Сапунов. 1-го февраля 1923 г.» [6, л. 276 об].

Определение «Статута» как «клада белорусского народа» добавляет еще один штрих к выявлению позиции Сапунова в «белорусском вопросе». Важность этого свода законов для определения роли белорусской («русской») составляющей в Великом княжестве Литовском подчеркивается цитатой как раз из раздела «О судьях и судах», отдельная вклейка с факсимильным воспроизведением также была помещена в первый том «Витебской старины»: «А писар земский маетъ по-русску литерами и словы русскими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншим езыком и словы».

Показывает найденный документ и то, на какие значительные для себя расходы («100 рублей золотом») шел Алексей Парфенович, собирая памятники старины. Здесь же ярко отразились и инфляционные процессы в стране — 50 рублей золотом приравниваются к миллиарду советскими денежными знаками выпусков 1919—1921 гг., которые инспектор переводит в дензнаки 1923 г. и получает 1000 рублей.

К сожалению, документов, говорящих о какой-либо реакции на предложение Сапунова, не обнаружено.

В апреле 1923 г. «Статут» был приобретен для создававшейся в те годы в Минске Белорусской государственной и университетской библиотеки. В газете «Савецкая Беларусь» сообщалось: «Бел<аруская> Дзярж<аўная> Унів<ерсітэцкая> Бібліатэка абагацілася важнейшым і рэдкім помнікам беларускага друку — "Літоўскім Статутам" выдання 1588 г. Гэтую каштоўную кнігу Бібліятэка здабыла ад беларускага этнографа А. П. Сапунова. Апрача гэтага, здабыты ўсе творы Сапунова, якія адносяцца галоўным чынам да матар'ялаў па Вітабшчыне і Полацку» [1, с. 4]. Но, вероятно, в годы войны «Статут» был утрачен.

Затем издание появляется в белорусских эмигрантских кругах в США и в ноябре 1973 г. через епископа Чеслава Сиповича передается в Белорусскую библиотеку и музей им. Ф. Скорины в Лондоне (шифр Jur. 2°100/2) [11, с. 154; 12, p. 47—48].

«Статут», несмотря на свое дефектное состояние, вероятно, был одной из самых ценных книг библиотеки А. П. Сапунова. Польский исследователь Владимир Мякишев приводит следующее описание издания: «Экз. деф. : нет Введения; нн. лл. 9—30 Реестра; лл. 41 (с. 1 — 2), 46 (с. 11—12), 128 (с. 176—177), 187 (с. 292—293), 271 (с. 480—481), 274—275 (с. 486—489). Старопечатный текст прерывается на л. 277 (с. 493). Пропуски заменены чистыми листами бумаги. Надпись на форзаце и с. 13 кодекса говорит о том, что экземпляр некогда принадлежал Алексею Парфеновичу Сапунову (1851 — 1924), белорусскому историку и краеведу. Профессор умер в Витебске в голоде и нищете. На страницах кодекса встречаются рисунки школьников и записи, содержащие некоторые имена: Mikoiay Semigin, Andrei Boranowski, Pozysowsky, Nowicki, Потоцкий и проч. Есть и маргинальные польскоязычные заметки правового характера — особенно часто они сопровождают статьи 9-го и 10-го разделов кодекса». Мякишев относит данный экземпляр к третьему изданию, осуществленному в 1600 г. [7, с. 333]. От первого (1588 г.) оно отличается некоторыми техническими особенностями набора и бумагой, имеющей другие водяные знаки.

На сегодняшний момент известно только 28 экземпляров 3-го издания Статута 1588 г., и все они находятся вне пределов Беларуси [7; 4].

Литература и источники

1. «Беларуска-Літоўскі статут» у Бел<арускай> Дзярж<аўнай> Бібліатэцы // Савецкая Беларусь. — 1923. — № 75. — 6 крас.
2. Витебская старина / сост. и изд. А. Сапунов. — Витебск, 1883. — Т. 1. — XXIV, 669 с., 55 л. ил. ил.
3. Вітэкъ, Д. Навуковая спадчына, пакінутая А. П. Сапуновым / Д. Вітэкь // Савецкая Беларусь. — 1924. — № 238. Цит. по: Хмяльніцкая Л. Гісторык з Віцебска. — С. 206.
4. Галенчанка, Г. Я. Статут у бібліятэках і архіўных зборах / Г. Я. Галенчанка // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588: тэксты., давед., камент. / Беларус. сав. энцыкл.; рэдкал. : І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Бел СЭ, 1989. — С. 531—532.
5. Государственный архив Витебской области. — Ф. 1947. — Оп. 1. — Д. 11. Опубликовано, см. : Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска. — С. 229—250.
6. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. А-2307. — Оп. 3. — Д. 297.
7. Мякишев, В. Литовский статут 1588 года в европейских библиотеках и книгохранилищах / В. Мякишев // Наукові праці Історичного факультету Запорізького державного університету. — Запоріжжя, 2007. — Вип. XXI. — С. 328—339. Автор выражает благодарность В. Мякишеву за помощь в работе над темой.
8. Подлипский, А. М. Книга в Витебске: книгоиздательство, библиотеки и книголюбы Витебска. Дооктябрьский период / А. М. Подлипский. — Витебск : Витебская областная типография, 1999. — 64 с.
9. Сільнова, Л. Д. Надпісы на кнігах Нацыянальнай бібліятэкі Беларусі, звязаныя з імем Аляксея Сапунова / Л.Д. Сільнова // Архіўная спадчына Віцебшчыны як крыніца вывучэння гісторыі краю: Матэрыялы архіўных чытанняў, прысвечаных 150-годдзю з дня нараджэння А. П. Сапунова. 6—7 чэрвеня 2002 г., Віцебск / Склад. В. У. Скалабан і інш. — Мінск : БелНДІДАС, 2002. — С. 107—108.
10. Хмяльніцкая, Л. Гісторык з Віцебска (жыццяпіс Аляксея Сапунова) / Л. Хмяльніцкая. — Мінск : Энцыклапедыкс, 2001. — 256 с.

11. Юрэвіч, Л. Камэнтары. Літаратуразнаўчыя артыкулы / Л. Юрэвіч. — Менск, 1999. — 302 с.
12. Cyrillic Books printed before 1701 in British and Irish Collections: A Union Catalogue / R. Cleminson et al. — London: The British Library, [2000]. — XLVII, 16 fig., 172 p.

Ю. С. Петухов (Витебск)

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ ВИТЕБСКА КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX в.

Изучение истории архивных фондов, организации их комплектования, хранения и использования всегда является актуальным. Оно позволяет не только проследить направление развития архивного дела в интересующий исследователя период, выявить его сильные и слабые стороны, учесть предыдущий опыт, но и дает возможность провести мероприятия по поиску утраченного. Особенно значимой, на наш взгляд, эта проблема является для белорусского региона, где революции, войны, а порой и просто отсутствие должной организации архивного дела не содействовали его планомерному и поступательному развитию.

В настоящем исследовании нам хотелось бы остановиться на некоторых аспектах истории документальных комплексов органов городского управления г. Витебска как наиболее важных для изучения истории города периода конца XVIII — начала XX в. В данном случае речь идет о документах Витебской городской думы и Витебской городской управы.

Как известно, городская дума в Витебске существовала с 1786 г. В 1876 г. согласно Городовому положению от 16 июня 1870 г. структура органов городского управления изменилась: наряду с городской думой как распорядительным органом был учрежден исполнительный орган — городская управа. Оба эти учреждения располагались в здании витебской ратуши, в котором сегодня находится областной

краеведческий музей. Естественно, что в деятельности названных организаций образовывался определенный комплекс документов, который требовал упорядочения и обеспечения условий его сохранности. Таким образом, при городской думе была учреждена должность архивариуса, а в здании ратуши в начале XX в. располагался архив.

Сегодня его стоило бы отнести к категории ведомственных, поскольку до революции 1917 г. он входил в состав Витебской городской управы и обеспечивал хранение материалов ее делопроизводства, а также делопроизводства городской думы. Позднее архив перешел в ведение отдела городского хозяйства Витебского городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 11 января 1902 г. в связи с циркуляром МВД была ликвидирована Витебская общая ремесленная управа с передачей имущества, капиталов и делопроизводства городской думе [1, с. 71]. Таким образом, документальный комплекс, образованный в ее деятельности, оказался присоединенным к документам думы и управы. На хранении в архивных помещениях находились также книги витебских публичных нотариусов и маклеров на явку контрактов, договоров, протестов, векселей и заемных писем (с 1849 по 1884 гг.), книги сборов витебских нотариусов (с 1884 по 1915 гг.), документы Витебского комитета Всероссийского союза городов (с 1914 по 1918 гг.) и Витебского заразного госпиталя Всероссийского союза городов (с 1915 по 1918 гг.) [2, л. 11 об.]. В настоящее время большинство этих материалов составляют самостоятельные архивные фонды Национального исторического архива Беларуси [4, с. 55, 57, 59, 158].

На хранении в Учреждении Государственный архив Витебской области в фонде Отдела коммунального хозяйства исполнительного комитета Витебского городского Совета народных депутатов (Ф. 1001) имеется документ, который позволяет достаточно подробно проследить историю указанного архива за период с 11 октября 1910 г. по 19 марта 1919 г. Он представляет собой копию опросного листа справочно-статистического отдела Главного Управления архивным делом, заполненную архивариусом И. К. Кондратьевым 19 марта 1919 г. [2, л. 3—14].

Как можно видеть из содержания указанного документа, условия обеспечения сохранности документальных материалов архива в конце XIX — начале XX в. были явно неудовлетворительными. Поскольку до 1910 г. архивные помещения располагались на чердаке второго этажа ратуши (работы по строительству третьего закончились в 1911 г. [5,

с. 56]), то в составе фондов архива было «много книг и дел, подмокших от течи в крыше». Среди материалов 1872 — 1910 гг. были дела «совершенно разложившиеся, послипшиеся, <...> покрытые плесенью, объеденные мышами и крысами, поточенные личинками и т. п.». А 30 ноября 1870 г. 3700 дел архива витебского городского управления за 1786 — 1850 гг. общим весом 13 пудов 9 фунтов были проданы с аукционного торга [2, л. 12]. Можно предположить, что эти материалы подверглись достаточно распространенной в XIX в. практике вывоза и продажи документов на бумажные фабрики [6, с. 53].

С назначением на должность архивариуса Кондратьева Ивана Кондратьевича (в соответствии с постановлением городской управы от 11 октября 1910 г.) работы по обеспечению сохранности документального фонда стали, по всей видимости, более систематичными и результативными. Стоит отметить, что во время перемещения документов с чердака второго этажа ратуши в подвал здания со стороны Смоленской улицы, связанного с началом упомянутых выше строительных мероприятий, материалы не упорядочивались, а потому И. К. Кондратьеву пришлось заново устанавливать фондовую принадлежность и приводить в порядок «в конец разрушившиеся и пришедшие в полнейший хаос архивы». В период с 1 сентября 1910 г. по 8 марта 1911 г. документы были обработаны, а в марте — апреле 1911 г. перенесены на чердак и размещены в каземате пожарной каланчи на досчатых полках «в хронологическом порядке годов по арифметическому счету». Невместившуюся часть дел, ввиду недостатка места, пришлось разместить на полу [2, л. 8 и об.].

Однако все работы архивариуса И. К. Кондратьева по обеспечению сохранности документов оказались, по сути, безрезультатными, так как 18 ноября 1913 г. «в 5 часов пополудни» [2, л. 8 об.] на ратушной башне произошел пожар. Конечно же, башня не сгорела дотла, как это описывает И. К. Кондратьев, однако сгорели деревянные лестницы, перегородки, двери и крыша, вышли из строя часы [3, с. 2]. Непосредственно от огня документы не пострадали, однако при тушении пожара были залиты водой, «быстрым потоком лившейся сверху на верх помещения архива и на прилегавшую к выходной двери часть чердака» [2, л. 8 об.]. Таким образом, большая часть книг и дел оказалась повреждена.

О масштабах катастрофы может свидетельствовать хотя бы тот факт, что архивариусу вместе с двумя курьерами управы удалось удалить воду из помещения, выливая ее ведрами в полукруглое окно,

только к шести часам утра следующего дня. В тот же день начались работы по спасению материалов. Промокшие документы были разложены для просушки на чердаке, а также в помещении канцелярии около печей. Многие книги пришлось снова переплетать, а документальные материалы упорядочивать вновь. Эти работы продолжались с ноября 1913 г. по 1915 г. [2, л. 9 и об.].

Вместе с тем, несмотря на далеко неудовлетворительные условия к 1919 г. на хранении в архиве находилось 22028 внесенных в описи дел, а также около 2000 неучтенных. Кроме того имелось около 6000 книг «городского архива», а также 565 книг ликвидированной Витебской общей ремесленной управы [2, л. 11].

Стоит отметить, что на 19 марта 1919 г. положение с условиями хранения документальных материалов практически не изменилось. Весь архивный комплекс, находящийся в это время в ведении отдела городского хозяйства, был разделен на две части, из которых наиболее древняя (за период с 1786 по 1893 гг., а также документы Ремесленной управы) находилась в помещении каменного каземата пожарной каланчи. Вторая же часть (за период с 1893 по 1915 гг.) располагалась «в темной комнате, расположенной между помещениями расходной кассы и части бухгалтерии и курьерской». Оба помещения для хранения документальных материалов предназначены не были, плохо освещались, были малы по площади, в результате чего значительная часть единиц хранения была свалена в кучи на полу, сложена в помещении канцелярии. Кроме того, по свидетельству И. К. Кондратьева, помещение, где хранились материалы за 1893 — 1915 гг., использовалось также для размещения несгораемых шкафов, в которых хранились «деньги городской кассы и для надобностей кассиров». Множество проблем имелось в области обработки фондов, так как далеко не все книги были упакованы в промаркированные связки, ко многим делам не были составлены описи, на книги их не имелось вообще [2, л. 5 — 6, 11 и об.].

Несмотря на указанные выше обстоятельства и необходимость проведения большого объема работ по упорядочению документов И. К. Кондратьев осуществлял также использование последних путем выдачи архивных дел сотрудникам управы и архивных справок должностным лицам города. Поскольку единых правил на выдачу дел из архива «не было и нет», то большое значение имел личный опыт архивного работника. «Всем отделениям и должностным лицам Городского общественного Управления» книги и дела выдавались под

роспись по заведенной И. К. Кондратьевым в 1912 г. книге, а возвращались под роспись архивариуса. На месте выданных из архива дел оставлялись заметки с информацией о дате выдачи и получателе. Такой порядок выдачи дел в пользование позволял достаточно точно отслеживать движение архивных материалов и контролировать их сохранность и наличие. За период с 1914 по март 1917 г. И. К. Кондратьевым было выдано из архива 3767 книг и дел. В порядке осуществления справочной деятельности только по запросу Витебского городского головы Ивана Юрьевича Сабин-Гуса о возврате г. Витебску каменных построек архивариусом было сделано около 600 выписок и выдано свыше 120 копий документов.

Вместе с тем, мы должны обратить внимание на тот факт, что использование документального комплекса архива витебского городского управления велось исключительно с целью обеспечения работы городских органов. По свидетельству самого архивариуса, «для научных занятий никогда ничего не выдавалось и не выдается» [2, л. 12 об. — 13].

Таким образом, проанализированный нами документ является ценным источником по истории документального комплекса органов городского управления Витебска конца XVIII — начала XX в. Он позволяет достаточно подробно восстановить историю документов витебских думы и управы, а также заострить внимание на проблемах организации ведомственного хранения документальных материалов в конце XVIII — начале XX в.

Вместе с тем, стоит обратить внимание на информационный потенциал документов архива, располагавшегося в здании витебской ратуши. В силу наличия здесь материалов Витебской общей ремесленной управы, Витебского комитета Всероссийского союза городов, городских нотариатов и маклеров в архиве сформировался комплекс источников, свидетельствующих не только о функционировании органов городского управления, но и в целом освещающий городскую жизнь Витебска губернского периода.

Следует также отметить исключительно важную роль архивариуса И. К. Кондратьева в обеспечении сохранности документов архива. Без его методичной работы многие из имеющихся сегодня материалов, возможно, были бы недоступны для нас. Кроме того, архивариус упоминает о составленных им докладных записках, содержащих краткий очерк истории документов архива. Эти записи могли бы быть крайне интересны для изучения истории докумен-

тальных комплексов органов городского управления Витебска конца XVIII — начала XX в. [2, л. 13 об.].

Вместе с тем, на примере истории документов учреждений витебского городского управления мы можем констатировать во многом типичную для белорусских губерний ситуацию, когда отсутствие единой централизованной архивной системы, позволившей бы осуществлять контроль за организацией комплектования, сохранности и использования документальных материалов, приводило к их порче и множественным утратам. И хотя такие энтузиасты своего дела, как А. П. Сапунов, Д. И. Довгялло или И. К. Кондратьев предпринимали все возможное для сохранения документального наследия для потомков и достигли многого, при наличии единой четкой организации этого процесса их усилия, на наш взгляд, были бы намного более эффективными.

Литература и источники

1. Витебщина архивная: история, фонды, персоналии (сер. XIX – XX в.) / сост. М. В. Пищуленок и др.; научн. ред. М.Ф. Шумейко. — Минск : БелНИИДАД, 2002. — 213 с.
2. Государственный архив Витебской области (ГАВО). — Ф. 1001. — Оп. 1а. — Д. 10. Опросный лист справочно-статистического отдела при Главном управлении архивным делом.
3. Подлипский, А. Городская ратуша в Витебске / А. Подлипский, Т. Чернявская. — Витебск, 1986. — 4 с.
4. Фонды Национального исторического архива Беларуси: справочник / сост. Г. Е. Акулович [и др.] — Минск : БелНИИДАД, 2006. — 304 с. Имеются в виду фонд Витебской ремесленной управы (Ф. 2505), Витебской городской думы (Ф. 2506), Витебской городской управы (Ф. 2496), Витебского заразного госпиталя Всероссийского союза городов (Ф. 2550).
5. Чарняўская, Т. І. Архітэктура Віцебска: З гісторыі планіроўкі і забудовы горада / Т. І. Чарняўская. — Мінск : Навука і тэхніка, 1980. — 112 с.
6. Шумейко, М. Ф. Архивоведение Беларуси. Учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов в двух частях. Часть I. История и организация архивного дела / М. Ф. Шумейко, К. И. Козак, В. Д. Селеменев. — Минск : Издательский центр РИВШ, 1998. — 216 с.

Т. П. Марчик (Витебск)

ИЗДАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ КОНЦА XIX И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ «ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ВИТЕБСКОМ РЕГИОНЕ»

Познание педагогической культуры наших предков, педагогического наследия многовековой культуры нашего региона — это не только путешествие в прошлые века, но и путь к пониманию генезиса современной педагогики. Важно не только сохранить это духовное богатство для истории, но и использовать в работе по воспитанию подрастающего поколения. Поэтому создаваемый музей ставит во главу угла обобщить и систематизировать педагогическое наследие Витебщины. Наиболее значительные памятники литературной, общественно-политической, педагогической мысли, представляющие историко-научную, а во многих случаях практическую ценность, и составляют коллекционный сбор данного музея.

История педагогической мысли любого народа начинается с народной педагогики, т. к. дети были и остаются объектом особого внимания и заботы всех народов Земли. Писатели и художники вносят свой вклад в решение педагогических проблем воспитания детей. Русский писатель и педагог граф Толстой писал книги для детей, и в подколлекции «Детская литература» есть его книга для маленьких детей «Первая поездка» с 26 хромолитографированными картинами, издание «Товарищества М. О. Вольфа» С.-Петербург – Москва, типография С. -Петербург Васильевский остров 16 линия собственный дом.

Во все времена литература и искусство способствовали формированию идейных убеждений, патриотическому, нравственному, эстетическому воспитанию, поэтому в музейный сбор входит подколлекция «Художественная литература», где есть интересные экспонаты:

- прижизненное издание сочинений А. С. Пушкина 1835 г.;
- отдельные поэмы А. С. Пушкина: «Кавказский пленник», «Медный всадник», «Арап Петра Великого», «Цыганы» 1912 г.;
- полное собрание сочинения Белинского 1859 г.

В конце XIX века и первой половине XX века народное образование на витебской территории расширяет свое влияние: откры-

ваются одноклассные и двухклассные народные школы, церковно-приходские школы и народные училища, гимназии. Для этого издаются учебники и учебные пособия. В данном коллекционном сборе есть такие экземпляры:

- Руководство по преподаванию по родному слову. 1880 г. Составитель К. Ушинский;
- Курс топографии 1906 г. (использовался в кадетском корпусе);
- Священная история Нового завета. 1911 г.;
- Закон Божий. 1911 г.;
- Грамматика немецкого языка. 1914 г.;
- Сборник геометрических задач. 1913 г.;
- Курс физики. 1919 г.;
- Физика, 3 класс гимназии. 1900 г.;
- Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. 4. Сельское хозяйство. 1910 г.

В фондах музея имеются документы об окончании учебных заведений XIX века и фотографии выпускных курсов.

В отдельную коллекцию вошли документы об окончании учебных заведений:

- Аттестат Клавдии Ивановны Широченко об окончании Содневской женской школы садоводства и огородничества, 1906 г.;
- Свидетельство Клавдии Ивановны Широченко Городокского 3-классного городского училища, удостоена звания учительницы, 1909 г.;
- Свидетельство Анастасии Яковлевны Червяковой Оршанского духовного училища, удостоена звания учительницы, 1914 г.;
- Аттестат Семена Сергеевича Дорожкина об окончании полного курса учения в Витебском первом четырехклассном городском училище, 1911 г.;
- Свидетельство Семена Сергеевича Дорожкина, удостоен звания учителя начальных училищ, 1913 г.;
- Свидетельство Матрены Васильевны Кожарской об окончании второклассной частной общественной женской прогимназии г. Сенно, 1913 г.

В коллекции фотографий есть фотоархив семьи Беспалова Семена Петровича в количестве 32 шт., фотографии датированы 1880 – 1945 гг.

В коллекции «Воинские документы» есть свидетельство Беспалова Семена Петровича о прохождении воинской службы 1903 года.

І. І. Бамбешка (Мінск)

ДЗЕЙНАСЦЬ ВІЦЕБСКАГА АКРУГОВАГА ТАВАРЫСТВА КРАЯЗНАЎСТВА ПА ВЫВУЧЭННІ І АХОВЕ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАЙ СПАДЧЫНЫ Ў 1920-я гг.

Гістарычнае краязнаўства ў Беларусі мае даўнія традыцыі. Аднак як масавы народны рух мы можам назіраць яго толькі пасля Лютаўскай, а затым Кастрычніцкай рэвалюцыі 1917 г. Гэта было звязана з тым, што пасля названых падзей «Часовыя правілы аб таварыствах і саюзах» ад 4 сакавіка 1906 г., якія абмяжоўвалі ўдзел у грамадскіх арганізацыях шэрагу катэгорый насельніцтва, былі скасаваны [17, с. 112]. Канстытуцыя РСФСР, дзеянне якой пэўны час распаўсюджвалася і на тэрыторыю ССРБ, абвяшчала права рабочых і сялян аб'ядноўвацца ў розныя арганізацыі [7, с. 6]. Такія абставіны стымулявалі стварэнне разнастайных беларускіх культурна-асветных суполак, сярод якіх былі і краязнаўчыя арганізацыі [6, с. 80].

Уцягненню краязнаўцаў у справу ўліку і вывучэння помнікаў гісторыі і культуры садзейнічалі рознага роду звароты да насельніцтва, адпаведныя пастановы і інструкцыі. Выяўленне, вывучэнне і ахова помнікаў гісторыі і культуры былі адной з галоўных задач і Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства (ВАТК), якое ўзнікла ў 1924 г.

Таварыства яшчэ знаходзілася на стадыі фарміравання, калі яго сябры ўжо пачалі працу па вывучэнні гісторыка-культурнай спадчыны. Так, на адным са сходаў ВАТК 18 кастрычніка 1924 г. сябар таварыства і супрацоўнік Віцебскага гісторыка-археалагічнага музея У. Г. Краснянскі выступіў з дакладам «Музейныя помнікі старадаўніх Віцебскіх рамесніцкіх арганізацый», у якім аўтар прааналізаваў розныя матэрыяльныя сведчанні прафесійных арганізацый рамеснікаў Віцебска (іконы з цэхавых рамесных храмаў, штандары, падсвечнікі і г. д.) і прыйшоў да высновы, што яны з'яўляюцца каштоўнай крыніцай для вывучэння рамесніцкіх аб'яднанняў горада [18, арк. 10; 3, с. 40 – 48].

Праз некалькі гадоў аб'ектам навуковай цікавасці У. Г. Краснянскага стала батлейка, якая таксама захоўвалася ў тым жа музеі і паходзіла з мясцовага царкоўна-археалагічнага музея, куды трапіла з Віцебскай Ільінскай царквы. У. Г. Краснянскі падрабязна апісаў яе выгляд, растлумачыў прызначэнне кожнага элемента. Аўтар адзначаў, што па шэрагу прыкмет (знешні выгляд, унутраная будова) яна адрознівалася ад іншых беларускіх батлеек, што вымушала больш падрабязна заняцца яе вывучэннем [9, с. 127].

Таксама ў ВАТК вельмі актыўна заняліся вывучэннем беларускага дойлідства. Ужо на пасяджэнні 12 лістапада 1924 г. старшыня таварыства М. І. Каспяровіч выступіў перад сваімі калегамі з дакладам «Віцебская архітэктура ў гістарычнай перспектыве», які таксама быў змешчаны ў зборніку «Віцебшчына» [18, арк. 10; 3, с. 37—39]. М. І. Каспяровіч даў кароткі агляд гісторыі развіцця архітэктуры горада, акрэсліў асноўныя помнікі, паспрабаваў звязаць развіццё архітэктурных формаў з палітычным і эканамічным жыццём горада.

Распрацоўку названай тэмы працягнуў віцебскі краязнавец П. М. Красавіцкі («Архітэктура Віцебшчыны XVII—XVIII стст.») [3, с. 192]. Затым ім быў падрыхтаваны нарыс, прысвечаны асобнаму помніку — Ільінскай царкве. Аўтар даў падрабязнае апісанне яе вонкавага выгляду, унутранага аздаблення, спрабаваў вызначыць час яе стварэння, для чаго звярнуўся да прац сваіх папярэднікаў — А. П. Сапунова, А. М. Паўлінава і інш., і прыйшоў да высновы, што яна была пабудавана ў 1743 г. У дадатак да тэкставай інфармацыі краязнавец прыводзіў фотаздымкі царквы да і пасля рамонту 1887 г. [8]. У кастрычніку 1925 г. М. І. Каспяровіч звяртаўся ў ЦБК з просьбай надрукаваць у часопісе «Наш край» названы артыкул П. М. Красавіцкага [18, арк. 10]. Аднак публікацыя была зроблена толькі ў 1928 г. [8].

Наступнай тэмай, якая прыцягнула ўвагу ВАТК, стала беларускае прафесійнае мастацтва. У сваім дакладзе на чарговым пасяджэнні таварыства І. Т. Гаўрыс гаварыў аб неабходнасці вывучэння беларускага мастацтва розных перыядаў яго развіцця і выкарыстання яго як гістарычнай крыніцы для вывучэння адпаведных перыядаў гісторыі [11]. У сваім выступленні дакладчык выказаў думку аб неабходнасці арганізацыі выстаўкі беларускага мастацтва [3, с. 25].

Заканчэнне арганізацыйнага перыяду дазволіла таварыству больш шырока разгарнуць даследчую працу ў акрэсленым накірунку. На адным з пасяджэнняў прэзідыума праўлення ВАТК у канцы чэрвеня 1925 г. быў прадстаўлены план работы таварыства да канца года. Адной з задач арганізацыі было ўсебаковае вывучэнне ўсяго комплексу помнікаў гісторыі і культуры: манументальнага мастацтва, а таксама прадметаў з фондаў мясцовага музея і архіва [18, арк. 78, 79]. Для аказання метадычнай дапамогі ў рэалізацыі названага плана ў таварыстве былі падрыхтаваны шматлікія інструкцыйна-метадычныя матэрыялы, апублікаваныя ў першым выпуску неперыядычнага зборніка «Віцебшчына».

Аднымі з асноўных спосабаў збору інфармацыі для рэалізацыі праграмы былі абраны навукова-даследчыя экскурсіі і эспедыцыі.

Як адзначалася ў справаздачы ВАТК, у 1925 г. адбыліся экскурсіі для выяўлення асаблівасцей віцебскай архітэктуры, «аздобы дагістарычных жанчын на тэрыторыі Віцебшчыны, зброі нападу і абароны ў гістарычнай перспектыве» і інш. Частка экскурсій праводзілася сумесна з Віцебскім аддзяленнем Беларускага дзяржаўнага музея [3, с. 196]. Таксама было праведзена абследаванне іканастасаў Успенскага сабора, скляпенняў Фарнага касцёла [5, с. 3].

У 1925 г. па ініцыятыве старшыні таварыства М. І. Каспяровіча была арганізавана экспедыцыя па збору і вывучэнні народнага мастацтва. Быў абследаваны шэраг раёнаў Віцебскай акругі (Бешанковіцкі, Чашніцкі, Сенненскі і іншыя) [3, с. 198]. Верагодна, сабраныя экспедыцыяй матэрыялы дэманстраваліся на краёвай выстаўцы ў 1925 г., якая была арганізаваны мастацкай секцыяй акруговага таварыства [1, с. 51].

Працягнуў вывучэнне народнага мастацтва А. А. Шлюбскі. 1 лістапада 1925 г. на пасяджэнні агульнага сходу мастацкай секцыі ВАТК адбылося абмеркаванне яго працы «Набойка. З гісторыі беларускага народнага мастацтва». Нягледзячы на тое, што праца выклікала шмат спрэчак (адзначаўся недахоп фактычнага матэрыялу і г. д.), было вырашана яе надрукаваць, а сябру секцыі Н. П. Міхалапу (у будучым — дырэктар Беларускай Мастацкай галерэі) зрабіць даклад аб формах і гісторыі набойкі [18, арк. 28; 20].

Больш канкрэтызуючы характар насіў даклад І. П. Фурмана «Крашаніна (Матэрыялы да гісторыі яе ў Віцебшчыне)», з якім ён выступіў на Віцебкай акруговай краязнаўчай канферэнцыі 27 красавіка 1925 г. Ён звярнуў увагу даследчыкаў і шырокай грамадскасці на гэту амаль страчаную галіну народнага мастацтва, прааналізаваў гістарыяграфію гэтага пытання, пазнаёміў з сабраным матэрыялам,

прывёў звесткі аб прыватных і дзяржаўных музейных калекцыях, дзе меліся ўзоры набоечных дошак [3, с. 61—72]. Па дакладу І. П. Фурмана было вырашана пачаць сістэматычны збор узораў набойкі для складання поўнай калекцыі набоечных дошак, правесці ўлік майстроў-сінельнікаў на Віцебшчыне і пры іх дапамозе арганізаваць адпаведныя майстэрні для аднаўлення вытворчасці [3, с. 72].

У 1926 г. акруговым таварыствам было працягнута вывучэнне прафесійнага беларускага мастацтва. У студзені 1926 г. была арганізавана выстаўка дрэварытаў віцебскага мастака С. Б. Юдовіна, а на сходзе таварыства 3 студзеня 1926 г. І. П. Фурман выступіў з аналізам творчасці майстра [12, с. 86].

У 1926 г. адбыліся чарговыя экскурсіі па Віцебску і акрузе, падчас якіх былі агледжаны Храпавіцкая царква, будынкі Маркавага манастыра і інш., рабіліся пэўныя крокі для арганізацыі іх аховы [13, с. 74]. Працягвалася вывучэнне архітэктуры горада. Так, мясцовыя даследчыцы звярнуліся да гісторыі і асаблівасцей будынкаў Марыявіцкага кляштара (М. А. Мельнікава) і Віцебскай Троіцкай царквы на Пескаватыку (М. Лебедзева) [12, с. 86; 18, арк. 73]. М. Лебедзева ў сваім дакладзе адзначала, што вывучаны ёю помнік знаходзіцца ў вельмі дрэнным стане, і «калі не прыняць належныя меры да аховы, <...> дык ён у недалёкім часе разваліцца», таму неабходна прыняць меры па яго рэстаўрацыі [18, арк. 74].

У другой палове 1926 г. быў зроблены агляд Троіцкай царквы, пасля якога было прынята рашэнне сабраць усе яе фотаздымкі, прасіць Акруговы выканаўчы камітэт адрамантаваць царкву, адпусціўшы на гэта 6 тыс. руб., а для тэрміновай кансервацыі выдаткаваць 200 руб., перадаўшы наяўныя прадметы царкоўнага ўжытку для захавання ў іншую царкву [18, арк. 92]. Прыхаджане царквы звярнуліся да гарадскога кіраўніцтва з просьбай дабудаваць прытвор і званіцу да царквы. Аднак на пасяджэнні Прэзідыума Віцебскага акруговага выканаўчага камітэта ад 20 ліпеня 1927 г. па дакладу тагачаснага старшыні акруговага таварыства краязнаўства І. А. Бутара аб Чорнай царкве была вынесена пастанова, у якой адзначалася, што наяўная частка царквы не ўяўляе сабой ніякай гістарычнай і архітэктурнай каштоўнасці і таму прапануемая вернікамі дабудоўка прытвору і званіцы «для адпраўлення рэлігійных абрадаў» была прызнана немэтазгоднай [14, арк. 84]. Тады вернікі напісалі наркому асветы БССР У. М. Ігнатоўскаму, у лісце да якога прасілі дазволу аднавіць будынак і згаджаліся перадаць у БДМ каштоўныя ў музейных адносінах рэчы [14, арк. 85—85 адв].

18 мая 1928 г. на пасяджэнні Прэзідыума Віцебскага гарадскога савета па дакладзе аб становішчы Віцебскага аддзялення БДМ адзначалася, што паколькі будынак так званай Чорнай царквы разваліўся і па свайму стану не можа быць адноўлены як помнік архітэктуры XVII ст., даручыць музею неадкладна разабраць яго, пры гэтым усе рэчы, якія знаходзяцца ў царкве, перадаць у музей у прысутнасці дырэктара музея І. І. Васілевіча [15, арк. 20 адв.].

3 жніўня 1928 г. па загаду рэдактара газеты «Рабочий» у Інбелкульт была адаслана фатаграфія гэтага знішчаемага помніка [19, арк. 61, 192]. На наступны дзень у той жа газеце з'явіўся артыкул віцебскага карэспандэнта В. Буравога «Зверская расправа с историческим памятником» [2].

7 жніўня таго ж года М. М. Багародскі накіраваў у Інбелкульт акт камісіі па справе разабрання царквы [19, арк. 64—64 адв.]. Інбелкульт, у сваю чаргу, зрабіў запыт у ЦБК, якое звярнулася да Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства з просьбай паведаміць, «<...> кім і пры якіх умовах разабрана т. зв. Чорная царква» ў Віцебску, якую чыннасць мела ў гэтай справе Акруговае таварыства і ці захаваны ад царквы старажытныя рэчы [15, арк. 75].

У адказе на запыт, адпраўлены 28 жніўня 1928 г., паведамлялася, што ў музей не трапілі толькі некалькі абразоў, скрадзеных з-пад руін будынка значна раней, да разборкі царквы, прычым сярод скрадзеных толькі два абразы мелі «некаторае музейнае значэнне» [15, арк. 66—66 адв.].

У другой палове 1920-х гг. праца па вывучэнні гісторыка-культурнай спадчыны скарачаецца. Можна прыгадаць толькі некалькі прыкладаў. Вядома, што таварыствам вялася праца па ўкладанні археалагічнай карты. Для гэтага па раёнах была разаслана спецыяльная праграма і карта-трохвёрстка іх мясцовасці, праведзены інструктаж сярод сяброў краязнаўчых арганізацый. Таксама ў таварыстве працавалі над стварэннем «гістарычнага пуцяводніка па Віцебску», прымалі актыўны ўдзел у розных экспедыцыях гістарычнага характару, якія праводзіліся па Віцебшчыне іншымі арганізацыямі [16, с. 73]. У 1928 г. убачыў свет другі том неперыядычнага краязнаўчага зборніка «Віцебшчына», у якім акрамя артыкулаў на эканамічную тэматыку быў змешчаны і шэраг матэрыялаў па гісторыі беларускага мастацтва. Гэта артыкулы І. Т. Гаўрыса «Вобразнае мастацтва ў г. Віцебску» [4, с. 168—173] і І. П. Фурмана «Віцебскія мастакі-гравёры» [4, с. 174—183].

Падводзячы вынік, адзначым, што ВАТК адно з нямногіх у БССР разгарнула шырокую работу па выяўленні і вывучэнні гісторыка-культурнай спадчыны, што было абумоўлена высокім прафесійным і навуковым узроўнем сяброў таварыства. Асноўнымі тэмамі для даследавання стала мясцовае мураванае дойлідства, прафесійнае і народнае мастацтва і інш. Таксама ў таварыстве аднымі з першых звярнуліся да вывучэння музейных прадметаў і іх крыніцазнаўчай каштоўнасці. ВАТК наладзіла выданне вынікаў сваёй дзейнасці ў гэтай сферы.

ВАТК было адзінай і да таго ж грамадскай арганізацыяй, якая паслядоўна на працягу некалькіх гадоў рабіла ўсё магчымае для захавання архітэктурнага помніка XVIII ст. — царквы «Чорнай Троіцы» ў Віцебску, і менавіта дзякуючы яму ўдалося захаваць большую частку яе старажытных царкоўных рэчаў.

Аднак асноўныя даследчыя мерапрыемствы прыходзіліся на 1920-я гг. У наступнае дзесяцігоддзе колькасць даследаванняў і падрыхтаваных па іх выніках дакладаў значна скарацілася. Звязана гэта было са змяненнем сэнсавага насычэння краязнаўства, пераарыентацыяй яго на выкананне задач народнай гаспадаркі. У 1930-х гг. найбольш актуальнымі тэмамі для краязнаўчых таварыстваў сталі вывучэнне сельскай гаспадаркі і калгаснага будаўніцтва, прамысловых прадпрыемстваў, пошук неабходнай сыравіны і г. д. А для гісторыка-краязнаўчых даследаванняў месца не заставалася.

Літаратура і крыніцы

1. Адчыненьне Першай Усебеларускай Выстаўкі краязнаўчых фотографій і зарысовак // Наш край. — 1928. — №4. — С. 51.
2. Буревой, В. Зверская расправа с историческим памятником / В. Буревой // Рабочий. — 1928. — 4 августа. — С. 2.
3. Віцебшчына: Неперыяд. орган Віцеб. акруговага т-ва краязнаўства / Пад кіраўніцтвам і рэд. М. Каспяровіча. — Віцебск, 1925. — Т. 1. — 218 с.
4. Віцебшчына: Неперыяд. зб. Віцеб. акруг. т-ва краязнаўства. — Віцебск, 1928. — Т. 2. — 203 с.
5. З краязнаўчай работы на Віцебшчыне // Савецкая Беларусь. — 1925. — 29 ліпеня. — С. 3.
6. Калубовіч, Я. Акт 25-га Сакавіка й адраджэнне нацыянальнай беларускай культуры / Я. Калубовіч // Спадчына. — 1992. — № 1. — С. 67—84.

7. Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской республики. — Петроград: Издание Петроградского Совета Рабочих и Красн. депутатов, 1918. — 16 с.
8. Красавіцкі, П. Віцебская Ільінская царква / П. Красавіцкі // Запіскі аддз. гум. навук ІБК. — Кн. 6. — Працы камісіі гісторыі мастацтва. — Мінск, 1928. — Т. 1. — Сш. 1. — С. 92—103.
9. Краснянскі, У.Г. Батлейка Віцебскага аддзялення БДМ / У. Г. Краснянскі // Запіскі аддз. гум. навук ІБК. — Кн. 6. — Працы камісіі гісторыі мастацтваў. — Мінск, 1928. — Т. 1. — Сш. 1. — С. 127—140.
10. Лісаў, А.Г. Краязнавец Мікалай Каспяровіч / А. Г. Лісаў, А. М. Падліпскі; Віцебс. краязн. фонд імя А. Сапунова. — Віцебск : УПП «Віцеб. абл. друкарня», 2000. — 48 с.
11. М. К. Беларускае мастацтва / М. К. // Савецкая Беларусь. — 1925. — № 2. — С. 3.
12. М. К-ч. Краязнаўчая праца на Віцебшчыне / М. К-ч // Наш край. — 1926. — № 4—5. — С. 86—89.
13. М. К-ч. На Віцебшчыне / М. К-ч // Наш край. — 1926. — № 10—11. — С. 73—74.
14. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 42. — Воп. 1. — Спр. 1926.
15. НАРБ. — Ф. 42. — Воп. 1. — Спр. 1935.
16. Праца праўленьня Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства // Наш край. — 1929. — № 12. — С. 72—74.
17. Процька, Т.С. Грамадскія арганізацыі / Т. С. Процька // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск, 1999. — Т. 5. — С. 111—114.
18. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНА НАНБ). — Ф. 67. — Воп. 1. — Спр. 5.
19. ЦНА НАНБ. — Ф. 67. — Воп. 3. — Спр. 21.
20. Шлюбскі, А. Крашаніна: Набіванка / А. Шлюбскі; Пад рэд. М. І. Каспяровіча. — Віцебск : Акруг. т-ва краязнаўства, 1926. — 26 с.

Ю. П. Латушкова (Минск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГОРОДОВ ВИТЕБЩИНЫ В 1917 – 1920 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРЕССЫ И ДНЕВНИКА ИОСИФА ГОЛУБЕВА)

Период революции, Гражданской войны и интервенции воспринимается сейчас, спустя почти сто лет, как эпоха глобальных перемен. Нам, потомкам, сложно за масштабными событиями рассмотреть более насущные для современников проблемы, без понимания которых невозможно создать реальную картину жизни того времени.

Что же волновало обывателей? Какие аспекты городской жизни оказались столь животрепещущими, что попали в периодическую печать и дневники, эти ценнейшие источники, позволяющие взглянуть на события глазами очевидца?

Перелистаем пожелтевшие страницы и попробуем увидеть в них отражение повседневной жизни города в чрезвычайной ситуации.

Начнем экскурс с губернского города Витебска. С осени 1915 г. – это прифронтовой город, куда переместился штаб Двинской военной округи, военные учреждения, госпитали; гарнизон города в 1916 г. насчитывал 40 тыс. военнослужащих [9]. С 1916 г. тут осело много беженцев из оккупированных районов. Скопление беженцев и солдат привело к острой криминальной ситуации. Газетные публикации затрагивают проблему хищений, совершаемых солдатами на железной дороге:

«На станции Витебск в течение трех последних суток вскрыто солдатами более 130 вагонов. На станции Ново-Сокольники ежедневно вскрываются 50 – 60 вагонов, причем похищаются все наиболее ценные грузы» [6].

Еще одной приметой времени стала черносотенная агитация, не минувшая и Витебска, которая в условиях хронического дефицита продуктов и товаров первой необходимости привела к еврейскому погрому:

«Часов в 10 вечера 29 апреля с. г. на Смоленской улице появилась вооруженная банда «анархистов» и бесцельно открыла стрельбу в воздух и по прохожим. Затем двинулись к магазину резиновых изделий «Колумб», принадлежащему г. Сохору, и разгромили его, похитив товару тысяч на 10. Последовательно разгромили магазин готового платья г. Гольдберга, разграбив товару тысяч на 25. Разгромили часовой магазин г. Безсмертного тысяч на 20 и гостиницу Куплянского <...> Помощник начальника Витебской городской милиции говорил с «анархистами», и ему удалось выяснить, что вооруженное выступление имело целью удалить из советов и советских учреждений евреев, и что погром направлен исключительно против еврейской буржуазии.

<...> Около продовольственной лавки женщины избивали проходивших мимо евреев. На Смоленском базаре толпа женщин отобрала у еврея четыре булки хлеба, пришли в первый участок и требовали раздачи хлеба. Во избежание недоразумений милиция исполнила требования толпы. <...> На базарах у евреев отбирали продукты, а покупать у крестьян им ничего не давали» [4].

Как видно, кроме сугубо экономических требований, с опорой на них, проводилась политическая агитация. Подобная ситуация сложилась и в Орше, где: «<...> высунули свои смрадные головы разные охранники и жандармы, <...> которые появлялись в очередях за мукой и хлебом и тайно и явно призывали к погромам на евреев. Евреи будто бы захватили весь хлеб, всю муку и всю власть, и против этой власти эти жалкие отбросы призывают возстать» [3].

В Орше кроме черносотенной агитации в феврале – октябре 1918 г., имелись специфические проблемы, вызванные частичной оккупацией города немецкими войсками. По сути, это был пункт погранперехода между «Советами» и оккупированными территориями, через который ежедневно проходило огромное количество людей: «Комиссариатом путей сообщения получена из Орши депеша, что данное немецкими войсками обязательство ежедневно принимать 1000 беженцев не выполняется, и фактически в Орше в среднем в сутки принимаются за демаркационную линию не более 750 человек. Принимая во внимание значительное количество скопившихся вагонов с беженцами, всего 326 вагонов, и крайне тяжелое бедственное положение ожидающих пропуска за демаркационную линию, «Центропленбеж» обратилось с ходатайством впредь до уменьшения задержанных вагонов беженцев совершенно прекратить выпуск маршрутных поездов с беженцами из Москвы и других пунктов» [5].

Близость демаркационной линии рождала проблему спекуляции, в том числе со сбытом товаров противнику: «В Чрезвычайной комиссии. Борьба со спекуляцией. Комиссаром 2-го района города Орши обнаружено в заезжем доме Израиля Рашала у гражданина Гинзбурга 2 фунта табаку, 6 фунтов чаю и 4500 папирос. Причем во время обыска Гинзбург пытался дать взятку. Постановлением Чрезвычайной комиссии папиросы, чай и табак конфискованы, а данная взятка сдана в депозит Республики.

Постановлением Чрезвычайной комиссии конфисковано у гражданина Гольдштерна 12 кож шевро, которые были предназначены к вывозу за демаркационную линию в сторону немецкого расположения» [1].

«Комиссаром третьего района города Орши задержан некий Рейгенверц, провозивший в сторону немецкого расположения кожевенный товар. Усматривая в действиях Рейгенверца спекулятивную торговлю, революционный штаб постановил задержанный товар конфисковать и передать в отдел народного хозяйства <...> Носятся слухи, что в Орше имеется целая банда контрабандистов, которые специально занимаются скупкой и переправкой товаров через границу в оккупированные немцами места» [2].

Кроме борьбы со спекуляцией Чрезвычайная комиссия проводила изъятие у населения золотых и серебряных монет. По информации прессы, обнаруженные при обыске предметы из драгоценных металлов возвращались владельцам, а монеты могли быть обменены на кредитные билеты: «Чрезвычайной комиссией Оршанского исполкома обнаружено при обыске у гражданина города Орши Менделя Симкина: серебряные бокалы, ложки и разменная монета золотом и серебром. Принимая во внимание, что Симкин хранил монету в скрытом виде, Чрезв. Ком. постановила вещи возвратить, а взамен золотой и серебряной монеты дать гражданину Симкину кредитные билеты» [1].

Информация о более позднем периоде жизни Орши содержится в дневнике Иосифа Голубева, минчанина, рабочего мастерских Александровской железной дороги, коммуниста. Перед оккупацией Минска польскими войсками он вместе со многими сотрудниками железнодорожных мастерских выехал на ст. Славное-Крупки, где занимал должность коменданта и регулярно ездил в Оршу за продуктами для сотрудников.

Как характерные явления в городе он отмечает бюрократию и волокиту, дороговизну:

«5 января 1920 г. Понедельник. Ст. Орша. <...> Сколько было хлопот, куда хуже прежнего. К коменданту два раза ходил, к заведующему продкома 3 раза, зав. бухгалтерией — 3 раза, к комиссару продовольствия — 1 раз. Сколько было волнения и неприятности, насилу к 4 ч. дня удалось оплатить чеки и получить ордера на продукты, а продукты получать уже завтра.

6 января 1920 г. Орша. <...> Получили только хлеба, крупы, сахару и горелой соли: хлеба 34 пуд. 35 ф., сахара-песка 2 пуда 7 ф., соли 2 пуда 7 ф., крупы 6 пуд. 21,5 ф. на сумму 4672 руб. 58 к. Это на целый месяц на 45 человек» [8, с. 311].

«29 марта, ст. Крупки. Получил жалованье по новым ставкам за 2-ю половину февраля — 1760 руб., на полпуда хлеба не хватит. Вот проживи на это жалованье с семьей в количестве 9 человек. По два фунта хлеба на человека на полмесяца, а про остальное — не спрашивай. Сахар-рафинад стоит 1200 руб. фунт, соль 800 руб. фунт, сало свиное 1000 руб. фунт, масло коровье 1200 руб. фунт, картофеля 800—1000 руб. пуд. Яйца 10 шт. 800 руб., а одно яйцо 100 руб. Крупа перловая 150 и 200 руб. ф., мясо 350 руб. фунт, сало говяжье 400 руб. фунт. Сколько нужно, чтобы прожить 9-ти человекам в месяц. Если и полуголодным быть, то понадобится в среднем 100000 руб., а я получаю всего 3520 в месяц <...>» [8, с. 342].

Проблемой стал обмен денег. Для пересылки в Минск и оплаты на местах требовались «николаевские» («царские»); зарплаты служащим выдавались совзнаками, не имевшими спроса. В условиях инфляции и дефицита население возвращается к натуральному обмену. Основной «валютой» выступала соль. Спекуляция ею каралась:

«11 марта 1920 г. Четверг, Ст. Орша

<...>пошел в город. В первую очередь продал соль, намерен получить николаевскими, чтобы детям перепроводить. Оказалось, что получить их невозможно, даже в малом количестве, поневоле пришлось получить советскими. За 27 ф. соли получил 13 500 руб., а детям послать нечего» [8, с. 344].

«10 марта 1920 г. Среда <...> Доехали до ст. Толочино. Тут нам сделали перетряску, у кого нашли соль — реквизировали, в том числе и у меня было 27 фунтов. Я, понятно, стал протестовать, что еду от организации, должность моя — комендант. <...> меня отпустили и соль возвратили.

30 марта 1920 г. Среда, ст. Славное

<...> Наши многие сотрудники тоже поехали в Оршу, набрали с собой соли по полпуда и больше, чтобы выменять на масло, сало... Не доезжая станции, тов. Коробко спрыгнул, за ним <...> другие, потому как у них соль. А я <...> стоял и слушал, как пассажиры критиковали наших сотрудников. Говорят: вот чрезвычайники, а смотри, как спекулируют солью. Посмотри, у каждого по сколько соли, им это можно, а у нас отбирают.

31 марта 1920 г. Среда, ст. Орша

Базар в городе большой, но я ничего не купил, потому что нужна соль, а у меня ее не было. Поэтому я прошел равнодушно по базару» [8, с. 343 — 344].

Схожая ситуация отмечалась в Полоцке, который, как и Витебск, в годы Первой мировой войны был прифронтовым городом. 18 ноября 1917 в Полоцке установлена Советская власть. С 25 февраля до 21 ноября 1918 г. город оккупирован германскими войсками. 20 сентября 1919 г. польские войска захватили левобережную часть Полоцка, которая 15 мая 1920 г. была освобождена Красной Армией.

Вот как описывает очевидец положение города в марте 1920 г. :

«Даўнейшая сталіца Беларусі — Полацак церпіць цяпер бяду нязмерную: сустрэліся ў ім дзьве сілы: войска польскае і бальшавіцкае; дзеліць іх толькі Дзьвіна. Шмат будынкаў пабіты гарматамі. <...> З прычыны бязупынных перастрэлкаў няма ніякага харчовага падвозу ў горад, ды і жыцьцё замерла. Багацейшыя жыхары, галоўным чынам жыды, павыязджалі, а хто застаўся — апошнія рэчы з адзеньньня і абуцьця прадаў, каб толькі з голаду не памерці» [7].

В городе не хватает продуктов, население переходит на натуральный обмен:

«Хлеба з чыстага збожжа ніхто даўно не бачыў: пякуць аладкі з аўсянай мукі; пуд бульбы ці буракоў дастаць можна было ў сьнежні за тры-два фунты солі, ці газы. Часам, як гарматы змоўкнуць, з бліжэйшых вёсак сяляне едуць у горад, каб даведацца, што чуваць? Вязуць тады дровы (прадуктаў ня хочуць, бо камісары любяць рэквізіцыі рабіць) і воз аддаюць за 1 ½ фунта солі» [7].

Как и в Орше, население при рассчетах предпочитает «царские» «совзнакам»: «Грошы добра ішлі толькі царскія і керанкі. За службу на чыгунцы, ці так дзе, заўседы плацілі савецкімі, але гэтых грошай вясковыя людзі не бралі: дык гэтыя грошы трэба мяняць на керанкі (хоць і з вялікай стратай), або думскіе, і ўжо тады магчыма купляць ёміну і то вёрст за 20-30 у старане ад Полацку» [7].

Итак, в трех важнейших городах Витебщины наблюдаются схожие явления: дороговизна, дефицит, спекуляция, низкий спрос на совзнаки, высокая котировка «николаевских», переход на натуральный обмен, в котором в качестве «валюты» выступает соль.

Литература и источники

1. В Чрезвычайной Комиссии. Борьба со спекуляцией // Известия Совета рабочих, батрацких, крестьянских и красноармейских депутатов Оршанского уезда. — 1918. — № 49. — 25 июля.
2. Вонирод. В революционном штабе // Известия Совета рабочих, батрацких, крестьянских и красноармейских депутатов Оршанского уезда. — 1918. — № 17. — 5 дек.
3. Доринов, И. Гады выползают // Известия Совета Рабочих, крестьянских, батрацких, красноармейских депутатов Оршанского уезда. — 1918. — № 16. — 9 мая (26 апреля).
4. Доринов, И. Особенности погрома в Витебске // Известия Совета рабочих, крестьянских, батрацких, красноармейских депутатов Оршанского уезда. — 1918. — № 16. — 9 мая (26 апреля).
5. Комиссариатом путей сообщения // Мир. — 1918. — № 24. — 1 сент.
6. На станции Витебск // Новая жизнь. — 1917. — № 179. — 12(25) нояб.
7. Станкевіч, Я. Полацак // Беларусь. — 1920. — № 47(103). — 3 марта.
8. «Счастье мое...» Дневники Иосифа Голубева 1916 — 1923 гг. / предисл. Г. Буравкина; послесл. А. Клышки. — Минск : Энциклопедикс, 2002. — 448 с.
9. Калядзінскі, Л. У. Віцебск / Л. У. Калядзінскі, М. А. Ткачоў, В. А. Космач, В. А. Сяргеева // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. — Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1994. — Т. 2. — С. 309 — 317.

І. П. Воднева (Полацк)

ПОЛАЦКІ КРАЯЗНАЎЦА ІВАН ПЯТРОВІЧ ДЭЙНІС

Гісторыя самага старажытнага горада Беларусі да сённяшняга часу захоўвае шмат таямніц і загадак. Заўсёды былі людзі, якія часамі чыталі старыя рукапісы і кнігі, даследавалі архіўныя дакументы і фотаздымкі, а потым самі выкладалі на паперы свае назіранні і высновы. Толькі час пакажа, чые працы назаўсёды застануцца ляжаць у шуфлядах пісьмовых сталоў, а чые стануць настольнымі кнігамі сотняў аматараў гісторыі і краязнаўства, дапамогуць навукоўцам рабіць адкрыцці.

Сёння многім, як даследчыкам са стажам, так і пачынаючым аматарам гісторыі полацкай даўніны, добра вядома імя Івана Пятровіча Дэйніса. Вывучаць гісторыю і цікавіцца мінулым сваёй Бацькаўшчыны ён пачаў яшчэ ў маладосці. Павага да ведаў у сям'і Дэйнісаў перадавалася з пакалення ў пакаленне. Дзед па лініі маці — Сакалоўскі Іван Лукіч — быў настаўнікам павятовага вучылішча. Бацька — Пётр Восіпавіч — скончыў Віленскі настаўніцкі інстытут і Маскоўскі Археалагічны інстытут. Настаўніцай была і маці — Марыя Іванаўна. У Невелі, дзе сям'я жыла да 1905 года, яна працавала ў прыхадскім жаночым вучылішчы. У Полацку таксама выкладала спачатку ў прыходскім вучылішчы (да 1918 года), а потым у І-й Працоўнай школе разам з мужам, які працаваў там дырэктарам [14].

Заканчэнне Іванам Пятровічам у кастрычніку 1918 года Віцебскай мужчынскай гімназіі прыпала на рэвалюцыйны час. У краіне мяняліся парадкі. Неспакойная палітычная абстаноўка і акупацыя Полаччыны кайзераўскімі войскамі ўнеслі змены ў жыццё сям'і Дэйнісаў. У студзені 1919 года Іван Дэйніс паступіў на аднагадовыя педагагічныя курсы пры Віцебскім настаўніцкім інстытуце, але праз 2 месяцы з-за харчовых цяжкасцей пераведся на аналагічныя курсы ў Полацк. Пачаткам сапраўднай настаўніцкай дзейнасці стане праца ў І-й савецкай школе і педтэхнікуме. Амаль праз паўвека адзін з былых вучняў напіша: «Всю жизнь буду помнить <...> ваши интересные уроки и воскресные экскурсии весной в природу. Спасибо Вам, милый Иван Петрович, за учение. Мы, Ваши ученики, всегда Вас очень любили и уважали» [10].

Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі на Беларусі шырока разгарнуўся краязнаўчы рух. У розных школах, як у горадзе, так і ў павеце, сталі стыхійна ўзнікаць краязнаўчыя гурткі, куды ў асноўным уваходзіла моладзь. Члены іх імкнуліся да даследніцкай працы, да вывучэння гісторыі свайго края. Адзін з такіх гурткоў, куды ўваходзіў і Іван Дэйніс, быў створаны з настаўнікаў і вучняў навучальных устаноў г. Полацка [13, с. 56]. Менавіта ён паклаў пачатак стварэння камісіі па ахове помнікаў даўніны і мастацтваў, якая пачала працаваць з 23 чэрвеня 1920 года. Узначаліў камісію Пётр Восіпавіч Дэйніс, а яго сын стаў інструктарам і старшынёй пададдзела мастацтваў [2; 4]. Сябры камісіі вывучалі матэрыялы папярэдніх даследаванняў і анкеты, запоўненыя прадстаўнікамі пазашкольнага пададдзела ў 1919 годзе, збіралі і вывучалі рэшткі архіваў розных устаноў горада, працавалі над распрацоўкай дэталяў унутранай арганізацыі мясцовага музея [1].

Працуючы ў камісіі, Іван Пятровіч прымаў актыўны ўдзел ва ўсіх мерапрыемствах. Гэта і абследаванне помнікаў архітэктуры, і вывучэнне архіваў полацкіх храмаў, і збор матэрыялаў для музея, і многае іншае [3]. Камісія актыўна працавала да канца 1924 года. У дакументах, якія захоўваюцца ў Полацкім занальным архіве, ёсць звесткі пра экскурсійную працу з навучэнцамі павятовых школ, якую праводзіў Іван Дэйніс. Разлічаныя на два дні, экскурсіі дазвалялі пазнаёміць маладых аматараў краязнаўства не толькі з помнікамі архітэктуры (Богаяўленская царква, Барыса-Глебскі манастыр, Сафійскі сабор, Мікалаеўскі сабор), але і з матэрыяламі, сабранымі членамі камісіі (музейныя фонды, прыродна-гістарычная калекцыя, гістарычныя прадметы) [5].

У камісіі Іван Пятровіч, або, як запісана ў дакументах, Янка Дэйніс, адпрацаваў да 1 лістапада 1924 года [12]. А з 1 студзеня 1925 года ён стаў сябрам і сакратаром праўлення краязнаўчага таварыства, якое працягнула справу, распачатую камісіяй. Асноўнай мэтай новай арганізацыі стала ўсебаковае вывучэнне Полацкай акругі ў гістарычных, эканамічных, геапалітычных і іншых адносінах, а таксама навуковая распрацоўка пытанняў, распаўсюджванне адпаведных звестак і абуджэнне інтарэсаў да задач краязнаўства ў грамадскім асяроддзі [6]. Вынікамі такой шматбаковай працы сталі выхад краязнаўчага зборніка «Полотчина», публікацыі ў мясцовым і рэспубліканскім друку, адкрыццё 26 снежня 1926 года Полацкага акруговага музея [15]. Праўда, з верасня 1925 года Іван Пятровіч адпраўляецца вучыцца па напраўленню аддзела народнай асветы на педфак Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Напраўленне было

атрымана не выпадкова. У характарыстыцы на імя Янкі Дэйніса было запісана: «За тэрмін сваёй працы ў школах зарэкамендаваў сябе здольным працаўніком як у школьнай, а таксама у внешкольнай праце» [12]. У Саюзе працаўнікоў асветы Іван Пятровіч знаходзіўся з 1920 года, працаваў у розных камісіях, на розных пасадах. Па сваёй ініцыятыве разам з настаўнікам Антонам Васільевічам Кузьмічовым арганізаваў у 1924 годзе вячэрнюю працоўную школу [7]. Узначаліўшы культкамісію саюза, Іван Дэйніс стварае і адкрывае ў Полацку ў 1925 годзе «Дом Асветы», які месціўся на вуліцы Сака і Ванцэці.

Актыўную жыццёвую пазіцыю І. П. Дэйніс займае і ў Мінску. Падчас вучобы ён абіраўся з ліку студэнтаў у Мінскі гарсавет, працаваў у культасветкамісіі, культармейцам па ліквідацыі непісьменства на Мінскім шклозаводзе, інструктарам лікбяза. Вярнуўшыся ў Полацк, Іван Дэйніс зноў працягвае выкладаць у навучальных установах горада. А з восені 1930 года сваім асноўным месцам працы абраў Полацкі лясны тэхнікум, дзе выкладаў хімію, глебазнаўства і фізіку. У гады Вялікай Айчыннай вайны І. Дэйніс з сям'ёй быў эвакуіраваны ў Чэлябінскую вобласць, дзе працягваў займацца настаўніцкай справай [10].

У пасляваенны Полацк Іван Пятровіч быў вызваны ў 1944 годзе тэлеграмай Глаўлесаховы. Яго накіравалі на пасаду старшага ляснічага Полацкага лясгаса з выкананнем работ па ўзнаўленню Полацкага ляснога тэхнікума. Амаль поўнасцю разбураны горад моцна ўразіў І. П. Дэйніса. Тэхнікуму пашанцавала. Пабудовы, дзе падчас вайны размяшчаліся тэхнічныя часці нямецкіх войскаў, захаваліся. 5 лістапада 1944 года Іван Пятровіч быў прызначаны выконваючым абавязкі дырэктара тэхнікума. Самы цяжкі перыяд узнаўлення і вырашэння як гаспадарчых пытанняў, так і навучальных лёг на плечы І. П. Дэйніса. Болей за год ён арганізоўваў рамонт памяшканняў вучэльні, выраб мэблі, вырашаў пытанні асвятлення пакояў, рассялення студэнтаў і настаўнікаў, забеспячэння падручнікамі і геадэзічнымі інструментамі [9]. У пачатку 1946 года Іван Пятровіч па сваёй ініцыятыве быў вызвалены ад пасады дырэктара і да выхада на заслужаны адпачынак (1960 год) працаваў у тэхнікуме настаўнікам хіміі, фізікі і глебазнаўства.

Гэтая навучальная ўстанова на ўсё жыццё засталася самай любімай для Івана Пятровіча. Ён быў частым госцем на святочных мерапрыемствах, прыходзіў на паседжанні са студэнтамі і настаўнікамі.

У 1960-я гады І. П. Дэйніс напісаў навуковае даследаванне «Полацкі лясны тэхнікум», дзе апісаў гісторыю дадзенай навучальнай установы з моманту яе заснавання (1921 год) і да 1967 года. Даніну тэхнікуму Іван Пятровіч аддаў і калі перадаў у бібліятэку ўстановы больш за 500 экзэмпляраў кніг [11]. Асобай павагай у наведвальнікаў карысталіся кнігі з паліцы пад назвай «Край наш родны, Полаччына». Гэта болей за 50 розных даведнікаў, манаграфій, нарысаў па гісторыі, публіцыстычных і мастацкіх кніг, прысвечаных старажытнаму гораду Полацку.

З выхадам на заслужаны адпачынак у Івана Пятровіча з'явілася шмат часу зноў заняцца сваёй любімай працай — даследаваннем гісторыі роднай Полаччыны. Ён пачынае чытаць і канспектаваць навуковыя працы, кнігі XIX – XX стст., даследаванні археалагічных экспедыцый, у многіх з якіх сам прымаў непасрэдны ўдзел. Яшчэ працуючы ў Краязнаўчым таварыстве, ён займаўся вывучэннем водарасцей Заходняй Дзвіны. Гэтую працу ён працягнуў падчас вучобы ў Мінску. Зрабіўшы з-пад мікраскопа болей за 300 замалёвак розных відаў водарасцей з замерамі і апісаннем, ён сабраў цудоўную калекцыю, якую перадаў у Полацкі краязнаўчы музей. З 1926 года музей размяшчаўся ў Сафійскім саборы, а ў пачатку 1930-х быў пераведзены ў памяшканне былой лютэранскай кірхі [8]. На жаль, гэтая цудоўная калекцыя, як і ўвесь музейны фонд, была разрабавана падчас Вялікай Айчыннай вайны.

Любоў да гісторыі і ведаў па геалогіі і геаграфіі дазволіла Івану Пятровічу зрабіць цікавае адкрыццё. У 1982 годзе ён на імя беларускага археолага Р. В. Штыхава дасылае ліст і рукапіс «Ніжні Замак у Полацку. Па слядах легенды аб яго будаўніцтве», дзе выказвае меркаванне наконт пабудовы аднаго з помнікаў археалогіі Полацка. У лісце было запісана: «В 1920-е гг. мне пришлось узнать от любителя местной истории Свидерского, жителя Нижнего замка, легенду о строительстве Полоцкого Нижнего замка при Иване Грозном. Эту легенду он почерпнул в работе одного польского историка в его книге из бывшей библиотеки Полоцкой иезуитской академии. Суть легенды сводится к тому, что строители замка сократили его площадь и сделали его более удобным для строительства замка и его обороны путем прорытия нового русла Полоты между теперешним Городищем и Нижним замком, а старое русло реки Полоты перекрыли двумя перемычками» [10]. Іванам Пятровічам на месцы быў даследаваны рэльеф, геалагічныя дадзеныя ўтварэння мясцовасці, характар русла

ракі, склад глебы, характар інжынерных збудаванняў. Р. В. Штыхаў у адказе адзначаў, што ўпершыню краязнаўца выказвае меркаванне пра тое, што «остров, где располагается древнейшее полоцкое городище, ранее был соединен с плато коренного берега Полоцка. Работа... представляет интерес как для специалистов в истории и археологии, так и для широкого круга читателей» [10].

Даследаванне гісторыі, пісьмовых крыніц, асабістыя ўспаміны дазволілі Івану Пятровічу напісаць болей за 10 цікавых рукапісаў, якія потым сталі часткамі двух вялікіх даследаванняў «Полацкая даўніна» ў 2-х частках і «Полацк у XX ст.». Для напісання прац, створаных у 1972—1977 гадах, аўтар заканспектаваў болей за 70 навуковых выданняў, пазнаёміўся з матэрыяламі 40 артыкулаў даследчыкаў XX ст., прагартаў падшыўкі шматлікіх перыядычных выданняў. У прадмове аўтар пісаў, што «мои воспоминания не претендуют на научный труд, это описания города и ряда событий, прошедших перед моими глазами, и описаны они так, как мне запомнились и как были мною осознаны». Але полацкія краязнаўцы, пачынаючы з 1990-х гадоў, пастаянна звярталіся да прац Івана Пятровіча, якія захоўваліся ў музеі-запаведніку і полацкім архіве. Цікавасць да іх існуе і сёння. Фонд Івана Пятровіча, створаны ў ЗДАП, складаецца з 30 спраў. Ён карыстаецца папулярнасцю як у навукоўцаў, так і студэнтаў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Полацкі краязнаўца Міхась Баўтовіч працу І. П. Дэйніса «Полоцкая старина» пераклаў на беларускую мову і надрукаваў у 2007 годзе ў выдавецтве «Медисонт». Рукапіс «Полацк у XX ст.» рыхтуецца да друку полацкім выдаўцом Аляксандрам Суднікам.

Іван Пятровіч пакінуў пасля сябе вялікую спадчыну сваёй даследчай працы, значную частку якой ён перадаў Нацыянальнаму Полацкаму гісторыка-культурнаму музею-запаведніку (НПГКМЗ). Яшчэ пры жыцці Іван Пятровіч прынёс у краязнаўчы музей пяць шыкоўных альбомаў з 230 замалёўкамі старажытнага Полацка, фотарэпрадукцыямі і копіямі планаў горада розных часоў. Цэлых 15 гадоў ён, валодаючы цудоўнымі мастацкімі здольнасцямі, працаваў над гэтымі альбомамі. Дзякуючы ім мы сёння маем багаты краязнаўчы матэрыял па гісторыі Полацка XX ст. У 1980-я гады былі перададзены ўспаміны аб мінулым Полаччыны, узнагароды і дакументы родных. Апошнія матэрыялы папоўнілі нашы фонды ўжо пасля яго смерці ў 1985 годзе. У 2000 годзе навуковым супрацоўнікам НПГКМЗ І. А. Шупенька быў складзены каталог асабістага фонду І. П. Дэйніса, які ўключаў 283 прадметы асноўнага і 3 — навукова-дапаможнага

фондаў [16, с. 145]. Большая частка матэрыялаў пакуль захоўваецца ў фондах, але найбольш цікавыя і рэдкія экзэмпляры знаходзяцца ў экспазіцыях полацкіх музеяў (Краязнаўчы — 16 адз., Музей беларускага кнігадрукавання — 2 адз., Дзіцячы музей — 1 адз.).

Горад ацаніў заслугі Івана Пятровіча. За сваю шматгадовую і плённую дзейнасць у школьных установах горада, за вялікія дасягненні ў справе выхавання падрастаючага пакалення пастановай бюро гарадскога камітэта КПБ і выканкама гарсавета І. П. Дэйнісу ў 1967 годзе прысвоілі званне «Ганаровы грамадзянін горада Полацка».

Іван Пятровіч марыў, каб яго даследаванні прынеслі карысць тым, хто будзе займацца вывучэннем гісторыі Полацка. Менавіта так усё і адбылося.

Літаратура і крыніцы

1. Джумантаева, Т.А. Краязнаўчы музей Полацка (пач. XX ст.—1970-я гг. XX ст.) / Т.А. Джумантаева // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі. — Полацк, 2000. — С. 5—15.
2. Занальны Дзяржаўны архіў у г. Полацку (ЗДАП). — Ф. 54. — Воп. 1. — Спр. 49.
3. ЗДАП. — Ф. 54. — Воп. 1. — Спр. 64.
4. ЗДАП. — Ф. 54. — Воп. 1. — Спр. 341.
5. ЗДАП. — Ф. 54. — Воп. 1. — Спр. 344.
6. ЗДАП. — Ф. 104. — Воп. 1. — Спр. 51.
7. ЗДАП. — Ф. 1164. — Воп. 1. — Спр. 1.
8. ЗДАП. — Ф. 2212. — Воп. 1. — Спр. 9.
9. ЗДАП. — Ф. 2212. — Воп. 1. — Спр. 17.
10. ЗДАП. — Ф. 2212. — Воп. 1. — Спр. 22
11. ЗДАП. — Ф. 2212. — Воп. 1. — Спр. 23.
12. ЗДАП. — Ф. 2212. — Воп. 1. — Спр. 24.
13. Краско, В.Д. Краязнаўчы рух на Полаччыне ў 20-я гг. XX ст. / В.Д. Краско // Матэрыялы навуковай гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі. — Полацк, 2001. — С. 56 — 59.
14. Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны запаведнік. — КП 4-1010/1. Аўтабіяграфія І. П. Дэйніса.
15. Чырвоная Полаччына. — 1926 — № 118. — 25 снежня.
16. Шупенька, І.А. Каталог асабістага архіва І. П. Дэйніса / І.А. Шупенка // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі. — Полацк, 2002. — С. 145 — 151.

Н. В. Жук (Полоцк)

СЕМЕН БРЕССКИЙ — ПЕДАГОГ, ХУДОЖНИК, ПЕРВЫЙ ЗАВЕДУЮЩИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИМ МУЗЕЕМ В ПОЛОЦКЕ

К концу 1927 года в Белоруссии насчитывалось 16 государственных краеведческих музеев. Один из них находился в Полоцке. Однако до сих пор в литературе отсутствуют сведения о первом заведующем Полоцким окружным краеведческим музеем. Между тем, документы архива Витебской области позволяют восполнить сведения о личности и судьбе этого человека.

Бресский Семен Максимович родился в 1898 году в деревне Дуброво Поставской волости, Дисненского уезда, Виленской губернии в многодетной семье крестьянина [2].

К началу Первой мировой войны Семен получил образование в Дубровенской церковно-приходской школе, Семеновском двухклассном училище, в городском реальном училище в городе Паневежесе.

В 1915—1916 годах юноша стал работать учителем на станции Горки, затем в 1916 году перебрался в Великие Луки, а в 1917 — в Санкт-Петербург, где поначалу служил писарем в казначействе, но вскоре поступил в начальный класс при Академии художеств. Учиться рисовать, получать профессию художника пришлось в сложное время социальных перемен. Семен начал увлекаться анархической литературой, но в политические партии не вступал. На протяжении жизни оставался беспартийным, однако в своей биографии подчеркивает марксистские убеждения и указывает работу на стороне новой, советской власти. После осени 1918 года вернулся домой в Дуброво, однако родное местечко вскоре было занято немцами. Юноша перебирается в Вильно, где стал работать в подпольной советской милиции. В 1919 году он был даже арестован за распространение марксистской литературы в Вильно, сидел как политический преступник в тюрьме. Затем в Вильно Бресский поступает учиться на белорусские курсы. Среди лекторов были Максим Горецкий, Ян Станкевич, Вацлав Ластовский. Здесь же происходит личное знакомство с видными деятелями белорусского национального движения и культуры и будущим заведующим отделом образования в Полоцке Евгением Южиком (1896 — 03.01.1938).

После окончания курсов по ходатайству Белорусской Рады в 1919/20 учебном году Семен был направлен на работу заведующим отделом народного образования в Козьяны Полоцкого уезда. В 1920 году в сентябре поступил на работу в Дисну в качестве заведующего общим отделом информации отдела народного образования. Здесь познакомился с молодой коллегой Анной [2, л. 24], которая вместе с ним служила в Отделе образования.

В 1921/22 учебном году Бресский работал учителем в д. Федорово Каменской волости Лепельского уезда. Затем в 1922 году работал инспектором в Дриссе, в уездном отделе образования. Сюда же перевез Анну, на которой женился. Затем на короткое время семья переехала в Росицу, но почти сразу, в 1923 году, переезжает в Полоцк. Переезд семьи в Полоцк могла определить и активность Анны Бресской. В октябре 1922 года она принимала участие в Полоцкой уездной конференции РКП(б), была членом партии, писала стихи.

С 1923 по 1928 год Семен Бресский вместе с женой жил и работал в Полоцке, в 1926 году у них родился сын Максим. Жилье семье было предоставлено в бывшей квартире Диваловских на Верхнем замке № 3 рядом с Софийским собором. Имея неоконченное художественное образование (начальный класс при Академии художеств в Санкт-Петербурге), Семен Бресский начал работать в Первой советской школе — преподавать графику и ручной труд. Анна Бресская с 1924 года стала активным членом «Молодняка», полоцкого филиала белорусского объединения поэтов, начала публиковать свои стихотворения в местной газете «Полоцкий пахарь». Семен поддерживал литературную деятельность жены, активно принимал участие в творческих встречах поэтов. Семья Бресских быстро заняла центральные позиции в культурной жизни города, причем сам Семен Максимович, по характеристике его товарищей, «занимал центральное место среди полоцкой интеллигенции с правым демократическим уклоном» [2] (со слов Юраго Александра Андреевича (1901, г. Минск — после 1927)).

В круг общения семьи входили поэты и литераторы: Александр Вольный (1902 — 1937), Семен Хурсик, Анатолий Терпиловский, Петр Бровко. Также лучшими друзьями Бресских были заведующий Польской школы Станкевич Войцех Казимирович (1892, г. Двинск, дворянин — после 1927 г.), помощник начальника исправдома по политической части Мигай, историк Флавиан Вышелесский (1890 —

после 1927). Всех этих достаточно разных людей объединяли общие интересы — искусство, музыка, поэзия, история.

В Первой советской школе, где работал Семен Максимович [4, с. 382], проходили заседания историко-археологической секции краеведческого товарищества. В 1925 году краеведческим движением было охвачено 700 человек. Здесь же в школе располагался музейный фонд будущего городского музея, работа по созданию которого велась с 1919 года. 26 декабря 1925 года оформление музея было поручено Ивану Федоровичу Бобковичу (1899 — после 1938 г.) [1, л. 21], художнику, председателю комитета союза рабочего просвещения Полоцка. Однако вскоре И. Ф. Бобкович был переведен в Минск. Не исключено, что после его отъезда Евгений Южик, заведующий отделом образования, поручил художественное оформление экспозиции музея Семену Бресскому. Документально подтвержден факт, что с момента открытия музея 26 декабря 1926 года и по 1928 год Семен Максимович Бресский возглавлял Полоцкий окружной музей и был его первым заведующим [1, л. 91].

Вскоре после начала работы музея, весной 1926 года Семен Бресский познакомился с Александром Симаковым (1896 года, с. Отруб Тверской губ. — после 1928) [2, л. 8], которого он привел на одно из собраний полоцкого филиала «Молодняка», представив его поэтом. Стихи Симакова печатались в «Полоцком пахаре», публиковался он и в «Смоленских известиях». Красноармеец, участник боевых действий под Орлом и Дербентом, за храбрость был отмечен наградами, занимал должности комиссара, командира батальона, был комиссаром штаба Западного фронта. Однако в 1923 году Александр Симаков был обвинен в растрате казенных денег, после чего оказался в Полоцке без работы, проживая на средства жены. Бресский восхищался стихами Александра и как художник хотел написать его портрет. В трагической судьбе романтического боевого комиссара, защищавшего Советскую власть, но необоснованно обвиненного, Бресский видел «новую жертву революции и зверства большевиков». Семен Максимович чувствовал в судьбе Александра Симакова похожесть с судьбой Сергея Есенина, творчеством которого он сам восторгался. Трагическая гибель молодого советского поэта была общей темой обсуждения в кругу полоцких поэтов, так же, как и многочисленные аресты в пограничном Полоцке 1926 года.

Однако вскоре восторг от первых встреч с Симаковым у Семена Бресского прошел. Заведующий музеем стал избегать общения

с Симаковым и считать дружбу с ним небезопасной. Скандальное поведение, невыдержанность, публичные высказывания против власти, агрессивное поведение в пивных, хулиганские выходки на собраниях в рабоче-крестьянском клубе привели к тому, что к осени 1927 года вся полоцкая интеллигенция отвернулась от Александра Симакова. Он стал считаться крайне правым по своим политическим взглядам. Его личность приняла образ художника-«пьяницы», способного в нетрезвом виде на дебоши и другие выходки вплоть до антисоветских выкликов. У себя дома он распевал «Боже, царя храни», публично говорил, что «не любит цвет красный», творчество коллег характеризовал как «русская литература на советской каторге» [2, л. 49].

21 марта 1926 года в кругах полоцкой интеллигенции стала распространяться поэма неизвестного автора «Третья». Некоторые строки поэмы, как и ее название «Третья» имели явно политический характер и призывали к изменению существующего порядка в государстве путем третьей революции. Семен Бресский сам декламировал поэму, в кругу друзей называл себя ее автором.

ПОСВЯЩАЕТСЯ БРЕССКОМУ МАКСИМУ

Поэма «Третья»

О, Русь! О, родина! Куда ты ковыляешь,
Чем ты больна?
Скажи скорей, скажи.
Иль в сердце битое и Ленин и Калявин
Всадили чересчур свои ножи?..
...
Ну разве можно так...
Девятую годину идти без вех по трупам и крови.
О, мать жестокая, вернись к родному сыну
Или к себе изгоя позови.
...
Зачем ты нас околдовала бредом
И в теплоте обманчивых лучей
В путь светом к немыслимым победам
И нас вела, и гнусных палачей...
...

И вот теперь — что только глаз не тронет —
Повсюду кладбище моих надежд и грез.
И некий Хам кощунствует на троне,
И где конец — вот в чем вопрос?
...
Далеко то... Любимую распяли,
Святую Русь втоптали в кровь и грязь.
Подумай, друг — не время ль, не пора ли
Остановить зарвавшуюся мразь...

Всему предел... Давай же, живописец,
Объявим бой... Поэт уже готов.
Меня зовут скелеты многих тысяч,
Меня зовут скелеты городов.

Меня зовут покинутые дети,
Гудят в набат Руси колокола.
И вижу я, в необъяснимом свете
Российский герб — двуглавого орла.

Мы победим — не может быть иначе,
Уже волнуется неприглашенный гость.
Народ притих... А это много значит,
Кипит в сердцах придавленная злость.

Мы не пойдем с наганами и плетью,
У нас девиз — свобода и любовь...
Она поет неутомимо, братья,
И с нею синяя, как небо, новь.

Полоцк, 11 марта 1926 года.

Вскоре после распространения поэмы был арестован Александр Симаков.

После его ареста был произведен обыск на квартире Семена Бресского, во время которого был обнаружен рукописный экземпляр поэмы «Третья», написанный рукой Семена с посвящением «Максиму». Это и стало основной причиной ареста первого заведующего полоцким музеем. Следствие отрабатывало версию о принадлежности авторства поэмы Семену Бресскому. Однако Александр

Симаков дал показания, что он сам является автором поэмы, взяв тем самым основную вину предъявленного обвинения на себя.

14 февраля 1928 года вышло постановление Полоцкого окружного отдела ГПУ по Западному округу об аресте Семена Максимовича Бресского за распространение литературы с явно контрреволюционным содержанием. Следственно-арестантское дело № 532 по его обвинению в преступлении, предусмотренном статьей № 72 Уголовного кодекса, было рассмотрено 15 апреля 1928 года, в результате было вынесено решение об отстранении от должности заведующего Полоцким окружным музеем с 8 февраля 1928 года.

Дело было передано на рассмотрение Особого совещания при коллегии ОГПУ. Александр Симаков свою вину признал и был признан виновным в изготовлении и распространении контрреволюционной литературы. Ему был вынесен приговор — заключение под стражу в сибирский лагерь на три года.

Семен Бресский свою вину отрицал, но свидетельские показания были не в его пользу (одним из свидетелей по делу проходил Петр Устинович Бровко). За деятельное участие в распространении поэмы и переписывании ее с целью распространения ему было назначено наказание в виде ссылки и лишения права проживать в 12 населенных пунктах на 3 года.

Семен Бресский отбывал ссылку с 1928 года по 1930-й в Восточной Сибири в городе Керенске. Затем он проживал с 1930 по 1934 год в городе Новосибирске, работал преподавателем в первомайской школе и в клубе металлистов художником. По его словам, его жена Анна осталась жить в городе Полоцке и связь с ним порвала.

В ноябре 1934 года Семен Бресский получил документ об освобождении из ссылки и выехал на центральный рудник Тиссульского района, где стал работать в школе — преподавал чертежное дело до августа 1935 года. В 1936 году он переехал в город Семипалатинск Казахской АССР. 15 марта 1936 года Бресский был вновь арестован и обвинен в шпионаже. Дальнейшая его судьба неизвестна. Реабилитирован в 1989 году.

В 2000 году в Полоцке вышла небольшая книга стихотворений под названием «Настурции» Анны Бресской. Издание было подготовлено полоцким поэтом Алесем Аркушем. В книге собраны стихи, которые печатались под ее именем в Полоцкой газете в 1925—1928 годах. В книге женских стихотворений молодой поэтессы одно произведение выделяется особо [3, с. 19]:

Я помню дні у сонечных запалах,
Я помню дні у віхрах барацьбы...
І хоць цяпер пялёсткі пазрывала,
А не астыў юнацтва пыл.
Стаю адзін, а захад пунсавее,
І вецер трэпле ў кудрах сівізну,
Я знаю, што зімовыя завеі
Прарочаць нам сусветную вясну...

Как знать, может быть, эти строки написал сам Семен Бресский, учитель, художник, первый заведующий Полоцким окружным краеведческим музеем...

Литература и источники

1. Архив УКГБ по Витебской области. — Сл. дело 5162-П.
2. Архив УКГБ по Витебской области. — Сл. дело 20978-П.
3. Брэская, Г. Настурцыі / Г. Брэская. — Полацк, 2000.
4. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Полацка / Рэд. кал. : Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. — Мінск : БелЭн, 2002. — 912 с. : іл.

Н. О. Сергеенко (Полоцк)

ЛУБОВСКИЙ ИВАН ПРОКОФЬЕВИЧ, ОСНОВАТЕЛЬ ПОЛОЦКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО ТОВАРИЩЕСТВА

«Золотое краеведческое десятилетие» — так характеризуется период 20-х годов ХХ столетия в историографии»[1, с. 208]. Однако история формирования краеведческого движения в Полоцке, создания первого музея в городе, ключевые имена начального этапа развития краеведения практически не изучены. Большинство исследователей, взяв за основу своих работ в качестве источника неопубликованную рукопись полоцкого краеведа Ивана Дейниса (1900 — 1985) «Полоцк в ХХ веке» [8] из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-запаведника (НПИКМЗ), вводят в научный оборот сведения, не совпадающие с исторической действительностью. Во всех публикациях датой основания краеведческого товарищества в Полоцке считается март 1925 года, а его основателем — Иван Дейнис, автор воспоминаний. Между тем истинная дата основания краеведческого товарищества тесно связана с датой открытия Полоцкого окружного краеведческого музея — 26 декабря 1926 года (во вторую годовщину существования краеведческого товарищества). Однако юбилеи музея, научно-практические конференции краеведческого музея проводятся условно, без конкретной привязки ко дню его создания и открытия. Определенная недосказанность и неточность по всем этим вопросам воспоминаний Ивана Дейниса объяснима. Свой труд по истории города в ХХ веке он написал к 50-летию Советской власти, в 1967 году. Краеведческий музей был создан в период белорусизации. Хорошо зная все нюансы, связанные с этим сложным временем, будучи лично знаком с педагогами и руководителями отдела образования, организовывавшими и возглавлявшими краеведческое товарищество и городской музей, Иван Дейнис прекрасно знал, что большинство из них были арестованы как «враги народа» во время массовых репрессий 30-х годов. Упоминание очень многих имен в советские годы — невозможное явление. Поэтому многие факты краевед опускает, о некоторых событиях умалчивает, в своей коллекции фотографий пропускает подписи некоторых запечатленных на фотографиях людей, некоторые изображения, отмеченные «галочкой», уничтожает. На долгое время имена передовой учительской и культурной интеллигенции для потомков останутся неизвестными. Так же, как и многие «ключевые» для городской истории даты и события.

Между тем, документы Государственного архива Витебской области (ГАВО) и Зонального государственного архива в г. Полоцке (ЗГАП) позволяют восполнить недостающие сведения городской истории.

1924 год — год перехода земель Витебской губернии в состав Беларуси и создания Полоцкого округа — повлек значительную реорганизацию системы власти в Полоцке.

25 марта 1924 года производится реорганизация уездного отдела народного образования в окружной отдел. Заведующим отделом окружного отдела образования назначается Южик Евгений Адамович (1896 — 03. 01. 1938) [5, л. 24], отдел переходит под управление Минского народного комиссариата просвещения. Для проведения политики белорусизации в город направляются и прибывают новые кадры. Особенностью работы Полоцкого окружного отдела образо-

вания по развитию краеведения в это время было сочетание работы краеведов-профессионалов дореволюционного времени (среди которых выделяется Петр Иосифович Дейнис (1873 — 1941), ученый-археолог) [16, с. 68 — 80] с работой молодых сотрудников отдела, прибывающих в город из западных регионов Беларуси, Виленщины, Польши. Кроме этого важно отметить тесное сотрудничество Витебского и Полоцкого окружных отделов образования.

Полоцкое краеведческое товарищество, общественная массовая организация, было создано в Полоцке 26 декабря 1924 года [17, с. 91]. Организатором и создателем устава этой организации был Иван Прокофьевич Лубовский (11. 11. 1891 — 30. 12. 1937) [3].

Лубовский И. П. родился 11 ноября 1891 года в селе Лаша Гродненской губернии. По происхождению — из крестьян, по национальности — белорус.

В 1914 году он начинает трудовую биографию учителем-преподавателем в Витебске. С 1918 года по декабрь 1921 года служит рядовым в Красной Армии. В 1924 году Ивана Прокофьевича направляют в Полоцк инспектором окружного отдела образования. В Полоцке Лубовский проживает уже вместе с женой Евдокией Моисеевной и маленьким сыном Владимиром.

Здесь, в Полоцке, Иван Лубовский возглавляет работу по организации Полоцкого краеведческого товарищества. 26 декабря 1924 года состоялось первое организационное заседание членов товарищества, на котором была определена структура и принят устав общественной организации. Во главе Полоцкого краеведческого товарищества находились избранный председатель и правление. Председателем был избран Иван Лубовский. Правление состояло из 5 человек: председателя, заместителя, секретаря, казначея и товарища председателя.

Заместителем председателя краеведческого товарищества был избран директор Первой советской школы Петр Иосифович Дейнис (1873 — 1941), секретарем — молодой учитель белорусского языка и литературы Петр Кривицкий (1903 — после 1936), казначеем — директор железнодорожной школы Борис Федорович Тясто. Товарищем председателя был избран Иван Заславский. Уже на первом собрании Иваном Лубовским был разработан устав и намечены 20 человек для вступления в краеведческое товарищество (наиболее активные и деятельные педагоги): Иван Андреевич Трубач (1880 — 03.01.1937), преподаватель педагогического техникума, Евгений Адамович Южик, заведующий отделом образования, учителя, прибывающие в город. Работа краеведческого товарищества была близка работе научно-методического совета отдела образования, который проводил активную краеведческую работу в городе, опираясь на сотрудников «дореволюционной» школы — философа Аргировского, Вячеслава Львова, Петра Дейниса, Бориса Тясто, Василия Шимановского, Ивана Хрылева, Флавиана Вышелесского [9, л. 185].

Значительным событием 1924 года было создание в городе экспериментально-практической школы по образцу новых требований в педагогической науке 20-х годов [10, л. 28, 3]. Новая школа была создана на базе бывшей женской гимназии и имела сельскохозяйственный и белорусоведческий уклоны. Экспериментальная школа имени Янки Купалы была укомплектована лучшими педагогами, среди которых числились учителями Петр Кривицкий (1903 — после 1927) и Иван Трубач (1880 — 03.01.1937) (белорусоведы), Семен Бресский (1898 — после 1936) (вел рисование), Семен Хурсик (31.01.1902 — после 1930) (преподавал литературу). Директором школы был назначен историк Самуил Гольман. Преподавание предметов в школе проводилось через тематические исследования и экскурсии. Учебные дисциплины были объединены по циклам: гуманитарный, естественный, физико-математический. Исходя из новых требований организации преподавания предметов в школе формируются три секции в работе Полоцкого краеведческого товарищества. Весной 1925 года начинает налаживаться работа по секциям — естественно-географической, историко-археологической, этнографо-экономической. Как было отмечено в отчетном докладе Окружного отдела народного образования за 1924/25 учебный год, к весне 1925 года состоялось четыре заседания краеведческого товарищества, из них два — заседания правления, два — общих собрания [12, л. 16 — 17]. Уже на первом общем собрании краеведческого товарищества присутствовало 50 человек актива культурных работников города. Члены товарищества готовили доклады для выступлений и приглашали лекторов из Минска. Так, заведующий партийным клубом Вульф Клячко представлял доклад «Экономическое положение Беларуси», Петр Дейнис — «Историческое развитие и работа Полоцкой организации по изучению местного края». В газете «Савецкая Беларусь» в № 12 за июнь 1925 года было сообщение о приезде в Полоцк профессора БГУ Николая Щекотихина с докладом на тему «Древнее искусство на Беларуси». Запись в новые члены общества происходила в отделе образования или во время общих

собраний. Для членов товарищества делались экскурсии в Бельчицкий монастырь, проводился осмотр фресок старинных церквей под руководством ученого-археолога Петра Дейниса [16, с. 74 — 75].

Важным событием работы краеведческого товарищества было проведение в феврале-марте 1926 года 1-й Полоцкой окружной краеведческой конференции. Во время ее работы были определены основные направления работы в округе, среди которых главными были экономическое, социально-историческое и этнографическое обследование деревни. К этому времени, согласно данным отчета, в Полоцком краеведческом товариществе насчитывалось 9 районных отделений и 6 кружков. Общая численность зарегистрированных членов организации — 755 человек [15, с. 3]. В планах культурного развития округа ставилась задача организации музея в Полоцке. Программу развития краеведения в Полоцком округе представил в газете «Чырвоная Полаччына» (1926, 7 жніўня) новый лидер товарищества Сергей Миронович Мелешко. 25 декабря 1926 года была проведена 2-я Полоцкая окружная краеведческая конференция, во время работы которой 26 декабря был торжественно открыт Полоцкий окружной краеведческий музей [4, с. 1].

Как видим, работа Полоцкого окружного краеведческого товарищества была активной и хорошо организованной. Во многом большую роль в хорошей работе играла тесная связь Полоцкого товарищества с Витебским окружным обществом краеведения.

Устав Витебского общества предполагал объединение на территории Витебской губернии лиц, научно работающих по краеведению, а также научно обрабатывающих вопросы, связанные с краеведением, занимающихся распространением научных сведений и имеющих интерес к краеведению [6, л. 9]. В силу этого исследовательская работа краеведов рассматривалась как научная деятельность. Обязательными для всех членов товариществ были публикации статей в журналах и газетах. В Полоцке лучшие учителя города делали сообщения в журнале «Наш край», в газетах «Савецкая Беларусь», «Полоцкий пахарь». Между краеведческими обществами Полоцка и Витебска происходил обмен информацией и общение руководителей. Витебский областной архив сохраняет записку Евгения Южика к Николаю Касперовичу: «Т. Каспяровіч! Чакаў цябе і не даждаўся. Пакідаю табе адну кніжку "Полаччына", Хацеў узяць ад цябе план працы Краязнаўчага Таварыства. Надта прашу прыслаць яго мне у самым хутчэйшым часе. Спадзяюся ты ў гэтым мяне не адмовішь. Пішы аб усім. Полацак. Заг. АНА Южык» [7, л. 44].

К осени 1925 года председатель Полоцкого краеведческого товарищества Иван Лубовский был переведен в Витебск на должность заведующего окружным отделом образования. Здесь он продолжает активную краеведческую работу вместе с Николаем Касперовичем, организуя работу по развитию музейного дела в Витебске и краеведения. 3 — 4 октября 1925 года в Витебске проходит окружной съезд работников просвещения районов Витебского округа. Присутствуют представители Кузнецовского, Мечнинского, Суражского, Сиротинского, Бешенковичского, Езерищенского, Городокского, Сенненского, Высоченского, Витебского и Лиозненского районов. Председателем Окружного съезда был заведующий районо Иван Лубовский. С докладом о комплексной системе в образовании выступил на съезде Н. И. Касперович, председатель окружного правления краеведческого товарищества. Перед работниками просвещения были поставлены задачи по созданию музеев «родиноведения» и краеведения, живых гербариев в каждом районе. Иван Прокофьевич Лубовский выступил на съезде с докладом об учебниках, ремонте и оборудовании школ, письменных принадлежностях учащихся [7, л. 37 — 43].

Осенью 1925 года Ивана Лубовского назначают ответственным за работу Профсоюзных организаций г. Витебска [5, л. 189].

Ко времени своего ареста в 1937 году Иван Прокофьевич работал преподавателем педагогики и белорусского языка в Витебском белорусском педагогическом техникуме.

Арест Ивана Лубовского 1 ноября 1937 года был связан с массовыми арестами в Витебске по делу так называемой Польской организации войсковой (ПОВ), основной целью которой, как считалось, было «поднять восстание в Красной Армии». Как указано в книге «Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Віцебска», по делу ПОВ в городе в 1937 году было осуждено 448 человек, из них 433 человека были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, 14 человек приговорены к 10 годам с отбыванием срока в лагере, 1 человек осужден на 5 лет исправительных работ. Все осужденные за участие в Польской организации войсковой были реабилитированы впоследствии, так как было доказано, что такой организации на самом деле не существовало [13, с. 286].

Во время следствия Ивану Лубовскому было предъявлено обвинение как одному из создателей и организаторов Польской организации войсковой на Витебщине.

После многочисленных допросов Иван Лубовский признает свою вину по организации «контрреволюционной» работы с 1925 года под руководством Николая Касперовича. Сущность работы, которую на самом деле проводили краеведы, в протоколах допросов была названа антисоветской. Большая организованная работа по содействию изучению края и развитию национальной культуры в обвинениях была представлена «контрреволюционной организацией, которая ставила своей целью свержение Советского строя, отторжение Беларуси от Советского союза и присоединение к землям Западной Беларуси под протекторатом Польского государства». Иваном Лубовским также были подписаны показания о том, что он выполнял задания по агитации населения на восстание, выполнял диверсионные акты по уничтожению мостов, дорог и других сооружений оборонного значения, доказывал, что политика партии потерпит крах в колхозном строительстве. Вместе с Иваном Прокофьевичем было арестовано большое количество преподавателей белорусского языка и литературы, культурных работников, работников музеев города Витебска. Приговор о высшей мере наказания был вынесен 20 октября 1937 года, приведен в исполнение в Витебске [2].

Подследственные обвинялись в том, что являлись участниками польской национал-фашистской организации и проводили контрреволюционную работу, направленную на свержение советской власти. Основными организаторами «диверсионной» работы были признаны: Касперович Н. И. (1900 — 26.12.1937), Гаврис И. Т. (1890 — 04.11.1937), Мазуркевич И. И. (1887 — 04.11.1937), Чумаков Г. И. (1889 — 04.11.1938), Варпахович И. Ф. (1900 — 3.01.1938), Богородский Н. Н. (2(14)06. 1877 — 3. 01. 1938), Тетерский Н. А (1891 — 1937), Лубовский И. П. (11.11.1891 — 30.12.1937).

После проведенного расследования следственное дело И. П. Лубовского было направлено на рассмотрение комиссара государственной безопасности Ежова, после чего приговор о смертной казни был подтвержден.

В отношении Ивана Прокофьевича Лубовского приговор был приведен в исполнение 30 декабря 1937 года в Витебске [3, л. 41]. Семье поступили сведения, что Иван Прокофьевич умер от сердечного приступа. Жену эти сведения не удивили, так как у Ивана Прокофьевича действительно было больное сердце.

Из краеведов, организаторов и активных участников Полоцкого краеведческого товарищества, кроме Ивана Лубовского по делу

ПОВ были арестованы Евгений Адамович Южик (1896 — 04.11.1937), Иван Андреевич Трубач (1880 — 04.11.1937), Даниил Минович Василевский (1889 — 1963) [14, с. 30].

В 1941 году следственное дело было утрачено (сожжено), но в 1956 — 1961 годах восстановлено вновь. Свидетели показали, что Мазуркевич И. И., Чумаков Г. И., Гаврис И. Т., Лубовский И. П. и другие преподаватели школ Витебска никогда антисоветской деятельности не вели.

В ходе дополнительного расследования было установлено, что подследственные давали признательные показания в силу применения к ним незаконных методов следствия следователем Ходыревичем, который избивал на допросах арестованных. В 1957 году следственное дело об Иване Лубовском, педагогах и работниках культуры было прекращено из-за отсутствия состава преступления. Также Комитетом государственной безопасности было проведено дополнительное расследование по делу Н. И. Касперовича, в процессе которого обвинение его в антисоветской деятельности не нашло своего подтверждения. Определением Верховного суда БССР дело на Н. И. Касперовича было прекращено в 1957 году за недоказанностью предъявленного обвинения.

13 сентября 1962 года жена Ивана Прокофьевича Лубовского обратилась в прокуратуру о реабилитации мужа. Обвинение было снято 12 ноября 1962 года. Накануне, 11 ноября, Ивану Прокофьевичу мог исполниться 71 год...

Литература и источники

1. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси в историко-археологическом осмыслении / Л.В. Алексеев, В.П. Богданов; Ин-т археологии РАН; МГУ им. М.В. Ломоносова. — Москва : Наука, 2009. — 336 с.
2. Архив УКГБ по Витебской области. — Д. 10895-П. — Т. 1 — 2.
3. Архив УКГБ по Витебской области. — Д. 12343-П. Уголовное дело прекращенное по обвинению Тетерского Н. А., Лубовского И. П.
4. Бабоўка, П. На адчыненьні акруговага краязнаўчага музею / П. Бабоўка // Чырвоная Полаччына. — 1926. — № 119. — 29 снежня — С. 1.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВО). — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 5.

6. ГАВО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 13.
7. ГАВО. — Ф. 1947. — Оп. 1. — Д. 15.
8. Дейнис, И.П. «Полоцк в XX веке». Полоцк. Автограф рукописи. 1967. НПИКМЗ. КП 5-2774.
9. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). — Ф. 54. — Оп. 1. — Д. 364.
10. ЗГАП. — Ф. 112. — Оп. 1. — Д. 7.
11. ЗГАП. — Ф. 112. — Оп. 1. — Д. 15.
12. ЗГАП. — Ф. 112. — Оп. 1. — Д. 37. Отчет окроно народного образования за 1924/25 гг.
13. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Віцебска: у 2-х кн. / рэд. кал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск : БелЭн, 2002. — Кн. 1. — 648 с. : іл.
14. Півавар, М.В. Даследчыкі Полацка-Віцебскай даўніны XVI ст. — 1944 г. : даведнік /Мікалай Васільевіч Півавар. — Віцебск : Віцеб. абл. друк., 2006. — 176 с.
15. Справаздачы з месц. Акруговыя Таварыствы Краязнаўства // Советская Беларусь. — 1926. — № 33. — 11 лютага.
16. Сяргеенка, Н.А. Дэйніс Пятро Язэпавіч — выдатны полацкі краязнаўца / Н.А. Сяргеенка // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі па выніках навукова-даследчай работы ў 2005 г., Полацк, люты 2006 г. / Нацыянальны полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік. — Полацк, 2006. — С. 68 — 80.
17. Сяргеенка, Н.А. Установы культуры ў Полацку на пачатку 20-х гадоў XX ст. / Н.А. Сяргеенка // Па выніках навукова-даследчай работы ў 2004 г. : матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі, Полацк, люты 2005 г. / Нацыянальны полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік. — Полацк, 2005. — С. 79 — 93.

А. К. Цітоў (Мінск)

НЕКАЛЬКІ СЛОЎ ПРА ГЕРБ ВІЦЕБСКАЙ ВОБЛАСЦІ

2 чэрвеня 2009 г. былі зацверджаны гербы Віцебска і Віцебскай вобласці. Калі меркаваць па той інфармацыі, што была даступна шырокай грамадскасці, можна зрабіць высновы аб даволі «своеасаблівым» разуменні ўдзельнікамі гэтага працэсу як самога паняцця герб, так і прымянення гэтай прыгожай і старадаўняй традыцыі і яе месца ў сучасным грамадстве.

Не гледзячы на дэклараваныя «перазасноўшчыкамі» мэты падчас зацвярджэння сімвалавых атрыбутаў імі былі зроблены памылкі і дапушчаны недарэчнасці, якія з цяжкасцю могуць быць дараваны толькі пачынаючым аматарам.

Асноўныя з іх наступныя:

Славуты аўтар «Сармацііі Еўрапейскай...» Аляксандр Гвагнін (каля 1534 — 1614), адступаючы ад гістарычнай праўды, яго частей называюць «Гваньіні», ураджэнец Вяроны, трапіў на Беларусь каля 1558 г., удзельнічаў у Лівонскай вайне. У сваёй кнізе ён адзначаў, што Віцебскае ваяводства — «Харугву зялёнага колеру о дзвух рогах (хвастах — *А. Ц.*) мае, з гербам ВКЛ у белым полі носіць». Больш позняя крыніца — Указ Сената аб зацвярджэнні гербаў гарадам Полацкага намесніцтва ад 21 верасня 1781 г. — падкрэслівае, што Віцебскі герб мае «Красное с серебром полосатое поле». Толькі ў 1856 г. Віцебскай губерні быў нададзены герб — памылка (ці свавольства?) імперскіх геральдыстаў: «серебряный скачущий конь с таким же всадником, держащим в правой руке подъятый меч». Дзеля гістарычнай дакладнасці і справядлівасці трэба адзначыць, што ў ездака на гербе, на які спасылаюцца новыя геральдысты, шчыт круглы, без аніякіх выяваў на ім, а на прапанаваным віцябчанам — авальны шчыт з шасціканцовым крыжам. Адпаведна з правілам геральдыкі, што было праігнаравана, даданне альбо зняцце пэўнай дэталі з герба спараджае новы герб! Такім чынам, замілаванае зачараванне, з якім людзі абавязаны захоўваць гісторыка-геральдычную спадчыну, пярэчаць самі сабе, дэкларуючы, што адраджаць гістарычную геральдыку «трэба смела, ініцыятыўна і, галоўнае, патрыятычна, без усялякіх змяненняў і новых дапаўненняў». Такім чынам, ад першаснага ва-

рыянта герба Віцебскага ваяводства, зафіксаванага відавочцам А. Гвагніным у друкаваных крыніцах 1614 г., які пражыў 18 гадоў у Віцебску і ў чыне капітана як інжынер па фартыфікацыі займаўся і яго абарончымі збудаваннямі, мае шмат істотных адрозненняў.

Фактарам, які не можа не выклікаць, мякка кажучы, моцнага здзіўлення, з'яўляецца прыляпленне «слаўнымі ізаграфістамі» да зямельнага абласнога герба гарадской кароны. «Карона з цагельнымі вежамі» ў геральдыцы носіць назву «corona muralis» — у нямецкай і дарэвалюцыйнай расійскай геральдыцы гэта дэталь толькі гарадскога герба. Толькі два беларускія гарады мелі яе: Лепель і Гомель, і атрымалі гэты гербавы атрыбут толькі ў другой палове XIX ст. Пры гэтым колькасць «башенок» і зубцоў на кароне несла зашыфраваную інфармацыю аб лічбе насельніцтва, статусе горада і г. д. Няможна рабіць «сваім» тое, што належыць іншым галінам! На зямельным, абласным гербе для людзей, знаёмых з элементарнай геральдыкай, яна выглядае абсурдна, як неапраўданы атрыбут, які не дэвальвуе, а цалкам знішчае ідэю зямельнага герба і сцяга.

Першасныя асновы геральдыкі падкрэсліваюць, што ў ёй правільным лічыцца толькі тое, што зроблена ў адпаведнасці з законамі і правіламі геральдыкі, і неправільным тое, што зроблена з адыходам ад іх, як бы дасканала і прыгожа не быў выкананы малюнак. Такім чынам, пагоня за ўяўнай прыгажосцю, дэталізацыя гербавай эмблемы таксама зводзіць да абсурду ідэю герба. Герб — гэта болей абстрагаваная выява, а не камп'ютарная карцінка!

Гэта асноўныя прыкрыя недарэчнасці, якія былі дапушчаны падчас «перазасновання» герба Віцебскай вобласці. Хаця якое мы маем права пераасновываць тое, што нам пакінула яе міласць Гісторыя? Наша роля — прымаць з удзячнасцю і абярэжна карыстацца гэтай спадчынай.

ЗВЕСТКІ ПРА АЎТАРАЎ

Акуневіч Вольга Іванаўна (Віцебск) — *загадчыца Віцебскага мастацкага музея, філіяла Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

Ануфрыева Вольга Валер'еўна (Віцебск) — *старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

Бабкова Вольга Уладзіміраўна (Мінск) — *загадчыца аддзела старажытных актаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі.*

Бамбешка Іванна Іванаўна (Мінск) — *старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі і музеязнаўства, намеснік дэкана па вучэбнай рабоце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.*

Белавусаў Аляксей Русланавіч (Віцебск) — *кансультант царкоўна-археалагічнага кабінета Віцебскай епархіі.*

Бубенька Таццяна Станіславаўна (Віцебск) — *кандыдат гістарычных навук, дэкан факультэта давузаўскай падрыхтоўкі, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржуніверсітэта імя П. М. Машэрава.*

Вайцяховіч Андрэй Вячаслававіч (Мінск) — *малодшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь.*

Вакар Людміла Уладзіміраўна (Віцебск) — *кандыдат мастацтвазнаўства, дацэнт кафедры агульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.*

Воднева Ірына Пятроўна (Полацк) — *загадчыца Краязнаўчага музея, філіяла Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.*

Вяровачнікава Галіна Карпаўна (Даўгаўпілс) — *галоўны спецыяліст аддзела гісторыі Даўгаўпілскага краязнаўчага і мастацкага музея.*

Грыб Антон Валер'евіч (Мінск) — *студэнт 4 курса гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.*

Дук Дзяніс Уладзіміравіч (Наваполацк) — *кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры айчыннай і ўсеагульнай гісторыі Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.*

Жук Надзея Уладзіміраўна (Полацк) — *старшы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка.*

Каваленка Дзмітрый Аляксандравіч (Віцебск) — *выкладчык кафедры гісторыі Беларусі Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.*

Калядзінскі Леанід Уладзіміравіч (Мінск) — *кандыдат гістарычных навук, дацэнт Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя М. Танка.*

Карповіч Алег Валер'евіч (Брэст) — *аспірант кафедры гісторыі славянскіх дзяржаў Гродненскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы, метадыст аддзела выхаваўчай работы Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна.*

Кенько Павел Міхайлавіч (Мінск) — *малодшы навуковы супрацоўнік Інстытута гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь.*

Клімаў Марат Васільевіч (Мінск) — *кандыдат гістарычных навук, навуковы супрацоўнік аддзела захавання і выкарыстання археалагічнай спадчыны Інстытута гісторыі НАН Беларусі.*

Кобрынец Валерый Арсеньевіч (Пінск) — *малодшы навуковы супрацоўнік Музея Беларускага Палесся.*

Колабава Ірына Навумаўна (Мінск) — *кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музеязнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.*

Коц Аляксей Леанідавіч (Наваполацк) — *студэнт 3 курса гістарычнага факультэта Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта.*

Кучарэнка Валянціна Мікалаеўна (Віцебск) — *старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

Кушнярэвіч Аляксандр Мікалаевіч (Мінск) — *доктар мастацтвазнаўства, дацэнт, загадчык кафедры культуралогіі і міжнароднага турызма Мінскага дзяржаўнага лінгвістычнага ўніверсітэта.*

Латушкова Юлія Паўлаўна (Мінск) — *вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага музея гісторыі і культуры Беларусі.*

Ляўко Вольга Мікалаеўна (Мінск) — *доктар гістарычных навук, прафесар, загадчыца Цэнтра гісторыі даіндустрыяльнага грамадства Інстытута гісторыі Нацыянальнай Акадэміі навук Рэспублікі Беларусь.*

Марчык Тамара Пятроўна (Віцебск) — *метадыст вышэйшай катэгорыі Віцебскага абласнога інстытута развіцця адукацыі.*

Нароўская Ала Мікалаеўна (Мінск) — *кандыдат гістарычных навук, дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музеязнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.*

Пачобут Наталля Аляксандраўна (Гродна) — *загадчыца аддзела археалогіі Гродненскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея.*

Півавар Мікалай Васільевіч (Віцебск) — *кандыдат гістарычных навук, настаўнік Лужаснянскай школы-інтэрната-гімназіі.*

Плавінскі Мікалай Аляксандравіч (Мінск) — *загадчык аддзела археалогіі, нумізматыкі і зброі Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь.*

Пятухоў Юры Сяргеевіч (Віцебск) — *вядучы архівіст Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.*

Салаўёва Святлана Уладзіміраўна (Віцебск) — *навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

Скварчэўскі Дзмітрый Вячаслававіч (Мінск) — *студэнт 4 курса гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.*

Смыкоўская Ірына Іванаўна (Віцебск) — *старшы выкладчык кафедры ўсеагульнай гісторыі і сусветнай культуры Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.*

Сяргеенка Наталля Алегаўна (Полацк) — *намеснік дырэктара па метадычнай рабоце Полацкай агульнаадукацыйнай сярэдняй школы №18.*

Трыфанава Наталля Якаўлеўна (Мінск) — *кандыдат мастацтвазнаўства, вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага мастацкага музея Рэспублікі Беларусь.*

Урублеўскі Вадзім Валер'евіч (Мінск) — *вядучы навуковы супрацоўнік Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі.*

Хмяльніцкая Людміла Уладзіміраўна (Віцебск) — *дырэктар Музея Марка Шагала ў Віцебску.*

Церашкова Ксенія Сяргееўна (Віцебск) — *студэнтка 5 курса гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.*

Цітоў Анатоль Кірылавіч (Мінск) — *ганаровы сябра Усерасійскага геральдычнага таварыства, правадзейны сябра Польскага і Украінскага геральдычных таварыстваў.*

Шаркоўская Наталля Юр'еўна (Віцебск) — *вядучы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

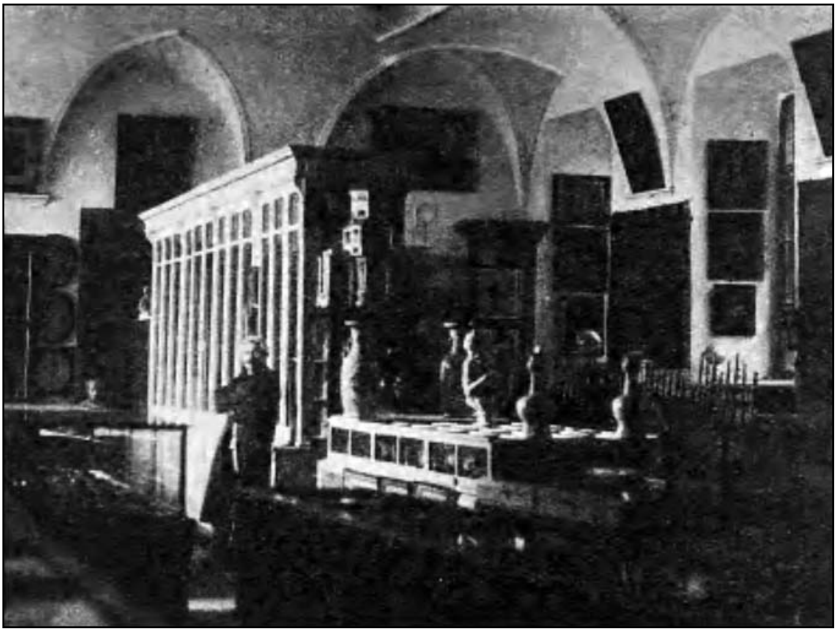
Шышанаў Валерый Аляксеевіч (Віцебск) — *намеснік дырэктара па навуцы Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

Юрчак Дзяніс Валер'евіч (Віцебск) — *старшы выкладчык кафедры гісторыі Беларусі, намеснік дэкана гістарычнага факультэта Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П. М. Машэрава.*

Якубовіч Іна Фёдараўна (Віцебск) — *старшы навуковы супрацоўнік Віцебскага абласнога краязнаўчага музея.*

Яцкевіч Дзмітрый Лявонавіч (Мінск) — *загадчык аддзела публікацыі дакументаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі.*

СОДЕРЖАНИЕ



А. Р. Брадоўскі ў экспазіцыі Віцебскага губернскага музея.
Фота паміж 1919–1923 гг.

Праўленне Віцебскага акруговага таварыства краязнаўства. Фота 1924 г.
Сядзяць (злева на права): М. М. Багародскі, М. І. Каспяровіч, А. Р. Брадоўскі.

Фото 1. Друцкий могильник 1. Курган № 3. Раскопки Л. В. Алексеева.

Да артыкула В. М. Ляўко

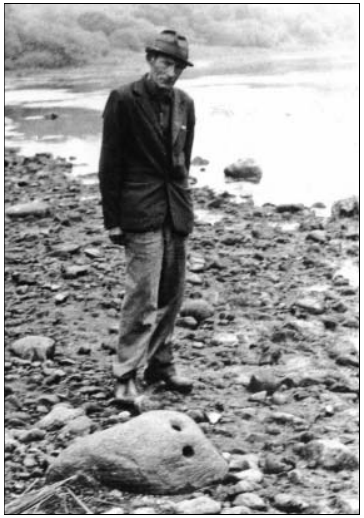
Фото 2. Друцкий могильник 2. Курганы №№ 1, 2 у д. Синчуки. Фото О. Н. Левко.

Фото 3. Друцкий могильник 4. Курганы №№ 2, 3. Фото О. Н. Левко.

Фото 4. Надгробие из кургана № 1 могильник 4. Фото А. В. Войтеховича.

Да артыкула В. М. Ляўко

Фото 5. Клеймо на днище
горшка из раскопа VI 2008 г.
на территории посада.
Раскопки О. Н. Левко.

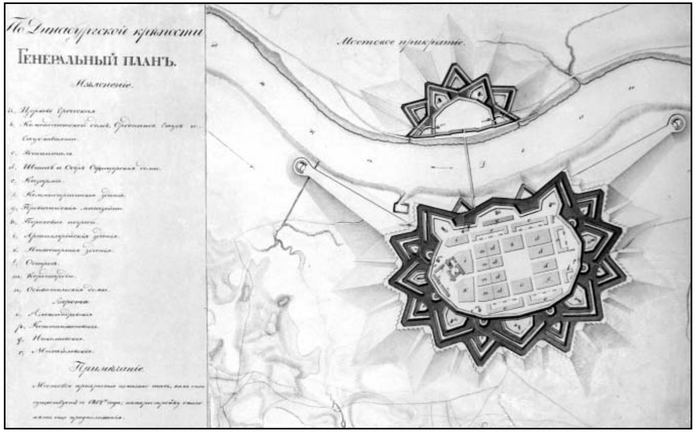


Да артыкула
Н. Ю. Шаркоўскай

Фото 1. Скоринов В. Е.
у найденного им камня
с отверстиями. Русло р. Западная
Двина у Старого Села. 2003 г.

Рис. 1. Посуда, в которой был найден клад.

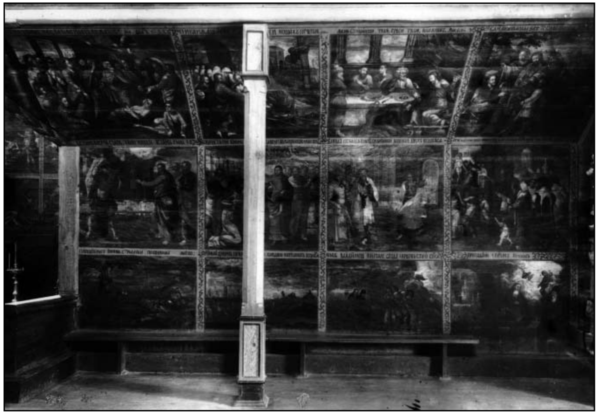
Рис. 2. Копейка царя Алексея Михайловича (1645 – 1676), м. дв. Новгород.



Генеральный план Даугавпилсской (Динабургской) крепости. 1814 г.

Современная панорама Даугавпилсской (Динабургской) крепости.

Троіцкая царква Віцебскага Маркава манастыра. Фота 1880-х гг.



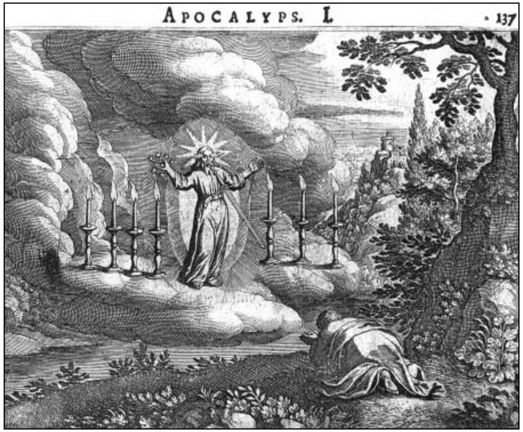
Роспісы ў інтэр’еры Троіцкай царквы Віцебскага Маркава манастыра.

Роспіс «Шлях у Эмаус» у інтэр’еры Троіцкай царквы Віцебскага Маркава манастыра.

Гравюра М. Мэрыяна з «Novum Testamentum» (Basel, 1650).

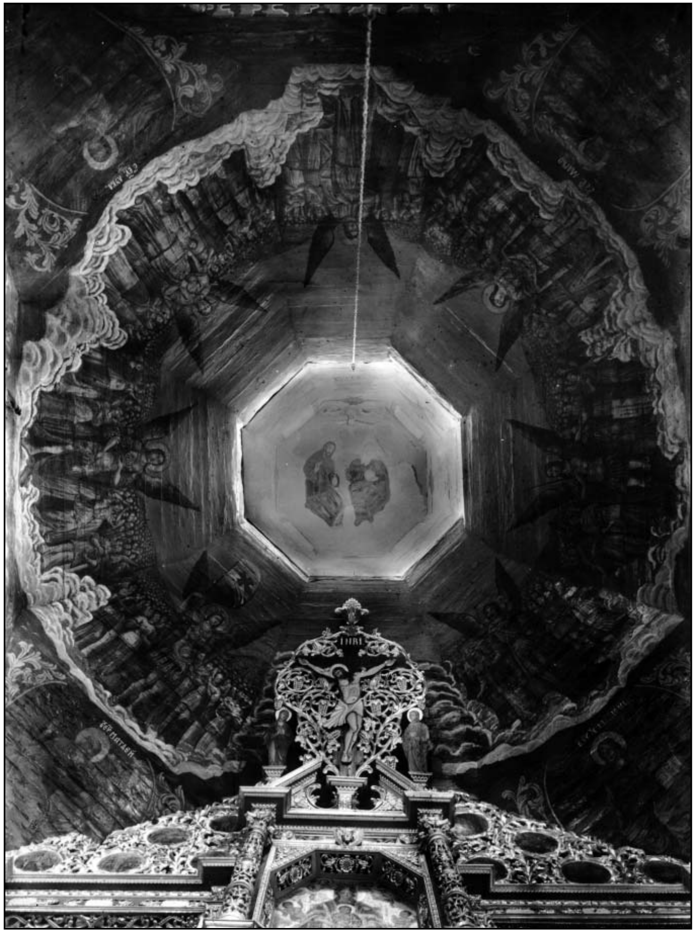
Выява Ісуса Хрыста ў заходнім купале Троіцкай царквы Віцебскага Маркава манастыра.

Роспіс «Уціхамірванне буры» ў інтэр’еры Троіцкай царквы Віцебскага Маркава манастыра.



Гравюра М. Мэрыяна з «Novum Testamentum» (Basel, 1650).

Гравюра М. Мэрыяна з «Novum Testamentum» (Basel, 1650).



Росіс цэнтральнага купала Троіцкай царквы Віцебскага Маркава манастыра.

Да артыкулаў Н. Я. Трыфанавай і Л. У. Вакар

Росіс левага бакавога купала Троіцкай царквы Віцебскага Маркава манастыра.

Да артыкула С. У. Салаўёвай

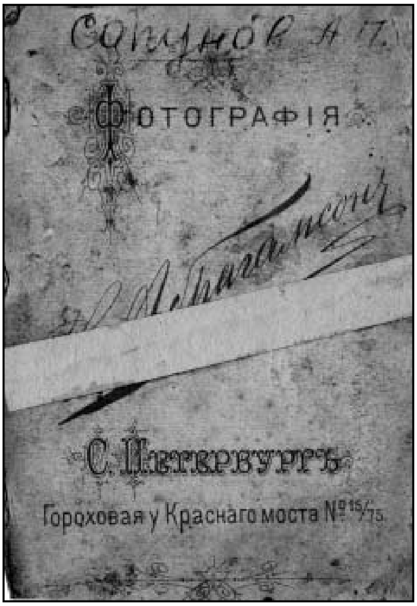
Кіпа кан. XVIII – пач. XIX в. з фондаў ВАКМ.

Жаночая безрукаўка («наржутка») кан. XVIII – пач. XIX в. з фондаў ВАКМ.

Да артыкула В. В. Ануфрыевай

Гадзіннікі з калекцыі А. Р. Брадоўскага.

Да артыкула В. М. Кучарэнкі



Вонкавы і адваротны бок фота А. П. Сапунова з архіва М. У. і Н. І. Дарафеенка.

Да артыкула І. П. Водневай

І. П. Дэйніс. Фота 1984 г.

Да артыкула Н. А. Сяргеенкі

І. П. Лубоўскі. Фота 1925 г.

Навуковае выданне

ВІЦЕБСКІЯ СТАРАЖЫТНАСЦІ

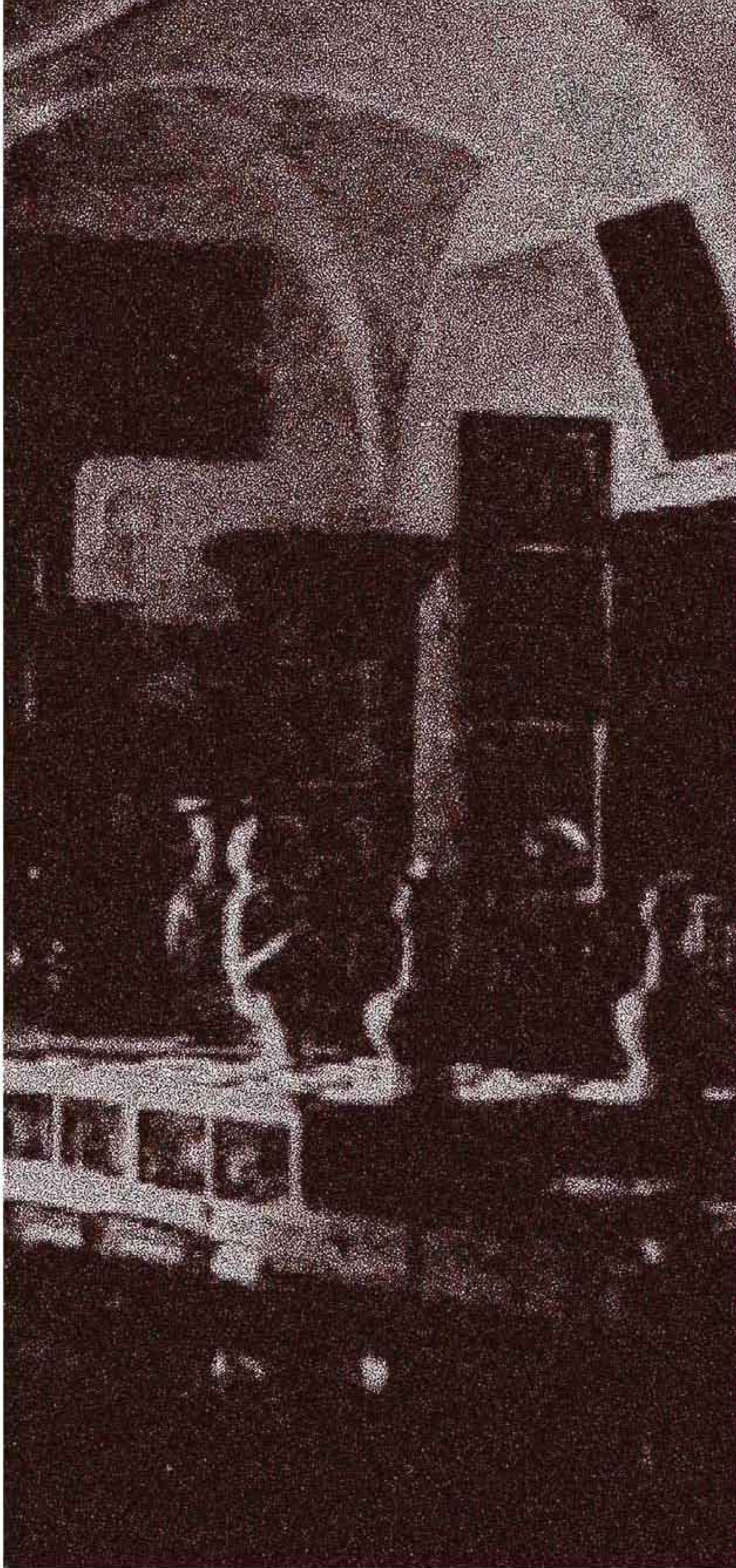
Матэрыялы навуковай канферэнцыі,
прысвечанай 50-годдзю
знаходкі берасцяной граматы ў Віцебску
і 150-годдзю з дня нараджэння А. Р. Брадоўскага

Віцебск, 22 — 23 кастрычніка 2009 г.

Адказны за выпуск У. Сілянок
Камп'ютэрны дызайн, вёрстка А. Фрумін

Падпісана да друку 11.10.2010. Фармат 60x84 1/16
Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 18,5. Улік.-выд. арк. 18,2.
Наклад 100 асоб. Замова 386.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:
таварыства з абмежаванай адказнасцю "Медысонт",
ЛВ № 02330/0548592 ад 09.07.2009.
ЛП № 02330/0150444 ад 19.12.2008.
Вул. Ціміразева, 9,220004, Мінск.



ВІЦЕБСКІ АБЛАСНЫ
КРАЯЗНАЎЧЫ МУЗЕЙ